

Қазақ
Ұлт-азаттық
қозғалысы

“МӘДЕНИ МҰРА”
МЕМЛЕКЕТТІК БАҒДАРЛАМАСЫН
ІСКЕ АСЫРУ ЖӨНІНДЕГІ ҚОҒАМДЫҚ КЕҢЕСТІҢ АЛҚАСЫ

Әшімбаев Мәулен, *кеңес төрағасы*
Асқаров Әлібек, *жауапты хатшы*

Қоғамдық кеңестің мүшелері:

Абдрахманов Сауытбек
Аяған Бүркіт
Әбусейітова Меруерт
Әжіғали Серік
Әлімбай Нұрсан
Әуезов Мұрат
Байпақов Карл
Биекенов Кеңес
Бұрханов Камал
Досжан Ардақ
Ертісбаев Ермұхамет
Есім Ғарифолла
Қасқабасов Сейіт
Қошанов Аманжол
Нысанбаев Әбдімәлік
Салғара Қойшығара
Самашев Зейнолла
Сариева Рысты
Сейдімбек Ақселеу
Сұлтанов Қуаныш
Тұяқбаева Баян
Түймебаев Жансейіт
Хұсайынов Көбей
Шаймерденов Ербол

Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы

көп томдық

т.ғ.д., профессор М.Қ. Қойгелдиевтің жетекшілігімен

3-ТОМ

Восстание 1916 года
в Средней Азии

Подготовили к печати Ф.Божко и С.Волин.
Под редакцией П.Г.Галузо

“Астана полиграфия” АҚ
Астана 2007

ББК 63.3 (5 Қаз)
Қ 17

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ
МИНИСТРЛІГІ**

ҚАЗАҚСТАН ТАРИХШЫЛАРЫНЫҢ ҚАУЫМДАСТЫҒЫ

“Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы” сериясының редакция алқасы:
М.Қойгелдиев (бас редактор), Д.Әшімханұлы, Р.Мәженқызы, Н.Оразов,
Ш.Тілеубаев, Р.Оразов, А.Құдабаева

Жауапты құрастырушы: Ш.Б. Тілеубаев

Құрастырушылар: М.Қ. Қойгелдиев, Ш.Б. Тілеубаев, Р.Е. Оразов

Қ 17 Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. – Алматы: “Ел-шежіре”, 2007.

3-ші Т: Орта Азия-Қазақстан: 1916 жыл. Құжаттар мен материалдар жинағы. **Средняя Азия-Казахстан: 1916 год.** Сборник документов и материалов. –

ISBN 978-601-7011-10-9

Жинаққа Орта Азия мен Қазақстандағы 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліске қатысты әскери губернаторлардың баяндамалары мен Патшалық Ресей тұсындағы Мемлекеттік думада 1916 жылғы көтерілістің мәселелері талқылانған материалдары, сондай-ақ Қашқардағы орыс елшілігінің моліметтері, Түркістан генерал-губернаторлығына қарасты облыстардағы көтерілісті басып-жаныштауға қатысты құжаттар берілген. Және де қазақ зиялылары мен басқада зерттеушілердің XX ғасырдың 20-30-жылдарындағы мақалаларының топтамасы еніп отыр. Кітап ғылыми басылым ретінде тарихшы мамандарға, қоғамтанушыларға, студент жастарға, сондай-ақ отан тарихының жанашырларына арналған.

Қ $\frac{0503020905}{00(05)-07}$ –2007

Құрастырушылардан

Оқырман назарына ұсынылып отырған кітап – қазақ ұлт-азаттық қозғалысының тарихына арналған көптомдық құжаттар мен материалдар жинағының жалғасы болып табылады. Бұл томға 1916 жылғы Орта Азия мен Қазақстандағы ұлт-азаттық қозғалыстың 15 жылдығына орай П.Г. Галузоның редакциясымен 1932 жылы Ташкентте жарық көрген “Восстание 1916 года в Средней Азии” атты құжаттар жинағы, соның ішінде 1916 жылғы көтеріліс мәселесін талқылаған патшалық Ресей тұсындағы ІҮ Мемлекеттік Думаның материалдары, көтерілісті басудағы отаршыл биліктің озбыр саясатын ашып көрсететін маңызды құжаттық материалдар енді. Сондай-ақ, 1916 жылғы көтеріліске байланысты қазақтың белгілі қайраткерлерінің 1920-30 жылдары түрлі басылымдарда жариялаған мақалалары, оларға қосымша мәлімет ретінде мұрағат құжаттары да берілді. Оның өзіндік себептері де бар, өйткені, өз уақытында жарық көрген бұл еңбектер аз таралыммен және цензуралық қадағалаумен шыққан, кейін ол материалдарды оқуға тыйым салынғаны белгілі. Мақсат, отан тарихына қызығушылықпен қарайтын қауымның сұранысын қанағаттандыру, сондай-ақ егемен еліміздің тәуелсіздік үшін күрес жолының осындай мақсатты әрекеттерден тұрғандығын деректі құжаттар арқылы көрсету болды. Жинақта әскери губернаторлардың әскери министрге берген есептері және Мемлекеттік думада Орта Азиядағы көтеріліс мәселесін талқылау барысындағы стенограммалық материалдары, сондай-ақ Қашқардағы орыс елшілігінің босқын қазақ-қырғыздарға қатысты мәліметтері ұсынылды.

Жинаққа енген құжаттар Қазақстан мұрағаттарынан алынды. Оған енген 21 құжаттар мен материалдар маңыздылығына қарай іріктелінді. Баспасөз материалдарының көпшілі қазақ және орыс тілінде жазылған мақалалар болып табылады. Құжаттар екі тілде болғандықтан, олардың мәтіні сол жарық көрген тілінде берілді.

Мәтіндері археографиялық өңдеу ғылыми-көпшілік басылымдарға қойылатын талаптарға сәйкес жүргізілді.

Кейбір орфографиялық қателер мен жаңылыс жазулары ғана жөнделді. Мәтінде кездесетін адамдардың аты-жөндері мен географиялық атаулар сол қалпында қалдырылды.

“Географиялық атау” деген ұғым құжаттың өмірге келген жерін білдіреді. Газет-журналдардың шыққан жері туралы мәліметті оқырман пайдаланылған мерзімдік басылымдар тізімінен таба алады.

Бұл жинаққа айырмашылығы 13 күн болатын Юлиан күнтізбесінен (ескі) Григориан күнтізбесіне (жана) ауысу жүзеге асырылған кезеңдегі құжаттар енгізілген. Құжатта қосарланған мерзім көрсетілсе, ол жинаққа сол қалпымен қосарлана (алдымен ескіше, соңынан жаңаша) берілді.

Бұл том алғысөзден басқа төмендегідей ғылыми-анықтамалық ақпараттардан тұрады: ескертпелер, қысқартылған сөздер тізімі, пайдаланылған мұрағат қорлары жөнінде мәлімет, мерзімді баспасөз тізімі және кітаптын мазмұны.

Компьютерлік теру жұмыстарын жүзеге асыруға А.Г. Исаева көмектесті.

САНИИР И ЦЕНТРАРХИВ УзССР
КРАСНЫЙ АРХИВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Выпуск 1

**ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ**

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Подготовили к печати Ф. Божко и С. Волин.
Под редакцией П. Г. Галузо

ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ
1932 г.

Предисловие

Изучение восстания 1916 года, 15-летний юбилей которого Советская Средняя Азия отмечала в 1931 году, имеет огромное значение для понимания того исторического процесса, который привел народы Средней Азии к строительству социализма. Это восстание было одним из могучих ударов, ослабивших мощь российского империализма и тем подготовивших его падение. "Восстание 1916 года не увенчалось успехом, но оно подготовило победоносный Октябрь в Средней Азии и переход народов Средней Азии на путь социалистического развития, минуя мучительную стадию капитализма"¹. Нельзя понять ход революции и гражданской войны в Средней Азии, ход приведший к поражению как империалистической, так и местной национальной контрреволюции и окончательному установлению Советской власти, если не учесть того опыта, того пробуждения классового сознания, сознания противоположности интересов баев, духовенства и туземной администрации с одной стороны бедняцко-середняцкой массы дехканства и городской бедноты с другой, которое получили последние благодаря событиям 1916 года. Предательство местной буржуазии и феодальных групп заставило трудящиеся массы понять, что победить они могут только в союзе и под руководством пролетариата.

Огромное историко-революционное значение восстания 1916 года, делает необходимым подведение документальной базы под изучение его истории. Все до сих пор опубликованные документы² носят более или менее случайный характер. Настоящая публикация, как видно уже из печатаемого ниже "Обзора архивных материалов по восстанию 1916 годов Средней Азии", охватывает только незначительную часть имеющегося документального материала, но исходя из нее можно развернуть опубликование документов по отдельным моментам восстания.

¹ Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15 годовщине восстания.

² См. публикации Чулошникова Красный архив т.з (16) и Галузо-Красный архив т.з. (34).

Печатаемые теперь документы - речи в Государственной Думе и доклады представителей администрации края - представляют из себя общие, но довольно подробные характеристики хода восстания и его причин с точки зрения царской администрации Туркестана и русской буржуазии. Донесения низовой администрации, показания участников восстания на следствии и т.д. исходят от лиц гораздо ближе стоявших к событиям, они часто дают подробности, и не маловажные, которые опущены в докладах высшей администрации, иногда потому, что последней выгодно было кое что скрыть, а иногда просто потому, что эти подробности не имели в ее глазах значения. Так, в первоначальных донесениях о Джизакских событиях имеются данные об участии в восстании железнодорожных рабочих из коренного населения, исчезающие в общих сводках; по данным следствия можно установить гораздо точнее, чем это позволяют сделать общие доклады, социальное лицо вождей восстания, наконец, все подробности усмирения затушеваны в общих докладах. Однако опубликование этих первичных документов, до опубликования общих сводок невозможно, они крайне разрознены, сохранились далеко не полностью и могут дать, в общем, только поправки, правда, иногда весьма существенные при изучении движения по отдельным районам.

Публикуемые и настоящем томе документы делятся на три группы: 1) доклады представителей царской администрации Туркестана военных губернаторов Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областей, начальников города Ташкента, Ташкентского и Аулие-Атинского уездов, помощника главного военного прокурора и драгомана Консульства в Кашгаре, 2) стенограммы выступлений представителей Российской крупной и мелкой буржуазии в Государственной думе при обсуждении запроса о восстании, 3) единственный документ исходящий от самих повстанцев заявление киргизов, бежавших в Китай, Российскому Консулу в Кульдже. Все эти документы кроме доклада драгомана Консульства и Кашгаре Стефановича и заявления киргиз, о которых см. ниже, взяты из одного дела Канцелярии Туркестанского генерал губернатора ¹ "с перепиской по внесенному Государственной Думой запросу о беспорядках в крае, в связи с реквизицией туземцев". История этого дела следующая: еще в августе 1916 года депутаты Керенский и Тевкелев предприняли по поручению своих фракций

¹ ЦАУ Уз.ССР СО ф. №11 дело №1100.

поездку и Туркестан для ознакомления на месте с событиями. По возвращении, 10 сентября, Керенский сделал доклад на частном совещании членов Думы.¹ В конце ноября этот вопрос обсуждался в военной комиссии Думы, наконец, в начале декабря были одновременно внесены три запроса, подписанные членами фракции социал-демократов (меньшевиков, большевики давно уже были в ссылке в Сибири), трудовиков, мусульманской группы, кадетов и прогрессистов.

В заседаниях 13 и 15 декабря 1916 года, стенограммы которых нами печатаются, эти запросы обсуждались Думой и были ею приняты. Тотчас после внесения запросов 3-го декабря, военный министр Шуваев, посылая Куропаткину копии запросов, просил его составить “вполне объективное заключение, как по самому существу предъявляемых вопросов, так и в отношении правильности заключающихся в них фактических данных” и “подробное в хронологическом порядке изложенное описание бывших в Туркестанском крае волнений с указанием принятых против них мер и достигнутых результатов”. В исполнение этого поручения было приказано губернаторам составить печатаемые теперь нами доклады, при чем к докладу Сырдарьинского губернатора² были приложены доклады начальника города Ташкента, Ташкентского и Аулие-Атинского уездов³. На основании этих докладов и других материалов было составлено находящееся в том же деле письмо Куропаткина военному министру, опускаемое нами как не содержащее ничего существенного по сравнению с уже опубликованным рапортом Куропаткина царю⁴.

Находящиеся в деле экземпляры докладов, по которым мы их печатаем, представляют из себя копии, оставшиеся в канцелярии генерал-губернатора после отсылки подлинников военному министру. Стенограммы заседаний Думы

¹ Записка об этом совещании имеется в одном из дел канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, ЦАУ Уз. ССР СО ф. № 11 дело № 1194.

² Губернатор Галкин, присутствовавший при восстании, был смещен Куропаткиным, чем и было вызвано включение в дела докладов низовой администрации.

³ В деле еще имеется доклад Семиреченского губернатора, уже опубликованный тов. Чулошниковым в 16 томе журнала, Красный архив. Доклад начальника Закаспийской области по видимому был представлен, но до сих пор в материалах ЦАУ УзССР не найден, чем и вызван пробел в печатаемых документах по отношению к Туркмени.

⁴ Красный архив том 3 (34).

представлены корректурным экземпляром, в котором не оказалось однако никаких особенностей по сравнению с присланной Ленинградским отделением Центрального Исторического Архива копией подлинной стенограммы. Пропущенные и искаженные собственные имена по мере возможности исправлены, без особых оговорок, за исключением сомнительных случаев, которые оговорены в подстрочных примечаниях. Имеющиеся на стенограммах пометки Куропаткина воспроизведены в подстрочных примечаниях. Докладная записка драгомана Консульства в Кашгаре Стефановича печатается по имеющейся в одном из дел Туркестанского комитета Временного правительства¹ неполной копии и по полной копии с копии, имеющейся в распоряжении редакции. Заявление киргиз консулу в Кульдже печатается по копии, находящейся в деле Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе "1917-Китай", лист 392.

Все документы печатаются по новой орфографии, с исправлением очевидных описок и искажений, более существенные исправления оговорены в примечаниях. Все особо неоговоренные примечания принадлежат редакции.

Что дают публикуемые документы для понимания самих событий?

Авторы документов – представители русской буржуазии с одной стороны и царской администрации Туркестана с другой, раз но оценивают причины и предпосылки восстания; если Керенский считает, что единственной причиной восстания является центральная власть "объявившая и проводящая в жизнь незаконный указ незаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права"², то самаркандский губернатор Лыкошин насчитывает 17 причин восстания в том числе такие, как величина участков, находящихся в ведении одного пристава.

Несомненно, что роль указа о наборе туземцев на тыловые работы, как толчка непосредственно вызвавшего восстание, очень велика. Об этом говорят все без исключения документы. Даже лица, находившиеся очень далеко от Туркестана, как гр. Капнист в Полтавской губернии или полковник Завитневич³ в Ставке при самом объявлении указа уже предвидели восстание. Указ был совершенно неожидан даже для местной администрации, одинаково высшей и

¹ ЦАУ УзССР, АОР, ф. №16, дело №26.

² См. ниже стр. 109.

³ Дневник полковника Завиткевича хранится в ЦАУ Уз. ССР, СО.

низшей, не говоря уже о населении и изданный в разгаре полевых работ, должен был произвести ошеломляющее впечатление. И при “нормальной” мобилизации, в “нормальных” условиях царской России для администрации открывалось поле богатой наживы, можно себе представить, что делалось в Туркестане. Достаточно примеров дают печатаемые нами документы. Не даром восстание почти всюду начиналось во время составления списков, которое служило лучшим моментом для грабежа и вымогательства. Но только для Керенского в этом и лежит причина восстания, все остальные признают, что указ является только поводом. “И так почва была подготовлена, и высочайшее повеление о реквизиции рабочих явилось только поводом” пишет Ферганский губернатор Иванов¹.

Документы очень ярко рисуют прямую, внеэкономическую эксплуатацию трудящихся масс местных национальностей – дехкан кочевников и кустарей, “российским крепостником – помещиком, одетым в чиновничий в военный мундир администратора² и его помощником – туземной администрацией всякого рода. Кадет кн. Мансырев прямо именует русское чиновничество в Туркестане “господами Ташкентцами” и описывает сплошное взяточничество и прямой грабеж, но и губернаторы Лыкошин и Иванов, несмотря на все стремление выгородить себя и своих подчиненных вынуждены косвенно подтвердить это. В характеристике же грабежа и взяточничества туземной администрации – волостных управителей, старшин и т.п. сходятся авторы всех документов, хотя даже думские кадеты не решаются сказать прямо, что это зависит от той же русской администрации.

Другую сторону эксплуатации, экономическую, иллюстрирует отчет Ферганского губернатора полк. Иванова. Накопленные в руках русской и особенно туземной администрации и связанной с ними русской и туземной буржуазии капиталы служат им средством еще большей эксплуатации, путем ростовщичества и торговли хлопком. Результатом этого является обезземеление дехканства, но не ведущее к более прогрессивному крупному хозяйству, а укрепляющее остатки феодализма и крепостничества-чайрикерство и т. п.

К тому же вела и аграрная политика Российского самодержавия, которое с одной стороны пытаясь в целях

¹ См. ниже стр. 65

² Тезисы Кульпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-ой годовщине восстания.

охраны помещичьего землевладения ослабить земельный голод, с другой желая создать себе прочную опору в Средней Азии в лице русского кулака, проводило колонизацию края русскими переселенцами, для чего отнимало у местного населения, главным образом киргиз и казаков, огромные площади "лишних" земель. Об этом говорят почти все документы. Даже октябрист и помещик гр. Капнист, заявляя себя сторонником русской колонизации Туркестана вообще, называет способы, которыми проводились изъятие земель грабежом и описывает, как у киргиз под видом лишних пастбищ отнимались орошенные земли и зимовки. Сами же киргизы в своем заявлении Кульджинскому консулу ставят эту причину на первое место "принадлежащие нам земли у нас взяли, нам же предоставили горы. Но горы, занятые лесом, оказались казенными".

Другой причиной, задерживавшей развитие Туркестана и возбуждавшей ненависть местного населения к колониальному господству русского царизма и капитализма, является полное бесправие местных национальностей, даже по сравнению с положением трудящихся масс в коренных губерниях царской России. Если отчеты губернаторов об этом умалчивают, то речи в Думе говорят об этом достаточно ясно, так, например, кадет Мансырев называет власть русской администрации над местным населением крепостным правом.

Два момента, сыгравшие значительную роль в подготовке восстания, совершенно не отражены в документах. Это, во-первых, разорение местных кустарей под влиянием проникновения русских товаров на Средне-Азиатские рынки и во-вторых, установление во время войны нормированных цен на хлопок, при ненормированных на пшеницу и др. товары, которое разоряло дехкан. Авторы печатаемых документов молчат неслучайно.

Это молчание объясняется тем, что и для царской администрации и для империалистической буржуазии одинаково были необходимы завоевание Средне-Азиатского рынка русскими товарами и нормированные цены на хлопок.

Как относились к восстанию и как участвовали в нем отдельные классы?

На этот вопрос ясно отвечают наши документы. Сразу после объявления указа о наборе, среди туземного населения началась ожесточенная борьба вокруг вопроса: давать рабочих или не давать, подчиниться указу или восстать против царского самодержавия.

Публикуемые документы не дают ясной картины этой

борьбы – “внутренне наблюдение” в Туркестане было поставлено плохо, документов самих восставших, написанных не для царских чиновников, почти не сохранилось. Все что говорится в нашей публикации о происходившем среди масс местного населения основано на показаниях обвиняемых участников восстания и случайных свидетелей – русских. Но и то, что мы имеем, позволяет сделать кое-какие выводы о характере этой борьбы. Вот, по показанию Русских жителей Заамина, перед восстанием стали являться в большом числе раненые туземцы – раненые в этой внутренней борьбе (речь Керенского)¹ вот между пригородными кишлаками Маргелана происходит борьба все вокруг того же вопроса².

Как относилась к набору, а затем и к восстанию, местная буржуазия? Она, конечно, также страдала от набора – прежде всего он удорожал рабочие руки, далее ей приходилось нести расходы по подкупу властей и найму заместителей, но и тоже время сама она легко откупалась от набора. По выражению Ферганского губернатора Иванова “этот класс оказался приобщенным к России путем экономическим”³; нигде по всему краю городская буржуазия, в восстании не участвовала. И в Ташкенте и в Фергане туземная буржуазия устраивала бесконечные совещания по вопросу о наборе⁴, писались бесчисленные петиции членам думы, и т.п. но при первом выступлении масс вся буржуазия сейчас же исчезала с поля битвы. В Библиотеке ЦАУ Уз.ССР имеется экземпляр брошюры и стихах на узбекском языке, выпущенной в связи с набором двумя видными джадидами. Тон этой брошюры достаточно ясно показывает, одна цитата: “Да здравствует царь, да здравствует белый царь!”.

Несколько иначе вели себя некоторые феодальные группы – манапы в Киргизии, потомки беков и духовенства в Джизакском уезде; “принадлежавшие к числу плохо приспособившихся или совсем не приспособившихся к системе колониального грабежа”. (Тезисы Культпропа Сред. Аз. Бюро ЦК ВКП(о). Они, движимые прежде всего тем, что их интересы так или иначе были ущемлены колонизаторами иногда шли вместе с восставшими, в надежде восстановить старое Кокандское ханство и занять в нем привилеги-

¹ См. ниже стр. 116

² См. ниже стр. 55

³ См. ниже стр. 61

⁴ В целях канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, хранящихся в ЦАУ Уз.ССР имеются сообщения охраны об этих совершении.

рованное положение". (Тезисы Культпропа Сред. Аз. Бюро ЦК ВКП (б). Но зато, при первых же признаках поражения они бежали или сдавались карательным отрядам, как сделал, например, Абдурахман Джевачи в Джизакском уезде.

Иначе относились к набору и восстанию городская беднота кустари и бедняцко-середняцкое дехканство. Эксплуатируемые и "господами ташкентцами", и местной буржуазией и феодалами, обезземеливаемые и теряющие экономическую самостоятельность, наконец испытывающие всю тяжесть набора, они до конца шли против российского самодержавия, уступая только организации и силе оружия, которых они не имели. Но крестьяне одни без руководства пролетариата победить не смогли. Только при помощи пролетариата метрополии и русского и местного пролетариата Средней Азии могло бы победить восстание 1916 года, но пролетариат метрополии еще не мог тогда открыто выступить на решительную борьбу с самодержавием, а русский пролетариат Средней Азии к тому же был частично заражен шовинизмом и почти лишен партийного руководства: большевистские организации в Средней Азии были частью разгромлены, частью загнаны в глубокое подполье и повстанцы остались без пролетарского руководства.

Каков был ход восстания, было ли оно стихийным или организованным? На этот вопрос печатаемые документы дают разные ответы. Если Керенский считает восстание целиком стихийным, то отчеты губернаторов, в особенности, Ферганского Иванова, говорят о нем все время как об организованном. Решение этого вопроса дают приводимые теми же отчетами факты. Первые вспышки происходили повсюду стихийно, большею частью это были нападения на волостных управителей и старшин, составлявших списки рабочих. Но уже в это время повсеместно происходили совещания, вся Средняя Азия напряженно следила за центром-Ташкентом, туда посылались делегаты и известия о восстании там послужили сигналом к восстаниям повсюду на местах. Несмотря на элементы плановости и организации – например рассылку воззваний и попытки согласования действий отдельных групп восставших в Джизакском и отчасти Катта-Курганском уездах – восстание сохранило все черты присущие большинству крестьянских движений: несогласованность действий, отдельные группы действуют только в своем районе, не заботясь о соседнем, восстание в одном районе начинается тогда, когда восстание в соседних уже подавлено и т. д. Наиболее крупный по охваченной территории и по числу принимавших в нем

участие эпизод восстания – киргизское восстание в Семиречье – произошел тогда, когда движение в коренных областях Туркестана было уже подавлено.

Документы, особенно речи в Думе, ярко рисуют картину подавления восстания. Уже при первых, чисто стихийных выступлениях, например 11-го июля в Ташкенте полиция стреляла в толпу женщин. Разыгравшиеся в Джизакском уезде события, напугавшие высшую администрацию вызвали посылку туда карательного отряда. По данному начальнику отряда полк. Иванову, впоследствии назначенному Ферганским губернатором, наказу он должен был действовать беспощадно¹ и он этот наказ выполнил. Старый город Джизак был уничтожен, были сожжены почти все селения от Джизака до Заamina, масса местных жителей туземцев перебита, еще большее число их осталось без крова и пищи. Попутно с усмирением шел и грабеж.

Так говорят в Думе Керенский и Джафаров, отчеты губернаторов это конечно замалчивают, но другие документы, составленные для внутреннего употребления подтверждают эти факты. Так, например, в одном из дел канцелярии Туркестанского генерал-губернатора² имеется список селений сожженных и уничтоженных отрядом; в этом списке куда входит и город Джизак, более 30 названий. Тоже делалось и в Семиречье, но тут к расправе царских войск прибавилась еще и расправа русских кулаков, грабивших побежденных киргизов и казаков и убивавших их сотнями.

За расправой на поле битвы последовала расправа судебная и административная. Были назначены временные военные суды усердно занимавшиеся вынесением приговоров и смертной казни, были предположены огромные конфискации земель в Джизакском уезде и в Семиречье – в последнем целый уезд предполагалось очистить от киргиз. Эти конфискации не состоялись только потому, что наступила революция.

Последний вопрос, на котором нужно остановиться – это отношение к восстанию Государственной Думы. Чтобы понять это отношение, нужно представить себе то соотношение сил, которое образовалось в России к концу 1916 года и несколько позже привело к революции. Если в начале войны вес фракции помещиков и буржуазии от правых до

¹ Наказ опубликован в газете “Узбекистанская правда” от 30/VII-1931 года.

² ЦАУ Уз.ССР Софон д №11, д.№1135 л. 309 ...

меньшевиков – оборонцев единодушно поддерживали царское правительство, выполнившее такое необходимое для них всех дело как империалистическая война, то когда это правительство не справилось с ведением войны – вся буржуазия и обуржуазившиеся помещики выступили против него; даже правые, вроде Пуришкевича активно участвовали в попытках заставить правительство сменить курс политики, не меняя классовой основы этого правительства (убийство Распутина, попытки дворцового переворота). Но все эти попытки как правило, не доходили дальше либеральных речей в Думе и всякого рода политических комбинаций среди руководящего круга помещиков, буржуазии и интеллигенции-буржуазии и помещики слишком боялись масс, чтобы апеллировать к ним в борьбе против царя. Придавленное же в 1914 и начале 1915 года рабочее движение с конца 1915 года снова пошло на подъем, а конец 1916 года ознаменовался таким подъемом стачечной волны, какого не было много лет. Волновалось крестьянство и армия.

В такой обстановке Дума обсуждала запрос о событиях в Средней Азии. Представители разных партий и классов от буржуазных помещиков (гр. Капнист) до мелкой буржуазии (Керенский) во всех основных пунктах сходятся – все они критикуют – и как будто очень резко критикуют правительство, все они считают основной причиной событий изданный этим правительством указ о наборе, говорят о незаконности “высочайшего указа”, о безобразиях при его исполнении, о неправильной переселенческой политике, о “крепостном праве администрации” и т. д. Но если вчитаться глубже и эту критику, то оказывается, что по основным вопросам все выступавшие поддерживают колониальную политику царизма и только недовольны некоторыми “неполадками” в ее проведении. Ни один из выступавших, а среди них был представитель туземной буржуазии Азербайджан Джафаров, даже не заикается о праве Туркестана на отделение от России. Для всех Туркестан был, есть и должен быть колонией империалистической России. Даже самый “левый” из выступавших – Керенский стоит только за “культурную” колониальную политику, по образцу английской и французской¹. Помещик же гр. Капнист прямо заявляет себя сторонником русской колонизации Семиречья, ему не нравятся только способы, которыми эта колонизация проводится. Также относится Дума к самому поводу восстания – “высочайшему указу” ~~о наборе Керенский~~.

¹ Ниже стр.107

Джафаров и проч. говорят о незаконности указа, о незаконности способа его проведения в жизнь, называют Штюрмера преступником. Однако никто из выступавших не сомневается в обязанности населения Туркестана жертвовать имуществом, трудом и жизнью для защиты своих эксплуататоров, сама Дума уже ранее требовала привлечения “иностранцев” к воинской повинности, она возмущена только проведением этой меры помимо нее, да еще “неполадками” в исполнении указа. Очень резко и, в общем, правильно изображается подавление восстания, но все выступления критикуя излишнюю жестокость тем самым подразумевают необходимость “усмирения” вообще.

Мы далеко не исчерпали содержания документов, но все приведенное достаточно ясно указывает куда вели социальные процессы. И там, где эксплуататорские классы шли прямо против восстания, и там где они им руководили, чтобы изменить при поражении, везде бедняцко-средняцкой части дехканства и городской бедноте становилось ясно, что с баями и манапами им не по пути, что победить они смогут только, если у них будет сильный союзник и руководитель и лице русского пролетариата. Революция 1917 года дала этого союзника и руководителя.

Под его руководством совершилось национальное освобождение Средней Азии от царизма и империализма, а вместе с тем бедняцко-средняцкие массы дехкан-скотоводов и трудящиеся массы городских ремесленников выведены па путь развернутого строительства социализма и установления фактического равенства национальностей.

С. ВОЛИН

ВОССТАНИЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

I. Доклад Самаркандского военного
губернатора Лыкошина. Декабрь 1916 г.

ОПИСАНИЕ

беспорядков, вызванных набором рабочих в
Самаркандской области

25 июня сего года последовало высочайшее повеление о призыве для тыловых работ местных туземцев, переданное в край бывшим министром внутренних дел гофмейстером Штюмером. Мера эта, проведенная в жизнь, повидимому вопреки ст. 205 т. I ч. 2 Св. Зак. (Учр. Мин.), ст. ст. 243 и 244, т. II Св. Зак. (Общ. Учр. Губ.) по своей внезапности, и требовавшейся безотлагательности в ее проведении, не могла не вызвать известного замешательства не только в среде туземных должностных лиц, но и среди весьма малочисленной русской администрации края.

Получив телеграмму о наряде рабочих, согласно высочайшего указа от 25 июня 1916 года, я сделал требовавшееся распоряжение о безотлагательном составлении списков мужчин-туземцев в возрасте 19-31 года. Это распоряжение, переданное должностным лицам туземной администрации, для исполнения, сразу же вызвало брожение среди туземцев и хотя после совещания 2 июля в г. Ташкенте под председательством Вр. и д. Туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии Ерофеева, составление списков и было приостановлено, (приказано было проверять пока семейные списки), но волнение не улеглось и туземцы, полагая, что наряд рабочих есть не что иное, как скрываемая начальством воинская повинность; что их рабочих берут в солдаты, стали озлобленно выражать свое нежелание подчиняться наряду и бить тех из своих должностных лиц, которые пробовали остаться лояльными и уговаривали подчиненных им туземных обывателей исполнять предъявленное к ним требование. Брожение росло, драки и убийства вспыхивали то в одном месте, то в другом, уговоры и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства. Хронологически все это движение представляется в следующем виде.

1.4 июля в городе Ходженте, толпа туземцев собралась

у квартиры городского пристава и произвела буйство, для прекращения которого (без вызова администрации) явились нижние чины, произвели несколько выстрелов в толпу и толпа рассеялась.

5 июля на ст. "Куропаткино" Средне-Азиатской ж. д. на базаре произошло столкновение между нижними чинами, проходившей батареей и сартами, собравшимися на базаре.

Того же 5 июля в селении Ургут, Самаркандского уезда, в базарный день, собралась толпа около 2 тысяч человек с требованием уничтожить уже законченные семейные списки по некоторым сельским обществам и, невзирая на увещания участкового пристава, толпа ворвалась в канцелярию волостного управителя, уничтожила списки и избила некоторых пятидесятников и мирзу.

7 июля в селении Дагбит, того же уезда, толпа произвела беспорядок на почве наряда рабочих, отобрала у волостного управителя списки, ранила его, а его мирзу убила. Для восстановления порядка мною был командирован в селение Дагбит уездный начальник с полусотней казаков. По прибытии их в Дагбит, в 6½ часов вечера, селение уже было пусто, население разбежалось и попряталось. Виновные зачинщики, прикосновенные к беспорядку и насилию, в числе 30 человек, в том числе ишаны и бывшие при них мюриды, были задержаны и доставлены в Самарканд.

8 июля в Ишим Аксакской волости, Самаркандского уезда, по почину населения, состоялся сход по делу наряда рабочих. Сход был настроен учинить тоже беспорядок, но слухи о казаках в Дагбите сдержали страсти.

11 июля, около 6 часов утра к моему дому собралась толпа туземцев в несколько сот человек, с просьбой отменить набор рабочих или отложить таковой до конца полевых работ, я дал собравшимся необходимые разъяснения и туземцы разошлись. Когда толпа проходила по туземному городу, идя к дому моему, то несколько туземных евреев спешно стала закрывать лавки, что вызвало некоторую панику среди народа, а один из нижних чинов 731 Саратовской дружины на площади Регистан желая разогнать толпу, произвел два выстрела в воздух, чем еще более усилил панику. По прибытии пристава порядок был восстановлен.

По мере развития таких событий в окрестных районах старого Самарканда туземцы стали закапывать свое более ценное имущество в землю и выезжать в окрестности города.

Пенджикенская дорога в десятых числах была сплошь полна такими беглецами. Не менее того 10 июля на скотском базаре в Самарканде наблюдался небывалый пригон скота

для продажи по ценам ниже ранее стоящим. Тоже самое наблюдалось и в других городах. Туземцы, по-видимому, спешили ликвидировать свои дела и уйти совсем из населенных мест, спасаясь не только от набора рабочих, но и в предвидении общего восстания спешили избавиться от лишних, ненужных для них в такое тяжелое время, вещей и налегке вывести свои семьи в более отдаленные по безопасности районы. Вместе с тем, более развитые туземцы в области придерживались выжидательной тактики, что скажут большие города Туркестана вроде Ташкента, Коканда и Самарканда. В Самарканде же выжидали событий из Ташкента.

12 июля с товаро-пассажирским поездом я выехал из Самарканда в Джизак. Цель поездки – было личное объяснение туземцам значения и правил реквизиции рабочих и ознакомление с положением дела в области, особенно в Ходженте, где уже как я упомянул, были беспорядки 4 июля.

Полковник Рукин, покойный Джизакский уездный начальник, встретил меня за две станции до Джизака и подробно доложил о том, как он предполагает исполнить мое приказание об объявлении набора рабочих и, что им уже сделано в этом направлении. По его словам он начал объезд с Санзарского участка (ст. “Милютинская” и “Куропаткинская”), так как волости этого участка считались наиболее склонными к сопротивлению, а затем предполагал продолжить объяснения в участках: Богданском и Зааминском, а также и в г. Джизаке и пригородной Узбекской волости.

Полковник Рукин, хорошо владевший туземным наречием, по его словам, сумел убедить туземное население в неизбежности реквизиции рабочих и нигде не встретил ни открытого протеста, ни даже серьезных возражений. Везде туземцы высказывали полную готовность исполнить требование и просили только отложить самый набор рабочих до конца поста и праздника Рамазана, что само собой и должно было случиться по времени.

Я сообщил полковнику Рукину, что в Самарканде ходят темные слухи о предполагаемом 15-18 июля общем восстании (то есть в первые дни торжественного мусульманского праздника Рамазана) и пояснил ему, что я тороплюсь в Ходжент и Ура-Тюбе, чтобы 14 утром быть в Самарканде в ожидании могущих возникнуть волнений 15 июля.

На ст. “Урсатьевской” меня встретил Ходжентский уездный начальник полковник Рубах и передал, что его сведения о настроении туземцев далеко неутешительные:

все туземцы категорически решили не давать рабочих ни при каких условиях и только хорошо скрывают свои намерения под личиной спокойствия и преданности.

После беспорядков 4 июля чувствуется тревожное настроение и хотя чайханы открыты и отменены военные патрули, но туземцы все кажутся угнетенными и озабоченными.

Повышенная чувствительность народа обнаружилась по самому простому поводу. Были присланы для объявления населению телеграммы о том, как спокойно принят наряд рабочих в Семиреченской и Закаспийской областях, как туземное население восторженными криками “ура” приветствовало объявленное ему требование. Телеграммы эти были вывешены на русском языке и туземцы, не читая даже самого текста и не добиваясь его перевода, как это было бы сделано при обычной обстановке, почему-то решили что эти объявления о карательных отрядах из казаков, которых предполагается прислать для наказания туземцев за беспорядок 4-го июля. Пришлось убрать со стен телеграммы.

В Ходженте, на перроне, кроме должностных лиц туземной администрации, было сравнительно мало народу, хотя палатка с неизбежным достарханом и находилась на обычном месте; из среды встретивших меня туземных представителей власти Костакосский народный судья заговорил свои заученные фразы о том, как население постоянно молится о драгоценном здоровья государя императора и его августейшей семьи и о победах наших войск, но в глаза мне смотреть не решался и был, видимо, сконфужен и смущен.

В ответ на приветствие я коротко сказал народному судье о своем огорчении по поводу происшедшего в Ходженте беспорядка и указал, что в моих глазах виновниками являются только почетные и влиятельные лица, не сумевшие удержать толпу от враждебных выступлений.

Не приняв угощения в палатке, как это принято обычно, я прошел слева от вокзала на площадку за зданием. Здесь меня ожидала довольно большая толпа народа соседних селений Костакоза и Исписара, и я остановился, желая с ними говорить. Я просил всех сесть, как стояли, и сам, стоя, начал разъяснять собравшимся все значение Высочайшего повеления о наряде рабочих и правила самого набора.

Меня внимательно слушали, но толпа стояла с мрачными лицами и хранила жуткое молчание.

Ученый туземец один из мулл сел. Исписар, бывший

когда-то народным судьей, дав мне договорить, встал и почтительно сложил руки, попросил позволения спросить еще несколько слов и, получив разрешение, он повторил мне легенду о данном генерал-адъютантом Кауфманом обещании не брать в солдаты туземцев. Надо заметить, что эта легенда весьма популярна среди туземцев и состоит в том, что будто бы перед отправлением с поисками в Кокандский 1876 года поход, генерал-адъютант Фон-Кауфман позвал к себе покойного ташкентского купца Саид-Азимбая и высказал ему свою уверенность, что: "Ташкентцы, во время похода останутся вполне лояльными и спокойными". "А за то, — добавил К.П.Фон-Кауфман, — не будет у нас воинской повинности, пока не минует 50 лет со дня завоевания края". — "Вот для ташкентцев уже истекло полвека и от них уже можно брать рабочих, — закончил туземец свою легенду, — а Ходжент и Ура-Тюбе присоединены позже, льготный срок для них еще не истек".

Мне пришлось разъяснить моему собеседнику и всей толпе бессмысленность рассказанной легенды и мое объяснение было как будто принято, но последствия сего получились совсем неожиданными: мулла, с которыми говорил, вдруг, обратившись к толпе, сказал: "да что там толковать, — ведь говорили же вы, мусульмане, что не дадите рабочих", — "не дадим, не дадим", тихо загудела толпа и я лишь только еще раз подтвердил, что высочайшее повеление о наряде необходимо исполнить, во что бы то ни стало.

Следующая остановка была у городских ворот, где горожане русские, туземцы и евреи встречают приезжих с хлебом, солью. Мне здесь пришлось в общих чертах повторить все сказанное около вокзала и, хотя здесь мне и не было высказано о решении не давать рабочих добровольно, но и здесь, видимо, был мрачный протест на лицах всех присутствующих.

Перед отъездом из города я еще говорил с пятидесятиниками и почетными лицами, собравшимися у канцелярии уездного начальника, их тоже мне не удалось убедить окончательно и они подали мне прошение на туземном языке. Говорили, что они выжидают, как отнесется к набору рабочих Ташкент и другие большие города края. Я доказывал, что если каждый будет уступать первенство другим, то никто не начнет наряда рабочих.

13 июля по выезде моем со ст. "Урсатьевской", близ селения Ут-Булак я, по телефону, из водопроводной будки, узнал от черняевского пристава, что ст. "Ломакино" горит и что туда приставом посланы нижние чины бывшей на ст.

“Урсатьевской” команды с патронами по 12 штук на человека. Вернувшись на ст. “Урсатьевскую”, я постепенно узнал из расспросов проезжавших, что туземцы напали прежде всего на ехавших в дрезине телеграфного надсмотрщика и жандармского унтер-офицера, которые выезжали для исправления проводов, и обоих слегка ранили, что затем подожгли станцию “Ломакино” и водокачку и стали постепенно поджигать все деревянные железно-дорожные мосты.

Вся ночь с 13 на 14 июля прошла на “Урсатьевской” станции в тревоге. Даже население слободы “Черняево” высыпало на вокзал, не зная, где безопаснее скрыться. Беспокойство вызывалось то и дело проходившими по фонопору тревожными сведениями о ходе разрушении по линии от “Ломакино” до ст. “Обручева”, отстоящей от “Урсатьевской” только на 30-верстовом перегоне.

Страшнее всего было положение раньше всех выехавшей партии начальника участка, инженера Васильевского, и ревизора движения, г. Максимова, которые выехали на пожар ст. “Ломакино” с конвоем из 31 человека, имевших всего по 12 штук патронов на человека. Так как постепенно получались сведения о стрельбе все уменьшавшимся запасом патронов, то надо было подумать об усилении конвоя, а так как из Ташкента скоро получить войска не было никакой возможности, то пришлось формировать конвой на месте и добавить патроны. По моей телеграмме, прапорщик Малхасов привез из “Кривошеина”, где его команда охраняла военнопленных, 10 человек нижних чинов и 500 патронов, а в числе железно-дорожных грузов оказалось на ст. “Урсатьевской” 14 учебных винтовок, посланных Самаркандской мужской гимназии из артиллерийского склада.

Взяли привезенных из “Кривошеина” 10 человек, взяли еще из эшелона (с лошадьми посылавшихся в Тифлис) прапорщика Иванова, 14 безоружных нижних чинов, снабдили их винтовками и всю эту сборную команду послали на линию отстаивать станции и мосты.

Долго отстреливались наши конвойные на ст. “Обручевой” и дали возможность уйти назад поездам: пассажирскому и эшелону, и отстояли бы станцию “Обручево”, если бы было достаточно патронов, а не 800 штук, в силу чего приходилось беречь каждый патрон.

Туземцы с криками, толпой, наступали па станцию, в них шагов на 150 стреляли залпами. Дело происходило ночью и потому о потерях туземцев судить трудно. Говорят, что утром на другой день видели окровавленные места, с которых были увезены убитые и раненые.

Около 12 часов ночи настал наконец, такой момент, когда начали зажигать мост у ст. "Обручево" ближе к ст. "Урсатьевской". Надо было спасти поезд и людей и инженера Васильевского, пришлось заблаговременно отойти за мост, тем более что патронов оставалось всего по 3 на человека. Когда это было исполнено, то осаждавшие туземцы зажгли мост, зажгли и ст. "Обручево" со всеми жилыми постройками служащих.

Всех людей, бывших на линии, удалось увезти благополучно, исключая их имущество в квартирах, которое все подверглось разграблению и разгрому, как и базарное селение около ст. "Обручево".

Во многих местах не только были сожжены деревянные мосты совсем и деревянные настилы на железных мостах, но кроме того, были выбиты болты из рельс, подожжены шпалы, сняты рельсы и сильно попорчен телеграф. Водоканалы были совершенно испорчены, казенные книги и дела разбросаны (лишь кассу и билетный шкаф со станции "Обручево" благополучно увезли на ст. "Урсатьевскую").

Рано утром 14 июля из Ташкента пришли 2 батареи артиллерии и поезд с эшелонном полковника Владиславлева (2 роты 732 Саратовской дружины государственного ополчения и 4 орудия 32 легкой батареи под командой подполковника Квашина). В этот отряд был включен взвод сапер при офицере.

С этим отрядом мне было приказано в. ис. д. главного начальника края двигаться в город Джизак, где 13 июля были крупные беспорядки, жертвою которых пали: уездный начальник полковник Рукин и, пристав штабс-капитан Зотоглов и переводчик уездного начальника.

Весь день 14 июля поезд медленно двигался по направлению к ст. "Ломакино", так как почти на каждом шагу были хотя небольшие, но все сожженные мосты. То и дело подолгу пришлось останавливаться, чиня мосты и прерванный телеграф. Для связи со ст. "Обручено" пришлось послать курсирующие паровозы с охраной, при чем этим командам пришлось 14 июля неоднократно тушить подожженные туземцами мосты.

К 5 часам дня 15 июля подошли к пункту, отстоящему от ст. "Ломакино" всего на 2 версты, здесь к нам подошел со ст. "Ломакино", ремонтный поезд из Самарканда, на котором находился жандармский ротмистр Зиверт, командированный оттуда для исправления пути и установления затем связи с отрядом полковника Владиславлева и исправления телеграфа. Починив еще поврежденные мосты, мы

прошли и остальные 2 версты до ст. “Ломакино”, и отсюда уже можно было считать телеграфное сообщение восстановленным.

Ст. “Ломакино” оказалась выжженной так же, как и “Обручево”, с перегона Джизак-Ломакино не успели своевременно убрать служащих, и потому найдено 9 зверски убитых трупов. По свидетельству железнодорожного начальства, служащие вели себя героями и стрелочники с фонарями бесстрашно охраняли путь ночью. Туземцы напали на станцию, порвали провода, сожгли здания и серьезно испортили здание водокачки в 2 верстах от станции.

Наш поезд с эшелонном полковника Владиславлева прибыл в Джизак к 11 часам вечера 15 июля.

Из доклада помощника уездного начальника, подполковника Афанасьева, я узнал о трагических событиях 13 июля в Джизаке. Утром в этот день в туземной части города произошли беспорядки среди туземцев на почве споров о наряде рабочих по реквизиции, при чем старшину Худояра убили. Уездный начальник, полковник Рукин, с полицейским приставом города Джизака штабс-капитаном Зотогловым, переводчиком и джигитом спешно поехал в сартовский город, приказав помощнику своему следовать за собой с небольшой командой. Но так как команда минут на 10-15 замешкалась сбором, то уездный начальник не стал ее дожидаться, подполковник Афанасьев на пути в старый Джизак, по следам полковника Рукина, встретил двух скакавших, к нему навстречу туземцев, у одного из них была в руках обнаженная шашка, а у другого палка. Оба кричали: “бей, бей их”. За ними следовала большая толпа туземцев, вооруженных палками и шашками. Когда толпа с угрозами стала окружать бывшего впереди команды подполковника Афанасьева, команда дала залп, толпа хлынула назад и после небольшой попытки окружить команду, разбежалась. Чтобы защищать казарму, где были патроны, винтовки и военнопленные и помешать толпе проникнуть в русский город, подполковник Афанасьев приказал команде занять место на разделе дорог в русский город и на вокзал. Часа в 2 дня прибыл в Джизак со стороны Черняево эшелон лошадей, шедший на кавказский фронт с сотнею безоружных нижних чинов при одном прапорщике. Полковник Афанасьев задержал их, вооружил из них около 35 человек и двинулся в туземный город отыскивать уездного начальника. По дороге, пройдя полторы-две версты, были найдены четыре трупа: уездного начальника, пристава, переводчика и джигита, трупы были свалены в кучу, среди дороги и

настолько изуродованы, что их можно было узнать только по остаткам одежды: их видимо били палками, топтали ногами, таскали по земле, одежда была совершенно изорвана и они были все почти нагие, головы были превращены в сплошные массы, оружие и вещи ограблены. Найдя поблизости арбу, подполковник Афанасьев привез трупы в Джизак, где 16 июля они были преданы земле.

Толпа мятежных джизакцев, отогнанная несколькими залпами команды подполковника Афанасьева, снова собравшись, разделилась на 2 партии, из коих одна пошла жечь станцию “Джизак”, другая направилась по линии к ст. “Ломакино”. Ст. “Джизак” отстояли служащие, вооруженные револьверами и жандармы: удалось отогнать толпу и стрельбой с паровоза, но все-таки задержать движение туземцев по пути было не по силам этой горсти людей. В русском Джизаке тем временем царил паника, ходили темные слухи о готовящемся нападении крупных скопищ туземцев на город. Все русские с семьями перебрались в крепость, из боязни нападения со стороны Богдана и из степи. Сарты тоже покинули свою туземную часть города, вывезли значительную часть имущества в сады и сами разбежались. По ночам бродили отдельные лица по закоулкам старого города, иногда слышались одиночные выстрелы, хотя нападений на русских не было и до 15 июля (дня моего приезда в Джизак) в городе было спокойно.

16 июля утром прибыл начальник карательного отряда полковник Иванов с ротою пехоты, посланный из Ташкента в Джизакский уезд распоряжением вр. и. д. гласного начальника края, я передал ему войска, бывшие в моем распоряжении временно, по командировке в Джизак, а не по должности военного губернатора Самаркандской области и, выслушав предписание о карательных мерах, передал полковнику Иванову все собранные мною на месте сведения о виновниках восстания и его организации, а также о местном населении, которое совершало зверства над русскими, при чем указал на необходимость при самых беспощадных карательных действиях не упускать из виду то обстоятельство, что Джизакский уезд является житницей Туркестанского края и что поэтому уничтожение хлебных запасов здесь может повлечь за собой нежелательные последствия, вроде чрезмерной дороговизны и голода среди туземного населения. Рано утром 17 июля я выехал в Самарканд.

Днем ранее джизакского мятежа начались беспорядки в Зааминском учаске. 12 июля Зааминский участковый пристав надворный советник Соболев получив сведения,

что в кишлаке Ям начались беспорядки и есть убитые, выехал туда с двумя стражниками и двумя джигитами, взял также и своего переводчика.

По прибытии в кишлак Ям было обнаружено два трупа пятидесятников и труп одного неизвестного туземца. Буйствовавшая толпа к приезду Соболева разошлась. При расследовании дела было обнаружено семь человек причастных к убийству, которых пристав арестовал и отправил к ямскому волостному управителю. На утро в кишлаке Ям пристава дали знать, что в Заамине беспорядки, грабят русских. Надворный советник Соболев вместе с вышепоименованными лицами поспешил в Заамин, взяв с собою и семь человек арестованных. Отъехав от кишлака Ям версты две, он встретил толпу сартов, которая начала наседать на пристава и его спутников. Бросив арестованных, пристав со стражниками начал отстреливаться, продолжая путь к Заамину. Около Заамина у ямского волостного управителя лошадь приотстала. Толпа стащила его с лошади и убила его, а пристав с двумя означенными выше русскими стражниками направился к своей квартире, которая вместе с канцелярией была уже разгромлена. Джигиты и переводчик сбежали. Взяв из квартиры цинковую коробку с патронами, пристав со стражниками, бросив лошадей, пробрались на базар, где и выбрали более удобный для защиты дом одного из туземцев, находящийся рядом с домом волостного управителя. Заняв второй этаж, они с балкона отстреливались от наседавшей толпы. До 12 часов дня выстрелов со стороны мятежной толпы не было, они имели намерение взять всех живьем, чтобы заставить принять мусульманство (такое предложение делал зааминский ишан). Когда же осажденные отвергли сдачу, из толпы начали стрелять, одним из выстрелов, картечью в живот, был смертельно ранен надворный советник Соболев, а легко дробью, один из стражников. С наступлением темноты толпа разошлась ужинать, и стражники перешли в здание бойни, оставив труп пристава в доме. На бойне стражники пробыли трое суток, отстреливаясь от толпы. Через три дня пришли солдаты и спасли их. Все правительственные и частные русские здания в Заамине были опустошены и обезображены, имущество разграблено, дела и книги сожжены. Русское население было или перебито, или уведено в плен.

В Заамине войсками были спасены: акушерка А.В.Чернова, ее сестра с сыном 10-11 лет, другая сестра-девушка и племянница. Все они были захвачены туземцами, их били палками, мучили, насиловали и вообще всячески издевались

над ними. В Джизак их доставили в ужасном виде: босых, в сартовских рубашках, в синяках и ушибах. Несколько позже (19 июля) в Джизак была доставлена спасенная жена пристава Соболева с детьми.

В то же самое время, в том же Джизакском уезде санзарский участковый пристав ротмистр Плотников, ничего не подозревая объезжал свой участок и разъяснял туземцам порядок наряда рабочих на тыловые работы и необходимость дать рабочих. Оставшиеся верными долгу некоторые из должностных лиц туземной администрации предупредили о грозящей опасности семью Плотникова и его самого, что и дало ему возможность своевременно спастись на ст. "Милютинской". 14 июля спешно прискакавший санзарский волостной управитель доложил пристану, что туземцы захватили партию статистиков Туркестанского управления земледелия в 10 человек и 4 при них переводчиков и, не взирая на увещания волостного управителя, убили их. Сам волостной управитель со стражником Бегучим едва успели ускакать от разъяренной толпы¹. Трупы убитых были найдены в страшно изуродованном виде 12 июля, в местности "Шур-Тепе", Санзарской волости, ротмистром Плотниковым и доставлены на станцию "Милютинская".

В Богданском участке, Джизакского уезда беспорядки начались тотчас, как туда дошли сведения о событиях в Джизаке, то есть вечером 13 июля, почва для этих беспорядков была уже готова, так как в Богдане находились созванные по делу реквизиции рабочих лица туземной администрации, пятидесятники и почетные представители населения. Богданский пристав, губернский секретарь Борилло собрал этих влиятельных туземцев в мечеть и заставил их поклясться на коране, что они примут все меры к успокоению населения и не допустят насилия над русским населением. Под влиянием этого, высший и средний классы населения стали успокаиваться, но чернь держала себя вызывающе не только по отношению к русским, но и к влиятельным сородичам. Одновременно с этим среди окрестных киргиз возросло враждебное отношение к русским, по разным направлениям сновали люди с извещением об убийствах и насилиях над русскими, с приглашениями поспешить на утро 15 июля в Богда полюбоваться над избиением русских. Это обстоятельство побудило

¹ Стражник Бегучий, как оказалось впоследствии, все же не избег смерти, труп его не найден, нашли лишь руку, есть предположение, что труп истерзан на байге (примечание в подлиннике).

губернского секретаря Борилло переехать к кочевникам для успокоения их и покинуть Богдан. Прибытие пристава в кочевья и его уговоры подействовали на мятежников благотворно, но в Богдане, в его отсутствие, 15 июля бунтовщики огромной толпой бросились его искать с целью убить и, не найдя, в этот день и в течение следующего дня стали производить избиения оставшихся в Богдане русских и грабеж их имущества, при чем все казенное и частное достояние было унесено или уничтожено самым диким образом. Впоследствии несколько человек интеллигенции из Богдана спасены нашими войсками, вынеся ужасные страдания от мятежников.

14 июля в Синтабе, той же волости, Джизакского уезда, около юрты младшего топографа при управлении земледелии и государственных имуществ в Туркестанском крае Бердышева и межевого техника того же управления Гемминга с женами, собралась толпа сартов и бомбардировала их камнями.

Дав два выстрела из револьверов, русские скрылись в юрту, и в это время около юрты появились старики-туземцы и стали уговаривать толпу, которая действительно несколько притихла, но когда русские хотели уйти из кишлака, враждебно настроенная толпа их не пустила и вновь сплотилась около них с явно враждебными намерениями, вооруженная камнями. Спасло всю эту горсть русских людей то обстоятельство, что им предложили принять мусульманство, на что, в виду безвыходности положения, они решили согласиться. Настроение толпы тотчас изменилось к лучшему и, около русских появился ишан и, как будущих мусульман, взял под защиту и провел в свое помещение, где они проживали до 26 июля, когда пришли казаки и выручили их.

В Катта-Курганском уезде, по сведениям уездной администрации, выступление туземцев ожидалось 15 июля, когда вожаки предполагали провозгласить “газават” (священную войну).

Идея “газавата”, по видимому, была наготове у вожаков гораздо раньше, может быть с начала войны, и пущена в обращение, при первом же встретившемся, по их мнению, удобном случае. И в Джамской степи, и в других местах уезда стали распространяться воззвания, призывавшие к священной войне, при чем священная война была повсеместно приурочена к 15 июля, а затем по каким-то причинам перенесена на второй день праздника Рамазан, то есть на 19 июля (как и в других местностях области). За несколько дней до 15 числа большая часть горожан вывезла

своих жен и детей в сады, в дальние кишлаки и даже в бухарские владения. Видно было, что туземцы чего-то ожидают, к чему-то готовятся. Особенно несдержанные из них прямо говорили, что на днях будет нападение на русский город и все русские будут перебиты. Вдоль железной дороги появились группы всадников. Они угрожали железнодорожным служащим перерезать их и испортить полотно и телеграф. Так было на казарме между городом и "Нагорной," между "Нагорной" и "Джумой", и у моста на 1337 версте.

Один из городских пятидесятников, подрядчик по поставке мяса в полк, Абдуразак Салихов, крупно поссорившись с ветеринарным фельдшером Кочаровым, бросил ему в злобе фразу; "Погоди, посмотришь, что будет с вами 15-го числа".

Однако 15 число прошло без особых крупных происшествий и только Чимбайская волость проявила в этот день буйство.

Весь 14 июля конные люди этой волости проезжали через станцию "Нагорная" и собирались на масляхат в кишлаке Кеч Кельдык в доме одного из туземцев. На утро они решили направиться и город, якобы, с просьбой к уездному начальнику. Последний предупредил, что просьбу может выслушать только от нескольких, представителей волости. Однако, с раннего утра 15 июля, чимбайцы, несмотря на запрещение уездного начальника, двинулись в город и несколько сот человек из них разными дорогами проникли в туземную часть: 300 человек остановились на большом базаре, 500 человек в пригороде.

На туземном базаре некоторые из них с возгласами "убить его", набросились на чимбайского волостного управителя, схватили его, но дальнейшему развитию самоуправства помешали горожане. Другие набросились на старшину Иман-Яхшинского сельского общества, которому нанесли серьезные поранения. Старшине удалось ускакать и укрыться в камышах.

Отдав соответствующие распоряжения военно-полицейским отрядам, на случай, если бы чимбайцы вознамерились всей массой проникнуть в русскую часть, уездный начальник переговорил с их представителями. Во время разговора последние держали себя, в общем, сдержанно, но категорически заявили, что население волости людей ни в рабоче, ни в солдаты не даст.

Под вечер 18 июля в кишлаке Джума-Базар, Минг-Арыкской волости, туземцы, собравшиеся на молитву по

случаю Рамазана, внезапно бросились на волостного управителя, а когда он успел скрыться, разгромили его дом и дома двух старшин. Для восстановления порядка Катта-Курганский уездный начальник командировал в Джума-Базар своего помощника с полуротой солдат при офицере. Отряд помощника уездного начальника был встречен стрельбой из ружей, а на рассвете 19 июля произошло столкновение толпы бунтовщиков (около 4 тысяч человек) с отрядом. Залпами они были рассеяны.

19 июля рано утром в кишлаке Нурдум толпа вооруженных людей, кое-кто с ружьями, другие с шашками, дубинами, серпами, по распоряжению одного из главарей, связала и заковала в железные путы нурдумского старшину, чтобы он не мог уездному начальнику дать знать о готовящемся нападении на Катта-Курган. А затем все направились по направлению к городу. По причинам, точно не установленным, бунтовщики до города не доехали и повернули обратно.

Того же 19 числа в кишлаке Багрин, вблизи Пейшамбинской и Джуйшагрской волостей, также собралось скопище туземцев и одновременно появились большие толпы в окрестностях города Катта-Кургана по Пейшамбинской дороге. Одна из этих банд напала на одного из проезжавших горожан, оставшегося на стороне порядка, и нанесла ему, с целью лишить жизни, многочисленные поранения. Как выяснилось, кочевники Джамской волости, выполняя свою часть общей задачи, должны были напасти на город Катта-Курган с южной стороны. Выступившие до полудня из кишлака Нурдума, они прошли некоторое расстояние по направлению к Сара-Кургану. На соединение с ними выехали горожане частью из города, частью из степи. Бунтовщики из Каль-Курганской волости, как ближе живущие, уже около полудня собрались несколькими толпами у северо-западной границы города и по Пейшамбинской дороге.

Предварительно же они озаботились укрыть своих жен и детей, где-нибудь подальше от города, проверили броды на Нарпае и вообще приняли на всякий случай необходимые меры предосторожности.

Так как стычка бунтовщиков с высланной полуротой помощника уездного начальника подполковника Широкова в Джума-Базаре произошла очень рано утром 19 июля, то известие об этом могло быть получено найманами и каль-курганцами тоже довольно рано и эти последние, убедившись что главных скопищ из Джума-Базара и Багрина им

не дожидаясь, сами вернулись по домам. Немалую роль в охлаждении пыла бунтовщиков сыграло то обстоятельство, что в городе в это время были приняты надлежащие меры к ограждению нападения воинской силой, о чем конечно, знали городские туземцы, и, в свою очередь, осведомили об этом бунтовщиков.

Тем временем 20 июля в городе Катта-Кургане уездный начальник тщательно увещевал городских пятидесятников и прочих влиятельных лиц туземного населения подчиняться требованиям высочайшего повеления, но никто не соглашался давать рабочих, тогда уездный начальник объявил им, что вследствие их упорного нежелания подчиняться воле государя-императора он их вынужден арестовать при тюрьме, что с помощью воинской силы и было исполнено.

Вслед за арестованием городских представителей толпа, человек в 300, подстрекаемая горожанами, имела намерение броситься в русский город, и была остановлена только залпами военно-полицейского отряда.

20 же июля в Сергалинской волости толпа допустила насильственные действия над сергалинским волостным управителем.

Того же числа в Каль-Курганской волости толпа в 300 человек напала на дом народного судьи, убила его и его джигита, ранила жену пятидесятника и долгое время преследовала ускокавших в степь старшину, помощника его и пятидесятника.

21 июля толпа в 3-4 тысячи человек собралась на Митанском базаре и тоже имела намерение двинуться в Ката-Курган. У попавшегося в руки толпы помощника старшины Каталасского сельского общества некоторыми бунтовщиками была отобрана служебная корреспонденция участкового пристава к волостным управителям.

С этого числа бунтовщические беспорядки в Катта-Курганском уезде прекратились. И жизнь населения стала входить в обычное русло.

Пенджекентская, Афтобруинская и Кштутская волости Самаркандского уезда 21 июля отказались составить списки и дать рабочих.

1 августа в г. Ура-Тюбе, Ходжентского уезда, пришли из Ганчинской волости две партии туземцев, одна в 200 человек, а другая в 250 человек с намерением помешать городским жителям составлять списки рабочих. Нарядом конных стражников и полицейских ганчинцы были разогнаны.

9 августа в с. Костакос Ходжентского уезда, на сходе по

поводу наряда рабочих из 14 пятидесятников трое отказались от подписки приговора и ушли из канцелярии волостного управителя.. Последствием такого их поступка, собралась громадная толпа народа (мужчин и женщин), проникла силою во двор канцелярии волостного управления и произвела насилие над волостным управителем, старшиной и джигитом.

Вышеизложенным заканчивается перечень отдельных враждебных выступлений в различных местах области.

2. Число убитых и раненых во время беспорядков: а) должностных лиц русской и туземной администрации; б) русских людей и в) туземцев приведено в прилагаемых к сему описанию отдельных списках. Выяснить точное число туземцев, убитых во время беспорядков своими сородичами, а также во время действия карательных отрядов, нет никакой возможности, так как туземцы всегда скрыто хоронили убитых из боязни обнаружить свою прикосновенность к восстанию.

3. Причины происшедшего летом текущего года народного движения в Туркестанском крае весьма сложны. Нет никакой возможности в кратком беглом очерке изложить их, так как восстание это явилось лишь результатом целого ряда неправильных приемов управления краем и того доверия, с которым мы, русские, относились к туземцам, забывая, что по самому учению своей веры они не в состоянии сделаться нашими искренними друзьями.

Нет никакого сомнения в том, что непосредственным поводом к восстанию, толчком к выступлению, послужило объявление народу высочайшего повеления 25 июля сего года о наряде рабочих от инородцев на тыловые работы, но это был только именно толчок к движению, осуществившемуся на постепенно подготовленной почве недовольства русскими порядками. Не будь этого недовольства, никогда процесс против набора рабочих не вылился бы в столь грубую форму и враждебные действия туземцев не проявились бы с таким зверством и признаками непримиримой ненависти, как это наблюдалось в отдельных эпизодах Джизакского восстания. Очевидно, и помимо набора рабочих в населении накопилось много злобного к нам отношения, что на почве невежества и фанатизма и повело народ на мятеж против русских.

Видимо, за протекшие после завоевания края полвека нам не удалось побороть в народе фанатическую его нетерпимость к иноверцам завоевателям и убедить население в

преимущества русской культуры и русской гражданственности.

Причинами такой неудачной колонизационной политики нашей в Средней Азии, по моему мнению, следует считать:

1. Отсутствие общей программы и системы управления краем, неопределенность целей, которые ставились для достижения путем строго предуказанных приемов управления туземцами.

2. Частая смена личного состава представителей высшей краевой власти и нередкое появление во главе управления лиц совершенно незнакомых с краем, действовавших по собственному своему почину, без всякой связи со своими предшественниками на этом поприще.

3. Общее незнакомство русских, живущих и работающих в крае, с бытом населения, его языком и верованиями.

4. Нарушение особенно дорогих для мусульман обычаев допущением употребления вина и регламентации прости-туции.

5. Недостаточно удачный подбор служащих русской администрации, незнакомство русских должностных лиц с туземным наречием и нравами туземцев, сношения с управляемыми при посредстве ненадежных переводчиков из мусульман.

6. Малочисленность русских должностных лиц, призванных управлять туземным населением, разбросанность их на значительных расстояниях и часто в мало населенных местностях, без всяких удобств, при незначительном, вовсе не обеспечивающем потребности, вознаграждении.

7. Громадные по территории и значительные по населенности участки в ведении одного пристава, далеко стоящего от населения и управляющего им при посредстве выборных, или назначенных волостных управителей и старшин из туземцев, не отличающихся преданностью русскому правительству, невежественных и несправедливых,

8. Проникновение в толщу туземного населения не всегда благонадежных в колонизационном смысле русских людей и инородцев, способных из личных выгод ронять в глазах туземцев достоинства русского народа и подрывающих уважение к русской власти. Это явление объясняется полным отсутствием какой бы то ни было фильтрации прибывающих из губерний внутренней России русских людей и инородцев.

9. Появление среди туземцев в роли представителей фиска разного рода объездчиков и сторожей, собирающих

с туземцев различные налоги и, в большинстве случаев, допускающих самые возмутительные злоупотребления. По этим живущим среди них русским людям туземцы судят вообще обо всех русских и, конечно, выводят заключение совсем не в нашу пользу.

Озлобление народа против этого рода лиц выразилось в джизакском восстании зверским истязанием и избиением лесных объездчиков с их семьями, до малых детей включительно.

10. Совершенная неосведомленность наша о ходе духовного и умственного развития туземного населения, отсутствие развивающих школ и полнейшее невмешательство в дела мусульманской школы, передающей подрастающему поколению только схоластическую премудрость, унаследованную от предков, нисколько не развивающей, а фанатизирующей своих учеников.

11. Равнодушие к борьбе с суфийской проповедью местных ишанов, поработивших своих духовных последователей (мюридов) и ведущих свою паству вовсе не навстречу русским интересам в крае. Видное участие ишанов в джизакском мятеже подтверждает это указание.

12. Изъятие земель для русской колонизации без достаточных исследований о размере избытка этих земель в руках туземцев.

13. Не всегда удачный подбор русского колонизационного элемента при переселении и край русских крестьян. Во многих случаях такие переселенцы не только не внушают к себе уважения, а озлобляют туземцев, зорко наблюдающих за своими новыми соседями.

14. Агитация из Турции через периодически появляющихся в крае разного рода хаджи, далилей и других агентов турецкого правительства.

15. Неудачное направление в Туркестанский край беженцев в большом числе и в ужасном состоянии. Это явление сильно уронило в глазах туземцев наш престиж, с очевидностью показав, что мы потерпели частично поражение и лишились значительной площади территории. Здесь появление беженцев было принято туземцами чуть не за следствие победы германцев, а агитаторы этим воспользовались в своих интересах.

16. Агитация германских военнопленных, признаки которой были замечены в Джизаке.

17. Малочисленность русских войск в крае во время войны. В Джизаке, например, в момент восстания было всего 47 человек караульной команды, что навело туземцев

на мысль о возможности испортить железнодорожный путь, овладеть городом и гарнизоном. Кроме вышеприведенных причин, подготовивших благоприятную почву для враждебных выступлений туземцев, следует упомянуть, что самый набор рабочих объявлен был во время поста в месяце Рамазан, когда все мусульманы находятся обыкновенно в особо раздражительном состоянии, вследствие запрещения есть и пить от восхода солнца до захода. Замечено, что и между собой мусульмане ссорятся в этот месяц больше чем в другое время.

Богатые туземцы враждебно относились к набору рабочих потому, что и без того высокие цены на рабочие руки должны были еще значительно повыситься за самое горячее время полевых работ. Ишанам не хотелось отпускать в Россию своих мюридов, потому, что и они лишались с их уходом даровых рабочих и, отлично понимали, что из России и, последователи вернутся совсем не такими послушными их слугами, какими были здесь.

Вот, в общем, все видимые причины, вызвавшие восстание на почве недовольства населения нарядом рабочих, отождествленных с воинской повинностью, от которой до сего времени, туземцы были освобождены.

В этом случае мы первые потребовали от туземного населения исполнения обязанностей граждан Российского государства, рассчитывая, что раз им даны все права гражданства, то на них же лежит и обязанности содействовать охране государства и работать для победы. Первый же опыт показал, что туземное население радо пользоваться правами, но вовсе не желает исполнять наравне с другими народностями важнейшую из обязанностей гражданина по отношению к государству. Мы получили неоспоримое доказательство недостаточности полувекового воздействия русской культуры на туземное население для прочного слияния нашей колонии с метрополией.

4. Настроение туземцев с самого объявления высочайшего повеления 25 июня 1916 года сделалось тревожным. Должностные лица туземной администрации разделились сразу на желающих провести в жизнь требование правительственной власти и на желающих угодить народу и пассивно мешать напору рабочих. Первых население набивало при самом начале составления списков рабочих, вторые же всеми возможными способами старались уклониться от порученной им работы.

Весь народ прямо таки испугался новой меры и не верил

решительно ничему, что ему объясняли чины русской администрации.

Перед всеми пугалом стоял набор в солдаты под видом сбора рабочих, все были уверены, что их обманывают, и что никому из ушедших в Россию вернуться домой не суждено.

В таком страхе, прежде всего, представлялось возможным пассивно сопротивляться напору рабочих, разбежаться и не дать ни одного человека, но первый же призыв войск для подавления частичных беспорядков на почве набора рабочих показал, что решение правительства неизменно: что рабочих возьмут силой, если их не дать добровольно. Тогда стали вывозить и прятать имущество в сады и за город опасаясь, что при насильственном наборе рабочих населенные места пострадают от пожаров и имущество погибнет.

Выяснившаяся возможность нанимать за себя рабочих значительно успокоила население, и все занялись подысканием нужного числа лиц, для наряда.

Во время беспорядков настроение было выжидательно и тревожное: ждали, с каким успехом пройдут волнения в Ташкенте, и как разовьется восстание, о приготовленное к которому, по видимому, всем было известно.

Когда первое выступление в Ташкенте было подавлено а джизакский мятеж вызвал действия карательных отрядов настроение населения, до того времени возбужденное выжидательное, сменилось подавленным, пришлось сознать, что общее восстание не удалось и что приходится подчиниться правительственному требованию. Вывезенно из домов имущество повезли обратно для того, чтобы скорее стать на прежнее мирное положение и не вызвать обвинений в причастности к восстанию. По отношению к русским, первых же дней объявления о наряде рабочих, туземцы резко изменились, и прежнее подобострастно-искательное обращение сменилось грубым и враждебным. Русское население по этим тревожным признакам допускало возможно нападение туземцев на мирных русских граждан и сам боялось туземцев.

5. Для успокоения тревожного настроения туземцев для беспорядков принимались исключительно меры увещания. Все чины русской администрации от военного губернатора до младшего городского пристава путем личных бесед с населением и его видными представителями, а также путем распространений среди туземцев печатных объявлений старались убедить туземное население в необходимости подчиниться требованию высшей власти и спокойно выпол-

нить наряд. Старались убедить туземцев, что слухи о наряде их в солдаты совершенно ложны и распускаются в народе недоброжелательными¹. Все эти объяснения молча выслушивались, но решительно никто им не верил.

Нам не удалось за 50 лет нашего пребывания в крае добиться от туземцев того доверия, которое нужно было и настоящем случае. В глазах туземцев, несмотря на все сделанное им добро, мы все же оставались иноверцами-многобожниками, а кто же из мусульман способен верить слову "кяфира".

Всех нас, старавшихся успокоить население своими объяснениями, считали предателями, по службе старающимися обмануть народ, чтобы добиться повиновения, и только.

Наиболее дикие, менее других материально обеспеченный джизакские узбеки начали мятеж, рассчитывая на малочисленность джизакского гарнизона и в полной уверенности, что восстание вспыхнет на всем протяжении Туркестанского края и малочисленность русских войск окажется недостаточным для подавления мятежа одновременно во многих пунктах.

Мятежники хорошо учли повсеместно тревожное настроение населения, повышенную раздражительность во время поста Рамазана и другие данные, благоприятствующие восстанию, не могли они только учесть силу гарнизонов войск и других мест и скорость восстановления испорченного ими пути и телеграфа, а в зависимости от того и скорость подачи войск к Джизаку.

Между тем прерванное в сторону Ташкента телеграфное сообщение не изолировало Ташкента вполне, так как удалось воспользоваться радиотелеграфом Кушка Ташкент и войска карательного отряда полковника Иванова быстро прибыли в Джизак, так что карательные меры были приняты тотчас же вслед за мятежем. Я не имею подробных сведений о действиях карательного отряда полковника Иванова, перешедшего затем под команду полковника Красноярецва. Эти лица имели особое распоряжение в р. командующего войсками Туркестанского военного округа, генерала от инфантерии Ерофеева, мне же подчинены не были. Есть сведения, что, по мнению некоторых лиц мало знакомых с происшедшими здесь событиями (депутаты Государственной думы г. г. Тефкелев и Керенский), карательные меры были слишком суровы. Мне думается, что мнение это

¹ Так в подлиннике.

ошибочно, так как сколь суровы ни были карательные меры, принятые для подавления мятежа, они ни коим образом не могли идти в сравнение с теми жестокостями, какие позволяли себе озверевшие мятежники над многочисленными погибшими от их рук русскими людьми, беззащитными женщинами и детьми. Только суровые и беспощадные меры, принятые весьма быстро и могли подействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя уже хозяевами положения.

Не будь такого резкого толчка, весьма возможно, что восстание распространилось бы и на другие местности Самаркандской области, и не кончилось бы так скоро в одном Джизакском уезде.

Как только прошел острый период подавления мятежа, и действия карательного отряда приняли характер охранительный, по распоряжению туркестанского генерал-губернатора приступлено было к охране, поливке и уборке посевов, принадлежащих мятежникам, бежавшим в горы.

В Джизаке была образована особая ликвидационная комиссия под председательством помощника военного губернатора Ферганской области, действительного статского советника Папенгута, которой поручено было определить убытки казны и частных лиц от только что пережитого восстания туземцев и ликвидировать последствия мятежа.

Действительный статский советник Папенгут был отозван к месту своего служения, не закончив порученной ему работы, и ликвидация восстания перешла к Джизакскому уездному начальнику, полковнику Скварскому.

Генерал-губернатором были указаны площади земель, подлежащие конфискации потому, что на этих местах были зверски замучены и убиты разного звания русские люди и их семьи, всего 84 человека. Владельцам земель разрешено переселиться с конфискованных земель, взяв с собою движимое имущество, скот и деревянные части строения. Насаждения приказано оставить в прежнем положении.

Работа по ликвидации восстания еще не может считаться законченной, так как еще продолжают поступать заявления о понесенных от мятежа убытках, относительно же конфискованных земель еще не имеется распоряжения, как следует их использовать.

Тотчас после подавления мятежа была установлена охрана войсками железнодорожного пути и телеграфа, а также русских поселений и казенных учреждений, находящихся вне городов. В настоящее время охраняется лишь железная дорога, все же остальные охранные отряды сняты,

так как новых враждебных выступлений туземцев не наблюдалось.

Прибывший в край 8 августа текущего года новый туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант генерал от инфантерии Куропаткин, уже имея введение в крае военного положения, лично объехал все города области и пространно разъяснил туземному населению значение наряда рабочих и все выяснившиеся к тому времени подробности применения инородческого труда на тыловых работах.

По распоряжению его высокопревосходительства были образованы порайонные комитеты, для обеспечения семейств уходящих рабочих, подробно разработан порядок отправки рабочих, значительно уменьшен и изменен в целях равномерности наряд рабочих и приняты другие меры, для облегчения туземцами исполнения выпавшего на их долю наряда.

Начался набор и отправка рабочих по одному эшелону ежедневно по 1000 человек от всех областей Туркестанского края.

6. После подавления джизакского мятежа настроение туземцев продолжало некоторое время оставаться тревожным, но теперь оно было подавленным, туземцы, видимо, чувствовали себя вторично побежденными. Больше всего стеснило запрещение ездить по железным дорогам и отобрание ранее разрешенного к приобретению и ношению оружия.

Вскоре, однако, запрещение передвижения по железным дорогам было отменено.

Не мало толков и недоразумений вызвал приказ о призыве туземцами русских офицеров и чиновников. Туземцы очень боялись, что эта старая мера повлечет за собою много административных взысканий, и обязательство вставать и кланяться при приближении русских офицеров и чиновников их крайне затруднило. Мера эта по распоряжению генерал-адъютанта Куропаткина была скоро отменена.

Туземцы понемногу начали успокаиваться, хотя долго еще враждебно и недоверчиво относились к русским, встречая и со стороны последних столь же недоверчивое, опасливое отношение. Прежде вполне мирные добрососедские отношения были нарушены пролитием крови и нужно довольно продолжительное время, чтобы зверства туземцев над русскими во время мятежа совершенно

забылись. Живы еще родители убитых, их родственники, живут среди туземцев сами пострадавшие раненые, потерявший рассудок, пережившие ужасы и лишившиеся имущества. Нельзя скоро забыть все перенесенные жестокости и огорчения.

Несколько успокоившись, туземцы принялись по своему обычаю, за подачу массы жалоб, помимо своего начальства вновь прибывшему в край новому главному начальнику край. Это, впрочем, всегда и прежде так делали, так как туземцы думают, что новый начальник перерешит по-своему уже решенные дела и проигравшие раньше дела лица в состоянии будут выиграть его при новом рассмотрении.

Очень много жалоб было подано на должностных лиц русской и туземной администрации, что вызвало производство расследований. Значительная часть жалоб, при рассмотрении оказалась неосновательной и ложной, но до окончательного решения по дознаниям жалобщики волновались за исход начатого дела. Конечно, при этом не обошлось без партийной борьбы и сведения личных счетов видных влиятельных туземцев, между собою и русскими должностными лицами в значительной мере на почве бунтарских выступлений против русской правительственной власти.

Но прошел и острый период подачи жалоб, ибо туземцы убедились, что и новый главный начальник края может удовлетворить только справедливые жалобы, массовая подача жалоб прекратилась.

Население стало успокаиваться и принялось за свои обычные занятия, главным образом за весьма выгодную в настоящее время, торговлю, приносящую всем туземцам значительные барыши.

Большое значение в смысле успокоения населения имел второй объезд г. Туркестанского генерал-губернатора по областям для совещания с представителями туземного населения о подробностях сельского, устройства при предположенной реформе "Положения об управлении Туркестанского края".

Побывав в совещаниях, выслушав к ним обращенное слово г. главного начальника края, туземцы поняли, что все содеянное участниками беспорядков прощено и забыто, что высшая в крае власть заботится о благополучии населения и что разрешенные к производству выборы должностных лиц туземной администрации знаменуют наступление полного успокоения.

В настоящее время настроение туземцев должно быть признано вполне спокойным и исполнение наряда рабочих на тыловые работы вполне обеспеченным.

Военный губернатор генерал-майор
ЛЫКОШИН

**II. Доклад Полициймейстера старого города Ташкента
Тихоцкого.
Декабрь 1916 г.**

ОПИСАНИЕ

беспорядков, возникших 11 июля 1916 года в туземной части города Ташкента, вследствие объявления о наборе туземцев на тыловые работы.

Первое известие о предстоящем наборе туземцев, проникшее в массу населения, вследствие оповещения телеграфного агентства, сразу заставило туземцев насторожиться и нетерпеливо ожидать дальнейших сведений о столь неожиданном для них мероприятии. Чрезвычайно туго воспринимающие всякое новшество, в особенности так глубоко их затрагивающее и нарушающее установившийся нормальный жизненный уклад, туземцы, естественно были взволнованы и возбуждены. Не уясняя себе совершенно существа объявленного мероприятия, туземцы начали его страстно обсуждать и толковать, как намерение правительства привлечь население к отбыванию воинской повинности. Собранные 7 июля в шейхантаурской мечети пятидесятники впервые услышали из уст исполнявшего обязанности начальника города полицеймейстера русской части коллежского советника Кочана, что от Ташкента действительно будут взяты рабочие в количестве приблизительно 7000 человек и что необходимо теперь же приступить к разверстке этого количества по частям города и кварталам и к составлению списков тех туземцев, которые по разверстке попадут в наряд. Разъяснение это, как затем выяснилось, многими пятидесятниками было плохо расслышано и, наверное, всеми плохо уяснено. Несомненно одно, что никакого успокоения в среду населения обращение коллежского советника Кочана не внесло, а вызвало лишь еще более страстные обсуждения официального подтвержде-

ния телеграфного известия. Нельзя не отметить, что на обострение восприимчивости туземцев влиял и тот специальный режим, соблюдение которого обязательно во время поста для каждого мусульманина. Раздражение населения усилилось, когда было объявлено, что надо поставить не 7000, а 12.000 рабочих. Ряд указанных неблагоприятных обстоятельств, явившихся следствием той поспешности, с которой проводилось в жизнь столь серьезное мероприятие, вызвало резко отрицательное к нему отношение со стороны туземного населения. Ряд частных лиц, которые могли бы рассеять недоумения населения, не был привлечен к делу осведомления туземцев о существовании мероприятия, работа же в этом направлении чинов полиции туземного города не была продуктивной за краткостью того срока, который на это имелся и за отсутствием каких-либо руководящих по этому делу указаний.

Пятидесятники, на которых должна была лечь вся работа по разверстке наряда и составлению списков, оказались в крайне затруднительном положении. Не смея отказаться от распоряжений полиции приступить к составлению требуемых списков, пятидесятники фактически требования этого исполнить не могли в виду ясно выраженного намерения населения рабочих не давать. Из положения этого был один выход – рекомендовать населению самому объясниться с ближайшими представителями власти-чинами полиции туземной части, что повидимому, пятидесятники и сделали. Несомненно, что среди населения нашлись наиболее фанатичные непримиримые туземцы сумевшие своими разговорами убедить массу о необходимости самой объясниться с полицией. На 11 июля во дворе полицейского управления туземной части в 11 часов утра был назначен сбор пятидесятников, с которыми должен был говорить по делам наряда бывший военный губернатор области генерал-лейтенант Галкин, но уже в начале девятого часа перед двором управления появилась густая толпа женщин, замыкаемая мужчинами, возбужденно выкрикивавшая отдельные фразы, выражавшие протест против объявленного набора. Такие фразы, как: “лучше умрем здесь, чем отдадим наших детей” показывали, что население мало верило указаниям полиции, что правительству нужны рабочие, а не солдаты. Проникнув за ограду, толпа прошла во двор и с теми же выкриками возбужденных женщин подступила к зданию полицейского управления. Пытавшиеся задержать и успокоить толпу пять туземных городовых и один русский были избиты. При этом у одного

туземного городского был отобран револьвер. Вышедшие к толпе на крыльцо управления и. д. полициймейстера пристав 4-го участка титулярный советник Мочалов, пристав 3-го участка титулярный советник Харчев и секретарь полицейского управления титулярный советник Трентовиус в попытках своих говорить с толпой успеха не имели. Возбуждение туземцев все росло, в окна управления и в стоящих у крыльца городских из толпы стали бросать камни. Пытавшийся усюветить бесновавшихся женщин ночной караульщик сарт был втянут в гущу толпы и на глазах чинов полиции убит. В это же время окружившие крыльцо туземцы стянули с крыльца титулярного советника Трентовиуса, повалили его на землю, выхватили из ножны шашку и пытались проташить его дальше. Лишь благодаря, тому, что и. д. полициймейстера титулярный советник Мочалов приказал окружающим его лицам выстрелить в воздух из револьверов, толпа на мгновение отхлынула и титулярному советнику Трентовиусу удалось вбежать в здание управления, при чем у него оказалась рассеченой, повидимому от удара камнем или об камень, кожа на голове. Подъехавший к управлению в десятом часу на извозчике в сопровождении пяти конных казаков полициймейстер туземной части подполковник Колесников, исправлявший в это время обязанности советника областного правления, свободно прошел на крыльцо управления. Попытки отеснить толпу с помощью казаков от здания управления окончились неудачей, точно также оказались безуспешными и те призывы к спокойствию и благоразумию, с которыми подполковник Колесников обратился к толпе. Настроение по отношению к чинам полиции продолжало оставаться явно враждебным, но последние никаких репрессивных мер по отношению к толпе не принимали. Лишь после того, как несколько рук протянулись к подполковнику Колесникову в попытке втянуть его в толпу, названный штаб-офицер выстрелил сам и приказал окружающим открыть по толпе огонь из револьверов. В ответ на это толпа бросилась к крыльцу, вследствие чего все чины полиции вошли внутрь полицейского управления, закрыли за собою дверь и стали по окнам, в виду обнаруженного намерения отдельных туземцев проникнуть в управление через окна. Подполковник Колесников успел еще уведомить о своем положении и. д. начальника города коллежского советника Кочана и вызвать роту юнкеров, под начальством подполковника Савицкого, вслед затем телефонные провода были порваны. Минут через 25-30, около 10 /2 часов утра с одной стороны

подъехал на извозчиках с городовыми коллежский советник Кочан, а с другой подошла рота юнкеров. Толпа начала постепенно редеть и к моменту приезда генерал-лейтенанта Галкина на улице полицейского управления оставалось не более четверти того количества туземцев, которое находилось здесь раньше.

Что появление толпы у полицейского управления не было случайностью, а явилось результатом какой то агитации среди населения, меня убеждает следующий факт: когда сопровождаемый мною и чинами полиции генерал-лейтенант Галкин, подойдя к толпе, обратился к одному из пожилых туземцев с вопросом-зачем он сюда пришел, последний ответил: звали всех на бунт, вот я и пошел. На дальнейшие вопросы генерал-лейтенанта Галкина, имевшие целью выяснить, кто звал и для какой, собственно цели, туземец этот никаких сведений не дал. Такой же приблизительно ответ дал и другой туземец на аналогичный вопрос генерал-лейтенанта Галкина.

В беседе, которую вслед за этим генерал-лейтенант Галкин вел с собравшимися пятидесятниками и почетными туземцами, последние высказывали глубокое сожаление о случившемся, объясняли печальный инцидент неосведомленностью темной массы о сути мероприятия и просили разрешения отложить подготовительные по набору работы на послепраздничное время, чтобы дать возможность населению спокойно провести праздники, успокоиться и не торопясь подготовиться к совершенно новому для туземцев делу отправки рабочих в Россию. Генерал-лейтенант Галкин обещал туземцам исполнить их просьбу, вслед, зачем туземцы и разошлись по домам.

В ближайшие за 11 июля дни выяснилось, что, вследствие открытия по толпе стрельбы из револьверов, среди туземцев оказалось убитыми и умершими от ран 11 человек и ранеными 15 человек. Пострадавших в войсках и командах в русском населении не было. Из чинов русской администрации пострадал, как выше указано, легко раненый в голову секретарь полицейского управления титулярный советник Трентовиус, затем один русский старший городской также легко раненый в голову камнем, пять туземных городских были избиты и один ночной караульщик убит.

Заканчивая настоящее описание, считаю себя обязанным оговориться, что события 11 июля, имевшие место в туземной части города Ташкента, с исчерпывающей полнотой освещены на судебном следствии при разборе дела туземцев, замешанных в событиях 11 июля. Не бывши

очевидцем событий и не имея материалов судебного следствия я, при составлении настоящего описания руководствовался теми впечатлениями, которые сложились у меня в бытность мою в должности штабс-офицера для поручения при военном губернаторе Сыр-Дарьинской области, данными, имеющимися в делах управления полицией-мейстера туземной части города Ташкента и теми сведениями и впечатлениями, которые получены мною после вступления в должность полицией-мейстера туземной части г. Ташкента.

Подлинное подписал: и. д. Полицией-мейстера туземной
части гор. Ташкента штабс-капитан
ТИХОЦКИЙ

*19 декабря 1916 года
г. Ташкент.*

III. Доклад Ташкентского уездного начальника Караульщикова

В. спешно.

**М. В.
НАЧАЛЬНИК**
Ташкентского уезда
17 декабря 1916 года,
№ 2781
Гор. Ташкент.

*Г. Военному губернатору Сыр-
Дарьинской Области.*

РАПОРТ.

До получения в Туркестанском крае высочайшего повеления о наборе рабочих настроение населения было совершенно спокойно, все распоряжения власти по поставкам лошадей в войска выполнялись беспрекословно. Проявлений ропота и недовольств замечено не было.

Мирное и спокойное течение жизни в уезде было нарушена вначале июля месяца распространением слухов о том, что население будет привлечено к отбыванию воинской повинности. Высочайшее повеление, опубликованное в местных газетах 8 июля о призыве рабочих в возрасте от 19 до 43-летнего возраста на тыловые работы в действующей армии, было встречено вследствие кривотолков и несомненной агитации крайне недоверчиво. Первые выступления,

направленные к неисполнению высочайшей воли начались в городах, к решению жителей которых и присматривались уездные туземцы. Беспорядки в Ташкенте быстро отразились и на уезде, где ранее до этого не замечалось каких-либо не только выступлений, но и особых разговоров и при расспросах уездных туземцев, как чинами администрации, так и частными лицами, чаще всего получался ответ: как Ташкент, так и мы. Так как приведение высочайшей воли в исполнение требовалось в кратчайший срок, то считаться с тем, что скажет старый Ташкент не приходилось, а нужно было немедленно приступить к объявлению высочайшего повеления и разъяснению туземцам уезда истинного смысла высочайшей воли в опровержение циркулирующих разных вздорных слухов, а также порядка, которым было намечено исполнение наряда рабочих. Горожане, а среди них в особенности люди зажиточные, не пожелали исполнить высочайшей воли и стали подбегать к разным способам, чтобы уклониться от исполнения высочайшего повеления. Одним из способов было избрано устройство массовых беспорядков. Для подобных выступлений всегда возможно было найти почву, в особенности в тех волостях, где существовала партийная вражда, которую легко было использовать в отношении должностных лиц. Чтобы успешнее были выступления, агитация поведена была вообще против волостных управителей, которых обвиняли в том, что рабочие призываются лишь только потому, что волостные дали подписки о согласии выставить рабочих, получив за это награды и деньги. Назывались даже суммы, которые якобы выдала казна волостным. Направив свои выступления против волостной администрации, неблагомыслящее население хотело этим путем терроризовать ее и с тем лишить русскую власть¹ привести в исполнение высочайшую волю. Был также и расчет на то, что будет недостаточно у русской власти сил, чтобы подавить массовый беспорядок, тем более что среди населения был пущен слух, что если и будут призваны войска, то они не будут стрелять, ибо они сами тяготятся войной и ищут случая лишь бы выразить протест. Такая агитация повела в уезде к целому ряду заявлений на волостных съездах о нежелании дать рабочих, стрельбу в войска, как протест против составленного приговора и т. п.

При осуществлении высочайшего повеления в уезде произошли следующие беспорядки: 12 июля и Ташкенте

¹ пропущено: возможности.

при канцелярии пригородного участкового пристава были собраны должностные лица, пятидесятники и представители от населения пригородного участка. Сначала приставом, а затем лично мною было разъяснено им высочайшее повеление о призыве инородцев на тыловые работы в действующей армии. Прибывшие выслушали разъяснение совершенно спокойно и когда им было предложено обратиться за разъяснением ко мне каких-нибудь вопросов, возникающих у них по выполнению наряда, то из толпы раздалось несколько робких голосов: "рабочих не дадим". Услышав это, я было предложил выйти сказавшему эту фразу, но никто не вышел. Я снова объяснил собравшимся, что Высочайшая воля должна быть исполнена, что разговоры о том, что "рабочих не дадим" поведут к печальным последствиям и что если сами общества не выполнят наряда добровольно тем порядком, который был указан, мною, то рабочие будут взяты силою.

14 июля я лично разъяснил высочайшее повеление собравшимся в селении Троицком представителям туземного населения от этого участка. После долгих переговоров и разъяснений чувствовалось, что в населении есть какое-то колебание, — исполнять ли высочайшую волю или нельзя ли какнибудь уклониться от ее исполнения, или оттянуть исполнение на продолжительный срок. Собравшихся было человек не менее 300, при чем среди них были и не приглашенные приставом, а приехавшие сами. По окончании переговоров, собравшиеся стали расходиться с моего разрешения и вот в это время послышались отдельные слова: "рабочих не дадим". Кто кричал эти слова, установить не удалось. Я собрал волостных управителей и еще раз уяснил им преступность нежелания исполнить высочайшую волю и те печальные последствия, которые ожидают население в случае фактического неисполнения высочайшего повеления. Волостные управители заявили, что они воздействуют на население и полагают, что наряд будет выполнен добровольно.

12 июля в селении Янги-Базар, Китай-Тюбинской волости, Ханабадским участковым приставом были собраны должностные лица, пятидесятники и представители от населения из волостей, Джалал-Тюбинской, Китай-Тюбинской, Кош-Курганской и Джетыгенской. После разъяснения высочайшего повеления собравшиеся заявили приставу, что народ уполномочил их заявить, что рабочих они дать не могут, так как таковых у них не хватает для своих работ. 13 июля пристав снова разъяснил собравшимся, что разговоров

о неисполнении высочайшей воли быть не может и что он собрал их не для того, чтобы выслушать от них желают ли или не желают они исполнить высочайшую волю, а затем чтобы разъяснить, что от них требуется и как должно быть исполнено и чтобы они правильным освещением высочайшего поселения народу опровергли те нелепые слухи, которые среди него распространяются. Пятидесятники заявили, что они передали желание народа рабочих не давать и передадут ему, что требовал пристав.

14 июля в сел. Ханабат тем же приставом были собраны волостные съезды от волостей Кенджигалинской, Хурданской, Аблыкской и Теляузской. Помимо участников съезда, съехалось много и посторонних лиц из этих волостей. Когда приставом было разъяснено высочайшее повеление, то из толпы стали кричать; “рабочих не дадим” “бей должностных лиц”. Многие бросились на Кенджигалинского волостного управителя, и когда джигит пристава Баймурат стал кричать и призывать стражников спасти волостного, то часть толпы набросилась на него, изранила его ножами и разграбила у него почти все имущество, хранящееся в его же чайхане. Кенджигалинскому волостному удалось спастись при помощи своих родственников. Пристав же, будучи во время разговоров затерт в толпу, пробился к себе в квартиру, вооружился сам, дал ружье своему переводчику Якубджану и теляузскому учителю Воронежскому и с ними вместе бросился разгонять толпу, втолкнув к себе в квартиру избитого и раненого Баймурата, которому едва удалось вырваться и прокладывая себе дорогу с шашкой в руках, толпа увидев пристава с плеткой в руках разбежалась в паническом страхе, запираясь в караван-сараях, а затем, по приказанию пристава разъехалась.

13 июля в Той-тюбе при объявлении высочайшего повеления Пскентским участковым приставом волостному съезду, из собравшейся толпы раздались крики: “рабочих не дадим”. Волостной управитель этой волости объяснил пристава это нежелание происками его противника Той-Тюбинского казиза. Как тот, так и другой были вызваны приставом в Пскент, где якобы они примирились и дали обещание повлиять на народ к исполнению высочайшей воли.

14 июля в Пскент были собраны должностные лица пятидесятники и представители от населения волостей Ак-Курганской, Букинской, и Майдантальской. Собравшаяся на пскентском базаре толпа в несколько тысяч человек начала кричать, что рабочих народ не даст и стала требовать

от пристава отпустить должностных лиц. Когда те вышли, то толпа успокоилась и разошлась. Такие выступления туземцев после беспорядков, происшедших в Ташкенте, вызвали необходимость вызвать в сел. Пскент и Ханабад по одной роте и командировать в распоряжение участковых приставов по 15-ти оконченных нижних чинов. С прибытием войск настроение у туземцев несколько изменилось к лучшему. 19 июля он объехал сел. Той-Тюбе, Пскент к Ханабад, собрал бывших там по случаю праздников на базарах людей, лично сам разъяснил высочайшую волю, и, что заявления населения о нежелании дать рабочих, то-есть не исполнить высочайшее повеление вызвало посылку войск и введение военного положения, а в дальнейшем малейший беспорядок и уклонение от исполнения высочайшей воли повлечет за собою применение военной силы. До 21 июля выступлений к нарушению порядка ни в одном из участков не было.

21 июля в 2 ч. 40 м. по телеграфу со станции Кауфманской было получено донесение пригородного участкового пристава о том, что там население произвело стрельбу в войска после того, как узнало о том, что собранный съезд Зенгиатинской волости составил приговор о разверстке рабочих по сельским обществам. По получению этих сведений и докладе о них г. военному губернатору и прокурору Ташкентского окружного суда, я отправился с товарищем прокурора и следственный судьей на место беспорядков с первым же отходящим поездом. На станцию Кауфманскую был выслан карательный отряд, по прибытии которому не пришлось применить каких-либо репрессий, так как порядок был уже восстановлен. На месте выяснилось, что когда съезд волостных выборных, собранный во дворе мечети, после долгих переговоров решил составить разверстку, то с улицы и во дворе мечети стали раздаваться крики: "не смей давать подписки", "рабочих не дадим", с крыш соседних домов послышались револьверные выстрелы, а затем началась стрельба. Прибежавшие из охраны со станции Кауфманской нижние чины тоже открыли огонь. В результате беспорядков оказались убитых выстрелами из винтовок 2 туземца, ножом в полость живота русский рабочий Гончаров, избит и изранен туземец и убита 1 лошадь. Задержано было свыше сорока туземцев, как бы причастных к беспорядкам. По выяснении же личностей, большинство освобождено. Часть выслана этапным порядком за бесписменность.

21 июля в Пскент был собран волостной съезд для

распределения рабочих между обществами. Прибывшие на съезд жители сел. Пскент Мирза Мавлаенбаев и другие в числе 9 человек и с ними назвавшийся зааминским сартом Туранов заявили съезду и собравшейся на месте съезда толпе, что они рабочих не дадут, а затем толпа, ими предводимая, намеревалась избить волостную и сельскую администрацию и пятидесятников.

В Букинской волости в тот же день также был собран волостной съезд, на этот съезд собралась тысячная толпа из жителей волости, которая заявила о нежелании давать рабочих, произвела крики и шум, а затем разошлась. Волостной съезд не состоялся. Волостной управитель, которому угрожала толпа, вынужден был скрыться в русский поселок.

В Ак-Курганской волости 21 июля в кишлаке Ак-Курган также был созван волостной съезд для разверстки рабочих, но вместо лиц, участвующих на съезде собралось 600-700 туземцев из разных кишлаков со своими главарями. Главари кричали, что они предварительно убьют волостного управителя, а потом дадут рабочих. Толпа бросилась во двор волостного с криками "убить", волостной скрылся в балахане а когда стемнело уехал в Пскент, 22 июля около 2½ часов дня получено донесение пскентского участкового пристава о том, Что в селении Той-Тюбе, тысячною толпою разграблен дом Той-тюбинского волостного управителя Бек Магомета Маллябиева, который убит. Разрушена канцелярия и все сожжено. Бывшие с урядником четыре нижних чина в доме Той-тюбинского волостного пробились. Сам пристав, получив сведения от урядника о случившемся, прибыл с войсковой командой в Той-Тюбе, которое, как и ближайший кишлак Кара-Су, оказалось Покинутым населением.

События, имевшие место 22 июля в селении Той-Тюбе по донесению пскентского участкового пристава от 31 июля за № 2464. представляются в следующем виде: толпа в несколько тысяч человек, вооруженных кто чем мог включительно до огнестрельного оружия подступила к дому волостного управителя Бек Магомета Маллябиева. Убив его, произвела над трупом издевательства: вырезала язык, забила в задний проход кол и др. После убийства начался грабеж его имущества, которое было вывезено на арбах. Оставленные накануне приставом 4 нижних чина и урядник Кабаев в распоряжение волостного, стреляли в толпу, а затем прорвались через толпу, явились невредимыми в Пскент и доложили о случившемся приставу. Пристав с командой нижних чинов в 60 человек прибыл на место происшествия,

толпы уже не было и все жилые и торговые помещения в Той-Тюбе были заперты, а туземцы отсутствовали. Причастными к беспорядкам из должностных лиц оказались и были арестованы Казии Той-Тюбинской и Осман-Атинской волостей — Али Магомет Худай Бергенов, № 4 бий Той-Тюбинской волости-Дулдай Джиенбеков, кандидат № 1 бия Нормаймед¹ Утегенов, старшина селения Кара-Су Мирза Рахимбаев, кандидат старшины села Якын Ходжа Джиенбеков и др. Всего по делу этому было арестовано 76 человек.

Ночью на 23 июля 1916 года от пскентского участкового пристава получено было донесение, в котором он сообщал, что находясь с 60 нижними чинами в селении Той-тюбе, где перед этим произошли беспорядки и был убит волостной управитель, он, пристав, считает себя недостаточно обеспеченным вооруженной силою для поддержания в участке при создавшемся положении должного порядка.

Того же числа в 2 часа ночи был вызван господином военным губернатором Сыр-Дарьинской области помощник по занимаемой мною должности, подполковник Афанасьев, которому было приказано немедленно отправиться в селение Той-тюбе с командированной туда военной силой в 100 человек пехоты и точно выяснить создавшееся в Пскентком участке положение, вызывавшее тревогу участкового пристава и водворить порядок.

22-го июля одновременно с донесением Пскентского участкового пристава о происшествии в Той-тюбе мною получено было телеграфное донесение от пригородного пристава о том, что вблизи Чиназа тысячная толпа киргизов Алтыновской и Джетыкенской волостей угрожает нападением на селение Чиназ, в котором волостной съезд сделал добровольно разверстку рабочих по обществам. Воинской силы для подавления беспорядков у пристава оказалось недостаточно, а потому он просил о высылке карательного поезда со станции Кауфманской. Доложив о полученных сведениях военному губернатору, я вместе с товарищем прокурора выехал на место беспорядков.

С прибытием карательного отряда и при появлении его по двум дорогам в кишлаке Ялама, где были сосредоточены толпы киргизов, последние бежали, оставив должностных лиц и Пятидесятников. Войска стреляли в кучку человек 15-ть киргизов, не пожелавших остановиться, при чем один из киргизов оказался раненым. По Алтыновской волости волостной съезд состоялся в тот же день, и разверстка была сделана. По Джаусугумской съезд составить было нельзя,

¹ Так в подлиннике.

так как часть пятидесятников вместе с людьми скрылись в Джизакский уезд.

22 июля в Каризской волости в сел. Мурат-Али собралась толпа около 600 человек, производя беспорядки и выражая нежелание давать рабочих для тыловых работ. Волостной управитель командировал туда почетных лиц и своего писаря объявить толпе, что 22-го июля волостного съезда не будет и что толпа должна разойтись тихо и мирно по домам. Собравшаяся толпа, не обращая внимания на уговоры, бросилась на писаря и почетных лиц и хотела учинить над ними самосуд. Все эти лица от толпы бежали в сел. Кариз и попрятались в чужих домах. Толпа их преследовала, но розыскать не могла. После этого толпа бросилась на дом волостного управителя, разбила окна и двери, хотела убить его, но он спасся бегством.

По донесению подполковника Афанасьева события в Пскентском участке и действия отряда представляются в том виде, как это изложено в рапорте помощника начальника уезда 1 августа 1916 года, за № ¹⁾ в копии при сем прилагаемом.

В общем, за время происходивших беспорядков в уезде с 21 июля по 1 августа с. г. пострадавших:

1. В войсках и командах не было.
2. В чинах русской администрации и вольнонаемных служащих не было.
3. В русском селении убит-1 рабочий на ст. Кауфманской.
4. В туземном населении убитых на ст. Кауфманской 3 и в селении Той-Тюбе-4 чел.
5. В туземной администрации – 1 убит.
6. Сожженных домов: в Той-тюбе – 8, селении Раватак – 4 и кишлаке Каркала-2 (Дульдая и Норча); стоимость всех сгоревших домов (14) определяется в 36.300 рублей. Сожжена канцелярия Той-тюбинского волостного управителя и все дела, расхищено его имущество на 40.000 рублей.

В это же время у проживающих в Доме этого волостного крестьян было также расхищено имущество: по их оценке на сумму – у Савинова- 345 р. 70 к. у Сахно – 1024 р. 50 коп., у Зайцевой – 596 рублей, у Кузнецовой – 361 р. и у урядника Кабаева на 7296 р. 25 к.

По полученным сведениям от Той-тюбинского стар

¹ Имеющийся в деле рапорт опущен, как целиком повторенный в печатаемом ниже докладе военного губернатора Сыр-Дарьинской области. Номер рапорта в подлиннике пропущен.

шины убитых туземцев во время беспорядков кроме волостного управителя 4. Попытка установить точную цифру убитых и раненых во время этих беспорядков не увенчалась успехом, так как туземное население усиленно это скрывает, конечно, главным образом из опасения привлечения родственников участников беспорядков к ответственности, а также и тех раненых, которые остались в живых. Точная цифра убитых может лишь выясниться по полному успокоении населения и твердой у него уверенности, что кроме, уже привлеченных к ответственности за беспорядки больше привлекаемы к таковой не будут.

Начальник уезда полковник **КАРАУЛЬЩИКОВ**
Секретарь (подпись).

IV. Доклад Аулиэ-Атинского уездного начальника Костальского

М. В.

*Сыр-Дарьинское областное
правление*

Н а ч а л ь н и к

Аулиэ-Атинского уезда

29 ноября 1916 года

№ 109

г. Аулиэ-Ата

Сыр-Дарьинской области.

РАПОРТ

На предписание от 14 ноября 1916 года, за № 1021 доношу: еще в конце мая в население проникли слухи, о каком то "предстоящем наборе туземцев, источника которых никто не знал, но надо полагать, что это были отголоски петроградских канцелярских тайн по подготовке высочайшего указа. В июне эти слухи стали упорнее и стали комментироваться в широкой публике. Администрация считала их нелепостью, так как не было предварительных запросов, туземцы же считали; что их хотят привлечь к отбыванию воинской повинности, и когда указ состоялся, то не верили его букве и считали, что их хотят взять на войну обманным путем. Более детальная подготовка умов мусульманского населения со стороны эмиссаров Турции и Германии шла очевидно в Семиречье, до уезда же она достигла путем народной молвы, но создавшееся в умах убеждение было настолько упрочнено, что никакие разубеждения администрации уже не могли подействовать. Отношение русского

населения к мусульманскому было местами холодное; местами враждебное и редко где сносное. Некоторые крестьяне, из озорства, стали подраживать мусульман, что их ведут на убой, а другие рассчитывали, что если мусульмане не станут давать рабочих, то у них в наказание отымут землю и наградят ею русских, но никто из них не ожидал вооруженного бунта. Если бы не было вооружения и беспорядков в Семиречье, то и в уезде туземцы оказали бы, самое большое, пассивное сопротивление и в конце концов нелепость слухов была бы рассеяна местной администрацией. Слухи о вооружении и в Семиречьи, а затем и первоначальные успехи мятежников этой области, как зараза действовали на киргизов Причуйских волостей (север уезда), имевших близкие сношения с киргизами Пишпекского уезда и затем она распространилось к югу и на волости, прилежащие к сел. Мерке и гор. Аулие-Ата. Хотя киргизы волновались и в Асинском участке и в Горном, но уже значительно меньше, так как были далее от очага заразы и в этих участках вооружения и самостоятельных выступлений не было. Из Асинского участка к бунтовщикам Чуйского участка присоединились отдельные группы, имеющие родовую связь с последними.

Первый беспорядок в уезде имел место в конце июля и состоял в нападении на кордон лесобъездчика Карача, и 60 верстах к северу от города Аулие-Ата в отсутствии последнего и выразился в уничтожении имущества. Следствие не устанавливает повода к нападению. Может быть, это были личные счеты, а вернее выражение враждебности к русским. Но, так как толпа не была еще подготовлена к нападению и защите, то она быстро опомнилась и сейчас же выдала виновных. Конец июля и весь август население волнуется; пристава разъезжают и убеждают, большая часть населения дает списки, не желающие давать уключивают на север в пески и под влиянием сведений из Семиречья начинается вооружение. Администрация уезда получала очень краткие и запоздалые сведения о джизакских и о семиреченских событиях, сведения о том что делается в песках были крайне смутны, ибо население тщательно скрывало вооружение, почему заняла выжидательное положение, так как весь август никаких выступлений со стороны местных киргизов не было и в виду того, что большая часть населения давала списки, была надежда, что откочевавшие одумаются и примкнут к мирным киргизам. В слухи про семиреченские беспорядки как-то не верилось, так как недавно читали, что в Верном кричали “ура” и были

спешные извещения о ближайшем проходе через уезд 60 тысяч рабочих этой области. В конце июля, вероятно под влиянием джизакских беспорядков, но не по требованию местной администрации в Аулиэ-Ата прибыл батальон 2-го Сибирского полка, назначенный для охраны местного населения. Батальон этот состоял из зеленой молодежи досрочного призыва, почему, вероятно, и не был двинут в Семиречье, куда войска прошли позднее, а именно первый отряд подполковника Гейцига прошел через Аулиэ-Ата 14 августа. Большая часть батальона была расквартирована по поселкам, остальная часть в городе. В селение Мерке войск не было послано, так как там было около 100 человек нижних чинов при офицерах и воинский начальник обещал вооружить эту команду. 29 августа, пристав Меркенского участка узнав, что в 20 верстах к северу от Мерке собралась толпа киргизов из числа нежелавших давать списки и приблизившихся из песков к селению, взял 10 человек нижних чинов из конского запаса, джигитов и выехал с целью вступить с бунтовщиками в переговоры и попробовать убедить их дать списки. Встретил вооруженную пиками, топорами, батиками, ножами, самодельными кинжалами тысячную толпу, которая переговоров не допустила и атаковала пристава, бежавшего со своею свитою в селение Мерке. Нападавшие разделились и часть их напала на сел. Мерке, часть на соседнее селение Кузьминку, уже оставленную жителями, переехавшими по тревоге в селение Мерке, часть на сел. Каменку и Луговое. В Кузьминке никого не было, почему киргизы сделали несколько поджогов и угнали часть скота.

Нападения на остальные селения, которые продолжались и 30 августа, были отбиты нижними чинами, находившимися в этих селениях. В окрестностях Мерке бунтовщики разрушили 9 заимок при чем был убит старик Укладов, а 31-го августа между Мерке и Чалдоваром убит ямщик Золотов. 29 августа, при нападении на пристава, ранен писарь Шелякин. Других жертв со стороны русских в этом районе не было.

Того же 29-го августа, к северу от Мерке, в 100 верстах, киргизы Ашинской волости напали на сел. Ново-Троицкое, в котором и окрестностях угнали скот, произвели 9 поджогов и 2 грабежа. Нападения были отбиты крестьянами и воинской командой в числе 40 человек при офицере.

Того же числа из сел. Ново-Троицкое выступила в гор. Аулиэ-Ата команда призванных ополченцев. Всех с сопровождавшими было 74 человека. Люди эти к вечеру

заночевали в 30 верстах к югу от Ново-Троицкого в Камышсарае и подверглись внезапному ночному нападению киргизов той же Ашинской волости. Из этих 74 человек было замучено и брошено в колодцы 22 человека, 32 человека пропали без вести, а остальные спаслись бегством. Из числа 32 чел. впоследствии 12 оказались в плену и освобождены, а остальные 20 видимо убиты, так как некоторые трупы обнаруживаются в песках.

Сейчас же по получении телеграфного сообщения о происшествиях 29 августа, спешно на подводах и почтовых лошадях из Аулиэ-Ата были двинуты две полуроты и впоследствии добавлена еще рота, которые усилили гарнизоны селений и в середине сентября из сел. Мерке был двинут к селению Ново-Троицкому небольшой карательный отряд, который рассеял скопища киргизов. Немного ранее из Пишпека прошел на Ново-Троицкое и далее по р. Чу на сел. Гуляевку карательный отряд штабс-капитана Полторацкого. Действия этих отрядов убедили киргиз в их слабости. К тому же времени подоспели известия о полном поражении бунтовщиков в Семиречье, и был опубликован приказ главного начальника края, уменьшивший наряд и детальным описанием цели набора и указанием порядка его ясно опровергнувший нелепость слухов, возбуждавших умы населения. Все эти причины убедили киргизов в глупости содеянного и необходимости подчиниться указу. Пока прошли войска и водворили порядок, крестьяне селения Мерке и других селений, на которые были произведены нападения, ограбили часть брошенных киргизских зимовок и убили несколько одиночных киргизов. Эти самоуправства несколько замедлили возвращение киргизов на зимовки, но в 20 числах сентября они уже начали возвращаться, а в конце сентября уже были выданы главари беспорядков. Киргизы Причуйских волостей к северу от Аулиэ-Ата не пожелавшие давать списков держались сначала около р. Чу, но затем, узнав о событиях 29 августа, осмелели и вооруженною толпою двинулись по направлению к городу. Пристав Чуйского участка, узнав об этом движении, выступил из гор Аулиэ-Ата в пески с небольшим отрядом в 65 человек, при 3-х офицерах, без обоза, и встретил. 16 сентября скопище вооруженных киргизов около 3000 человек в 70 верстах к северу от города, в долине Аманкула. Цель движения была мирная, вступить в переговоры и убедить бунтовщиков к даче списков. Но бунтовщики первые бросились в атаку и сделали несколько выстрелов. Встречный залп отряда дал небольшое число

жертв, которых киргизы подобрал и, отступив, повторили атаку еще 2 раза. Последняя атака была произведена очень густым строем, жертв было 20-30, что навело панику и подобрав трупы, скопище разбежалось. Следствие устанавливает, что киргизы перед нападением зарезали белую кобылу, выбрали предводителей, знаменщика и дали клятву идти бить русских и мирных киргиз, давших списки. Пристав вернулся с отрядом в город, взял обоз и 21 сентября с тем же отрядом прошел 300 верст через Муюнкумские пески до р. Чу и затем еще 100 верст по Чу до сел. Ново-Троицкое. Сопротивления нигде не встретил, все население начало успокаиваться, выдавать главарей и давать списки, а 9 октября из Аулиэ-Ата выступил первый эшелон рабочих.

Как выше было сказано русских убито 41 человека, на них один ямщик, ранен легко писарь Шелякин, в войсках командах потерь не было, русская и туземная администрация не пострадала. Сгорело построек: а) в Ново-Троицком домов 4, сараев 2, амбар 1; б) в Кузьминке заимок 9. В отношении рогатого скота добыть точных сведений пока нет возможности, так как за начавшимся успокоением киргизов большая часть скота была возвращена, а в отношении недостающего совершаются миролюбивые сделки, которые еще не закончены.

Кузьминцы предъявили, что у них вместе со сгоревшими постройками погибло пшеницы 20.000 пудов, муки 600 пудов, овса 3000 пудов, клевера 75.000 снопов, сена 1.500 копен. Общую сумму убытков Ново-Троицкие исчисляют 100.000 руб. На сколько эти сведения дуты видно из того, что когда пристав опрашивал отдельно мужа и жену, то один из супругов показал, что погибло 50, а другой, что 400 пудов пшеницы. Для установления более истинных цифр я назначил особую комиссию под председательством пристава и просил господина прокурора Ташкентского окружного суда о поручении следователям, помимо выяснения уголовной ответственности также и размера причиненных убытков. Бесперывные наряды рабочих, проход через уезд семиреченских рабочих, разных эшелонов войск, скота, партий лошадей комиссии генерала Сусанина настолько отрывают приставов от выполнения текущей работы, что я не ожидаю скорого окончания работы этой комиссии.

Известно несколько случаев, когда из числа нападавших некоторые киргизы давали возможность бежать женщинам и детям, а также случаи, когда киргизы охраняли русское имущество. Это указывает, что среди вооруженных скопищ было много не сочувствующих движению, но увлеченных

главарями помимо желания. Добровольная и быстрая выдача виновных также является доказательством этого. В виду изложенного можно придти к заключению, что среди мусульманского населения уезда закореневшей внутренней вражды к русским не было. Эксплуатация киргизского труда, недобросовестные сделки, презрительное отношение к киргизу со стороны крестьянского населения существуют, но они не дошли до такой степени развития, как в Семиречьи, как о том свидетельствуют очевидны Семиреченских беспорядков. Особенно характерны в этом отношении рассказы командира саперной роты прапорщика Кочергина.

Начальник уезда полковник
КОСТАЛЬСКИЙ

Секретарь (подпись).

V. Доклад Сыр-Дарьинского военного губернатора Галкина

Копия

М. В.
Военный губернатор
Сыр-Дарьинской области
3 августа 1916 года
№ 530
гор. Ташкент

*Туркестанскому генерал-
губернатору*

Представляю при этом Вашему высокопревосходительству рапорт Ташкентского уездного начальника от 1/3 сего августа за № 1504 с подробным описанием всех происшедших в Ташкентском уезде беспорядков, в связи с выполнением высочайшей воли о наряде рабочих на тыловые работы.

К изложенному полковником Караульшиковым в его рапорте об обстоятельствах командирования с Пскентский участок подполковника Афанасьева и его там действиях, докладываю следующее: В ночь на 23 июля двумя нижними воинскими чинами доставлено было в Ташкентское уездное управление краткое донесение Пскентского участкового пристава о том, что, находясь с 60 нижними воинскими чинами в селении Той-Тюбе, где перед этим произошли беспорядки и убит волостной управитель, он пристав, считает себя недостаточно обеспеченным вооруженной

силой для поддержания при создавшемся положении, должного порядка и предупреждения возможности новых беспорядков в Пскентском участке.

Исходатайствовав тогда же, в 2 часа, ночи распоряжение о спешном командировании в Той-Тюбе одной роты с пулеметом, я вызвал к себе помощника уездного начальника подполковника Афанасьева и приказал ему, за отсутствием уездного начальника из Ташкента, отправиться вместе с командированной ротой в Той-Тюбе, точно выяснить создавшееся там положение, вызвавшее тревогу участкового пристава и если командированная в распоряжение пристава военная сила действительно недостаточная для водворения полного порядка, предупреждения возможности волнений и рассеяния скопищ туземцев, то принять меры к водворению порядка при содействии посылаемой силы, при этом мною было указано подполковнику Афанасьеву, что при малейшем сопротивлении, насилии или неповиновении, со стороны мятежных скопищ следует принимать самые решительные меры, прибегая во всех таких случаях к содействию вооруженной военной силы.

В 4½ часа утра 23 числа подполковник Афанасьев выступил из Ташкента с командированным отрядом в 100 человек нижних чинов, с одним пулеметом.

В селении Той-Тюбе, а также в попутном туземном селении Кара-Су нормальное течение жизни оказалось нарушенным: торговля закрытой, большая часть населения разбежавшейся, в Той-Тюбе на улице лежали неубранными три трупа туземцев, убитых при нападении на дом волостного управителя, встречавшиеся по пути русские люди, жители Пскентской волости, тоже были охвачены паникой и свидетельствовали о серьезности положения и боязни русских людей насилий со стороны туземцев.

Участкового пристава, с отрядом нижних чинов в 60 человек, подполковник Афанасьев нашел в двух верстах за селением Той-Тюбе, вблизи имения подполковника Джурабека, при чем там же находились и арестованные уже приставом лица, уличаемые и подозреваемые в участии в произведенном в Той-Тюбе беспорядке и убийстве волостного управителя. Арестованных было семьдесят человек и их решено было отправить в место нахождения канцелярии пристава – в селение Пскент, чтобы там приставу приступить к дознанию личности арестованных и оформить их задержание; производство дознания по соглашению с мировым судьей г. Ульяновым решено было отложить. Отправив, таким образом, арестованных, под надежным конвоем, в

Пскент, участковый пристав, с 30 конными нижними чинами присоединился к подполковнику Афанасьеву.

По докладу пристава подполковнику Афанасьеву, беспорядки в Той-Тюбе произошли на почве нежелания туземцев подчиниться воле государя императора о поставке рабочих, при чем по добытым приставом сведениям о нападении на Той-Тюбинского волостного управителя, участвовало между прочим население кишлака Равотак; кишлак этот населен ходжами и по тем же сведениям пристава, ходжи этого кишлака вообще занимались пропагандой среди окрестных туземцев идей неподчинения высочайшей воле, при чем для успеха такой пропаганды уверяли туземцев, что брать будут не на работы, а в солдаты и что тела убитых или умерших на чужбине мусульман будут осквернены погребением вместе с русскими. Те же Равотакцы в день беспорядков в Той-Тюбе приехали в селение Кара-Су, заставили местных торговцев прекратить торговлю и требовали не подчиняться набору рабочих. Кроме того, приставом были получены сведения, что весть о происшедших в Той-Тюбе беспорядках и произведенных арестах распространилась по Пскентскому участку и уже как будто восстали другие волости и произвели в разных местах беспорядки, при чем Османатинская волость идет, будто бы, на присоединение к Той-Тюбинской, с целью освобождения арестованных.

Все это взятое вместе привело подполковника Афанасьева к мысли о серьезности создавшегося и Пскентском участке положения, грозящего печальными последствиями, если не принять самых решительных мер воздействия на туземные массы этого района. Изыскивая способы наиболее надежной ликвидации волнений, подполковник Афанасьев решил самым беспощадным образом дискредитировать значение и влияние выяснившихся к тому времени главарей происшедших беспорядков и агитации и показать смущенному ими мусульманскому населению силу русской власти, на которую спокойно могут опираться люди, здраво понимающие создавшееся положение и готовые подчиниться воле государя императора, но терроризованные главарями движения. Вместе с тем подполковник Афанасьев решил пройти все волости Пскентского участка, водворить порядок и, опираясь на содействие имевшейся военной силы, настоять на составлении общественных приговоров и списков лиц, назначенных обществами на работы.

Действуя в дальнейшем в указанном направлении, подполковник Афанасьев сделал распоряжение, чтобы

утром 24 июля был собран сход в Той-Тюбе, но распоряжение это исполнено не было и когда подполковник Афанасьев с отрядом прибыл в это селение 24 числа, то население отсутствовало.

Имея сведения, что население скрылось в окрестные сады и камыши, подполковник Афанасьев приказал конным нижний чинам сгонять население к дому волостного управителя; не прошло и полчаса, как население стало собираться и из 235 дворов собралось около 200 человек; по разъяснении сходу, на котором присутствовала и сельская администрация, всех обстоятельств дела и тяжести ответственности за сопротивление высочайшей воле, было предложено составить приговор и списки рабочих согласно разверстке съезда произведенной ранее, за день до убийства волостного управителя. Сначала собравшиеся ответили подполковнику Афанасьеву, что подчиняться не желают, но затем под угрозой принятия решительных мер, выбрали рабочих и составили список и приговор.

После этого, преследуя указанную выше цель, дабы тут же показать населению к чему может вести деятельность людей, подбивающих темные массы к беспорядкам и сопротивлению, подполковник Афанасьев приказал поджечь в Той-Тюбе постройки выяснившихся главарей происшедших беспорядков и убийства волостного управителя, что и было исполнено. Некоторые жители скрывавшиеся в камышах, бросились к горевшему дому местного казья (находившегося в партийной вражде с убитым волостным управителем и являющегося по имеющимся данным инициатором этого убийства) и пытались прорваться сквозь оцепление; почему против них было употреблено огнестрельное оружие, точных сведений о числе убитых и раненых не имеется, так как, убегая, туземцы уносили своих убитых и раненых, но предполагается, что при стрельбе этой было убито и ранено около двадцати туземцев.

Отправившись затем с отрядом в селение Кара-Су, подполковник Афанасьев собрал там сход, который без всяких инцидентов и возражений исполнил все требовавшееся от него по поставке рабочих. На сходе этом приставу, однако, было заявлено, что жители селения Кара Су боятся мести за беспрекословное исполнение наряда рабочих со стороны ходжей селения Равотак и просили предотвратить возможность такого насилия. Это обстоятельство еще более, укрепило убеждение подполковника Афанасьева в том, что селение Равотак, населенное ходжами, является главным

очагом происходящей в Пскентском участке смуты и что очаг этот слишком опасен для спокойствия в участке, так как ходжи этого селения подчинили своей воле окрестных туземцев и держат их в страже перед возможностью мести и насилия за неисполнение желания ходжей.

Подполковник Афанасьев решил немедленно разрушить такое сильное влияние ходжей на туземные массы и показать населению, что оно без риска для себя и своего благосостояния может не подчиниться воле равотакских фанатиков. Отравившись в тот же день в селение Равотак, и увидев на месте враждебность жителей этого селения из их действий и отношений к прибывшему отряду, приказал уничтожить имущество выясненных к тому времени главарей, так же как и в Той-Тюбе, что было исполнено.

25 числа подполковник Афанасьев с отрядом выступил в Османатинскую волость, куда предварительно послал джигита. Волость оказалась собранной, хотя со времени посылки джигита собрать ее еще и не могли, это обстоятельство еще более убедило подполковника Афанасьева, что собиралась волость, как это было доложено ему приставом, для преступных целей, но полученные сведения о событиях, имевших место в Той-Тюбе, и Равотаке виднее заставили собравшихся одуматься и по требованию подполковника Афанасьева ими был составлен общественный приговор и именные списки рабочих без всяких инцидентов.

После этого подполковник Афанасьев прошел Ак Курганскую, Букинскую и Каризскую волости и настоял обо всех этих местах на составлении общественных приговоров и списков рабочих.

По обнаружившемся при этом настроению населения и по тем событиям, какие имели место в этих местах за несколько дней перед тем, подполковник Афанасьев вынес впечатление, что к покорности население этих волостей склонно не было, но их отрезвили полученные сведения и меры, принятые в отношении главарей в Той-Тюбе и Равотаке.

Из изложенного, Ваше превосходительство, изволит усмотреть, что принимая карательные меры, в виде уничтожения имущества главарей возмущения населения, подполковник Афанасьев, вышел из рамок, данных мною ему указанием и пределов прав и обязанностей по должности помощника уездного начальника и с точки зрения существующего закона такие действия не могут быть оправдываемы, но если взглянуть на дело с точки зрения происшедших в крае событий и считать, что начавшиеся

было в Пскентском участке беспорядки и убийства волостного управителя являлись отдельными эпизодами движения туземцев вылившегося в Самаркандской области в форму открытого восстания, с избранием хана и проявлением крайней жестокости в отношении властей и русского населения, то нельзя не признать, что принятые подполковником Афанасьевым карательные меры отвечали моменту и принесли несомненную пользу делу восстановления порядка, так как меры эти, несомненно, способствовали отравлению туземных масс, уничтожению влияния главарей движения и успокоению окрестного русского населения, безопасность которого вполне обеспечивалась принятыми мерами.

Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству.

Подписал: генерал-лейтенант
ГАЛКИН

Верно: Старший чиновник особых поручений, (подпись).

VI. Доклад Ферганского военного губернатора Иванова Декабрь 1916г.

ОТЧЕТ

о беспорядках, происшедших в Ферганской области по
поводу Высочайшего повеления о наборе рабочих на
тыловые работы от 25 июня 1916 года

И. О п и с а н и е б е с п о р я д к о в.

1. 8 июля, в селении Авган, Кайнарской волости, Кокандского уезда, произошли беспорядки, выразившиеся в драке, с нанесением ножевых ран нескольким туземцам, производившим исправление списков. В селении Найманча в крике, задержании одного караульщика, а когда прибыли чины русской администрации, то двое туземцев своими криками призывали толпу к активному выступлению, один из этих туземцев стал даже собирать камни (а по словам пристава Класовского и стражников даже бросил камень в пристава Класовского). В первом селении беспорядки окончились до прибытия чинов русской администрации, а во втором спустя 20-30 минут по прибытии чинов русской администрации.

2) 9-го июля, в 5 часов утра в селении Гаязы-Яглык, Коканд-ского уезда, толпой были убиты волостной управитель, его мирза и джигит, а защищавшимся волостным управителем убит один из нападавших туземцев. Беспорядки продолжались не более часа и прекратились с момента убийства перечисленных выше лиц. В селении Шейхляр, Янги-Курганской волости, Кокандского уезда, по призыву имама, собравшаяся толпа туземцев ворвалась в дом скрывшегося сельского старшины 2-го Бачкирского сельского общества, уничтожила списки и подожгла дом. Беспорядки окончились до прибытия русской администрации в тот же день. При объявлении в мечети “Джами” 2-й части г. Андижана высочайшего повеления, толпа туземцев около 500 человек, категорически отказалась дать рабочих, при чем угрожала перерезать всю туземную администрацию, после чего устремилась по направлению к русской части города, бросая в препятствовавших движению толпы казаков и полицию камнями, кетьюменами и палками, почему по приказанию начальника уезда, дабы воспрепятствовать дальнейшему движению толпы к русской части города, был открыт ружейный огонь, и толпа рассеялась, оставив троих убитых и 8 раненых. При подавлении восстания был ранен каменем в голову казак 2-й Уральской отдельной казачьей сотни Кутаев.

3) 10-го июля, в г. Старом Маргелане к утру базарная городская площадь (Урда-Таги) наполнилась огромною толпою, забившею и все ближайшие улицы туземного города. Местные представители власти, прибывшие для объявления высочайшего указа, были с трудом пропущены на Урду и встречены толпою явно враждебно с угрожающим маханием рук и поголовным сплошным криком “не желаем”. За непрекращавшимся ревом нельзя было произнести ни одного слова, чтобы быть услышанным. Возбуждение толпы росло с каждою секундою, раздались крики “бей”, толпа бросилась с камнями и палками, выбранными из построек, убила несколько человек полиции и туземной администрации, разгромила бывший под руками местный театр-кинематограф, карусель и тир. Все это произошло в несколько минут, после чего толпа разбежалась и скрылась по своим дворам. В предупреждение новых беспорядков была выслана из г. Скобелева сотня Казаков 6-го Оренбургского казачьего полка, патрулировавшая совместно с чинами полиции по городским улицам. Полусотня этих казаков была выслана на другой день (11-го числа) за город, где верстах в 1 ½ по направлению к городу наступала толпа

тысячи в 3-4 из кишлаков Яз-Яванской волости с огнестрельным оружием, камнями и палками. Помянутая сотня казаков была выслана затем в Файзы-Абадскую, Яз-Яванскую и Яккатутскую волости, Скобелевского уезда и лишь один взвод оставался около 2-х недель в ст. Маргелане. Его сменили две роты дружинников, простоявшие в городе около 15-ти дней. 10 июля утром в Старом Маргелане многолюдной толпой собравшейся на базаре, как выяснилось по наущению Календаранинского народного судьи, его родственников и знакомых, по делу о наряде рабочих.¹

В селении Ганджирован, Янги-Курганской волости, Кокандского уезда, беспорядок проявился лишь шумом собравшейся толпы, Требовавшей выдачи списков. Беспорядки прекратились по прибытии уездного начальника с воинской частью и нарядом полиции. В пригородном участке, Алтынкульской волости, в сел. Дальварзии, при объявлении волостным управителем Мулла Хакимбек Мулла Рузыбековым туземному населению Высочайшего повеления, толпа воспротивилась дать свое согласие на поставку рабочих и когда сельский старшина хотел приложить печать и расписаться в объявлении населению Высочайшего повеления, то толпа начала наступать на волостного управителя и его джигитов, последний отстреливался, но в результате был обезоружен и убит, та же участь постигла и его двух джигитов Темирбая Пайгамбаркулова и Каримджана Абду Вахаб Ходжиева, после чего толпа рассеялась, и все жители попрятались по домам. Задержаны главари в числе 32-х человек.

4) 11-го июля утром возникли волнения сначала в западной стороне Ст. Маргелана в Файзы Абадской волости, затем в восточной, Яккатутской волости и северной Яз-Яванской волости. Эти волости имеют родовую и торговую связь с населением Ст. Маргелана, при чем участие в беспорядках принимали части волостей, прилегающих к Маргелану. В Яз-Яванской волости беспорядки произошли более резко потому, что жители двух селений этой волости Джиньяр и Калмак держались разных взглядов на сбор наряда для работ и ссора селений произошла одновременно с волнениями прилегающих к ст. Маргелану частей этой волости. В селении Туда, Риштанской вол., Кокандского уезда беспорядок выразился шумом и уничтожением списков, выданных толпе тудинским старшиной. В 3-й части гор. Намангана, в местности Кураш-Хана на площади собралась

¹ Так в подлиннике.

толпа туземцев в несколько тысяч человек, среди которой были и женщины. Толпа ревела, требуя прекращения работ по составлению посемейных списков и выдачи им на руки уже составленных списков. После двухчасового безрезультатного увещевания, пришлось употребить военную силу. В пригородном участке, Наманга-нского уезда, в селении Шур-Курган, в расстоянии десяти верст от Намангана около дома волостного управителя собралась толпа туземцев и стала требовать выдачи посемейных списков. В доме волостного управителя в это время находились переписчики по сельскохозяйственной переписи-учитель Чернов и др. в числе пяти человек, которые бросили толпе несколько негодных листов переписи. Толпа, среди которой были грамотные, возмущившись этим поступком и считая волостного управителя виновником обмана, ворвалась в его дом и там убила его, а в помещении произвела разгром. В селении Илятан, Кепинской волости, Наманганского уезда, был толпой избит до потери сознания сельский старшина, у которого были отобраны: должностной знак, печать, деньги, векселя и туземные документы, В сел. Чуама, Майгирской волости, Базар Курганского участка, Андижанского уезда, толпа туземцев, заподозрив переписчиков по сельскохозяйственной переписи, остановившихся для производства таковой в доме Чуаминского сельского старшины, в переписи рабочих, произвела на них нападение. Последние, а также и сельская администрация, бежали, за исключением пятидесятника этого селения Кипчакбай Бай Мирзаева, который был толпою убит. Толпа рассеялась до прибытия администрации. Задержано 16 главарей. В Яз-Яванской волости, Скобелевского уезда беспорядки выразились в следующем: с утра 11-го июля толпы туземцев стали собираться по пути от ст. Маргелана к Намангану. Участковый пристав пытался успокоить население и предлагал толпам расходиться по дворам, но чем дальше он отъезжал от ст. Маргелана к стороне Намангана, тем более густые толпы ему преграждали путь и у селения Пениман он вынужден был вернуться назад, так как сзади толпы ему давали знаки о необходимости отъезда, после чего толпа была предупреждена, что если она не разойдется, то будет открыта стрельба. Спустя немного времени из толпы были брошены камни и палки и казачий офицер, командовавший вызванной полуротой, получил ушибы и по видимому был один выстрел из толпы, так как у одной лошади оказалась огнестрельная рана после чего была открыта полусотней стрельба и толпа разбежалось. При осмотре места обнару-

жено два трупа зарезанных туземцев, это были пятидесятник и молодой мираб, первый погиб за то, что уговаривал толпу разойтись, а второй за то, что давал участковому приставу знак уходить. Убитых из толпы не оказалось, так как они были унесены, но убитых и раненых должно было быть не менее 11-12 человек. Почти в то же время как выяснилось, в селении Яз-Яван сожжен волостной дом с канцелярией волостного управителя, где находились все дела и документы. В Файзы-Абадской волости, в селении Ишангузар, Скобелевского уезда, собравшейся тысячной толпой был убит народный судья, о чем было сообщено участковому приставу, который немедленно отправился на место, причем вслед за ним был послан взвод казаков. При приезде участкового пристава его встретила огромная толпа, более тысячи человек, которая, несмотря на многократные приказания разойтись, не послушалась, и на предупреждение, что будет открыта стрельба, отвечала общим гулом "не дадим рабочих", и начала бросать камни, которые попали в пристава, волостного управителя и в казаков. После чего был открыт огонь, чем только и удалось разогнать толпу, из толпы убито три человека и ранено четыре. В Яккатутской волости, Скобелевского уезда, в тот же день, как доложил прискакавший в г. Скобелев волостной управитель, толпа собралась около его дома и ворвалась к нему, но он успел ускакать. Волостной управитель был отправлен обратно в сопровождении наряженных в его распоряжение 10 казаков. Когда он приехал на место, то толпа оказала ему вооруженное сопротивление, почему была открыта стрельба, из толпы убито пять человек. Толпою же убито шесть джигитов, старшин и пятидесятников. Дом волостного управителя оказался разграбленным и убита его жена.

5) 12-го июля в селении Шарихан, Скобелевского уезда, около 11 часов утра, на базаре собралась большая толпа народа, которая начала угрожающе шуметь. Бывшая там полусотня казаков стояла поперек улицы в ста шагах от толпы. По предложению пристава толпа сначала присмирела, но затем вновь начала кричать "не пойдем" и махала руками. Затем из толпы посыпались со всех сторон камни, кирпичи и палки, кидали даже с крыш, очевидно раньше засевшие люди. Камнем в голову был ушиблен один казак и другой казак был ранен ножом. Взводом, бывшим в пешем строю дан залп, которым убито шестнадцать человек и несколько ранено. Через несколько времени с противоположной, стороны собралась толпа с камнями и тоже не

расходилась, по этой толпе пять-шесть казаков дали залп, при чем одного убили и трех ранили.

После этого селение затихло, и на улицах стали появляться одиночные люди. В Аувальской волости, Скобелевского уезда, по докладу приехавшего в г. Скобелев волостного управителя также собралась толпа, угрожая его убить. Когда прибыл участковый пристав с полуротой пехоты и пулеметами, толпа разбежалась. Во всех указанных пунктах беспорядки происходили только лишь до прибытия воинских частей, а затем не повторялись. 12 июля произошли беспорядки в центральной части Шариханской волости, принявшие 13 июля угрожающий характер и в этот же день волнения имели место и в другой стороне ст. Маргелана в селении Ляган, Аувальской волости, Скобелевского уезда. В этих волостях к общим причинам беспорядков присоединились еще личные счеты между волостными управителями и народными судьями, особенно ясно это выразилось в Шариханской волости, где вражда волостного управителя и народного судьи значительнее, чем в Аувальской. Бачкирский участковый пристав прибыл 12-го июля в мечеть сел. Риштан, Кокандского уезда, разъяснил в мечети значение Высочайшего повеления и прочел воззвание г. военного губернатора Ферганской волости. Толпа была враждебно настроена, и пристав задержал из нее несколько подстрекателей. Толпа начала наступать на стражников и пристава, а последние отступили на улицу, где толпа стала бросать камнями и палками в администрацию. Окруженные чины полиции начали стрелять, из толпы ранено трое. Часа через 1½ прибыл на место происшествия уездный начальник с воинской командой и беспорядки были прекращены.

В сел. Пешкаране, Наманганского уезда, в расстоянии 40 верст от Намангана, два общества протестовали против составления списков, но пристава, который прибыл на место, удалось успокоить толпу. В сел. Алмаз, Чадакского участка, Наманганского уезда, в расстоянии 40 верст от Намангана, толпой туземцев избит сельский старшина, у которого отобраны и сожжены посемейные списки. В пригородном участке, Балыкчинской волости, сел. Халмурад-Курганча, Андижанского уезда толпою туземцев на почве реквизиции рабочих убит пятидесятник этого селения Исаин Али Раимкулов. Двое главарей задержаны. В том же участке и волости, сел. Кош-Тепе-сарай, избит джигит балыкчинского волостного управителя Мамаджан Раджапбаев, посланный в названное селение по делам службы и

заподозренный населением в доставке служебных бумаг по реквизиции рабочих. Задержаны трое главарей.

В том же участке, в Алтынкульской волости, селении Дон-кайма, толпа туземцев покушалась на жизнь сельского старшины этого селения Магомед Исана Саримсакова, спасшегося бегством, при чем толпа избива родственника этого старшины Мадьяра Турсунбаева. Двое главарей задержаны. В Избаскентском участке, Нарынской волости, село Чуджа, Андижанского уезда, толпа покушалась на жизнь сельского старшины этого селения Михраб Камильбаева. Последний бежал. При подавлении беспорядков убиты два туземца. Двое главарей задержано. В пригородном участке, Ярбашинской волости, село Бек-абад Андижанского уезда, толпа туземцев покушалась на жизнь сельского старшины этого селения Батыркула Абду Каримбаева, который бежал. Часть главарей задержана. Небольшие беспорядки возникли в селении Ходжевате и Чекаре (в 8 верстах от Ходжевата) Булакбашинской волости, Ошского уезда, Селение Ходжеват находится на бывшем почтовом тракте из Андижана в Ош. Беспорядки выразились в том, что население, не зная цели составления списков мужского населения и под влиянием всяких нелепых слухов о привлечении туземного населения к отбыванию воинской повинности и преувеличенными рассказами о беспорядках, возникших на этой почве и других уездах, собравшись в толпу явилось к дому волостного управителя и стало требовать выдачи списков. Вр. и. д. волостного управителя Булакбашинской волости-кандидат Мулла Мухамеджан Сали Ходжиев, Ходжаабадский старшина Раимбаба Исмаил Ходжиев и Гекарский сельский старшина Назыр Барат Ходжиев растерялись, перепугались создавшегося настроения и бежали, оставив волость и сельские общества на произвол судьбы, за что и были уволены. Толпа человек в 200 стала разыскивать их, чтобы добиться разъяснения и рассмотреть списки. При розысках волостного управителя и старшин часть толпы пришла в дом волостного управителя и разбила, несколько стекол и тарелок. Против оставшихся в доме женщин, детей и слуг, никаких враждебных выступлений не было. После тщательных поисков волостного управителя и старшин толпа разошлась. Все это произошло в течение одного-полтора часов.

б) 13-го июля-12 июля произошли беспорядки в центральной части Шариханской волости, принявшие 13 июля угрожающий характер, и в этот же день волнения имели место в другой стороне ст. Маргелана, в селении Ляган,

Аувальской волости, Скобелевского уезда. В этих волостях к общим причинам беспорядков присоединились еще личные счеты между волостными управителями и народными судьями, особенно ясно это выразилось в Шариханской волости, где вражда волостного управителя и народного судьи значительнее, чем в Аувальской.

Жители селения Биш-Капа-Паян и Биш-Капа-Бала, Кырк-Кетменского общества, Кудашской волости, Кокандского уезда, собрались толпой в 500-600 человек к дому волостного управителя в сел. Кудаш, с шумом требовали выдачи списков. Узнав, что волостного нет дома и что о действии толпы дано знать уездному начальнику, толпа разошлась по домам. В сел. Уйчи, в расстоянии 14-ти верст от Намангана, толпою в 500 человек убит пятидесятник, за содействие в составлении посемейных списков. В сел. Ходжаабад, в расстоянии 50-ти верст от Намангана толпой туземцев отобраны у сельского писаря посемейные списки и сожжены. В сел. Уйгур, в 50-ти верстах от Намангана толпой туземцев отобраны у сельского писаря посемейные списки и сожжены. В сел. Машад-Ташкуртан, Наманганского уезда, в 50 верстах от Намангана, толпа туземцев отобрала у сельского старшины посемейные списки и деньги и, ворвавшись в дом местного пятидесятника нанесла ему побои. В сел. Варзик, Наманганского уезда, в 46 верстах от Намангана, одиннадцать пятидесятников, явившись к волостному управителю, отобрали у него посемейный список. Затем к волостному явилась толпа туземцев, которая пыталась задушить его веревкой, но этому воспрепятствовал конный караульщик, за что и был избит толпой. В Султан-Абадском участке, Джалал Кудукской волости, сел Суфи-Кишлак, Андижанского уезда, толпою туземцев убит Кызылаякский, сельский старшина Юлдаш-Хасанбаев и его писарь Мулла-Юлдаш-Султан Ходжаев, обвиняемые населением в составлении списков рабочих. При подавлении беспорядков убиты три туземца. Задержано 49 главарей. В том же участке и волости в сел. Кала убит писарь сельского старшины того же селения Умар Ходжа Мулла Султанов, заподозренный населением в составлении списков рабочих. Задержано 16 главарей убийства. В пригородном участке, Алтынкульской волости, в селе Инды-Мазар, Андижанского уезда, толпа туземцев покушалась на жизнь сельского старшины этого селения Утамбая Норматбаева, но обшарив его дом и не найдя его, толпа связала его сына, требуя от родственников указать его местопребывание. 10 человек главарей задержано. В Султан Абадском участке, Джалал-Кудукской

волости, сел. Кутарма, Андижанского уезда, толпа покушалась на жизнь сельского старшины этого селения, по последнему удалось бежать. Толпою был обыскан дом старшины, и было предъявлено требование родственникам указать его местопребывание. Главари в числе 22 человек надерганы. В Избаскентском участке, Нарынской волости, сел. Илятан, Андижанского уезда, толпа туземцев покушалась на жизнь Яшиковского сельского старшины Абду Джалиля Абду Рахманова, заподозренного населением в составлении списков рабочих. Последнему удалось бежать. 11 главарей задержаны. В пригородном участке, Алтынкульской волости, сел. Мир-Абад, Андижанского уезда, толпа требовала от туземной администрации выдачи списков рабочих, обвиняя администрацию в предательстве и угрожая разгромом. 12 человек главарей задержаны.

7) 14 июля в пригородном участке, Балыкчинской волости, сел. Ходжа-Абад, Андижанского уезда, толпа туземцев напала на дом пятидесятника Ир Али Ходжамкулова, избива джигита Таджибая Абдурахманова и покушалась на жизнь сельского старшины этого селения Тайчибаева, заподозренных в хранении списков рабочих. 6 человек главарей задержано. В том же участке и волости, в сел. Урманбек, толпа покушалась на жизнь пятидесятника этого селения Давуткула Ярчибаева, заподозренного в хранении списков рабочих, коему удалось бежать. Один из главарей задержан. В сел. Чиндаул, Наманганского уезда, в 35 верстах от Намангана, толпа туземцев свыше тысячи человек собралась у дома волостного управителя, где в это время был участковый пристав с шестью стражниками. Толпа требовала с угрозой выдачи посемейных списков. Так как никакие меры воздействия на толпу путем уговоров не действовали, то пришлось прибегнуть к оружию.

8) 15 го июля в сел. Яр-Курган, Наманганского уезда в расстоянии 12 верст от Намангана, в одной из мечетей собралась толпа около 500 человек, которая, требуя посемейные списки от сельских старшин Яр-Курган-Джаминского и Яр Курган-Чекского, в виду отказа последних выдать списки, бросилась на них и убила их, списки же уничтожила. В селении Кызыл-Равате, Наманганского уезда, в расстоянии 28 верст от Намангана, толпа туземцев численностью в 400 человек направилась к дому сельского старшины с целью потребовать списки и убить его, но не застав дома старшины, уничтожила списки, похитила векселя, деньги и домашнее имущество. В сел. Чадак, того же уезда, в расстоянии 48 верст от Намангана, толпа туземцев

около 600 человек убила чадакского волостного управителя за то, что он отказался выдать посемейные списки и, ворвавшись в его дом, разграбила имущество.

В сел. Пап, того же уезда, в расстоянии – 17 верст от Намангана, толпой туземцев отобраны у сельского старшины посемейные списки и уничтожены.

9) 16-го июля – беспорядков не было.

10) 17-го июля в сел. Ашт, Наманганского уезда, в расстоянии 36 верст от Намангана толпа туземцев более 1000 человек, ворвавшись в дом волостного управителя, убила брата этого управителя, дядю и писаря, нанесла тяжкие побои работнику, от которых он вскоре умер и разграбила имущество, после чего ворвалась в дом сельского старшины, уничтожила посемейные списки, разгромила дом, а самого старшину убила. В сел. Пнук, Наманганского уезда, в расстоянии 40 верст от Намангана, толпой туземцев убит местный пятидесятник, нанесены побои сельскому старшине, писарю, от которых последний умер и разграблено имущество. В сел. Джар-Булак, того же уезда, в расстоянии 36 верст от г. Намангана толпою туземцев разгромлены принадлежащие волостному управителю дом и лавки.

11) 18-го июля в сел. Алмаз, Наманганского уезда, в расстоянии 40 верст от Намангана, толпа туземцев вызвала сельского старшину в мечеть, отобрала у него посемейные списки и уничтожила.

II. Число убитых и раненых во время беспорядков

- а) должностных лиц русской и туземной администрации,
- б) русских людей и
- в) туземцев.

За все время беспорядков с 8 по 18 июля в области было убито и ранено: а) должностных лиц русской администрации убито 1, туземной администрации – убито 34,

б) русских людей убито-1, ранено 2,

в) туземцев убито 56, раненых 109, из них 28 чел. умерло от ран.

III. и IV. О причинах, вызвавших народное движение и о настроении туземных масс во время беспорядков.

Туземное население Ферганской Области по своим занятиям и экономическому благосостоянию делится на четыре класса:

I. Класс коммерсантов, включая сюда и крупных хлопковых капиталистов и торговцев всех категорий. Часть этого класса находится в наибольшей экономической связи с Россией. Торговые сношения с Москвою, невероятное накопление богатства от притока русских денег по хлопковым оборотам и торговле, постоянное общение с русскими людьми в лице представителей русских фирм, наконец, ясно усвоенное сознание от преимуществ облегченных способов передвижения по железной дороге, деловых сношений при посредстве почты и телеграфа и несомненно получившаяся от постоянных поездок в Россию впечатления о силе и величии государства — сделали свое дело, и этот класс оказался приобщенным к России путем экономическим.

II. Землевладельцы и арендаторы (черекоры), этот класс хотя и получает благосостояние от того же хлопкового дела из России, но почти не соприкасается с русскими людьми непосредственно, все сношения торгово-промышленных фирм и банков ведутся с земледельческим классом почти исключительно через комиссионеров-туземцев. Комиссионеры же принадлежат к коммерческому классу и, став средостением между местным предложением и центральным спросом, конечно, позаботились о присвоении себе львиной доли в притоке русских денег. Отсюда невероятное обогащение этих посредников, использовавших накопление капитала в своих руках, как средство для закрепощения земледельческой производительной массы. Овладев при помощи денег продажным народным судом, коммерческие посредники-туземцы сами превратились в крупных хлопководов и опутывая земледельческую массу ростовщическими приемами, не только не дали последней благосостояния, но начали постепенно, при помощи того же народного суда, за долги и лихвенные проценты лишать землевладельцев права собственности на землю, отбирая последнюю себе и, не смещая с этой земли, оставлять бывших земледельцев собственников (дехканов) в местах их оседлости, но уже в качестве своих арендаторов (черекоров). Таким образом, земледельческое население, составляя главную массу, оказалось совершенно неприобщенным к России экономическим путем, вследствие того, что не было установлено представителями русской промышленности с ним прямой связи.

III. Земледельцы рабочие частью местного происхождения, частью пришлые, являются в большинстве случаев, конечно, в лице местных представителей туземных

обществ, продуктами той же деятельности коммерческих посредников, т.-е. лишенными земли и аренды на землю дехканами. Этот класс общества также нельзя считать подвергнутый русскому влиянию.

IV. Городской туземный пролетариат, не имеющий определенных занятий. Сюда входят выбившиеся из колеи туземцы: частью потерявшие землю – дехкане, безработное мардыкеры, нашедшие заработки около русских, потерявшие места джигиты и полицейские из туземцев, переводчики, изгнанные из своих обществ преступники и вообще все то, что составляет отбросы из туземной массы. Этот класс, презираемый коренным населением, как выброшенный из русла мусульманской жизни, предался разврату, разгулу и пьянству и, приобщившись к цивилизации чрез посредство кабаков и домов терпимости, начал, особенно за последние десять-пятнадцать лет, пополняться молодежью из других классов под влиянием соблазнов разгульной жизни.

Охарактеризовав состав туземного общества, я перехожу к той эволюции, которая со времени завоевании края постепенно создала в туземной массе настроения, отвечающие настоящему моменту.

При завоевании края ничтожной горстью русских войск, совершивших неслыханные подвиги боевой доблести и физической выносливости, русский человек приобрел в глазах туземцев облик легендарный. А страх перед железной силой пришельцев загнал далеко вглубь души туземных народов воспитанную мусульманством ненависть к иноверцу. Отсюда легкость, с которою представители русской власти начали управлять, краем. Но, с течением времени туземная масса начала забывать облик первых завоевателей. В край хлынули искатели легкой наживы. С внедрением правового порядка, богатая производительность края была вызвана к жизни, русские деньги полились потоком в завоеванные области и, на почве общих интересов, благородное русское сердце начало работу той своеобразной ассимиляции, которою мы характеризуемся везде на наших окраинах. И не справившись о взаимности, русские люди доверчиво потянулись к туземцам. Затем идут многолетние заботы, о землеустройстве туземцев, при чем совершенно не обследуется государственное достояние в виде свободных земель, которое, обозначившись лишь путем исключения из тщательной землеустроительной работы на благо туземцев, начало последними же расхищаться совершенно безнаказанно.

Государственная власть, не признав туземное население подготовленным для выполнения общих и частных повинностей, освободило туземцев от всех главнейших. Однако одновременно туземное население было признано вполне подготовленным к восприятию правового положения наравне с коренным русским населением. Империи было даровано самоуправление на началах выборных, были введены в крае судебные уставы императора Александра 11-го, было установлено право собственности земельной для сельских обывателей, было взято под покровительство закона мусульманское учреждение факуфов и пр. Короче говоря, туземному населению края, освобожденному от государственных обязанностей, были дарованы широкие льготы и права. Туземное население, благодаря тысячелетнему укладу своей жизни, привыкло к суровой борьбе за существование, а по закону азиатского быта и приспособленному к нему религиозному мусульманскому правосознанию, считается лишь с логикой силы, поэтому гуманное направление всей нашей политики в крае, сопровождавшееся введением, без надлежащей подготовки правового порядка, не отвечающего мировоззрению туземных обществ, было истолковано, как проявление слабости. Экономическое влияние торгово-промышленных отношений с Россией распространилось далеко неравномерно среди туземной массы. Проникновение в край спиртных напитков и русской проституции увлекло бывшую в страхе у старших молодежь на путь разгула и порока, что потрясло основы патриархального мусульманского уклада жизни и вызвало негодование среди всех слоев туземного населения, одновременно расшатав и престиж русской власти и русского народа. Приток искателей легкой наживы из России и просветителей в 1905 и 1906 г. г., осветивших перед туземцами недомогание русской жизни, наконец часто разрозненная деятельность представителей правительственных ведомств в последнее десятилетие, окончательно расшатали в глазах туземцев единственно признаваемую ими твердую власть, установив вместе с сим убеждение и в бессилии русской государственной идеи проникнуть в народную жизнь.

И вот на почве подготовленной всеми изложенными выше причинами, одиноко была призвана, охранять и все вообще русское дело в крае местная административная власть.

Но представители администрации, оставшиеся при ничтожных окладах содержания, особенно в последние 10-

15 лет непомерного вздорожания жизни, были призваны к подвижничеству, или под влиянием тяжелой повседневной нужды, к изысканию жизненных средств путем компромиссов и даже злоупотреблений. Конечно, последнего оказалось больше чем первого.

Народный суд и народная выборная администрация, облеченные огромной властью, стали средоточием между правительством и народом, обрушившись всей тяжестью азиатского произвола на народную массу и обернувшись личиною исполнительности, угодливости и часто азиатского выражения преданности к органам правительственной власти.

Одновременно с сим велась мусульманская фанатическая пропаганда против неверных в покровительствуемых нами мусульманских учреждений, остававшихся без всякого надзора. Одновременно с сим облегчилась возможность широкого полонничества в Мекку и сотни тысяч ходжей разносили по краю фанатические доктрины ислама и почерпнутые в Турции идеи панисламизма вместе с описанием своих впечатлений о величии мусульманского государства.

Благодаря агитации в край проникли и младо-турецкие идеи. За время великой европейской войны в туземную массу проникли известия о наших прошлогодних неудачах, а под влиянием немецкой работы в Персии и Афганистане, проползла в сознание народное уверенность в слабости России вообще и, в частности для защиты своих интересов в Туркестане.

Вот почва, на которую упало высочайшее повеление о реквизиции рабочих на фронт. Но прежде, чем продолжать считаю своевременным охарактеризовать совершенно обособленную от русского влияния пятую группу туземного населения, определяемую словом духовенство. Сюда входят туземные священнослужители, класс учителей в бесчисленных медресе и мактабах, бродячие проповедники (маддахи) и представители мусульманского воинствующего суфизма — ишаны со своими мюридами и учениками (суфи). Вся эта группа, с первых моментов после завоевания края, оплакивала утрату мусульманской самобытности и попадание под власть неверных. Эта группа провозвестников воинствующего ислама, не вложила, как и велит Коран, меч в ножны и после того, как русское оружие разбило всякое сопротивление туземных народов и покорило их под власть белого царя. На всем пространстве времени от первых дней завоевания края русскими войсками до наших

дней, эта группа вела тайную агитацию против русского влияния, пользуясь покровительством веротерпимого закона, лишь усиливалась с каждым днем, все больше и более овладевая настроениями народной массы. Так, с каждым годом росло число мусульманских учебных заведений, а вместе с тем увеличивалось и число обучающихся в них распропагандированных фанатиков. С каждым годом увеличивалось паломничество в Мекку, обратившееся в последнее время в массовое движение. А вместе с этим увеличились контингенты, среди которых фанатичное духовенство приобретало значение единоличных властителей дум. Наконец, по мере исчезновения в народной памяти облика русского завоевателя и вступления на его место представлений о благодушном приказчике хлопковой фирмы, услужливом адвокате и всех искателях легкой наживы, наводнивших край, а вместе с тем и о всех вышеперечисленных недочетах нашей правительственной программы-пропаганда мусульманского духовенства приняла решающее значение. Все туземное население пришло к выводу, что русские принесли с собой в край "скверну", нетерпимую мусульманским вероучением и что скверна эта грозит заражением всему правоверному населению, дети которого уже начали заражаться. Отсюда успех распространения идеи панисламизма, но население, слишком практичное для выступления ради одной идеи, не решалось, под страхом силы, реагировать иным способом, чем втайне мечтать о низвержении ненавистного иноверного ига, представляя, однако, почву, вполне подготовленную для массового противогосударственного движения. Не доставало уверенности в успехе восстания. И вот, под влиянием религиозной и политической агитации, а также всей суммы приведенных выше причин, уверенность эта появилась. Оставалось лишь ожидать появления повода для повсеместно подготовленного бунта.

Но перечисленные выше классы населения различно восприняли подготовку к восстанию, а именно: часть коммерческого сословия, вместе с большинством туземной администрации, сочувствуя народному движению платонически, не желала из практических соображений отложения, которое повлекло бы за собою потерю совершающегося накопления богатства. А четвертое сословие общественных отбросов было более или менее равнодушно, так как начало уходить от русла мусульманского благочестия и сочувствовало выступлениям против России исключительно ради того, чтобы ловить рыбу в мутной воде, то

есть поживиться в хаосе беспорядков и анархии. Второе же и третье сословия целиком были воодушевлены идеей отложения и, составляя коренную массу народа, подчинили себе все несочувствующие восстанию и колеблющиеся элементы. И так почва была подготовлена, и высочайшее повеление о реквизиции рабочих явилось лишь поводом. Опубликованию высочайшего повеления предшествовало появление агентской телеграммы о поголовном наборе рабочих от туземного населения в возрасте от 19 до 43 лет. При этом известии к ранее перечисленным элементам, вызывавшим накопление противогосударственных настроений, примкнула и мусульманская женщина, которой грозила участь остаться одной без поддержки мужчины. Нужно сказать, что туземная женщина-затворница оседлого населения края, ни к какой работе не приспособлена. И первые выступления начались еще до объявления Высочайшего повеления с участием туземной женщины.

Вскоре, однако, было объявлено Высочайшее повеление, причем точный смысл его, ни одной минуты не сомневаюсь, был совершенно ясно усвоен туземцами, а в Ферганской области даже была усвоена приблизительная разверстка, упadaющая на население в размере одного рабочего на 4-5 дворов. Однако, до тех пор, пока население было убеждено в том, что в крае войск слишком мало, наличные войска не имеют патронов и что государственная повинность по личному призыву упadaет на все население, последнее не только категорически отказалось давать рабочих, но по всему краю сочло момент благоприятным для общего восстания. Началась оживленная связь между городами. Время поста, сопровождаемого ночными сборищами, как нельзя более благоприятствовало организации народного движения. В части Самаркандской области (Джизакский уезд) вспыхнуло восстание в полной силе. В остальных областях края, в том числе и Ферганской, начались вспышки отдельных бунтовщических проявлений. Примечательно, что часть представителей туземной администрации подверглась избиению в первую голову.

Народные волнения везде наткнулись на, неожиданно для туземной массы, ошетилившиеся штыки, испорченная железная дорога была быстро исправлена, а восстание Джизакском уезде-быстро подавлено потрясающим, для туземцев образом.

Все колеблющиеся или относящиеся безразлично элементы-отрезвели, а большинство остальных осознало, что игра проиграна.

Заканчивая изложение причин вспыхнувшего в Джизакском уезде восстания, выразившегося избиением незащищенной части русского населения, а также бунтовщических вспышек во вверенной мне области, считаю своим долгом высказаться и о тех влияниях, под которыми пребывала и продолжает пребывать туземная масса, влияниях, сказавшихся и во время беспорядков и особенно сильно выразившихся после их подавления с целью затушевать истинные причины народного движения и возложить их на ответственность русской власти. Я говорю о подпольной адвокатуре из туземцев, получивших то или иное образование.

С укреплением в крае русского владычества, туземная масса начала воспитываться в духе имперского правопорядка. Но, потянувшись под защиту справедливого закона, туземец сразу же, при переходе от первобытных, чисто патриархальных норм, запутался в лабиринте государственной законодательной системы со сложным процессуальным делопроизводством. Быстро усвоив сущность своего правового положения, туземец одновременно с сим оказался под властью все того же произвола и насилия ханского режима, так как правопорядок был введен теоретически, а не практически, ибо институт народного суда, нормирующий главнейшую часть правоотношений туземцев, не пропускал в захваченную им область народной жизни ни одного луча света, а туземная администрация захватила остальную часть жизни, пользуясь полной бесконтрольностью и безнаказанностью, продолжала поддерживать режим ханских времен. Русская же власть, отделенная глухою стеной, не могла проникнуть в глубины народной жизни и, в лучшем случае, являлась рябью на поверхности океана ее.

Правда, с внешней стороны, каждый туземец получил право спокойно пользоваться жизнью и своими трудами, так как прекратились кровавые распри, массовые разбои, набеги беспокойных соседей и казни людей, неугодных ханским ставленникам. Но, одновременно с сим, появились легионы русских людей, сначала из состава ушедших на покой или потерявших службу чиновников, а затем и присяжные юристы, которые, за вознаграждение, начали руководить шайками грабителей в судебных процессах. И вскоре народная масса увидела, что на законном основании легко отобрать чужое имущество, если хорошо заплатить подпольному или присяжному адвокату. Если собрать всю сумму злодеяний, от которых потерпели невежественные

туземцы, от вексельного права, от потери сроков обжалования действий по описи и продаже имущества третьих лиц (имущества, не принадлежащего ответчикам) и пр. то станет понятно, что имущие классы, имеющие возможность заплатить адвокату, начали свободно обирать народную массу среднего достатка. Обираемые на законном основании, видя неминуемое разорение, начали нести последние крохи к тому же “закунчи”, находя в нем единственное спасение и от гнета баев, и туземной администрации, и народного суда. Собирая обильную жатву, местная адвокатура, особенно подпольная, не только шла охотно на встречу с своей “юридической помощью”, но и начала создавать дела, вовлекая в них народную массу, при чем с одинаковою убедительностью выступала то на стороне грабителей, то ограбленных и поддерживала в тех и других сознание своей полезности, так как давала возможность первым успешно грабить, а последним иногда возвращать награбленное. Из всего сказанного, станет понятным с каким успехом распространялась и фанатическая мусульманская и вообще вражеская пропаганда на столь тщательно возделанной почве. А, если прибавить и ведомственную разрозненность краевого управления особенно последнего десятилетия, то совершенно определенно напрашивается вывод, что туземный народ, несомненно, вообще враждебный нам – иноверцам – но по велению человеконенавистничества ислама, потеряв надежду на право и справедливость, понятия о которых успел теоретически усвоить, легко впал в состояние непримиримой к нам вражды. Та громадная волна жалоб которая шла от народа во все правительственные учреждения, усиливаясь все более и более, как нельзя лучше характеризует все оттенки народных течений, то есть с одной стороны, хищнические домогательства должностей туземной администрации и народного суда и племенная борьба и посягательство на чужую собственность и домогательство легкой наживы, а с другой – искание защиты, права и справедливости. И все это переплелось между собою, ложь перемешалась с правдою, все перепутано, часто умышленно, руководителями процесса – адвокатами всех наименований. Во всех этих жалобах невозможно часто даже выяснить, кто кого угнетает, так как адвокатура научила туземцев системе встречных жалоб. Кроме того, благодаря тому, что туземцы в массе своей избегают фигурировать в суде, истинные свидетели почти всегда уклоняются от показаний, почему даже в справед-

ливых жалобах фигурируют подкупные свидетели, сдавшие продажу своих показаний профессией.

Общий всем жалобам признак-выражение недоверия местной администрации, является существенною их частью и может трактоваться, с одной стороны, как действительный результат, вызванный недомоганием в составе администрации и ненормальным направлением ее положения и деятельности, но, с другой стороны, постоянное подчеркивание недоверия ко всем представителям русской власти, среди которой, позволяя свидетельствовать, имеются совершенно безупречные деятели при общем высоком нравственном уровне, необходимо рассматривать и как прием подпольной адвокатуры, стремящейся подорвать всякое значение местной администрации и усилиться за ее счет.

История нашего владычества в крае показала, насколько туземное население ищет спокойной жизни и права безмятежно пользоваться плодами своих рук. Между тем эволюция введения в крае правопорядка, неотвечающего во многом правопониманию коренной массы, встретила на пути своем препятствия и в основах местного законодательства, мало приспособленного к жизни окраины, и, главное, как было отмечено выше, в недостаточной затрате труда правительственных органов на местах и общей непланованностью их работы. Настроение массового недовольства новыми сложными и малопонятными нормами правового быта, в которых, туземный народ не мог самостоятельно разобраться, — толкнуло мысль в сторону искания истины религиозной. Усилилось, под влиянием легкости передвижения, паломничество в Мекку. Десятки тысяч паломников начали сеять семена мусульманской идеи панисламизма. Усилилось значение проповеди мусульманского духовенства и потребность в духовном образовании. Но, так как мы ничего не дали народной мысли в ее исканиях истины, то волей неволей туземная масса стала довольствоваться, не взирая на новые запросы жизни, архаическим хламом школьной программы медресе и мактабов. И в результате народная масса начала пополняться все большим и большим количеством воспитанных в мусульманской школе фанатиков изуверов, которые стали носителями народной идеологии, приобретая на население все большее и большее влияние в области духовных запросов. Одновременно с этим шла практическая жизнь народа, сталкиваясь на каждом шагу с вопросами борьбы за существование в новых, повторяю, малопонятных условиях правового быта. Сразу сказалась, острая потребность в руково-

дителях, которые не замедлили появиться в виде легионов адвокатов присяжных, частных подпольных, русских и инородцев. Эта клика начала быстро обогащаться, эксплуатируя и недостатки местной законодательной системы, и народное невежество. Поставив целью своей работы отнюдь не идею, которою пытается прикрыть свою деятельность только присяжная адвокатура, а беззастенчивую наживу, “закунчи” всех наименований приобрели на народную массу доминирующее влияние, так как существование туземца без помощи адвоката среди лабиринта чуждых законодательных норм, стало невыносимо. Наиболее сильное и непосредственное влияние приобрела на народ подпольная адвокатура, большая часть которой состоит из туземных “закунчей”. Комплектуется она из отбросов правительственной службы и туземного общества – выгнанных переводчиков, письмоводителей, мировых судей и выучившихся русской грамоте туземцев, соседскую¹ подбивая одних к хищническим вымогательствам чужого добра, вынуждая других искать защиты, мутя воду, чтобы ловить в ней рыбу, сея везде смуту, подпольная адвокатура неустанно работает по возбуждению тучи дел, особенно пользуясь для сего народными бедствиями. Присяжная же адвокатура руководит лишь крупными делами в сложном гражданском процессе, разбирает места юрист-консультов при крупных баях и ведет хлебные уголовные дела. Таким образом, сфера деятельности оказалась разграниченной и мелкота сброда простых закунчей не только не мешает присяжному юристам, но и помогает им неустанным возбуждением все новых и новых дел, взявши на себя все то, что могло бы скомпрометировать декорум присяжного адвоката и оставив последнему и право на “порядочность” и львиную долю барыша.

Сея смуту и недовольство, подпольная адвокатура выделила из своей среды группы уже с политической программой, близкой младотурецким идеям, так называемых “интеллигентных” туземцев, то есть получивших кое-какое образование. Первый толчок образованию этой группы дали поселившиеся в крае татары, в числе которых оказались и состоящие на государственной службе. Группа нео-туземцев (так я ее назову) свое главное внимание обратила на устройство сети новометодных мактабов, куда начала насаждать татар-учителей для проповеди панисламизма. Вскоре татары-учителя распоряжением генерала Самсонова,

¹ Так в подлиннике.

были изъяты из школ, как люди явно вредные. По этому вопросу я не буду распространяться, так как весь по нему материал имеется в инспекции народных училищ и может быть доложен вашему высокопревосходительству со всей полнотою по этому ведомству.

Состав нео-туземцев представляет, повторяю, подпольных адвокатов, выгнанных и состоящих на службе переводчиков и вообще нравственных ублюдков-туземцев, получивших обрывки образования. Каждый в отдельности преследует цели самой беззастенчивой наживы, не пренебрегая в этом направлении ничем. Общая цель-сеять смуту, возбуждать население к подаче массовых, жалоб, добиваться устранения, особенно, представителей русской администрации, подрывать ее значение и приобрести в глазах народных значение ее единственных руководителей.

Как я выяснил представленным при рапорте от 12 декабря сего года 1.1, за № 58 дознанием, одни из нео-туземцев, ташкентский Сарт Убайдулла Ассадулла Ходжаев отправился в Петроград и, проникнув в думские круги, осветил перед мусульманской фракцией тенденциозно события в Туркестане. Ходжаев вернулся в край с депутатами мусульманской фракции Тевкелевым и трудовиком-Керенским. Как видно из прилагаемых писем заслуживающих полного доверия местных людей (бывшего прокурора верненского окружного суда, ныне андижанского нотариуса Исаенко, бывшего члена екатеринославского окружного суда Летзина, представителя в Андижане Кокандского биржевого комитета, прошедшего всю жизнь в Фергане и уроженца края, отлично знающего туземный быт и язык, агронома Григорьева), Ходжаев достаточно проработал, чтобы затушевать причины событий в глазах предпринявших обследование членов думы. Обследование производилось при посредстве всякого сброда, при чем все причины беспорядков свелись к "злодеяниям русской администрации". Отмечая недостатки вашего управления краем, я в то же самое время отнюдь не могу согласиться с тем, что, угнетенный" народ восстал против угнетателей. А все попытки обрисовать представителей русской администрации Ферганы, как поголовных взяточников, вымогателей и угнетателей народа, имевшие место со стороны нео-туземцев во главе с Ходжаевым, закончились неожиданным для последнего разоблачением всех тонкостей воздвигнутой им его присными системы шантажа, лже-доносов, мистификации высшей власти и интриги против всех носителей ее на местах. Напротив того, массою дознаний, произведе-

денных целым рядом юристов-офицеров, командированных для сего в Фергану выяснено:

1. Непричастность переобремененных до нельзя разносторонним делом уездных начальников к возведенным на некоторых из них обвинениям.

2. Из 35 участковых приставов, оказавшихся безупречными, только 2 привлечены к следствию по делу о злоупотреблениях по службе.

3. Из 14 полицейских приставов привлечены к следствию за взятки-4 пристава.

Все это является результатом кропотливого и всестороннего обследования уездов области.

V. Меры, принятые к подавлению беспорядков и успокоению населения.

Ближайшими мерами подавления вспыхнувших беспорядков явилось вмешательство войск, при чем в большинстве случаев беспорядки прекращались при одном появлении войск. Однако, в начале скопища туземцев, как например, в Намангане не верили в то, что воинские части способны проявить силу оружия. Так, при первых столкновениях, толпа насмехалась над воинскими частями, крича: “у них нет патронов”. А когда, в охладители пулеметов, при столкновении в Намангане, начали лить воду, то туземцы бросились к пулеметам с криками: “у них нечем стрелять, они нас хотят поливать водой, бей их. Последовавший в ответ пулеметный огонь немедленно разогнал разбежавшуюся в ужасе толпу, оставившую на месте своих раненых и убитых. Туземная пословица говорит: “у туземца ум в глазах”. Благодаря тесной связи выступлений во всех городах края и быстро распространявшихся известий о подробностях бунта, туземцы очень скоро все поголовно узнали об отдельных случаях страшных последствий употребления войсками оружия, о том, что войска везде есть, что обильно снабжены патронами, что уверения агитаторов в противном ложны и что восстание вообще и каждое сопротивление государственной власти, в частности, безнадежно. События в Джизакском уезде, сведения о которых распространились в преувеличенных размерах и сначала, как весть о разрушении железной дороги и истреблении русских, были истолкованы как победа сначала окрылили туземцев к выступлениям повсюду в коренных областях, а затем, как весть о воздействии силою оружия, истолкованы, как полный проигрыш игры.

Привыкшие поклоняться одной логике силы, туземцы, везде наткнувшись на ошестинившиеся штыки, быстро были усмирены. События в Семиречьи и затем в Закаспийской области показали, что только быстрая подача войск в очаги бунта-вместе с бесповоротно решительным воздействием на местах, спасли коренные области от резни. В этом деле огромную роль сыграла быстрая и точная работа Средне-Азиатской железной дороги.

После железного отпора, оказанного мятежу, немедленно началась работа по выяснению причин болезни и лечению ее. С приездом вашего высокопревосходительства в сердце приведенного в панику и потерявшего голову в ожидании возмездия туземного населения было внесено успокоение, с одной стороны великодушным признанием не единоличной виновности туземного народа и проникновением в его коренные нужды, а с другой-твердым проведением в жизнь возложенной на туземцев государственной повинности. Все это привело не только к наружному, как было вначале, но и внутреннему успокоению края.

V. О настроении народных масс в настоящее время.

В настоящее время туземное население вернулось к своей обычной жизни. Набор рабочих, настолько проник в сознание массы, как непреложная государственная повинность, что совершается автоматически. Пропаганда ненавистничества к России запряталась вглубь мечетей, медресе и мактабов, не имея успеха среди широких кругов населения. Но, одновременно с этим воспрянули надежды туземного народа на лучшую жизнь, путем получения льгот и удовлетворения запросов на “мусульманское” благополучие. Надежды эти не всегда сбыточны, так как туземцы полагают теперь, что им будет дано право на автономное существование. Эти настроения подогреваются подпольными руководителями туземцев, которые стараются вселить в народную массу уверенность, что один только туземный народ является хозяином края, при чем не должен уступать никаких прав пришельцам русским, которых где возможно, нужно стеснять и бойкотировать.

Подписал: И. д. военного губернатора ферганской области
полковник **ИВАНОВ**

**VII. Доклад помощника главного военного прокурора
генерал-лейтенанта Игнатовича Военному министру по
военносудным делам о восстаниях туземцев.
Декабрь 1916г.**

Во исполнение возложенного на меня Вашим высокопревосходительством поручения, изложенного в предписании Вашем от 24 ноября сего года, за № 13313 мной в период времени с 10-го по 20-е текущего декабря месяца были рассмотрены состоявшие в производстве Туркестанского военно-окружного суда дела о беспорядках, возникших среди туземного населения в связи с приведением в исполнение высочайшего повеления 25 июня с./г. о призыве инородческого населения на тыловые работы для армии.

По фактическим данным этих дел, а также по объяснениям, данным мне военным прокурором Туркестанского военно-окружного суда и некоторыми из судей принимавших участие в рассмотрении тех же дел по существу в качестве председательствующих, объем и характер преступных посягательств, в которых выразились указанные беспорядки, представляются в главных чертах в следующем виде:

Высочайший указ от 25 июня был получен на месте в гор. Ташкенте 9 июля. Предварительно же временным генерал-губернатором края генералом Мартсоном было дано из Петрограда распоряжение о том, чтобы подготовить население к предстоящей мере и составить списки подлежащих реквизиции рабочих. Но еще ранее того сведения о предстоящем наборе проникли уже в среду местного населения частью по слухам, частью по агентским телеграммам газет, при чем предстоящая мера сделалась известной населению первоначально как поголовный набор всего мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет.

Эти сведения о таком наборе, который сразу лишил бы местное население всей его рабочей силы, оставляя у него лишь стариков и женщин, неспособных заменить рабочие руки, первые по своему возрасту, а вторые по условиям их гаремной жизни, глубоко взволновали все население. Вместе с тем среди в значительной степени еще темной массы этого населения стали по поводу набора рабочих распространяться всевозможные, иногда самые нелепые, слухи. Прежде всего, значительная часть населения несомненно не верила что набор предназначается только для работ, и была убеждена, что их мужья и сыновья в действительности будут обращены в солдаты. Кем именно пущен был такой слух; нет опреде-

ленных указаний, но слуху этому легко поверили, и во время беспорядков из среды волнующейся толпы нередко раздавались крики: “не дадим своих детей в солдаты”. Идти в солдаты значило умереть где-то среди неверных, а это было противно религиозным понятиям, по крайней мере, сартов, а, кроме того, среди местного населения жило убеждение, что свобода от воинской повинности ему была дана еще при самом завоевании края. В связи с этим среди населения упорно ходили слухи, что будто бы еще до войны некоторыми из представителей туземной администрации тайно от населения даны в Петрограде (во время юбилейных торжеств) подписки от его имени о готовности населения принять на себя воинскую повинность и что предстоящий набор есть результат именно этих подписок. Вообще мысль о том, что туземные власти – волостные управители, старшины и пятидесятники продали население за большие деньги, и что только благодаря этому на население свалилась теперь вся тяжесть новой повинности, хотя бы и рабочей, было общим убеждением населения, и в данном случае сказался глубоко вкоренившийся в населении всего края вообще взгляд на все эти должности, как на особый источник крупных доходов. Местные партии горячо борются на выборах за получение в свои руки всех этих должностей и расходуют на эти выборы десятки тысяч в полной уверенности, что, добившись доходных мест, они быстро возместят свои расходы. Широкое развитие этого взяточничества и прямо вымогательства именно при исполнении нарядов на тыловые работы обратило на себя особое внимание генерал-губернатора при ознакомлении его во время его поездок с положением дел по наряду на работы в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской.

В отданном генерал-адъютантом Куропаткиным по этому поводу приказе по краю от 19 сентября отмечается целый ряд возмутительных случаев вымогательств, доходивших до арестов отдельных туземцев, не желавших подносить требуемую сумму, которою можно было бы откупиться от наряда. В виду этого тем же приказом все преступления этого рода должностных лиц туземной администрации были изъяты из общей подсудности с передачей их на рассмотрение военного суда. Между тем именно на эти туземные власти и было возложено почти повсеместно составление, как предварительных посемейных списков, так и самых списков рабочих.

Этим несомненно и объясняется то явление, что при возникших, в связи с набором, беспорядках всей

неистовство возбужденной толпы обрушилось прежде всего на головы этих ненавистных управителей, старшин и пятидесятников и среди них именно и оказалось наибольшее число кровавых жертв толпы, и если на ряду с этими лицами оказывались потерпевшие и из среды чинов русской администрации или воинских чинов, то в некоторых случаях это были скорее случайно попавшие на пути толпы лица. В отдельных случаях толпа даже, несмотря на выстрелы в нее со стороны чинов администрации и воинских чинов, не нападала на них хотя, несомненно, и имела к тому возможность.

Так, например, во время нападения толпы в Той-Тюбинской волости, Ташкентского уезда на усадьбу волостного управителя, охранявшуюся несколькими нижними чинами, толпа не только дала возможность этим нижним чинам, стрелявшим в толпу уйти безнаказно, но участники этой толпы просили даже одного из сторонних свидетелей беспорядков, чтобы тот уговорил нижних чинов не стрелять.

Во всех подобных случаях толпа жестоко мстила своим туземным властям за их участие в составлении списков или требовала от них выдачи этих списков, сомневаясь в их правильности, или же наивно полагая, что уничтожением этих списков они избавятся и от самого набора.

Виновные в глазах толпы представители туземной администрации подвергались в таких случаях самой жестокой расправе – превращавшей их трупы в бесформенную массу, жилища их разрушались, имущество разграблялось, а вместе с тем у волостных управителей уничтожалась и вся канцелярия. Отдельные случаи таких нападений указывают и на то, что на ряду с чувством мести за участие вообще в осуществлении набора рабочих с жертвами нападений в то же время сводились и чисто партийные счета.

Таков был вообще преобладающий по числу случаев вид беспорядков, но характер и размеры их, однако значительно изменялись в зависимости от местных условий, по областям и даже отдельным уездам.

Такие беспорядки, при которых преступная деятельность их участников была направлена главным образом лишь против туземной администрации, а не против представителей русской власти имели место почти исключительно в областях Ферганской, Сыр-Дарьинской и некоторых уездах Самаркандской области, где население, по видимому, более освоилось и свыклось с русскою властью и несколько более культурно. Но совершенно уже другой характер имели беспорядки в Джизакском уезде, Самаркандской области,

а также в области Семиречинской, где таковые резко были направлены именно против русских властей и русского населения вообще.

И, наконец, особым, чисто местным характером, отмечаются и те два эпизода беспорядков, которые имели место в Закаспийской области уже в первых числах октября, т.-е. значительно позднее времени развития беспорядков в других областях, приходящихся на июль месяц.

Под воздействием всех распространившихся в населении слухов в связи с полученными сведениями о предстоящем наборе брожение среди населения началось уже с первых чисел июля месяца и прежде всего по видимому в некоторых волостях Самаркандской области, при чем здесь уже с самого начала, на происходивших народных собраниях, наряду с общим решением рабочих не давать и перебить туземную администрацию, раздавались голоса и за то, чтобы перебить также и администрацию русскую.

В этой же области уже 4 и 5 июля произошли и первые беспорядки в Ходжентском и Самаркандском уездах, не получившие однако серьезного развития. Быстро распространившаяся весть об этих первых беспорядках послужила первым сигналом к таким же выступлениям и в других местах, но, несомненно, решающую роль в этом смысле сыграли беспорядки, возникшие 11 июля в самом Ташкенте. Здесь некоторые влиятельные в г. лица, оставаясь сами в стороне, подговорили через посланных ими людей простой народ пойти с женщинами в полицию и заявить там о том, что они своих детей не дадут.

Действительно утром 11 июля толпа женщин и мужчин направилась к полицейскому управлению с криками: "не дадим рабочих", избила городских, не подпускавших толпу в управление, и пыталась проникнуть в здание, бросая в него камни.

Порядок был восстановлен вызванной воинской частью, причем было убито пять сартов участников толпы и один полицейский караульщик, также из туземцев, убитый выстрелом из толпы (виновник этого выстрела так и остался не установленным и на суде).

В это время в Ташкенте уже находились посланцы из других мест, ждавших что скажет Ташкент и как он решит, давать или не давать рабочих. Услышав ответ Ташкента, посланцы эти быстро разнесли его по своим местам и с этого дня беспорядки широкою волной разлились по уездам Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, причем в г. Джизаке и Джизакском уезде возникшее

движение сразу же вылилось в крайне резкую форму, явного восстания против русской власти, вызвавшего необходимость для своего подавления в высылке особого карательного отряда.

Сигнал к этому восстанию подал некий ишан Назыр Ходжа, бывший посланец от гор. Джизака в Ташкент. Вернувшись 13 июля из Ташкента, ишан Назыр Ходжа благословил народ на войну с русскими и двинул громадную вооруженную толпу на русскую часть г. Джизака, при чем первой жертвой этого восстания был начальник уезда, полковник Рукин, который при своей непоколебимой уверенности в преданности сартов, несмотря на предупреждения его, выехал навстречу толпе в сопровождении всего лишь нескольких человек во главе с приставом, который также был убит вместе с Рукиным. Проживавший в одном из участков Джизакского уезда (Богданском) сын бывшего Чардаринского бека. Погибшего в свое время, командуя бухарскими войсками в сражении с русскими под Кок-Тюбе, Абдурахман Джевачи Аблуджабаров, был избран Джизакским беком и открыл поход на Джизак с целью отвоевания его от русских и образования самостоятельного бекства. В другом участке уезда, Санзарском, был объявлен Санзарским беком некто Туракул Турадбеков, который во главе мятежников также открыл священную войну ("газават") против русских. Наконец в третьем Зааминском участке, Джизакского уезда, был точно также избран Зааминским беком некто ишан Касым Ходжа, который, назначив своих сподвижников при себе "министрами" начал священную войну против русского владычества, с целью образования также самостоятельного Зааминского бекства. Все эти мятежи сопровождались нападениями на чинов русской администрации и войска, рядом убийств русских жителей, насилием над женщинами, разбоями, повреждением и разрушением железнодорожного полотна, мостов и телеграфного сообщения, причем мятежною бандою Джевачни было кроме полковника Рукина и пристава Зотоглова убито еще 17 человек, число же русских жертв Санзарского восстания достигло 43 человек в том числе было убито 16 детей.

Такой особый характер восстания в Джизакском уезде может найти себе объяснение в том, что уезд этот и по своей природе, по населению, является вообще более диким, при чем среди родовитых представителей его населения еще сильны родовые воспоминания времен былой независимости. Наряду с этим имеются указания и на то,

что здесь и самый набор среди туземцев был истолкован как признак недостатка у русских своих войск и потому неспособности уже их оказать, серьезное сопротивление восстанию.

В Семиречинской области, в Верненском уезде, 12 июля было совершено убийство толпою волостного управителя все на той же почве составления списков рабочих. Затем имеются указания на то, что и здесь уже и первых числах июля происходили по волостям съезды киргизов, на которых было решено рабочих не давать, а в случае принудительных, со стороны администрации, мер поднять восстание, при этом самое высочайшее повеление от 25 июня было истолковано здесь также как призыв киргизов в ряды войск.

Дальнейшее развитие движения среди киргизов с Семиречинской области началось уже с августа месяца, причем оно приняло также характер восстания, сопровождавшегося нападениями на русские поселения, убийствами, грабежами и насилиями, вследствие чего начальник края, руководствуясь 12 – ст. правил о местностях, состоящих на военном положении, разрешил телеграммой от 11 августа командующему войсками области, учредить при отрядах и в уездных городах области для суждения восставших туземцев военно-полевые суды.

О такой чрезвычайной мере было генерал-адъютантом Куропаткиным донесено рапортом от 12 августа за № 27847 на высочайшее имя и 24 августа его императорское величество этот рапорт изволил читать.

В настоящее время по представлению моему генерал-адъютантом Куропаткиным сделано распоряжение о доставлении всех оконченных дел полевых, (а также действовавших в области отрядных) судов мне на просмотр, о результатах которого мною и будет доложено Вашему высокопревосходительству дополнительно.

Наконец по Закаспийской области по настоящее время имеются дела (3) только по двум отдельным эпизодам беспорядков по восстанию в Тедженском уезде в ночь на 6 октября и восстанию в Серахском уезде 2 и 4 октября. Оба эти эпизода имеют характер организованного наступления вооруженных банд, сопровождавшихся перестрелкой с чинами полиции и войсковыми командами, а первое из них и разрушением полотна железной дороги и мостов.

В обоих этих случаях выступления вооруженных банд происходили под предлогом не допустить отправления уже набранных партии рабочих, но при этом однако обращает

на себя внимание то обстоятельство, что во главе обеих этих банд стояли лица, пользующиеся репутацией местных разбойников, грабивших при своем движении и своих же туркмен, главное же совершенно отрицательное отношение к действиям этих банд местного населения, В Тедженском уезде население, в лице своих почетных людей, охотно пошло навстречу офицеру, производившему дознание и предложившему выдать участников движения, при чем один из аксакалов вывел даже на сходе своего собственного сына, участвовавшего в банде.

Точно также и в Серахском уезде, общая масса населения охотно содействовала властям в раскрытии участников банды, а когда 4 октября банда собралась с намерением отбить отправленную уже по назначению партию рабочих, то провожавшее эту партию население само уже указало приставу на сборище банды и жаловалось на производимое этой бандой бесчинство по аулам.

Все это говорит за то, что в том и другом случае описанных восстаний действовавшие в них банды имели скорее чисто разбойничьи цели и лишь воспользовались моментом отправления рабочих чтобы на вербовать в свои ряды часть предназначенной в рабочие молодежи, что главарям этих банд, уговорами а то и прямыми угрозами, отчасти и удалось достигнуть, но как только эти банды были рассеяны многие из на вербованных явились с повинной.

Таковы, в главных своих чертах, те фактические обстоятельства дел о восстаниях в Туркестане, которыми должны были определяться в отдельных случаях характер и меры уголовной ответственности участников этих восстаний по соображению их с основными нормами этой ответственности, установленными по закону.

В этом отношении я считаю себя обязанным доложить нижеследующее: из общего ряда описанных выше восстаний, прежде всего, должны быть выделены в особую группу все случаи восстания, имевшие место в Джизакском уезде, как соединенные с попытками отторжения от империи некоторой ее части. Все такие случаи предусматриваются 100 ст. Угол. Уложения (нового) и нормальным наказанием на них является смертная казнь. Что же касается других случаев не соединенных с такою бунтовщицеской целью, то вообще массовые восстания против властей, правительством установленных, предусматриваются уложением о наказаниях угол. и исправит, (старым) в ст. ст. 262 269, причем закон в ряде этих статей устанавливает очень

широкие пределы этой наказуемости в зависимости от различных сопровождающих такие восстания обстоятельств.

Основным наказанием за разного рода восстания закон определяет каторжные работы, в отношении же применения этого наказания к отдельным участникам, закон (ст. 266, Улож. о наказ.) устанавливает особые правила, по которому нормальному наказанию, то есть каторжным работам подвергаются лишь главные виновники или же зачинщики и подговорщики, из числа остальных участников лишь виновнейшие подвергаются отдаче в исправительные арестантские отделения, а все прочие – смотря по обстоятельствам, даже простому заключению в тюрьме от 4-8 месяцев. Наконец, закон допускает (ст. 269) даже совершенное освобождение от наказания тех из участников, которые по сделанному начальством воззванию разойдутся и оставят свое намерение. Таким образом, в этих своих определениях сам закон учитывает особые свойства преступлений учиненных толпою, где обычно истинными злоумышленниками являются лишь главари и руководители движения, остальная же толпа нередко, представляет собой лишь покорное их воле стадо.

Устанавливая столь широкие пределы наказуемости участников восстания, закон, однако особо строго наказывает тех из них, которые для достижения своих преступных целей учинят смертоубийство или зажигательство, за что виновные подвергаются каторге до 20 лет, а зачинщики или подстрекатели – без срока.

Таковы условия наказуемости восстаний по законам мирного времени. Эти условия наказуемости не изменяются и при суждении виновных по законам военного времени, за исключением однако тех случаев, когда эти преступления сопровождаются убийством или покушением на убийство или нанесением ран, увечий и тяжких побоев чинам войск, полиции и вообще должностным лицам или поджогом – в этих случаях все виновные в таком восстании подвергаются смертной казни (ст. 20 правил о местностях, объявленных на военном положении и ст. 18 Положения о мерах к охранению Государственного порядка и общественного спокойствия).

Переходя от этих общих соображений к ближайшему рассмотрению общего числа дел о беспорядках, поступивших на рассмотрение суда, порядка их производств, состоявшихся по ним приговоров и размеров, понесенных осужденными наказаний, я могу доложить следующие данные.

С половины августа месяца, когда начало усиливаться

поступление в военно-прокурорский надзор дел о беспорядках, личный состав надзора, состоявший в то время кроме военного прокурора, из трех помощников, из которых один почти непрерывно находился в командировках, был усилен прикомандированием офицеров из бывших товарищей прокуроров (3) и других чинов Министерства Юстиции и просто офицеров, получивших высшее юридическое образование. Всего в настоящее время при военно-прокурорском надзоре состоит таких прикомандированных человек, из которых три бывших товарища прокурора и из них главным образом и лежит проведение дел о восстаниях на суде. Всего с 25 июля по 15 декабря в военно-прокурорском надзоре поступило дел о беспорядках среди туземцев 148 с общим числом привлеченных по ним лиц свыше 3000 человек, из этого числа дел внесено в суд с обвинительными актами 53 дела с общим числом подсудимых 158 человек, (остальные дела получили другие направления: часть на прекращение, часть, обращены к административному рассмотрению). Движение этих дел в военно-прокурорском надзоре проходило не только без всякого замедления, но и с выдающейся быстротой. Так из общего числа 53 дел внесенных в суд, 42 дела были на рассмотрении в надзоре не свыше трех дней, несмотря на то, что многие из них заключали в себе по не сколько сот листов, все же обвинительные по ним акты вносились в суд в большинстве случаев в день получения их от военного начальства или на следующий день. Личный состав военно-окружного суда, состоявший в июле месяце по списку из председателя, двухсменных судей, был также усилен двумя судьями (один возвращен из Кавказской армии и допущен к исполнению обязанностей военного судьи, один из военных следователей).

Движение дел в суде шло также без промедления, причем первые поступившие в суд местные дела (по г. Ташкенту Ташкентскому уезду) были рассмотрены в течение менее двух недель со времени поступления их в суд, а по двум из них состоялись приговоры суда в течение менее месяца с дня совершения преступления.

Всего местных Ташкентских дел было шесть, затем 3 дела рассматривались в выездных сессиях временных военных судов. При таких условиях из числа 38 дел – два дела находились в производстве суда менее двух недель, девять менее месяца, 23 дела свыше одного месяца, но менее двух, 4 свыше двух, но менее 3 месяцев. Наконец из общего числа 53 поступивших дел 9 дел еще не рассмотрены, н

предположены к рассмотрению в выездных сессиях, на январь месяц наступающего 1917 года. Не рассмотренными остались дела, два – по Семиречинской области, поступившие в суд 6 октября и 15 ноября, два дела по Самаркандской области, поступившие только 7 декабря, два дела по Джизакскому уезду, Самаркандской области, поступившие 25 ноября и 7 декабря, одно дело по Сыр-Дарьинской области, поступившее 30 ноября, одно дело по Ферганской области, поступившее 8 декабря и одно дело по Закаспийской области – поступило 2 декабря.

Таким образом, из общего числа 53 поступивших в суд дел им по 20 сего декабря разрешено 44 дела. По 20 декабря поступили сведения о состоявшихся приговорах по 40 делам. По этим 40 делам состояло всего подсудимых 933 человека, из коих судом оправдано 346 человек, то есть около 30% и осуждено 587, из них, приговорено было к смертной казни 201 человек, к каторжным работам 104 человека, к арестантским отделениям 194 и к заключению в тюрьме 88, по конфирмации же главнокомандующего подвергнуто смертной казни 20 человек (то есть 10% из числа приговоренных) – каторжным работам 162, арестантским отделениям 75 человек, заключению 204 (то есть около 40% всего числа осужденных) – аресту 51 и освобождено от дальнейшего отбывания наказания (тюрьмы) 39 человек. В частности же по двум отдельным эпизодам восстания в Джизакском уезде рассмотренным показательным пока судом, а именно: 1) по восстанию в гор. Джизаке было предано суду 88 человек из них оправдано 37, осуждено 51 и приговорено к смертной казни 50 человек и к каторге один, по конфирмации же подвергнуто смертной казни 10 человек (то-есть 20% приговоренных, в том числе казнены главари движения Абдурахман-Джевахи и ишан Назыр Ходжа) и к каторге 41 и 2) по делу о восстании в Богданском участке - было предано суду 62 человека, из них оправдано 28 человек, а все остальные 34 были присуждены смертной казни, но по конфирмации смертной казни подвергнуты 3 человека, а остальным 31- смертная казнь заменена каторгой (4 человека на 12 лет и 27 на 4 года каждому).

По общему правилу на основании 1424 ст. Воен. Суд. Уст. На усмотрение Главнокомандующего представляются лишь приговоры к смертной казни и такие, по которым суд ходатайствует о смягчении подсудимым наказаний в размере выходящей из пределов предоставленной ему власти, остальные же приговоры обращают прямо к исполнению.

В изъятие из этого общего порядка генерал-адъютантом Куропаткиным, на основании 12 ст. Правил о местностях, объявленных на военном положении, было отдано распоряжение о представлении ему на усмотрение приговоров по всем без исключения делам о восстании туземцев. Распоряжение это было сделано с целью устранения возможности поднесения виновными, приговоры о которых не подлежат представлению на усмотрение Главнокомандующего за менее важные преступления более тяжких наказаний сравнительно с осужденными за преступления более важные, но получившими облегчение участи вследствие смягчения определенных им судом наказаний при утверждении приговоров,

О таковом распоряжении генерал-адъютантом Куропаткиным было донесено на высочайшее имя 2 сентября текущего года рапортом за № 30651, каковой рапорт его императорское величество изволил читать 14 того же сентября.

Сообразно с этим порядком все приговоры докладывались Главнокомандующему или лично тем военным судьей, который председательствовал в суде, рассматривавшем представляемое дело или (при отсутствии председательствовавшего военного судьи) председателей суда, причем Главнокомандующему докладывались или постановления суда с ходатайством о смягчении наказаний осужденным (в тех редких случаях, когда таковые состоялись) или сведения по делу, которые могли иметь значение для определения окончательных наказаний — сообразно с каковыми данными и общими личными соображениями о характере имевших место в крае восстаний, генерал-адъютант Куропаткин и утверждал приговоры, широко смягчая в большинстве случаев участь осужденных, согласно предоставленных ему в этом отношении прав ст. 95 С. В. П. кн. XXII.

Из сопоставлений же подтвержденных приговоров по отдельным делам усматривается, что при определении наказаний при конфирмации в большинстве случаев соблюдаются некоторые определенные основания, заключающиеся в том, что 1) во всех тех случаях, когда при учинении восстания пролита русская кровь, хотя бы даже и не было причинено смерти —главным виновникам утверждается смертная казнь, остальным же смертная казнь заменяется каторгой, и в одном только случае, сопровождавшемся лишь нанесением ран чинам полиции, одному из осужденных, в отношении которого было ходатайство суда ввиду его

несовершеннолетия и слабого умственного развития, смертная казнь заменена была заключением в тюрьме на два года, 2) в тех же случаях, когда восстание сопровождалось убийством, или покушением на убийство, чинов туземной администрации и вообще туземцев — смертная казнь главным виновным утверждается в более важных случаях — как то когда жертв восстания несколько, — или главным виновным игравшим в восстании особо выдающуюся роль, или лично совершившим убийство, в большинстве же случаев смертная казнь заменяется каторгой — главным виновным на высшие сроки, а остальным на меньшие сроки. В некоторых же случаях, части осужденных смертная казнь была заменена арестантскими отделениями, (в 3 случаях) тюрьмой (в 2 случаях), и даже арестом (по одному делу). При этом одному из приговоренным к смертной казни, эта казнь заменена тюрьмой на 2 года, как значится в конфирмации “в виду защиты им при нападении русских”. По другому делу смертная казнь заменена тюрьмой 13 человекам (в том числе одной женщине) в отношении которых было ходатайство суда о смягчении их участи (заменой смертной казни каторгой на 10 лет) ввиду их легкомыслия и крайней неразвитости, которыми воспользовались другие для вовлечения в преступление и самого учинения убийства лишь под влиянием минутной вспышки. Замена смертной казни арестом имела место по одному делу — когда толпою одной из волостей Ташкентского уезда произведено было нападение на дом волостного старшины, который был толпою избит на смерть, но при этом толпа не тронула охранявших его воинских чинов, в данном случае приговорено было к смертной казни 8 человек, из которых смертная казнь двум была заменена каторжными работами на 4 года, а остальным арестом. 3) Наконец во всех тех случаях, когда беспорядки не сопровождались кровопролитием, а выражались лишь в более или менее бурном протесте против предстоящего набора рабочих, назначаемые судом наказания — каторга — в более сажных случаях лишь сокращалась сроком, в большинстве же случаев заменялась арестантскими отделениями, — арестантские отделения заменились тюрьмой, а тюрьма — арестом.

Затем по одному делу, по которому было осуждено только два лица, каторга заменена тюрьмой на один месяц.

По одному же делу всем осужденным, в числе семи человек назначенные им наказания — двоим каторга (на 12 лет) и пятерым арестантские отделения заменены всем

арестом на два месяца. В этом случае толпа напала на дом волостного управителя, но нападение это не сопровождалось насилием над личностью и имело характер буйства толпы.

Таким образом в этих случаях – третьей группы назначенные виновным наказания, вообще говоря, не выходят из пределов наказуемости допускаемой за эти преступления нормально по закону (ст. 262-269 Улож. о Наказ. Угол и Исправит.)

Подлинную подписал и с подлинной верно:

Помощник главного военного прокурора генерал-лейтенант
ИГНАТОВИЧ.

31 декабря 1916 года № 94 г. Ташкент.

**VIII. Доклад драгомана Консульства в Кашгаре
Стефановича.
Начало 1917 г.**

*Господину Российскому императорскому генеральному
консулу в Кашгаре.*

Драгомана консульства коллеж. сокр.
Стефановича.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о волнении среди киргиз Семиреченской Области о
бегстве, их в китайские пределы.

По полученным мною сведениям, путем опроса отобранных от киргизов русских пленных, по показанию арестованных участников мятежа, по рассказам очевидцев мятежа русских и китайских поданных сартов, по справкам, полученным от пострадавших в той или иной мере от названного мятежа, но донесениям аксакалов в Уч-турфане и Аксу и лип, специально посланных в разные места на разведки, а также по сообщению духовных лиц из мусульман, пользующихся у киргизов большим влиянием и авторитетом, – картина волнений в Семиреченской области и причины, вызвавшие их, представляются и следующем виде.

В начале июля среди киргиз заметно было некоторое брожение и смущение, вызванное, невидимому, ожиданием

призыва на тыловые работы, во исполнение Высочайшего повеления. Киргизы чернорабочие, торговцы и другие, имеющие знакомство среди русских, неоднократно обращались к последним с вопросами о характере призыва, при чем вопросы, предлагаемые ими, порой носили не только бессмысленный характер, но видно было, что смущение вызывалось и сеялось среди них злонамеренными лицами, чему способствовало крайнее невежество киргизской массы. Так, киргизы говорили, что они будут посланы на работы на фронте в места, находящиеся между русскими войсками и немецкими, при чем в них будут стрелять как те, так и другие. Когда им указывали на вздорность подобных слухов и разъясняли истинные условия призыва, что они будут определены только на тыловые работы и что им будет выдана соответствующая заработная плата, то они не только не верили этому, а указывали на такие факты, как на то, что ими представлены были по требованию начальства юрты, — войлоки, пайпаки (чулки), давались лошади по ремонту, но денег они или совсем не получали, или, если получали, то далеко несоответственно со стоимостью взятых вещей, а также и вопреки ценам, заявленным властями на те или иные предметы, потребные для армии.

Объяснение этого кроется в родовой организации киргизского быта. Строгое и безответственное подчинение старшему в роде, имеющее за собой много положительных сторон, бесспорно было необходимым элементом в организации внутреннего управления киргиз, до тех пор, пока они жили самостоятельно, не входя в соприкосновение с административной организацией русского государства. С момента подчинения киргиз и включения их в отдельные административные единицы, какой являлась среди них волость, родовой киргизский быт начал обнаруживать и свои отрицательные стороны, от чего больше всего страдало само киргизское население. С разделением киргиз на волости и введением волостного управления, среди них начинается партийная борьба из-за получения должностей старшины, судьи и проч. При таких обстоятельствах влияние старших в роде начало утрачиваться и переходить к богатым, имеющим возможность использовать свои материальные блага для получения места, или же к лицам, не чуждым физического воздействия на киргизскую массу, державшим ее в постоянном страхе и кабале. Последнее является особенно характерным для киргизского быта, — уплата кибиточной подати и других повинностей, как мирного времени, а также и вызванных войной, производилась

волостными, которые брали с подчиненных им киргиз в 2 – 3 раза больше того, что с них требовалось, если даже надо было уплачивать деньги за взятые для нужд армии вещи, то волостные предпочитали оставлять их у себя. Управление киргизской массой уездной администрацией через подобного рода волостных, порой даже не бескорыстная поддержка их, усугубляют только тяжесть безысходного положения темной массы, лишенной возможности обратиться с жалобой на своих управителей. Когда отдельные лица советовали им обращаться к уездному начальнику или даже губернатору, то ответ получался слишком печальный – к губернатору нас не допустят, а уездный начальник – прогонит. При таком состоянии всей киргизской массы трудно было рассчитывать, чтобы мобилизация рабочих протекала без проявления нежелательных эксцессов. Богатые киргизы, занимающиеся торговлей или земледелием, как перешедшие на оседлое положение, были бесспорно против всяких волнений и склонны были удовлетворить требования призыва рабочих, так как, помимо материального ущерба, который был неизбежен для них в случае мятежа, они, как более осведомленные, видели бессмысленность и гибельные последствия от неповиновения властям. Но этот класс лиц, как немногочисленный и мало организованный, хотя и пользовавшийся некоторым влиянием у киргизской массы, не в состоянии был противодействовать главарям, так называемым манапам, большинство коих и было, в силу указанных выше причин, волостными управителями. У последних было достаточно причин, чтобы противиться призыву киргиз. Господствуя почти неограниченно над Киргизской темной массой, над ее имуществом и чуть ли не жизнью (последнее не является преувеличением, так как бывали частые случаи убийства нежелательных манапам лиц, при чем сами они оставались в стороне) манапы усматривали в призыве киргиз на работы угрозу своему безответственному и неограниченному господству над ними. Главари это прекрасно сознавали, что власть их держится только благодаря невежеству к темноте киргиз, которые в общей своей массе, помимо гор и своего аула, ничего не видели, с призывом же на работы у этой массы неизбежно, как результат более тесного общения с русским населением, могли зародиться хотя бы элементарные представления о праве, что в дальнейшем принесло бы и конец господству манапов.

Последние могли предвидеть это, наблюдая проявления обнаружения противодействия в отношении к своим

манапам со стороны киргиз, переведенных на оседлое положение, каковой перемене киргизского быта противодействовали, в силу вышеизложенных причин, опять таки манапы. При таких условиях манапам предстояла дилемма отказаться от главенства и власти, которая перешла бы к другим лицам, их противникам, пожелавшим бы использовать такой благоприятный момент, как всеобщее брожение среди киргиз, вызванное призывом рабочих, или же самим остаться во главе послушных им масс, имея к тому же в перспективе возможность грабежа и легкой наживы за счет мирного русского населения. Вот ничему почти во всех волостях руководители мятежа оказались волостные старшины, которые, казалось бы, должны были быть безупречными исполнителями воли своего начальства и проводниками среди киргиз идеи русской власти.

Помимо вышеизложенных причин нельзя не отметить известной близорукости и даже преступной неосведомленности со стороны местной администрации. Мятеж в таких размерах, какие он принял, не мог в своей подготовке пройти незамеченным. Помимо общего смущения и брожения среди киргиз, что было заметно для лиц, имевших с ними соприкосновение, такой факт, как собрание в несколько тысяч человек, и 10-х числа июля, в урочище Уч-Кунор, где киргизы решили противиться распоряжениям властей и не давать рабочих, при надлежащей осведомленности властей не мог пройти незамеченным, уже в силу большого числа участников названного собрания. Отсутствие же точных посемейных списков, с указанием возраста членов семьи, помимо того, что давало произвол волостным писарям вносить и исключать из призывных списков подлежащих лиц по своему усмотрению, послужило поводом к тому, что главари начали запугивать массу, тем, что и списки призыва будут внесены 16-18-летние, как 19-летние, а лица старше 35 лет, не подлежащие призыву, будут записаны, как 30-35-летние, так что в аулах останутся только одни женщины, дети и глубокие старики. Отсутствие разъяснений о характере призыва со стороны администрации, именно самой массе, которая подлежала главным образом призыву и была смущена именно теми главарями, которым давались разъяснения администрацией о значении высочайшего повеления, повело к тому, что масса отказалась верить даже в наличность высочайшего повеления, объясняя призыв распоряжением местных властей, что еще больше способствовало решению киргиз не подчиниться требованиям властей.

Готовясь к открытому сопротивлению и восстанию, киргизы приняли во внимание и те силы, с которыми им предстояло вступить в борьбу. Даже на первый взгляд видно, что соотношение сил было в их пользу: в Пишпекском и Пржевальской уездах ко времени начала мятежа не было никаких войск, отсутствие же мужского населения, вследствие призыва запасных, в русских поселках, давало им лишний шанс надеяться на успех мятежа, к тому же киргизской массе было внушено главарями, что войска находятся все на войне, и что скоро будут забирать даже женщин, так как мужчин не хватает. При таких условиях возможность пограбить русское население, поживиться крестьянским скотом, оказалась настолько соблазнительной, что вся киргизская масса только ждала благоприятного момента, чтобы наброситься на русское население. Назначенный в середине августа призыв рабочих был причиной того, что киргизы решили не допустить этого и подняли восстание. Если у них не был определен заранее день самого восстания, то почва была настолько подготовлена, что необходимо было кому-нибудь только начать, чтобы пожар восстания охватил, чуть ли не всю Семиреченскую область. В Пржевальском уезде восстание началось 8-го августа на северо-западном берегу озера Иссык-Куль нападением киргиз на большое село Сазановку. С целью склонить к участию в мятеже лиц нерешительных, главарь мятежа в Семиречье — сыновья майора милиции Шабдана, оказавшего в свое время большие услуги русскому правительству в деле организации киргизского быта, пользующиеся у киргиз большим влиянием и ставшие во главе этого мятежа, разослали повсюду гонцов с известием, что ими уже взяты Пишпек, Токмак и другие большие села Пишпекского уезда, захвачен целый транспорт винтовок и патронов, и что они идут на помощь Пржевальским киргизам, чтобы взять г. Пржевальск, при этом указывалось, чтобы киргизы избивали мужское население, женщин и девушек брали себе в жены, мальчиков подростков до 15 лет — в пастухи.

Свыше 2-х недель киргизы грабили и убивали русских, уничтожая на своем пути все, что только им попадалось. Отрезанность Пржевальского уезда, окруженного со всех сторон мало доступными горами, как нельзя более способствовала преступным планам киргиз уничтожить весь уезд и взять город. Хотя последнее им не удалось, но зато весь уезд был уничтожен (остались целыми только 3 села). Но подобное кошмарное положение продолжалось недолго — начавшие прибывать понемногу войска стали пресле-

довать киргиз. Первыми, признавшими свое поражение, оказались дунганы, поднявшие восстание вместе с киргизами, они уже в 15-х числах августа бежали в пределы Китая, где у них имелись родственники и торговые связи. Вскоре, вслед за дунганами, направились в пределы Китая и киргизы, перейдя границу в Кульджинском и Кашгарском районах.

Выясняя картину появления киргиз в кашгарском консульском округе, приходится сказать, что главная масса их хлынула в Уч-Турфанский и Аксуйский оазисы и только незначительная часть их попала и в Кашгарский уезд. В Кашгарский уезд бежали киргизы в количестве 2-х волостей из Нарынского участка, где волнения оказались меньше, чем в других частях Пржевальского уезда, к тому же и сами бежавшие сюда оказались совсем мало причастными к мятежу — их бегство было вызвано опасением пострадать от своих же киргиз-мятежников, которые или принудили бы их принять участие в мятеже, или же разграбили бы их стада. При таких условиях беглецы из Нарынского участка не могли долго оставаться на кит. территории, и, действительно, они были выдворены консульством в места постоянного своего жительства, причем следует отметить тот отрадный факт, что они не понесли почти никакой потери скотом, возвратившись в пределы России со своими стадами.

Совсем другого характера представляется картина бегства киргиз и их экономического состояния в Уч-Турфанском районе. Сюда бежали киргизы из Пржевальского и Пишпекского уездов большей частью волости, принимавшие видное участие в мятеже. Что же касается самого количества волостей, то таковое представляется довольно трудным определить точно. Киргизы при бегстве своем, преследуемые казаками, так перемешались, что теперь было бы невозможным провести прежнее подразделение их на волости части одной и той же волости находятся в Кульджанском районе и Уч-Турфанском. Общее же число киргиз в Уч-Турфанском и Аксуйском районах может быть определено в 10000-120000 человек. Вся эта масса появилась здесь в конце сентября и октябре месяце. Двигаясь по горам и направляясь по мало доступным перевалам, киргизы, преследуемые по пятам русскими войсками, к тому же переобремененные награбленным имуществом и разными принадлежностями своего домашнего обихода, мало заботились о сохранении своего скота. Путь же, по которому они направлялись в Китай, оказался настолько тяжелым, вследствие частых мало доступных для перехода гор, что

большая часть скота у них пала по дороге. По одному только пути через перевал Бедель, которым главным образом направились киргизы в Уч-Турфанский район, насчитывается свыше 10.000 голов павшего скота и лошадей. Скот, который им удалось привести в кит. пределы, вследствие отсутствия корма здесь и перечисленных лишений в пути, пал почти полностью, если что и осталось у них, так это небольшое количество баранов и верблюдов, как более выносливых и малотребовательных животных. Принимая же во внимание, что новый корм в горах появится не ранее мая месяца, приходится предположить, что и эти незначительные остатки скота к тому времени падут, тем более что и настоящий их вид не дает никакой надежды, что он в состоянии будет перенести оставшиеся 3-4 зимние месяцы. Потеряв свои стада, главное свое богатство и состояние, киргизы очутились здесь в крайне бедственном положении. Не имея ничего, с утратой скота, помимо жалкого домашнего скарба, киргизы, чтобы поддержать сколько-нибудь свое существование, начинают продавать самое необходимое из своего домашнего обихода – кошмы, казаны, чайники седла, уздечки и проч. Дороговизна на предметы первой необходимости и Уч-Турфана и Аксу ставит всю ту киргизскую массу перед лицом голодной смерти, среди них начинает появляться, на почве недоедания эпидемия брюшного тифа, цинга и проч. Чтобы избавиться от лишних ртов и тяжелой ноши в пути киргизы начинают бросать на дороге и в местах своих стоянок малолетних детей, девочек же и мальчиков свыше 12 лет продают местным-сартам по 30-40 рублей (при курсе рубля в 3 тенгиса, вместо 12-ти). При таких условиях будущее их представляется крайне тяжелым и безысходным, если они перенесут зиму и доживут даже до весны, то и тогда не предвидится для них ничего облегчающего здесь на месте, даже в виде работы на полях, так как местное население не испытывает недостатка в рабочих руках, а, наоборот, излишек своих рабочих отсылало в пределы России на заработки.

Что же касается выселения киргиза в Россию, при условии выполнения ими требований, изложенных в секретном письме Туркестанского генерал-губернатора на имя тов. министра ин. д. от 6 ноября 1916 г., за №1148, а именно: 1) выдача русских пленным, 2) оружия, 3) главарей и 4) изъявление покорности, то для них из всего этого окажется выполнимым разве только последнее – изъявление покорности, т. к. русские-пленные ими уже давно убиты, за исключением тех женщин, (65) человек), которые, благодаря

принятым консульством мерам, были отобраны еще и в сентябре и октябре; оружие же, как имеющее значительную ценность на местном рынке, продано или китайским подданным сартам, или, главным образом, отобрано китайскими властями. Что же касается требования выдачи главарей, то оно для этой массы, испытывающей такие ужасные лишения и нужду, и к тому не имеющей никакой организации, не выполнимо. Кроме того, главари уже успели скрыться, бросив всю эту массу на произвол судьбы. Так, по последним сведениям, Шабданы направляются на юг в Хотан, откуда хотят проскользнуть в Индостан или Афганистан. Принимая во внимание бедственное положение киргиз, нужно иметь в виду, что при выдворении в пределы России, незначительная часть только из них сможет переехать самостоятельно, остальная же масса нуждается в помощи и при том и широких размерах — им нужно будет оказать поддержку, если не перевозочными средствами, т. к. они смогут дойти и пешком, то по снабжению их провизией, запасов коей у них нет, средств же на приобретение у них никаких не имеется. Я не говорю уже о том, что, по возвращении в Россию, они должны будут служить предметом особых забот администрации, как по предоставлении им мест для жительства и самих, жилищ, так как юрты и даже принадлежности домашнего обихода у них совершенно отсутствуют; по приисканию работы и средств к пропитанию, т. к. трудно допустить, чтобы русское население, ограбленное и столь обиженное ими, продолжало мирное с ними сожительство, наоборот, необходимо будет принимать меры к защите киргизов со стороны питающего к ним злобу русского населения и, таким образом, иметь наготове усиленные отряды полиции и даже регулярные войска; нужно будет заботиться о снабжении этих киргиз провизией и необходимой одеждой и обувью, т. к. они совершенно обносились за свое долгое путешествие. Появившиеся среди них эпидемии тифа и цинги должны служить предметом особых забот по принятию санитарных мероприятий и по посылке надлежащего медицинского персонала для борьбы с названными эпидемиями и для предупреждения распространения этих болезней среди русского населения. Вот те вопросы, которые невольно возникают при мысли о весеннем водворении киргиз в пределы России.

Переходя к выяснению отношения со стороны китайских властей к бежавшим киргизам, приходится констатировать в данной случае 2 фазиса, через которые прошло развитие этих отношений, и притом чуть ли не

диаметрально противоположных. Первая волна беглецов, которыми оказались дунгане, обнаружившаяся в середине августа, была настолько неожиданной для самих китайцев, что не могло быть и речи о том, чтобы китайские власти могли оказать какое либо противодействие в недопущении их на свою территорию. К тому же большая часть бежавших дунган оказались китайскими подданными. Все усилия китайских властей были направлены в это время к тому, чтобы внести успокоение в умы этой озлобленной массы, жестокость и свирепость коей памятли были китайцам по восстанию дунган в 70-х годах прошлого столетии в зап. провинциях Китая. Поэтому, китайские власти, напуганные появлением громадного количества такого беспокойного элемента, как дунгане, и, опасаясь возникновения волнений среди своих подданных сартов, поспешили увеличить число войск в Уч-Турфане, как самом опасном месте скопления беглецов, присылкой различных войсковых частей на Аксу, Яркенда и даже Кашгара, так что, если в момент неожиданного появления дунган в Уч-Турфане имелось 60-70 человек солдат, то через месяц в том городе было собрано от 300 до 400 конницы и пехоты. Насколько важное значение китайцы придавали появлению беглецов, видно из того, что по появлении первых известий о прибытия в Уч-Турфан дунган туда отправился по распоряжению Син-цзянского губернатора, Аксуйский даоинь Чжу-Жуй-Чи, который и оставался там около 3-х месяцев, пока не прекратилось движение в пределы Китая киргиз.

Какое же отношение занял даотай Чжу, а имеете с ними другие чиновники, находившиеся в его распоряжении, к вопросу о переходе киргиз на китайскую территорию. На этот вопрос я постараюсь дать ответ сообразно с фактами, характеризующими деятельность названных чиновников. Первые большие партии киргиз на китайской территории появились не раньше 20-х чисел сентября, хотя попытки перехода через границу со стороны киргиз начали, было обнаруживаться еще в конце августа и начале сентября. Будучи командирован Вашим сиятельством и августе месяце в Аксуйский и Уч-Турфанский районы выяснить картину бегства дунган, подлежащих призыву на работы и бежавших тогда небольшой партией в 75 человек, я, как раз в разгаре бегства дунган, оказавшегося в 20-х числах августа, прибыл в Уч-Турфан и т. к. я уже был осведомлен о характере волнений в Пржевальском уезде, то для меня возможность появления киргиз в пределах Китая для русского правительства явится нежелательным, допущение же их на

китайскую территорию и удовлетворение их просьбы-предоставить им пастбище и принять их на китайское подданство, если таковое случится со стороны китайских властей будет рассматриваться как акт недружественный и угрожающий интересам российского государства, тем более, что и статьи договоров по вопросу о перебежчиках, заключенных между обоими государствами, никоим образом не позволяют им появляться на территории той или другой из договаривающихся сторон¹ результате подобного рода настояний с моей стороны, перед даотаем Чжу, оказалось, то, что он во время моего пребывания в Уч-Турфане до 15 сентября, отказывал киргизам в разрешении перейти на китайскую территорию и принять их в свое подданство, - наоборот, уполномоченных киргиз с подобными ходатайствами он направлял ко мне, как их законному начальнику, я же, со своей стороны, направлял их в Россию (см. мое донесение от 4-го сентября за нр. 28). По моему настоянию даотаем были поставлены караулы из китайских солдат как на перевале Бедель, как на главном пути из Пржевальска в Уч-Турфан, так и на других перевалах, на случай возможного движения киргиз в китайские пределы. Вследствие принятых мер, киргизы не могли появляться на китайской территории, так как помимо того, что им ясно было высказано отношение китайских властей, как их уполномоченным, так и через специально посланных даотаем лиц на места их стоянок, наличие караула и застав на всех перевалах была достаточным доказательством нежелательности появления их на китайской территории, почему ко времени моего отъезда из Уч-Турфана, 15 сентября, т. е. спустя более месяца после начала мятежа, в Уч-Турфанском районе насчитывалось не больше 20-30 семейств киргиз, прибывших самыми трудными и малопроездными дорогами.

В 20-х числах сентября указанная выше картина, в смысле благоприятного отношения со стороны китайских властей к заявленным мною требованиям о недопущении киргиз на китайскую территорию, резко изменилась. После моего отъезда поставленные китайцами караулы и заставы на разных перевалах были сняты по распоряжению даотая Чжу и киргизы, преследуемые русскими войсками, хлынули всей своей массой в Уч-Турфанский район, что имело за собой для киргиз печальные последствия, как полное разорение-утрату скота и всего имущества, Совершенно другого рода картина рисуется в смысле экономического

¹ Так в подлиннике.

благосостояния киргиз, если бы китайские власти не снимали своих караулов и не позволяли киргизам переходить на свою территорию; киргизы, увидев, что им не оставалось иного выхода, как изъявить покорность и выполнить требование русских властей, были бы водворены последними на отведенные для них места и сохранили бы весь свой скот, который они утратили, попав в китайские пределы. Выясняя подробнее факт появления киргиз на китайской территории в Уч-Турфанском районе, приходится сказать, что переход киргизами китайской границы является результатом неисполнения китайскими властями тех статей договоров, заключенных между Россией и Китаем, которые специально говорят о перебежчиках, а также преднамеренного стремления со стороны тех же китайских властей нанести чувствительный удар русскому престижу в Син-Цзянской провинции и злой воли их причинить ущерб русским интересам. Что касается статей договоров, затрагивающих вопрос о перебежчиках то они ясно говорят, что перебежчики не должны быть допускаемы на территорию того или другого из договаривающихся государств. Так, статья 10 Кульджинского 1851 г. договора говорит: "Если преступник одного государства убежит в другое, то его не оставлять там, но местные власти той и другой стороны строжайше и с точностью отыскивают следы дезертира и, поймав его, передают одна другой".

Тон же статьи 10 Пекинского 1860 г. договора еще более решительно говорит о недопущении перебежчиков: "В случае побегов за границу, по первому же о том извещению, немедленно принимаются меры к отысканию перебежчика. Найденный перебежчик немедленно передается со всеми принадлежащими ему вещами пограничному начальству".

К вопросу же о переходе киргизами китайской границы не было бы никакой необходимости говорить о перебежчиках¹, если бы только китайские власти, в частности даотай Чжу, сдержали свое обещание, данное мне, не допускать киргиз на свою территорию.

Ст. 17 Петербургского договора 1881 г. Подтверждает мысли высказанные в вышеуказанных статьях, разъясняя характер взыскания убытков, в случае угона и пропажи скота. Я уже не говорю о том, что и ранее заключенные договоры определенно и строго высказываются за недопущение перебежчиков. Так мысли, высказанные в ст. 10 Кяхтинского трактата 1727 г, и даже еще раньше в ст. 4

¹ Разрядка в подлиннике.

Нерчинского договора 1689 г, подтверждаются в последующих договорах, являясь порой предметом специально заключенных добавлений к договорам, как дополнительная статья к Кяхтинскому договору 1768 г. и международный акт 1792 г. Считаясь с тем, что детали особенно в смысле наказания виновных, указанных статей может быть и не соответствуют нашему времени, но дух всех вышеприведенных ст. говорит за то, что отношение со стороны властей того или иного государства к перебежчикам, какими оказались в данном случае дунгане и киргизы, может быть выражено только как к преступному элементу, каковой не может быть допускаем на чужую территорию, то это только потому, что появление перебежчиков может оказаться неожиданным, застать врасплох пограничных властей и произойти против воли тех же властей.

Какой же характер носило появление киргиз на китайской территории и произошло ли она при обстоятельствах, напоминающих сколько нибудь вышеприведенный было сказать, что появление дунган оказалось неожиданным для китайских властей, то никоим образом не приходится сказать то же самое и о появлении киргиз на китайской территории и главным образом, в Уч-Турфанском районе. Как я уже сказал выше, включительно до 20-х чисел сентября, т. е. до времени моего отъезда из Уч-Турфана, когда прошло больше 40 дней с начала мятежа, киргизы не допускались китайцами на свою территорию, и посланные мною и даотам лица (сарты) к ним в горы, указали киргизам на запрещение переходить границу, присутствие же китайских солдат на перевалах только наглядно подтвердило достоверность сообщения посланных мною лиц. Все это говорит за то, что и китайскими властями выше приведенные статьи договоров о перебежчиках понимались в указанном мною смысле. Чем же была вызвана перемена взгляда китайских властей и в частности даотая Чжу, как высшего сановника в пограничной полосе, в Уч-Турфанском районе, в отношении к киргизам. Объяснить это недостаточностью войск в названном районе и опасением китайцев насильного вторжения киргиз в их пределы совершенно невозможно. Во первых, потому, что, как я уже выше говорил, китайцами в середине сентября был собран значительный отряд в Уч-Турфане, численностью до 400 человек, впоследствии увеличенный до 600, каковые силы, можно полагать, являлись вполне достаточными, на случай насильственного вторжения киргиз в данный район, во вторых, со стороны киргиз не было обнаружено абсолютно

никаких попыток к нападению даже на небольшие караулы в 5-7 человек, охранявшие перевалы, уже не говоря о том, что даже на случай нападения караулы эти могли бы увеличены в нужных размерах. Таким образом, причины увода и снятия китайских солдат с охранявшихся ими перевалов, а вместе с тем и разрешения киргизам перейти на китайскую территорию кроются в чем-то другом. Исследование деятельности даотая Чжу в этом направлении убеждает нас, что в принятии им такого решения, помимо корыстных целей, получить крупные суммы с киргиз — разрешение перейти границу — им, или вернее синьцзянским-губернатором Яном руководила злая воля нанести чувствительный ущерб русским интересам и удар русскому престижу в западном Китае.

Указывая на то, что киргизы получили разрешение¹ со стороны китайских властей перейти на их территорию, имею в виду тот факт, что киргизы каждой волости, прежде чем вступить на китайскую территорию, присылали даотая Чжу своих уполномоченных: испросить соответствующее разрешение, снабдив предварительно их значительной суммой денег на случай возможных трений при получении нужного им разрешения. Все депутации подобного рода принимались даотаем Чжу довольно милостиво и разрешение на переход границы выдавалось им при условии уплаты деньгами не меньше 5.000 рублей, выдача всего огнестрельного и холодного оружия, внесение значительного количества опиума, конечно, не в цель уничтожения, а для продажи; лошади же, рогатый скот и овцы забирались уже не только даотаем, но всеми китайскими чиновниками, в размерах, не поддающихся даже учету. Достаточно того, что ими было забрано скота и овец столько, что они нашли возможность благотворительствовать, отдав несколько сот овец и рогатого скота на прокормление русских пленных, взятых у киргизов. Подобного рода деяние, конечно, никоим образом не может служить доказательством щедрости и сострадания китайских чиновников.

Отношение же даотая Чжу к Шабданам, главным виновникам мятежа в Семиречье, может быть названо только преступным. Помимо того, что он принимал их как депутатов, взяв от них деньги, опиум, оружие и скот (с протоколом, подписанный войсковым старшиною Бычковым Аксуйским аксакалом и аксакала консульства), он продо-

¹ Разрядка в подлиннике.

жал иметь с ними личные сношения даже после того, как консульством (вследствие ходатайства начальника штаба туркестанского военного округа и вице-губернатора Семиреченской области) было заявлено требование о приемке названных зачинщиков мятежа; он предупреждал их о грозящей им опасности и помог им бежать, — снабдив проводниками, не говоря уже о том, что просьба русского аксакала, а впоследствии и моя, оказать нам помощь и послать несколько джигитов для задержания Шабданов, не была им уважена, несмотря на прямое указание с моей стороны на несоблюдение им обязательств, согласно ст. 10 Кульджинского договора 1851 г. И ст. 10 Пекинского договора 1860 г. (см. копию письма от 3 января). В данном случае им всецело руководило нежелание выдать Шабданов, показаний коих могли оказаться для него слишком компрометирующими. Насколько же благожелательным оказалось отношение даотая Чжу к Шабданам и вообще к киргизам, свидетельствует тот факт, что в официальном разговоре с войсковым старшиной Бычковым, Шабданы были названы им такими же “гостями” на китайской территории, как и Бычков со своим отрядом, имеющими поэтому такое же право рассчитывать на китайское гостеприимство, как и сам войсковой старшина Бычков (см. протокол за подписью Быčkova и переводчика Ибрагимова). Такое благожелательное отношение к киргизам является характерным не только для даотая Чжу, но, следуя ему, уездные начальники, как Аксуйский, и Байский в своем покровительственном отношении к киргизам дошли до того что вывесили в городе объявление, где прямо говорят, что они идут навстречу киргизам в их бедственном положении и берут их под свою защиту¹. Конечно, такие высокие побуждения со стороны китайских чиновников имели своим фактором денежные и прочие ценные подношения. До чего же доходит бесстыдство и нежелание китайских чиновников считаться с выполнением обязательств, налагаемых на них договорами, видно хотя бы из того, что ими принимаются на службу в войска, в качестве солдат конных и пеших, те же русские беглые киргизы; около 40 человек завербовано ими, причем некоторые из этих киргизов несут обязанности городских в Уч-Турфане.

Что же касается вопроса об отобранном оружии у дунган, и киргизов, то, хотя представляется довольно трудным определить точную цифру, но если мы примем по внимание

¹ Разрядка в подлиннике.

то обстоятельство, что за 2 дня, которые провел чиновник Полтавский в крепости, спасаясь от дунган, туда было доставлено свыше 60 ружей и шашек, отобранных китайскими солдатами от бежавших дунган, а также то обстоятельство, что одними Шабданами было передано даотаю свыше 30 винтовок, и что оружие, взятое нашими аксакалами в Аксу и Бае от киргизов, было отобрано у названных аксакалов по распоряжению даотая, — дают мне основание допустить, что количество оружия, захваченного, таким образом, даотаем достигает 300 ружей, среди коих надо считать не меньше 100 винтовок. Согласно смысла приведенных выше статей договоров, оружие это подлежит выдаче русскому правительству.

Такая успешная деятельность даотая Чау не могла пройти незамеченной со стороны Синцзянского губернатора Ян'а, который, начав борьбу с русским влиянием в названной провинции, еще в прошлом году зимой, выдвинув на сцену трудно разрешимый вопрос о землевладении для русских поданных в Кашгарии, нашел его самым подходящим кандидатом для замещения освободившейся вакансии даотая в Кашгаре с уходом с этого поста его брата, который к тому же далеко не оправдал возлагаемых на него надежд. Принимая во внимание вредный характер деятельности даотая Чжу, я не могу не высказать опасения, чтобы и дальнейшая его деятельность, уже в Кашгаре, не приняла враждебного русским интересам направления, особенно после того, как им будут получены соответствующие директивы от губернатора, поставившего, невидимому, себе задачей умаление и искоренение русского влияния в Кашгарии.

Выясняя позиции китайских властей к вопросу об отношении к беглецам киргизам, я не могу не коснуться другого вопроса, выдвинутого китайским правительством в связи с волнениями в Семиреченской области. Я имею в виду заявление китайского правительства к русскому об удовлетворении убытков, понесенных Китайскими подданными во время указанных беспорядков. Полагая в основу в отношении к данному ходатайству взгляд, высказанный своевременно вашим сиятельством, что интересы китайских поданных не могут быть поставлены выше интересов русских поданных и удовлетворение убытков первых за счет последних недопустимо согласно духу наших основных законов, я хотел бы обратить внимание вашего сиятельства на тот факт, что обрисованная выше преступная деятельность китайских властей, не исключая косвенного участия и губернатора, главным образом даотая Чжу, принесла

существенный ущерб русским интересам и громадные убытки русским поданным, какими, являются обобранные ими наши киргизы. Разрешение, данное ими киргизам, перейти на свою территорию имело своим последствием утрату киргизами всего скота, не говоря о той массе скота, которая была отобрана властями от киргизов, а также китайскими подданными по праву сильных, оставшийся скот пал за отсутствием корма. Совсем другого рода картина рисуется в том случае, если бы китайские власти выполняли добросовестно свои обязательства и не допустили киргиз¹ на свою территорию, Киргизы увидев что у них нет другого исхода, как подчиниться своим властям, выполнили бы требования последних по выдаче главарей мятежа, оружия и уведенных пленных, сохранили бы не только свои стада, но никогда не впали бы в такое бедственное положение, как мною нарисовано выше. Поэтому вместо какого-бы то ни было удовлетворения убытков китайским подданным предстоит вчинить иск китайскому правительству за убытки, понесенные киргизами вследствие недобросовестного исполнения китайскими властями договорных обязательств. Если даже мы обратимся к 17 ст. Петербургского договора 1881 г. Которая, говорит, что иск за убытки подданных того или другого государства, в случае пропажи скота, не может быть вчинен к тому или иному правительству, то это только в том случае, если власти со своей стороны выполнили все возлагаемые на них обязательства, чего в данном случае мы не можем сказать о китайских властях. Наоборот, поведение китайских властей, в частности даотая Чжу, охарактеризованное мною выше, как преступное, подходит под статью 8 Кяхтинского трактата 1727 г. (эта статья не отменена последующими договорами) “пограничные обоим империй управителя имеют непродолжительное по правде каждое дело решить. А ежели будет замедление за свою партикулярную корысть, тогда каждое государство да накажет своих по своим правам”.

Затрудняясь точно определить размеры возможных убытков для бежавших киргизов, но считаясь с тем обстоятельством, что их бежало до 120.000 человек, кои исчисляя и среднем, имели 5-7 — голов скота на душу (исключая и детей), то сумма в 12.000.000-15.000.000 рублей не будет преувеличением.

Коснувшись вопроса возмещении убытков китайским подданным, считаю необходимым указать на те способы и

¹ разрядка в подлиннике.

меры какие были приняты китайскими властями, для определения размеров убытков, понесенных китайскими подданными. Преобладающим элементом из китайских подданных в Семиречье были сарты и дунгане. Как те, так и другие, занимались мелкой торговлей, продавая в разное русскому населению самое необходимое в их домашнем обиходе. Оборот подобного рода торговцев не превышал сотни рублей и давал им заработок 10-15 рублей в месяц. Теперь же ими заявлены убытки на громадные суммы, меньше как на 10.000 рублей убытки китайскими властями не вносились в списки. С целью ознакомиться на месте с картиной мятежа и опроса своих подданных, оставшихся в Пржевальске, по распоряжению Синцзянского губернатора был командирован Аксуйским даотая Чжу в Пржевальск. б. Уч-турфанский уездный начальник Цзинь-лун. Нельзя сказать, чтобы он лично занялся выполнением возложенной на него задачи. Вся его деятельность была направлена на закупку свыше 5 пудов опиума, как для продажи, так и для личного потребления. За то указанная задача по выяснению размеров убытков была возложена на аксакала китайских подданных в Пржевальске Мад-Нияса, какой род деятельности названного аксакала, как выполнение поручения китайских властей, согласно положению о китайских аксакалах-служить посредником между русскими властями и китайскими подданными, никоим образом не может быть допустим, тем более, что и теперь от названного аксакала продолжают поступать донесения на имя аксуйского даотая по вышеуказанному вопросу.

Указав какое отношение заняли китайские власти вообще к бежавшим киргизам, я считаю нужным подробнее выяснить обстоятельства дела с поимкой главарей мятежа. Согласно просьбы начальника штаба Туркестанского военного округа принять меры к поимке зачинщиков мятежа, какова, просьба была поддержана впоследствии полковником Колосовским, которым был своевременно прислан список главарей, вашим сиятельством был послан в Аксуйский и Уч-Турфанский районы аксакал консульства Джалал-Хан Джамаль Ходгкаев на деньги, переведенные из штаба Туркестанского военного округа, с целью определить местонахождение (поименованных в списке полковника Колосовского) виновников мятежа, дабы при содействии китайских властей (на что всецело рассчитывалось) захватить этих лиц. Несмотря на то, что консульством своевременно был представлен, через Кашгарского даотая, Синцзянскому губернатору список лиц, подлежащих

поймке, и несмотря на частные сообщения вашего сиятельства, а также и мои (см. приложение пр. 3) на имя Аксуйского даотая Чжу принять меры, налагаемые на него договорами, к поймке главарей мятежа, несмотря впоследствии на личные мои и войскового старшины Бычкова настояния содействовать выполнению названной просьбы, со стороны даотая Чжу не было сделано никаких шагов в указанном направлении. Причины этого кроются в том, что все почти поименованные в списках главари в свое время при вступлении на китайскую территорию испрашивали лично у даотая разрешение перейти границу, при чем его разрешение оплачивалось очень и очень солидными денежными суммами. Поэтому тот же даотай не без основания в разговоре с войсковым старшиною Бычковым мог назвать всех этих преступников "гостями" и, на замечание того же Бычкова, что всякий чиновник должен работать не за страх, а за совесть и дорожить им-это после того, как собрал большую "дань" с киргизов. Вследствие этого, опасаясь, что пойманные преступники своими показаниями могли еще больше скомпрометировать поведение даотая, последний под предлогом, что поймка главарей вызовет волнение (вопрос)* и возмущение (вопрос)¹ среди киргизов (деморализованная и угнетенная масса)¹ отклонил и всячески противодействовал достижению указанной цели. При таких обстоятельствах вопрос о совместной дружной деятельности с китайскими властями, ни коим образом не мог быть достигнут, по крайней мере до тех пор, пока руководство всем этим делом находилось в руках заинтересованного даотая Чжу... Подобное отношение к указанному вопросу обнаружил и Синьцзянский губернатор, отказав в моем ходатайстве предписать названному даотаю принять меры к удовлетворительному разрешению этого вопроса, хотя этот отказ можно было предвидеть из запрещения кашгарскому титаю Ма командировать в Аксу своего офицера с 10 солдатами для совместной со мной деятельности по поймке главарей. Поэтому ни один киргиз из 12-ти человек, арестованных и отправленных в Пржевальск войсковым старшиною Бычковым, не может быть отнесен к категории главарей руководителей восстания-почти все они могут быть только обвинены в грабежах, поджогах и уводе русских пленных.

Что же касается характера миссии войскового старшины Бычкова в Уч-Турфане, то согласно телеграммы военного губернатора Семиреченской области на имя того-же Бычкова Туркестанским генерал-губернатором предписывалось

Бычкову привести в Россию не только пленных, но и главарей мятежа, согласно списков, представленные полковником Колосовским, имевшим задачу устройства киргизского быта и выяснения главных причин мятежа. Прибытие Быčkova с отрядом в 60 чел. рассматриваемых как его конвой, произвело соответствующее впечатление как на киргизскую массу и китайских поданных сартов, так и на китайских властей. Последним присутствие отряда совсем не нравилось, так как у каждого из чиновников было в отношении к киргизам немало деяний, заслуживающих строгого осуждения. Поэтому, хотя с внешней стороны китайские власти отнеслись и предупредительно к Бычкову, снабжая его даже фуражем и провизией, как бы в ответ на радушный прием со стороны русских властей в гор. Пржевальске прибывшего туда для выяснения убытков китайских подданных Цзинь-Луна, но на самом деле они выискивали и придумывали план, чтобы поскорей сплавить Быčkova обратно. С этой целью китайцы сами пустили слух, приписав происхождение его Бычкову, якобы ожидается еще сотня казаков. В данном случае можно высказать только сожаление, что туркестанским генерал-губернатором не был послан отряд в 2 сотни казаков, что способствовало бы большей сговорчивости китайских властей и вызвало бы с их стороны стремление к совместной и дружной работе в деле поимки главарей, тем более, что хлопоты и характер представления и настояний на допущение отряда были одни и те же, независимо от численности отряда, появление коего на китайской территории понималось как демонстрация и китайскими властями, так как для доставки освобожденных русских женщин и детей не было абсолютно никакой надобности для посылки отряда, имея в виду успешную пересылку консульством первой партии русских через Кашгар и Нарын. Малочисленность же отряда была истолкована китайцами в смысле нашей слабости, неожиданное же отозвание Быčkova убедило только китайских властей в справедливости их предположения. Совсем другого рода отношения можно было ожидать со стороны китайских властей к вопросу о поимке главарей, если бы даже тот малочисленный отряд Быčkova продолжал оставаться, хотя бы в бездействии в Уч-Турфане. Насколько серьезное значение придавали названные власти появлению отряда Быčkova видно из того, что Синьцзянским губернатором, помимо даотая Чжу, в Уч-Турфан из Урумчи был командирован специально чиновник для наблюдения за деятельностью войскового старшины Быčkova. Настойчивое

желание их избавиться от отряда заставило бы их быть только сговорчивее.

Указанное выше отрицательное отношение к названному вопросу со стороны даотая Чжу, назначенного теперь в Кашгар, не разделяется, повидимому, его заместителем (как человеком “не заинтересованным”) Лю. Так при первой встрече со мной он сам поднял вопрос о выселении в пределы России всех бежавших киргизов, прося меня остаться в Аксу, дабы скорее ликвидировать этот наболевший вопрос и возбудить ходатайство перед Туркестанским генерал-губернатором принять киргизов обратно и простить их, так как все ужасы, которые они совершили, есть результат того, что они “сами не видят, что творят”. Такое отношение со стороны нового даотая является вполне естественным и понятным. Киргизы, вследствие своего ужасно-бедственного материального состояния, обрисованного мною выше, представляют теперь для китайских властей неисчерпаемый источник забот. Грабежи и даже убийства начинают принимать хронический характер, не говоря уже о тех эпидемиях, как тиф и цынга, которые начинают угрожать и китайскому населению

Переходя к выяснению положения уведенных киргизами русских женщин и детей, а также к указанию на те меры, кои были приняты консульством к их освобождению, я должен сказать, что, несмотря на надлежащие меры со стороны консульства в этом направлении, число освобожденных в 65 человек, хотя и далеко от действительного количества уведенных киргизами, является вполне исчерпывающим. Малое количество освобожденных никоим образом не может говорить за то, что деятельность и внимание консульства к этому вопросу, хотя бы на момент, ослабевали. Еще в сентябре месяце, когда только появились небольшие партии киргизов, мною в бытность в это время в Уч-Турфане, была организована партия из 12 человек из русско-подданных сартов, которые во все время пребывания новых масс киргизов следили за тем, нет ли среди них русских. С моим отъездом из Уч-Турфана, вашим сиятельством в назначенный район был командирован сначала казначей туземец-сарт Мирсалимджан Мирнигметов, а затем аксакал консульства Джаляльхан Джамаль-Ходжаев, для руководства организованной мною партией, для освобождения русских. Благодаря вышеуказанным мерам нам и удалось освободить почти всех русских, приведенных киргизами на китайскую территорию. В первую командировку мою в Уч-Турфан, я просил даотая Чжу принять

меры к освобождению этих несчастных, что он обещал сделать с особенной заботливостью, но последнее привело к довольно печальным последствиям. Так, посылая своих уполномоченных с целью испросить разрешение перейти китайскую границу, киргизы поручили им ознакомиться с общими условиями жизни на новых местах, а также с тем, что может причинить им хлопоты и неприятности. Узнав, что китайские власти строго следят, чтобы не было среди киргизов русских пленных, киргизы поспешили отделаться от них — поэтому почти все русские были убиты киргизами до вступления на китайскую территорию, чем и объясняется незначительное количество освобожденных нами. С целью окончательно убедиться, что среди киргизов не осталось больше русских, мною на этот раз были посланы как и Уч-Турфан, так и в Аксу, русско-поданные сарты, в количестве 20 человек, которые имели — задачу осмотреть места стоянок киргизов в Уч-Турфанском, Байском Аксуйском уездах и разузнать, не имеется ли среди киргизок русских женщин и детей и в случае нахождения доставить их мне, в Аксу. Допуская, что киргизы могли бы укрыть кого-либо из русских от посланных мною русско-поданных сартов, я обратился с просьбой к одному, пользующемуся среди киргизов огромным влиянием, английскому поданному имаму, мюридами (рабами) которого считаются наши Пржевальские киргизы, помочь мне в деле освобождения русских, если бы таковые оказались, что он предупредительно сделал и отправился к киргизам с моим поручением. В результате принятых мною мер была найдена только одна русская женщина, которая к тому же не обнаружила даже желаний расстаться со своим новым мужем-киргизом. Последнее убедило¹⁾ меня в том, что в данное время среди киргизов не осталось русских, а если и есть отдельные лица, то они остаются там же по собственной воле. Что же касается семьи зубного врача Врагера, то согласно показаниям Василевского, освобожденного из киргизского плена, вся семья Брагера жена и 2 сына были убиты киргизами на Сыртах на глазах названного свидетеля. Затруднительно дело обстоит с дочерью Рязанского, — о ней не имеется никаких сведений и утрачены какие бы то ни было следы. Помимо особого поручения посланным на розыск мною лицам найти хотя бы следы дочери д-ра Рязанского, я неоднократно обращался к аксуйскому даотаю с ходатайством

¹ В подлиннике убеждение

принять меры к нахождению ее живой или трупа, согласно просьбы врача Брагера...

Освобожденные женщины и дети в Уч-Турфане, согласно распоряжения вашего сиятельства, были предметом особых забот с моей стороны до отъезда их с Бычковым в Пржевальск. Мною были куплены для них сапоги, чулки и другие теплые вещи, заплачено за содержание их в течение 35 дней, на что мною было истрачено всего 530 рублей, каковая сумма была частью собрана путем пожертвования русских поданных в Уч-Турфане, а часть выручена от продажи (200 рублей) баранов, переданных китайским властям, как взятых от киргизов, перешедших перевал Бедель (переданы-крохи, ценное же осталось в руках китайцев).

Принимая во внимание понесенные труды и слишком сострадательное отношение со стороны отдельных лиц русско-поданных сартов в деле оказания помощи и розыске русских, я полагал бы возможным просить ваше сиятельство ходатайствовать перед надлежащими властями о награждении их медалями за оказанные услуги, с целью поощрения их к проявлению милосердия и готовности к услугам по требованию и просьбе властей.

Докладывая вашему сиятельству об обстоятельствах и фактах, кои были предметом моего внимательного ознакомления во время моей командировки в Аксу и Уч-Турфан, я не могу обойти молчанием факт прибытия в Уч-Турфан и Аксу агентов жандармского управления из Верного с целью проследить и выяснить возможность воздействия со стороны мусульман китайских подданных на возникновение волнений в Семеречье прошлым летом. Насколько я мог лично ознакомиться за время двух месячного пребывания в прошлом году и почти равного по времени пребывания в данный момент в Аксуйском и Уч Турфанском районах, я пришел к твердому убеждению, что о каком либо влиянии и воздействии со стороны китайских мусульман, как руководителей, русских не может быть и речи. Китайское инородческое население, как по своему развитию, образованию, а главное по своим понятиям об отношениях властей к подданным и наоборот, стоящее несравненно ниже русского населения, никоим образом не могло занять такого положения, чтобы руководство в вопросах, будет ли то религиозного характера, или административного (и отношении к этой темной массе нельзя даже сказать "политического"), находилось в их руках. Допустить же существование каких-либо политических обществ, как гэлао-хой" в их среде, значит впасть в большую ошибку, обнаружив

полное непонимание задач и организации названного общества. Если мы остановимся подробнее на выяснении взаимоотношений русских и китайских инородцев и их прошлом, то нам придется констатировать тот факт, что превосходство в умственном развитии русско-подданных туземцев давало им всегда в руки неоспоримое руководство в делах веры, и даже оказывало значительное воздействие на установление отношений между туземным населением и китайскими властями в Кашгарии. Сам Якуб бек, добившийся самостоятельности Кашгарии, был выходец из Коканда, после чего здесь появлялись часто из России последователи его идей о самостоятельности Кашгарии.

Коснувшись в своем докладе вопроса о недружелюбном отношении китайских властей, в частности даотая Чжу, к русским интересам я не могу не коснуться вопроса моих личных отношений с названным чиновником. Как во время моей первой командировки, так и во вторую, мои личные отношения с даотаем Чжу носили самый дружеский характер, что даотаем подчеркивалось перед подчиненными ему чиновниками в оказании мне разных признаков внимания — часто приглашал к себе на обед и чашку чая. Заезжал ко мне запросто и просил меня не строго к нему относиться, если им не удовлетворена та или иная моя просьба, указывая в таких случаях, что он при всем желании не может этого сделать. По распоряжению даотая при мне все время находился почетный караул в Аксу и Уч-Турфане из 8 китайских, солдат, что было сделано даотаем, несмотря даже на мой протест, но просил меня не отказывать ему в этом, так как он хочет показать перед туземным населением, какие дружественные отношения. Существуют между русскими и китайскими властями. Я мог впоследствии убедиться лично, что это имело благие результаты, сказавшись на улучшении отношений со стороны китайских подданных к русским подданным. Я со своей стороны относился приветливо к нему, не упуская, конечно, случая заметить его планы и намерения нанести ущерб русскому престижу.

Докладывая вашему сиятельству о вышеизложенном, я не могу не высказать своей просьбы не поставить мне в вину возможные промахи и упущения в выяснении затронутых мною вопросов, что может быть объяснено, как сложностью самого дела, так и моей относительной неподготовленностью к подобного рода вопросам.

Драгоман Консульства
СТЕФАНОВИЧ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА О ВОССТАНИИ

Стенографический отчет Государственной Думы —
Четвертый созыв. сессия V, заседание шестнадцатое,
вторник, 13 декабря 1916 года в закрытом заседании

Заседание возобновляется в 8 ч.50м. под председательством Председателя.

П р е с е д а т е л ь. Объявляю заседание Государственной Думы открытым. Угодно будет приступить к заявлению об обращении к председателю совета министров, к министрам военному, внутренних дел и юстиции в порядке ст. 133 Учр. Гос. Думы по поводу событий, имевших место в некоторых местностях Туркестанского и Степного генерал-губернаторства. Имеется несколько однородных запросов. Не угодно ли будет Государственной Думе соединить их в один и рассматривать совместно? (голоса: просим). Затем разрешите не оглашать их с кафедры, так как они напечатаны. Автор запроса предлагает признать его срочным. Срочность разрешается по выслушании двух ораторов за и двух против. Желающих говорить нет? Объявляю прения законченными. Ставлю на голосование вопрос: угодно ли Государственной Думе признать законопроект срочным? (Баллотировка). Принято. Угодно ли перейти к рассмотрению по существу? Возражений нет? (голоса: просим). Член Государственной Думы Керенский.

К е р е н с к и й¹ (Саратовская губ.) Г.г. члены Государственной Думы. События, которые сегодня мы должны обсудить, произошли довольно много времени тому назад, но последствия их сказываются и до сих пор и они будут еще очень долго сказываться в жизни не только Туркестана и Степных областей, но и всей России. Сегодня я хотел бы, г. г., перед вами изложить объективно, по возможности по документам, все, что произошло в Туркестане и Степных областях и думаю, что в этом вопросе, вопросе, касающемся далекой окраины, вопросе, касающемся политики нашего государства по отношению к инородцам в далекой Азии, едва ли между нами могут быть те сложные и многогранные разногласия, которые разделяют нас по многим или почти по всем вопросам государственной жизни России. События эти, г.г., не только внесли экономическое разрушение, не только нарушили спокойное течение жизни в огромных областях России, но

¹ Трудовая группа.

они были соединены с жертвами как со стороны русского, так и туземного населения. Погибло несколько тысяч русского населения и много десятков тысяч туземного. Разобраться в причинах этих ужасных трагических событий, установить виновника этого происшествия и попытаться найти те корни, которые вызвали события в Туркестане, и предотвратить их в будущем, – вот задача, которую я себе ставлю. Вы помните, г. г., что 25 июня 1916 г. появилось высочайшее повеление, опубликованное 6 июля 1916 года в Собр. Узак. и Расп. Прав. № 182, и этим высочайшим повелением для работ по устройству оборонительных сооружений, военных сообщений в районе деятельности армии, призывалось мужское инородческое население империи в возрасте от 19 до 43 лет. Я утверждаю, г. г., что этого высочайшего поведения в порядке, каком оно было издано, издано быть не могло; я утверждаю, что самое высочайшее повеление, нарушило основной закон Российской империи, 71. ст., говорящую о том, что русские подданные обязаны отбывать повинность, только согласно постановлению закона. В этом указе сделана ссылка на закон, о реквизиции, прошедшей по 87 ст., но эта ссылка совершенно неверна, да и сам указ говорит, что нужно только определение возрастов и установление подробных правил выработать применительно к порядку закона о реквизиции. И действительно, если вы возьмете ст. 137, 138, 139 и следующие статьи закона о реквизиции по приказу 1914 г. по военному ведомству, то вы увидите, что правила о реквизиции не предвидят того казуса, или того явления, которое было вызвано указом от 25 июня. Правила о реквизиции предоставляют командующим войсками и местным начальникам армии призывать в принудительном порядке к работам все местное население, именно местное население для работ на месте и, во-вторых, все население без исключения, – и действительно мы знаем случаи на фронте и в ближайшем тылу, когда для рытья окопов, для возведения рвов и других сооружений обороны в крепостях призывается в порядке реквизиции все местное население для исполнения тех или иных работ. В данном случае туземцы были привлечены именно как таковые, не как местные жители, не распоряжением данного начальника армии или даже военного министра для работ в данной местности, – они были привлечены как инородцы одновременно во всей Российской империи. И раз это так, то несомненно, что привлечение, возложение новой повинности на целый разряд русских граждан, именуемых инородцами, возложе-

ние новой повинности могло произойти только в порядке ст. 71. Таким образом, самое содержание указа, опубликованного 6 июля не подлежало распубликованию в Собрании узаконений и распоряжений правительства. И правительствующий сенат должен был задержать распубликование этого закона, как нарушающего Основные Законы по своему содержанию. Кроме того, г.г., в ст. 93 Осн. Зак. совершенно точно установлено, в каком порядке на местах приводятся в исполнение, в действие новые законы или новые указы высочайшей власти. Там говорится, что на местах то или иное распоряжение Узаконений правительства начинает действовать только со времени получения и данном месте соответствующего номера Собрания узаконений и распоряжений правительства. В случае же правительство считает данную меру необходимой провести в порядке экстренном, это особо должно быть оговорено в самом законе. И действительно, даже уже во время войны, когда были расширены полномочия в порядке верховного управления местным главнокомандующим и командующим армиями, то в высочайшем указе от 29 августа 1914 года было сказано и п. 5: Провести настоящий указ в исполнение по телеграфу. Между тем, в высочайшем повелении от 25 июля такого пункта не содержится; местная власть не имела права приступить к выполнению этого указа вне условий, ст. 93 предусмотренных. И председатель Совета министров, и министр внутренних дел никоим образом не мог по телеграфу еще в конце июня, т.е. до распубликования в Собрании узаконений и распоряжений правительства требовать по телеграфу от местных властей немедленного и неукоснительного исполнения высочайшего повеления от 25 июня. И, наконец, господа, предъявляя это требование к исполнению местным властям, министр внутренних дел и председатель совета министров не считал для себя даже обязательным выполнение точной воли, наложенной в высочайшем указе. В п. 2 высочайшего указа говорится: "определение возрастов инородческого населения, подлежащих привлечению к работам, а равно установление подробных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном мнении Военного совета от 3 августа 1914 года, предоставить соглашению министра внутренних дел и министра военного". И вот отдавая распоряжение по телеграфу выполнить высочайшее повеление немедленно, министр внутренних дел и председатель Совета министров, а также и военный министр не выполнили п. 2 высочайшего указа.

До сих пор не существует этих подробных правил, установленных по соглашению министра внутренних дел и министра военного и до сих пор в порядке, указанном п. 2 высочайшего повеления не предусмотрено, какие возрасты инородцев должны быть привлечены к этой трудовой повинности. Таким образом, господа, вы видите: при обнаружении и проведении в жизнь одного только высочайшего повеления от 25 июля были нарушены все, какие только можно было нарушить основные и не основные законы Российской империи. Этот факт, этот случай очень характерен, потому, что здесь вы видите не только пренебрежение со стороны министров к основным законам, не только их полное игнорирование к интересам и нуждам страны, но и признание себя самих абсолютными самодержцами Российской империи, признание, что для их министерской воли никаких ограничений не существует и даже точную волю верховной власти для себя они считают совершенно не обязательной. И если бы, господа, после такого проведения в жизнь высочайшего указа 25 июня не было бы никаких последствий, если бы по существу этот указ действительно заключал бы в себе какую-нибудь логику, какое-нибудь соответствие с требованиями жизни, если бы не было после этого тех роковых последствий, которые переживала страна при исполнении этого указа и тогда мы бы имели полное законное право сказать, что такой метод действий, такое исполнение высочайшего повеления, такое управление государством-недопустимо¹. Но, если вы представите себе, что случилось после объявления и проведения в жизнь этого указа, то, господа, может быть не нужно так далеко искать виновника этих происшествий, может быть эти виновники гораздо ближе, может быть именно эти виновники те самые люди, которые этот указ издавали. Ведь, как ни скверны законы Российской империи, но и в них есть известная логика и известный смысл и в отношении объявления или мер в отношении населения, управляемого в особом порядке, имеющего, так сказать, некоторые своеобразные условия быта на местах, и в отношении этого населения закон предусматривает некоторые особенности в исполнении приказаний и в управлении. Ст. 205 Общего положения учреждений министерских говорит, что в отношении мер, принимаемых – для благоустройства общей пользы и казенного имущества в крае, вверенном управлению генерала-губернатора, не предпринимаются эти меры, не предпринимаются иначе, как по предварительном истребовании соображений и заключений генерал-губер-

натора. Посему, при принятии таковых мер в законодательном или административном предположении, относящимся на утверждение, необходимо излагается подробно мнение местной власти об этой новой мере. И эта 205 ст. также не была выполнена. Ко всему тому, что я говорил, надо прибавить, г.г., еще, что для самой местной власти, для самого Туркестанского генерал-губернатора, генерал-губернатора Степного и всех губернаторов для всей местной администрации этот указ свалился, как снег на голову так же, как он свалился и на само население. Не потрудились даже, проводя такой огромной важности меру, не потрудились даже спросить сначала местную власть, считаете ли вы это возможным, и если вы считаете это возможным, то в каком порядке и когда это нужно привести в исполнение, кого нужно позвать, какие местные условия требуют особых, так сказать, мер для того, чтобы это не вызвало серьезных осложнений. Ведь, господа, Туркестан и степные киргизские области-это не Тульская или Тамбовская губернии. На них нужно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии. Это огромный мир с своеобразным бытовым, экономическим и политическим содержанием, и старый закон, закон, еще создававшийся при Сперанском, когда еще оставалась частица здравого государственного ума в русском высшем управлении, тогда, господа, были предусмотрены те пути и те средства, какими нужно управлять с некоторыми особенностями окраинами, и эта мера как я говорю, предусмотренная статьей 205-й, не была выполнена, и при таких обстоятельствах; 25 июля появляется, т.е. подписывается, а 29 июля телеграфно сообщается на места к немедленному исполнению указа в его голом виде, а именно следующий. Я уже читал его. Телеграмма гласит следующее: "немедленно привести в исполнение высочайшее повеление от 25 июля и призвать к соответствующим работам взрослое туземное население от 19 до 43 лет". Г.г. Члены Государственной Думы, все, кто здесь сидят, без различия ваших партий, убеждений и точек зрения, я спрошу Вас, если бы в Тамбовской или Московской губернии внезапно была бы издана новая мера, которая требовала бы немедленного, во время разгара полевых работ, во время разгара сельскохозяйственного сезона, немедленного увода куда то в неизвестные пространства всего мужского трудоспособного населения, я спрашиваю вас, г.г., члены Государственной Думы, что в этой Тамбовской или Тульской губ. такая нелепая или сумасшедшая мера могла ли быть выполнена, а если бы она начала применяться, то какие

последствия были бы в этой Тамбовской губернии. Я утверждаю, г.г., что те же самые или может быть гораздо и большем размере, чем они были в Туркестане и Степных областях. Представьте себе положение местной администрации которая получает такой указ, подписанный не только министром внутренних дел, но председателем совета министров, который, кстати сказать, отличается не только теми свойствами, которые включаются в понятие теперешнего русского министра, но кроме того и поразительным невежеством по отношению к системе управления того государства, во главе которого он стоит. В телеграмме, направленной в Туркестан было сказано: исполнение этой меры поручить инородческому управлению, во всем Туркестане еще не существующему. И вот между тем, чтобы представить себе значение этого указа, на минуту отвлечемся от развития событий, которые были после указа и представим себе положение вещей в Туркестане и Степных областях накануне объявления этого указа. Говорят и говорят даже со скамеек правительственных, вот недавно в военно-морской комиссии, говорят без всякого основания, что это движение так называемое, о котором я буду говорить после, подготавливалось, что это есть результат панисламистской немецкой или какой то еще другой пропаганды. Так вот я утверждаю, г.г., что накануне объявления высочайшего повеления в Ташкенте, во всей России не было области, не было края более спокойного, более мирно настроенного и менее внушающего какие бы то ни было опасения, чем Туркестан и степные генерал-губернаторства. Это я могу подтвердить фактами. Ведь в то время, г.г., в продолжение всей войны не в Туркестан, а из Туркестана везлись русские войска. Я опросил всю администрацию, конечно, не в буквальном смысле слова, всю, но представителей всех так сказать рангов и степеней я говорил со всем местным населением и с теми которые пострадали от того движения, которое потом было. Все они единогласно утверждали, что до момента объявления высочайшего указа никаких малейших признаков на возможность этих событий в Туркестане не наблюдалось и даже убитый в Джизаке уездный начальник Рутковский¹ был так уверен в спокойствии населения, что когда ему сказали, что в старом городе идут беспорядки он пошел туда пешком, не взяв с собой даже шашки, а одним фотографическим аппаратом, в сопровождении только переводчика, совершенно уверенный, что никакое

¹ Так в подлиннике. В действительности — Рукин.

возможности волнения быть не может. В том же самом уезде русские женщины-женщины врачи, акушерка, сельская учительница, которых я потом спрашивал в больнице, в продолжение всей войны жили в глухих местах Туркестанского края без всякой охраны и не только без всякой охраны, но и в отсутствии хотя бы одного русского мужчины, жили одни женщины среди местного населения. Кроме того, г.г., ведь в продолжение всей войны с местного населения непрерывно шли реквизиционные сборы, сборы лошадей, кибиток, инструментов; население жертвовало и жертвовало в огромном количестве и что замечательно, г.г., когда с них сбирали эти деньги, когда производили реквизицию, им все время говорили: давайте больше, потому, что никакой другой повинности во время войны не несете и не будете нести. И вот перед мною один из отчетов, подписанный местным администратором по сбору помощи семьям ушедших на войну русских поселенцев в сельскохозяйственных работах, который выразился в сумме около 100.000 рублей слишком ста тысяч рублей, который кончается так: "вместе с тем, комиссия не оставляет светлой надежды на отзывчивость жертвователей и особенно на отзывчивость тех полудиких кочевников, далеко стоящих от культурной жизни, которые, главным образом, на своих плечах выносят всю тяжесть материальной помощи семьям защитников, ушедших на фронт". Это говорится о тех самых полудиких кочевниках, которых потом превратили в сознательно замышлявших измену и восстание против Российской империи и в какой то огромный Союз, это те самые кочевники, которых теперь беспощадно десятками тысяч истребляют планомерно и систематично. Я, г.г., цитирую вам этот документ не для того, чтобы вызвать у вас сострадание и сказать, что они требуют к себе более внимательного отношения потому, что они жертвовали и помогали ушедшим на войну, это для меня не довод, я считаю, что мелкий гражданин обязан пользоваться защитой законов, как бы он к чему бы то ни было ни относился. Я говорю это для того, чтобы иллюстрировать перед вами, насколько это был глубокий тыл, насколько там действительно было и тихо и спокойно. И почему же вдруг 29 июня получается указ, а 7-го июля происходят первые беспорядки. На какой почве, что их вызвало. И здесь я категорически и совершенно определенно вам отвечаю: причиной всего этого, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проводившая в жизнь незаконный указ, незаконным порядком, с нарушением всех

элементарных требований закона и права. Это они являются виновниками того, что они разрушили эту цветную окраину, что они создали там условия, при которых местное население начинает голодать. Это они, г.г., виновники того, что ко всем фронтам войны прибавился новый Туркестанский фронт, и вы представите себе, то, что я говорил о содержании указа, когда он дошел на месте, вы поймете, для вас станет совершенно очевидным, все, что было и что должно было быть. Но ведь кроме того, что заключалось в самом указе, есть еще местные условия есть быт, есть экономические условия жизни данного населения и указ, проведенный без обсуждения на местах, без всякой подготовки шел настолько в разрез со всем укладом местной жизни, что он совершенно не мог бы быть проведен действительности в жизнь даже момент проведения указа выбрали самый невозможный, самый неудачный из всех моментов, которые только можно было выбрать. В то время не только в Туркестане был разгар сельскохозяйственного сезона, который по местным условиям кончается не в августе, а к концу октября, не только в это время эти от 19 до 43 лет люди были заняты на полях и в садовых работах, но в это время мусульмане исполняли свой величайший в году праздник — происходил великий мусульманский пост, так называемый большая угроза, когда все мусульманское население с восхода до захода солнца, а вы знаете какой длинный летом день, не пьет и не ест ничего и только ночью имеет право предаваться молению, а также подкрепляет себя пищей. Это время самого острого нервного подъема это время, когда все мусульманское население исключительно уходит в исполнение своих религиозных нужд и бодрствует в продолжение целой ночи, исполняя свой религиозный обряд. Наконец имейте в виду г.г., что в Туркестане положение женщины совершенно другое, там именно в Туркестане уход с сельского хозяйства мужчины делает семью совершенно беспомощной, уход всякого взрослого мужчины, потому, что местные туземные женщины это единственная мусульманская женщина в мире, оставшаяся в таком положении именно в Российской империи: мусульманская женщина абсолютно лишена всякой возможности сношения с внешним миром, потому, что даже на улице она появляется в особой одежде с особым совершенно плотно закрывающим ее занавесом на лице и ей запрещено вступать о какую бы то ни было беседу, в какой бы то ни было разговор с посторонним мужчиной. Таким образом, самая возможность ликвидировать урожай,

привести его на базар, сдать хлопок откупщикам исключается, если уходят все взрослые мужчины из Туркестана. Я не буду, г.г., перечислять вам все остальные причины, которые уже подготовили местное население к тому, чтобы этот указ был воспринят чрезвычайно болезненно. И я думаю, что если бы эта мера была продумана первоначально на местах, если бы она была проведена согласно указаниям местных людей и местной власти, то всех этих дополнительных недоразумений не было. А, г.г., ведь получив этот указ, Туркестанский генерал-губернатор собрал совет со всеми губернаторами края и на этом совете они обсуждали, как привести в исполнение эту меру и находили, что она не выполнима. Но ведь закон для русского чиновника вещь второстепенная, приказание начальника это все для него и он всегда его исполнит. И в этом огромном совещании местных высших представителей власти нашелся только один губернатор, генерал Гиппиус, который имел гражданское мужество подать особое мнение и не подчиниться такому безумному распоряжению местной власти. Это был единственный губернатор, который сказал: мера такого содержания и в таком порядке проводимая не может быть благополучно проведена. Вы, скорее, господа, думайте не о том, как ее проводить, а о том, как усмирять население и как бороться с теми последствиями, которые вызовет эта мера. Он подал такое особое мнение, и он у себя в Фергане отказался выполнять распоряжение генерал-губернатора, провел своим порядком эту меру, достигнув того, что тем не было таких беспорядков, как в других областях, как, например, в Семиречье, и за это он получил чисто русскую благодарность.¹ Этот единственный человек, так поступивший и так понявший правильно свои гражданский и административный долг, он был немедленно уволен, отчислен от исполнения своих обязанностей именно за неподчинение распоряжению высшей и верховной власти. И таким образом уже в начале июня было сделано распоряжение по всем губернаторам, приставам, уездным начальникам и т. д. о том¹, чтобы немедленно составить список всего мужского населения для взятия их на окопы. И вот, господа, этот самый слух, это сведение, это сообщение о том, что берут все мужское население на окопы куда то, в действующую армию было понято населением совершенно превратно

¹ Фразы, отмеченные сносками, отчеркнуты на полях, с левой стороны вертикальной чертой черным карандашом и против черты черным карандашом рукою Куропаткина написано "вздор".

и понято не без участия местных властей. Это было понято господа, таким образом, что все местные туземное население отправляется на фронт для того, чтобы копать окопы и готовить оборонительные сооружения впереди, перед русскими солдатами, таким образом, что все туземцы будут безоружны под расстрелом как с немецкой, так и с русской стороны. Что именно так понималась эта мера как взятие не только в окопы, но даже в солдаты, я могу подтвердить одним документом, который у меня есть, где должностное лицо, объявляя населению о призыве, говорит: немедленно составил, списки для взятия в солдаты¹ местного населения. А Степной генерал-губернатор генерал Сухомлинов подтверждает это мое заявление тем, что он, этот губернатор, издал особое объявление, где говорит "До сведения моего дошло, что среди населения распространяются слухи о том, будто бы киргизы привлекаются на работы по устройству окопов в места между нашими и неприятельскими передовыми боевыми позициями и что таким образом киргизам грозит неизбежный расстрел с той и с другой стороны" Вот эти слухи, циркулирующие среди населения, генерал-губернатор опровергает. Но вы знаете, господа, что значит для русского населения опровержение какого либо администратора и как можно было бороться с теми, не слухами, распространяемыми отдельными людьми, а общим убеждением, которое охватило всю массу населения только путем таких объявлений в то время, когда вот именно этого требуемого высочайшим указом порядка призыва и определения работ не последовало до сих пор, когда вся местная власть сама не знала, как разъяснить эту меру населению и для чего, и куда, собственно говоря, все эти туземцы будут направлены. И даже официальный орган Семиреченского губернатора той именно местности, где были наиболее острые беспорядки, устанавливая причины волнений, говорит, что одной из причин были те слухи, и то поведение, или те разговоры со стороны русских людей, которые дразнили местное население, говоря киргизам, что их поведут и окопы, что их будут там безоружных убивать, что их будут там кормить свининой и т. д. и т. д. Но, г.г. и эти слухи играли второстепенную роль сравнительно с теми действиями, которые последовали на местах немедленно после объявления высочайшего приказа. Я говорил нам,

¹ Слова "для взятия в солдаты" подчеркнуты черным карандашом, на полях с левой стороны против данной фразы черным карандашом рукой Куропаткина написано "врет".

г.г., что я считаю, высочайший приказ единственной причиной и утверждаю, что этот приказ не выполним, и не был выполнен на местах. Я это подтверждаю тем, г.г. что действительно в том порядке, как это было предусмотрено здесь в Петербурге, нигде этот высочайший указ не выполнен. Везде от системы принудительного набора, от системы повинности местная власть должна была немедленно перейти к системе откупной. Исполняющий должность Туркестанского генерал-губернатора, весьма ограниченный администратор, хотя может быть прекрасный военачальник, генерал Ерофеев, он в одном из своих приказов даже так и пишет от 25 августа: а что касается туземцев, откупившихся от необходимости идти на фронт, то то-то и то-то... И вот эта купля и продажа, которая началась на местах в связи с действиями администрации, и вызвала то возмущение, которое началось среди местного населения. А действия администрации заключались в том, что получив этот приказ, явно не выполнимый, местная администрация сразу сообразила, что перед нею открывается новый небывалый фонтан, золотой фонтан, они сразу поняли, что это новый источник: невероятного сказочного обогащения и новый источник эксплуатации и вымогательства в отношении к населению. И вот эта купля и продажа высочайшего указа, это обогащений и стремление к немедленному обогащению пока не поздно, создали вакханалию на местах. Я, господа, не буду останавливаться на отдельных случаях и не буду перечислять вам и останавливаться на виновности Петрова, Иванова, Сидорова — это слишком маленькие Люди, чтобы занимать внимание высокой палаты, но я решительно возражаю против той версии, которая принята теперь правительством, версии, которая всю вину за вымогательства и взятки слагает на местную низшую туземную администрацию. Это, г.г., совершенно неверно. Туземная администрация, эти минбаши, т.е. сельские старосты, аксакалы и т. д. и т. д. они были только агентами в руках той русской администрации, которая и раньше в тесном союзе и именно через этих своих агентов обогащалась, вымогая и эксплуатируя население. Это верно потому, что многие из этих администраторов русских уже смещены со своих¹ должностей и в одном из Приказов Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина прямо говорится

¹ Место, отмеченное сносками, отчеркнуто в подлиннике на полях с левой стороны черным карандашом. Против черты синим карандашом проставлен вопрос.

о том невероятном размахе, – я сейчас вам найду этот приказ, – говорится о целом ряде самых возмутительных лихоимств и вымогательств.) И что это верно, это я могу подтвердить и тем, что без различия как в Ташкенте, так и в Семиречье, как в Самаркандской области, так и в Ферганской, так и в Туркестане, так и в Степных областях, волнение, так называемое волнение местного населения всегда и самым точным образом совпадало с моментом составления списков. Да, г.г., неужели вы не знаете русской администрации, неужели вы можете сомневаться; что сделали Иванов или Петров, носящий форму чиновную, когда ему представилась возможность на свой вкус и взгляд определить, какого возраста данный Махмудка, как они там их называют. Ведь вы имейте в виду, что посемейных списков там нет, воинская повинность в Туркестане не ведется и поэтому установить, кому 19, а кому 18, кому 43, а кому 53 или 45, или 30, кому 48, невозможно. Это нужно было делать на взгляд. Вы понимаете, что значит, когда вся местная администрация начала по взгляду представлять кому сколько лет. Сколько они получили в карманы от этого определения и как пострадало местное население, которое старалось тщетно доказать, что этому 60-летнему старику, которого я сам видал, на самом деле по списку оказывалось 30 лет, потому, что он не мог заплатить 300 р., а мальчишке с 25-30 лет, оказывалось 50, потому что он богатый человек. И ведь в жалобах, которые шли от местного населения, они не ограничивались только туземной администрацией. Но кто же может осмелиться какой сарт или киргиз посмеет пожаловаться на этого “тюрю”, на этого местного господина в военной полицейской форме, когда их безнаказанно, как собак пристреливал в это время всякий, кому было не лень. Вы представьте себе состояние этой загнанной, запуганной, терроризованной массы и вы представьте себе положение женщин, у которых отнимают всех мужчин, которых оставляют на произвол голода и нищеты, и недаром первым беспорядком, который был 7 июля или, кажется, даже 5 июля, в Хан... ¹ был как мне говорил один из представителей жандармской власти, бабий бунт. Туземные женщины вышли на улицу, хотя не имели права – как я уже говорил – показываться ни одному постороннему мужчине – вышли без чадры, бросались под ноги казачьим лошадям, умоляя лучше их убить, чем заставить умирать голодной смертью... (Голос слева: позор!). Вы

¹ Так в подлиннике.

знаете, что это было первое движение во всем Туркестане, в так называемой долине сартских областей, за исключением Джизакского уезда,) при котором не пострадал ни один русский человек. А кто пострадал? Пострадали эти низшие агенты, эти исполнители приказаний уездного начальника, обиравшего местное население на местах, эти минбаши, т. е. сельские старосты, волостные писаря, которые составляли эти списки. Население являлось и требовало уничтожения этих списков, как незаконно составленных, требовало, чтобы прекратили с них вымогательства, как это до сих пор делалось по отношению к ним. Когда приехал новый Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин – к сожалению слишком поздно – все это было признано, все эти факты были установлены. Таким образом, каждый, кто знает историю событий в Туркестане, должен категорически признать, что никаких других причин, кроме самого указа и формы и способа его исполнения, на месте, не было. И как только принимались меры, к тому, чтобы изменить порядок исполнения этой меры, как только начинали обращаться местным населением более или менее прилично и разъясняли им, что от них хотят и как нужно это делать, сейчас же исчезали эти волнения, прекращалось это восстание, как здесь называют это теперь в Петербурге. Почему же. Если бы были глубокие причины, если бы был заговор, если бы было иностранное влияние, почему же они вспыхнули вместе с указом и вместе с фактической отменой этого нелепого распоряжения они сейчас же исчезали. Позвольте, г-г. мне не углубляться больше в доказательства моего основного положения, что никаких других причин, кроме указа и его исполнения, к событиям, бывшим в Туркестане, не было, и если только попробуют отсюда мне возражать, разрешите, я уже фактами окончательно докажу, когда они будут говорить неправду. Но, как я уже говорил, кроме этого центрального акта, вызвавшего беспорядки в Туркестане, было и на местах исполнение. Это исполнение заключалось, как я уж говорил, в этих вымогательствах, а также в судебном шантаже. Взяв с населения все, что было возможно, заставив население отдать все, что оно могло, началась вторая стадия вымогательства, тогда решили еще кое-что выбить из местных туземных масс, угрожая им привлечением в судебном порядке, грозящем чуть ли не смертной казнью за сопротивление властям. Стыдно было слушать, позорно было слушать, г-г., как эти полудикие номады, как здесь говорится в этом объявлении и очень культурные местные сарты, из русских культурных низинных городов,

рассказывали какая такса существует за то, чтобы откупиться от судебных преследований. Вы помните, с этой кафедры мы рассказывали вам какая система практиковалась на Кавказе, когда создавалось великое это дело Дашнакцютюн, когда тоже миллионеры и богачи десятками сажались в тюрьмы для получения с них откупов. Та же самая система, тот же способ практиковался в Туркестане и в мелких городках, в Намангане или Коканде, сотни, иногда тысячи свезенных со всех округов без различия пола и возраста все сидели там, и только тот выходил, кто мог заплатить хорошую мзду. Потом были приняты меры, многие были освобождены, когда началась новая эра так называемого управления Туркестаном. Но психология масс, то, что она пережила оставила свой след и оставила след на многие годы, а может быть, и десятилетия, и нам, представителям русской государственности, русский культуры всех без различия партий должно быть болезненно стыдно за то, поношение, за то оскорбление, осквернение русской культуры, которое проделывалось русскими чиновниками, когда наша культура бросалась в грязь в глазах этой массы, местной туземной массы. Я говорю, г.г., что на почве вот этого нелепого указа, на почве этого недопустимого исполнения его на местах, несомненно, начались эти эксцессы и волнения. Но здесь г.г. в то время когда туземное население волновалось, как всегда волнуются народные массы, — это была стихийная вспышка, стихийная вспышка людей доведенных до ужаса и отчаяния, до негодования, до невежественных, темных, непонимающих причин, которые вызвали их несчастья. Это движение, вспыхивающее то тут, то там, было движением стихийным, таким же, как бывает всякое стихийное движение, и как оно бывало и в России. Это всегда одинаковым способом отвечают доведенные до иступления массы на эксцессы бесправия и беззакония со стороны властей. Это один способ, который существует как в культурных, так и в некультурных государствах. Исчезает последняя воля сдержки, исчезает последний луч разума в уме этой массы. Она бросается, делает разгром, погром, совершает убийства и сама же сейчас в ужасе от происшествия, в ужасе оттого, что она сделала, бросается назад, расплывается, так что нельзя больше ее как массу, как таковую нигде найти. Именно так происходили все туземные беспорядки в Туркестане.*

* По тексту начиная со сноски на предыдущей странице рукою Куропаткина черным карандашом написано: важное заявление. Можно и надо опровергнуть.

На эти беспорядки администрация и русская государственная власть отвечала планомерным и систематическим террором, недопустимым не только в культурном Европейском государстве, но недопустимым даже в какой бы то ни было восточной деспотии. Очень трудно будет нам говорить теперь о турецких зверствах в Армении, очень трудно будет нам говорить о немецких зверствах в Бельгии, когда-то, что происходило и горах Семиречья, никогда может быть мир до сих пор не видел. Г.г. внизу в долинных областях, в местности, населенной сартами, русское население только пострадало в одном уезде – в Джизакском уезде: там действительно было убито и пострадало около ста человек. Это были мужчины и женщины, которые были застигнуты этой лавиной кочевников, которая шла с гор, с Джизака¹, и застигнутые ночью в разных местах Джизакского уезда. Они погибли. Что это была стихийная вспышка, что это было неорганизованное восстание, а тем более не восстание, подготовленное закордонными нашими врагами, видно уже из того, г.г., что же эти пострадавшие, как я уже говорил, еще за два дня до события не знали о том и нисколько не боялись того, что произойдет через два дня – ну может быть за неделю, не помню. Одним словом, одна из больных, пострадавших, которую я опрашивал говорила, что только за несколько дней они почувствовали, что население начинает волноваться, и хотели уехать. И характерно, господа, как они узнали, что волнуется население: они узнали из того факта, что к ним, к этой фельдшернице поселка Заамин,² стало приходить много раненых студентов³ избитых и пораненных, и она говорит, что, очевидно, прежде чем спуститься с гор между ними самими шла сильная борьба, была борьба из-за какого-то вопроса, а эта борьба, господа, она происходила и в Фергане и в Джизаке, и в Семиречье, это была борьба между беднотой и богатым классом. И в самом городе Джизаке и среди киргиз, как установлено официальными и неофициальными сообщениями, волнения начинались вот именно опять-таки с вопроса о цене, которую нужно уплатить за этого человека, который пойдет своею кровью искупать остающихся на местах. Шел спор между богачами, местными баями и остальной туземной массой, потому, что туземная масса требовала, чтобы этот налог, откупной налог был распре-

¹ В подлиннике Заоминые.

² Так в подлиннике. По видимому следует читать: туземцев.

³ В подлиннике: барами.

делен пропорционально богатству того или другого местного жителя, а баи, вместе с русской администрацией отстаивали подымное обложение, и в то время, когда в каком-нибудь кишлаке для богатого купца или землевладельца уплатить 10 или там 50 рублей ничего не стоило, беднота в это время, как подтвердили мне в Фергане чиновники мелкого кредита, шли и закладывали последних своих коров, закладывали последнее свое богатство туземным ростовщикам по 30-40% в месяц, закладывали тот клочок земли, на котором они сеяли хлопок. Вот на почве этой необходимости платить откуп, возникала социальная вражда между низами и верхами местного населения и поддержка администрацией верхов переводила гнев низов и на эту русскую администрацию. Итак, это и было, господа. Вот в этом самом Джизаке волнения и беспорядки в городе начались и произошли столкновения между местным населением и богатыми баями¹ и потом уже, когда уездный начальник Рукин пошел в эту массу, он был растерзан этой потерявшей самообладание толпой. И что это было, господа, случайно видно из того, что на всем пространстве Туркестана и Степных областей никакого вооружения, заготовленного туземцами, не было обнаружено. В их распоряжении оказалось несколько старинных кремневых ружей, затем были приготовлены именно на этот случай железные полосы, вроде кос, палки, вроде булавы, сучья, дубины, вилы и т. д., и только в Семиречьи они получили в свое распоряжение уже в разгар беспорядков, некоторое количество винтовок, которые были киргизами отбиты от транспорта, перевозившего вооружение в один из далеких уездных городов в Семиреченской области. Так что и эти единственное русского образца и вообще современного образца винтовки, оказалось, были получены туземцами во время беспорядков, и, кроме того, в Джизаке они отобрали несколько ружей у лесной стражи, которая пострадала при их движении с гор в долины. И затем, г.г., конечно в разгар вот этого движения здесь были попытки внести религиозную проповедь со стороны, например, так называемых, местных проповедников,¹ монахов, ишанов, это особый орден мусульманский, — были попытки пропагандировать известные религиозные идеи, идеи не политического содержания, а идеи религиозные и идеи

¹ Место, отмеченное сносками, отчеркнуто, на полях с левой стороны черным карандашом вертикальной чертой; против черты рукою Куропаткина написано "верно".

освобождения от засилья русских людей. Но эти попытки обнаружены в нескольких, и двух-трех местах и уже опять-таки пост-фактум.)

Председательствующий. Член Государственной Думы Керенский, ваш час истек. (Голоса: просим, просим). Угодно Государственной Думе продлить? (Голоса: просим, просим).

Керенский. И вот, г.г., когда нам говорят, что была попытка панисламистской проповеди, что там были немецкие агенты, я могу вам рассказать два мне точно известных, довольно интересных случая. Когда была объявлена война Турции, то местное, — не военная власть, — местное охранное отделение уже доносило в Петербург и местному губернатору о том, что туземное население чрезвычайно нервно относится к тому, что России воюет с Турцией и что возможно ждать осложнений. Эти осложнения не последовали, но действительно в Андижане, там, в том самом уезде, где было знаменитое восстание андижанского ишана много лет тому назад, в центре местного хлопководства, наконец, нашли панисламистского пропагандиста. Был арестован с поличным местный милиционер туземец, у которого были найдены и квартире прокламации на местном языке с печатью панисламистского союза, с призывом жертвовать в пользу панисламистского движения, с угрозой убийства, в случае неуплаты ¹. Величайшее торжество было у местных охранников и некоторой части администрации. Но один из администраторов не поверил этой истории, он назначил контр расследование, и обнаружилось, что эти прокламации печатались и хранились на квартире одного из агентов местного охранного отделения. (Голоса слева: здорово, это обычно¹) и этот агент был русский, по фамилии, кажется Тимофеев, и клал он эти свои произведения с наружной стороны в дом этого богача. Вот, господа, как пытались в Туркестане создавать панисламистскую пропаганду. И во имя своих задач и своих целей и действительные государственные преступники, эти подлинные предатели, они не задумывались над тем, что может быть эта их пропаганда попадет на хорошую почву, они не задумывались о тех последствиях, которые могли бы быть, если бы местное население всерьез отнеслось к этим прокламациям, как идущим от панисламистских агитаторов и если бы эти идеи и это стремление во имя панисламистских

¹ Место, отмеченное сносками, отчеркнуто на полях вертикальной чертой, очевидно Куропаткиным.

идей было сильно в местном туземном населении или, может быть, г.г. на самом деле эти люди, которые здесь, в Петербурге, кричат и посылают о волнениях на местах, они в действительности может быть слишком хорошо знают, что они говорят неправду и поэтому устраивают свои фокус-покусы совершенно безбоязненно. А вот теперь уже, в то время, когда началось это движение, когда оно, правильное сказать, кончилось уже в Ташкенте, и здесь они тоже хотели установить действия зарубежных держав и в самом Ташкенте были арестованы почти все местные туземные почетные судьи и им предъявлено было обвинение в том, что они состояли в переписке, о преступной переписке с афганским эмиром. Но и этих судей пришлось скоро выпустить, а эти письма пришлось припрятать подальше, потому, что и здесь оказалось, что эти письма того самого происхождения, как и прокламации о панисламистском восстании в Андижане. Так вот, г.г., когда вы слушаете, как эти господа с министерских скамей повторяют вам эти легенды о панисламизме и об интригах, которые происходили в Туркестане, враждебных нам держав. Вы знаете, что они только пытаются обмануть вас, пытаются с больной головы сложить свою вину не только на здоровую, но и на бесконечно пострадавшую. Я не знаю, говорят еще тут представитель Министерства внутренних дел в Думе имел смелости рассказывать о том, что по слухам, во главе киргизских войск стоял турецкий генерал¹. Но, г.г., уже это известие абсолютно настолько анекдотично, что опровергать его совершенно не стоит, потому, что всякий, кто знает, что такое киргизы, какое их отношение к Турции и к мусульманству вообще сейчас же поймет, что такого случая вообще быть не может. Я говорю, г.г., не отрицаю, что эксцессы были и пострадали от этого стихийного возмущения в некоторых местах сравнительно небольшие группы русского населения и даже в Семиречье, за исключением двух уездов Пржевальского, и Джаркентского а почему — я скажу — в других местах жертвы со стороны русских были единичные, а вот, когда случились беспорядки в Джизаке, туда приходит карательный отряд, состоящий из 3 видов оружия, пехоты, артиллерии и кавалерии и начальник отряда отдает приказ идти в таких-то и таких-то направлениях и по своему пути сжигать все туземное население, уничтожать население без различия пола и возраста... (Голос слева; позор). Были уничтожены грудные дети, были уничтожены старики, старухи. (Шин-

¹ Фраза подчеркнута красным карандашом.

гарев: это варвары). (Родичев: это гордость страны). В то время когда 13 июля произошли беспорядки в Джизаке, 3 августа издается вот этот приказ. Вот подлинный приказ, который говорит о карательных экспедициях. 3 августа, повторяю, почти через месяц после этих эксцессов толпы, издается приказ, чтобы все местное туземное население города Джизака я был там, я был потом на развалинах и все сам видел — где жило несколько тысяч, может быть свыше 10.000 туземцев. (голос: 20.000).. да 20.000 туземцев, если оно в трехдневный срок, т.е. до 6 августа, не выдаст убийц со всего уезда, т.е. всех убийц на пространстве нескольких тысяч верст в горах неуловимых, если не выдаст убийц, то все население будет беспощадно изгнано из города. 6 или 7 августа этот приказ был исполнен и утром,¹⁾ по пушечному выстрелу эта масса, главным образом женщин, детей и стариков, была выброшена из своих домов и очагов без пищи и продовольствия и была послана не оазисами, где есть вода, а пустынными местами в глубь уезда¹⁾ а город был планомерно и систематично весь уничтожен. Я, г.г., будучи на двух фронтах, западном и кавказском, нигде не видел столь идеально уничтоженного вражеского города, как этот город Джизак, находящийся в России, русский город. Но этим не ограничились, г.г., теперь Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о конфискации всех земель всех жителей г. Джизака, который находится на пространстве, кажется, 900 десятин, огромного размера площадь самого города и его окрестностей. Эти земли конфискованы, и население, без различия правых и виновных, лишено права впредь пользоваться своей собственной землей. То же самое продельвается теперь в Семиречьи, и вы говорите, — иначе нельзя. А где в российских законах предоставлено право без суда и следствия лишать не только виновника в преступлении, не только преступника, но и его наследников недвижимой и движимой собственности, и каких законах российских это написано. И почему, г.г., если здесь происходят аграрные или еврейские беспорядки, когда жертвы бывают такие же, эти конфискации не производятся и не могли бы быть произведены, потому что здесь все-таки есть какой то контроль общественного мнения. Вы говорите: следовало, как же вы можете возмущаться тем, что делают наши враги германцы и турки. Где вы слышали, чтобы в Бельгии граждане были лишены права на недвижимую собственность, где вы видели, чтобы не враги, а свои собственные граждане подвергались таким эксцессам безумной власти?

Но все, г.г., я не буду говорить вам об этом ужасе, мародерстве, изнасиловании, убийствах грабежах, которые сопровождали эту карательную экспедицию не только в Джизаке, но и других городах низинного Туркестана, в роде Той-Тюбе, Ташкентского уезда, где жертв со стороны русских не было. Какая же государственность, какое государство может стоять на той точке зрения, чтобы за эксцессы толпы в отношении двух человек уничтожать двести. И вы, сидящие направо, среди вас так много людей с крестами, кричите: так и следовало бы. Вы одобряете, точно не библейские, а я не знаю какие... (шум), (не слышно) (Голос справа: это ложь).

Председательствующий. Член Государственной Думы от. Якубович, прошу вас не перебивать оратора. (Голос справа: это ложь).

Прошу не перебивать оратора, иначе я буду, принужден применить меру взыскания.

Керенский... сарты это пустяки, сравнительно с тем, что происходит с киргизами. Я не буду утомлять вас, поверьте, если нужно будет, я это докажу от А до Зет. Те же самые причины вызвали движение киргизов, те же самые причины дали те же самые следствия. Но там далеко вдали от последних культурных центров, там, где нет железной дороги, там, где еще можно размахнуться во всю ширь, там эти эксцессы власти и, к сожалению части русского населения, достигли небывалых размеров. Недавно здесь говорил нам министр земледелия о тех школьниках, русских, которые были уничтожены местным населением. Я это знаю, это очень печально, это очень грустно, г.г., но как же нужно возмущаться, если таких детей уничтожала уже не толпа в момент безумия, а уничтожала власть планомерно и спокойно. Ведь русское население пострадало в двух уездах: Пржевальском и Д...¹ а эксцессы в отношении киргизского населения были во всех остальных. Пострадали отдельные русские граждане в этих двух уездах и главным образом люди совершенно и абсолютно не имеющие никакого отношения к местной жизни, это статистики, присланные на всероссийскую перепись скота летом, это студенты, которые работали там на ирригационных работах. Об них в момент этого волнения, этого испуга, который сначала охватил власть сама же власть забыла, сама же власть, г.г. своевременно никаких мер ни к охране русских отдельных людей, ни к разъясненной киргизам сути этого указа не

¹ Так в подлиннике. Вероятно Джаркентском.

приняла. Вот, напр., в селении Беловодском привозят около 500 киргизов для того, чтобы отправить их уже в волость, где были составлены списки для того, чтобы отправить их дальше в уездный город и местному русскому населению кажется ненужным охранять этих киргиз и большая часть этих безоружных и добровольно находящихся среди русского населения киргиз палками и камнями уничтожается, остальных везут о уездный город Пишпек и там на глазах начальства в тот же день вечером на Соборной площади, под звуки музыки кинематографа, добиваются остальные. А в селении Луговом, где отряд солдат оцепил вместе с местными несколькими русскими поселенцами, оцепил громадную толпу киргиз и стал гнать их безоружных выстрелами и нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил туда этих людей (Голоса слева: это кошмар какой-то). А в Токмаке, маленьком городке, где начальником карательной экспедиции, посланной генералом Фольбаумом, ныне скончавшимся и именующимся Соколов-Соколинский¹) посланным для усмирения киргиз с тем же приказом уничтожать, все их аулы и все население, этот начальник карательной экспедиции, приехал в Токмак и в присутствии всей русской интеллигенции гордился тем, что он блестяще выполнил приказ своего начальника и даже его молодцы случайно или шутя заложников мирной волости киргиз, пришедших к ним добровольно, потопили, переходя одну из речушек. Вы думаете, господа, что все это преувеличение, а вот послушайте, как эпически и как спокойно рассказывается то, что происходило недавно в горах Семиречья в официальной газете: "Известное возмездие уже постигло, конечно, мятежников, войсками перебито много тысяч киргизу (Голос слева: позор)... их стойбища уничтожаются, огромное; количество их стад переходит в руки войск, администрации. Но это не все. Главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие холода и голода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания... (Голоса слева: позор)... уже доходят сведения об их лишениях и болезнях среди них, но войскам приказано не давать врагу пощады... (голос слева: нашли врага)... Вы поймете весь смысл этого образца эпической литературы, (голоса: какая это газета?). Официальная местная газета. Если вы

¹ Семиреченский военный губернатор генерал Фольбаум в 1916 г. переменил свов фамилию на Соколов-Соколинский.

поймете что такое происходит там, кто это такие загнанные в ущелья, это вы думаете загнанные комбинированными силами русских войск. Это вы думаете, вооруженные мятежники, это вы думаете действительные враги? Нет господа, это поголовно и главным образом, женское население киргиз, которые, когда был объявлен указ и когда начались беспорядки, огромными массами, целыми родами поднялись с долин и пошли себе в горы искать себе нового убежища, новой родины в Китае. Их восстание было восстание пассивное. Они хотели одного – уйти в Китай, покинуть эту старую родину, столь жестоко с ними обошедшуюся. И, вот, когда эта масса киргизского населения с долины, от рек постепенно поднималась в горы и скапливалась в проходимых ущельях, стремясь уйти из России, здесь производились эти комбинированные действия поиск и эта масса женщин детей, взрослых и стариков, она обрекалась холодно и спокойно на голодную смерть. Так как же можно после этого говорить и ставить в вину темным, непросвещенным, забитым, далеким от нас туземцам, то, что они, пережив все то, о чем я вам говорил, иногда теряли терпение и совершали акты возмутительные, о которых они сейчас же сами жалели и раскаивались. Как можно говорить с возмущением об этом, когда мы стоим перед действительно позорной страницей неизгладимой страницей позора в русской истории. И прав был тот представитель военно-прокурорского надзора, который, побывав в Джизаке на одном из дел, которое было после усмирения восстания, вернувшись, домой в Ташкент, сказал: мы не знали куда деваться от стыда, мы увидали позорную страницу истории России. И вот, г.г., вы предстаньте себе теперь, какие последствия, какие результаты дала эта небывалая по смелости и по незаконности исполнения этого высочайшего указа мера, которую, может быть, и нужно было привести в исполнение, мера которая должна была влить в общую гражданственность, по мысли вашей здесь в Думе, и далеких туземцев, – эта мера была превращена в издевательство и насилие над населением и позорное явление для русского государства и создала теперь новое и неизгладимое последствие. Оно будет иметь, г.г., теперь огромное не только экономическое, но и политическое значение, оно теперь вот в настоящее время открыло перед местным туземным населением ту сторону русской государственности, о которой они, может быть, по своей темноте и отдаленности, и представления не имели. Они поняли теперь, г.г., что эти русские администраторы, которые управляют именем

великой европейской страны, не лучше, а хуже этих бухарских и турецких сатрапов, потому что там нет таких усовершенствованных способов уничтожать население. Там, слава богу, в Бухаре, например, пулеметов еще не имеется и не имеется регулярного войска, которое может десятки тысяч жителей мирных, женщин и детей, уничтожать на расстоянии двух-трех недель. Господа, вот те результаты, которые мы теперь переживаем. Что будет в Туркестане, я не знаю; я знаю только одно, что кроме последствий политических, которые, может быть, их не интересуют, уже сказываются и экономические последствия. Но все, что произошло, мне кажется, должно поставить перед нами гораздо более серьезный и более важный вопрос. Я думаю, господа, что кровь невинных, которая пролита, она может быть и должна дать свое возмездие. Она должна вызвать в нас, по крайней мере, сознание той исключительной ответственности, которую и мы несем, потому что ведь это делалась нашим именам, именем русского народа, именем народов России. Мы должны сознать господа, что вот эта система управления оказывается, не только неприменима для того, чтобы существовало государство спокойно в Европе, она оказывается невозможной даже в далеких азиатских степях, даже там эта система превращается в какого-то врага народа, являющегося великим ужасом и наказанием для тех, кто ей подчинен. И здесь, г.г. мы должны вспомнить то отношение, которое при наших объездах проявляло местное население к тому, что может быть не существует, к какой то воображаемой русской государственности, к каким то воображаемым русским государственным деятелям и к Государственной Думе. Там всюду, где бы мы ни были вместе с товарищем Тевкелевым, где бы ни говорили с туземцами, мы видели одно, мы видели великий ужас по отношению к тому, что их окружает и великую веру по отношению к тому, что от них далеко. Они думали, что мы, приехавшие к ним, приехали увидели, узнали и пойдем и кому то скажем, скажем, вот вам, как они думали, вам, членам Государственной Думы и они имели наивность думать, что здесь в этом собрании есть какие то другие русские государственные деятели, есть какие-то другие начала русской государственности, которые придут им на помощь, которые скажут этим насильникам, что не виновата масса в пролитой ею крови, что виноваты в этом те, кто преступили закон и право. Мне было странно и удивительно, г.г., видеть, какая глубина наивной веры, наивного восторга заключена и этой темной массе не в

отношении турецкого султана, не по отношению каких то зарубежных агентов, а к нам, вот к этому имени русского государства, с которым они себя связали, и мы говорили им, мы отвечали им, что они правы, они правы в том, что они верят, верят в то, что в России есть другие люди, служащие другим идеалам, идущие к другим целям. Мы говорили им, чтобы они не теряли веры в народ, с которым они связаны - испытываемым ужасом управления тех людей, с которыми и мы боремся за свободу и счастье своего собственного народа. Теперь, г.г., на нас, на русской общественности, лежит великая ответственность не только перед своим собственным народом, но и перед той массой чуждых нам народов и национальностей, которые тяжелой цепью русской государственности скованы с нами воедино. События, которые произошли в Туркестане, ставят перед нами вопрос о необходимости с корнем уничтожить возможность повторения таких событий. Они ставят перед нами новые колоссальные вопросы, вопросы о новом порядке управления наших окраин, и в частности Туркестана. Мы должны принять все меры к тому, чтобы в самый кратчайший срок там была насаждена европейская государственность. Г.г, это ведь давно ушедшие времена, когда Туркестан, Фергана, Семиречье, Закаспийская область были каким-то концом мира и упирались в Памир и как будто бы уходили в какую то тьму неизвестности. Ведь теперь эта наша окраина со всех сторон окружена просыпающимися или проснувшимися уже и стремящимися к культуре народами, ведь там Индостан с англичанами, там Персия, возрождающаяся к новой жизни, там Китай, идущий к новым формам управления, все кругом живет уже новыми идеалами и стремится к новым задачам. Они понимают государственность иначе, чем понималась она и 1865 году, когда завоевывался Туркестан. Все кругом пошло вперед к свету и прогрессу, а мы остались там, со старыми навыками, со старыми порядками управления азиатской сатрапии, лишённые элементарного представления о праве и справедливости,¹ но то, что было возможно тогда, совершенно невозможно теперь. Генерал-губернатор Куропаткин сравнительно со всеми другими администраторами в Туркестане, является белой вороной в сравнении с теми, которые производили эти безобразия, когда вы с ним поговорите о том, как нужно управлять Туркестаном, когда вы изучите его государственное мирозерцание, то вы

¹ Отчеркнуто на полях черным карандашом.

придете в ужас, потому, что это человек, который до сих пор отстаивает и доказывает, что единственной формой, нужной для народа, является самодержавная неограниченная форма управления (Голос справа: правильно), это человек, который в XX веке отрицает¹ необходимость местного самоуправления на окраине, который совершенно не понимает, что изображать из себя отца многочисленных детей и подданных, этих сартов и киргиз, теперь невозможно потому, что там родилась своя культура, потому что там есть уже люди, туземцы, которые в культурном отношении стоят значительно выше русских администраторов, потому, что там уже, г.г., за это время создалась огромная русская колония, которая требует совершенно новой системы управления. И все, что произошло в Туркестане, является результатом не только, я не скажу даже, злой воли, а невежества и безумия верхов, но является и результатом этого уже оказавшегося разложения местной системы управления. Мы видели воочию, что целая огромная окраина, жемчужина Российского государства, единственный рынок и производитель хлопка, существует исключительно волей Божьей и уже никаких признаков системы сознательной и идущей в сторону разумного управления местного населения уже нет. Вот, все, что я видел, и все что я наблюдал, все мои впечатления, которые я вынес после тщательного обследования, после многочисленных бесед, после изучения Туркестана, теперь, на основании того опыта, который был у меня раньше, потому что я там и раньше же бывал. Я изложил вам все, что я видел, стараясь, все время быть излагателем, стараясь изложить вам события вне всякой политической оценки и окраски. Я хотел бы верить, г.г., что в этом вопросе мы действительно найдем единственное понимание событий в их оценке¹ и найдем единственный выход. Мы должны, сказать, что вся вина за события падает исключительно на русскую власть, совершившую не допустимое, невероятное беззаконие. Мы должны сказать, что кроме возмездия, которое должны понести преступники, на совете которых десятки тысяч невинно убитых, мы должны еще немедленно потребовать и поставить на очередь проведение новых форм управления Туркестана и других наших окраин.

Председательствующий. Член Государственной Думы Джафаров.

¹ так в подлиннике.

Джафаров¹. (Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская губ.) Господа Члены Государственной Думы. Прежде чем перейти к изложению своей речи, я должен указать, что мы сегодня обсуждаем такой важный вопрос при отсутствии представителей тех окраин, которых касается обсуждаемый вопрос. Это положение ненормальное, оно долгие терпимо быть не может. Затем я должен сказать, что 27-го числа минувшего месяца я в военной комиссии изложил свой взгляд на этот вопрос в довольно резких выражениях, но сегодня боясь, что в таких выражениях и не сумею докончить свою речь, я поставил себя в известные рамки и позволю себе от имени мусульманской фракции изложить наш взгляд на эти события и указать попутно на те причины, на те обстоятельства, которые вызвали эти события. Высочайшее повеление, опубликованное 6 июля открыло целую эру в жизни инородческого населения восточных окраин России – Кавказа, Туркестана, Сибири и степных областей. В процесс великой мировой войны оказались втянуты непосредственно сотни, тысяч инородческого населения, живущего до сей поры особым экономическим укладом, занимающего и общегосударственном строе особое положение граждан, ограниченных в правах. Казалось, это должно было заставить правительство отнестись к этому акту поголовного призыва инородцев с особой осторожностью и вдумчивостью. Однако, в действительности мы видим обратное: призыв инородцев состоялся в порядке, нарушающем Основные Законы Империи и воплощен был в жизнь и форме, вызвавшей ничем не оправдываемые потрясения хозяйственной жизни инородческого населения. Незаконмерность как самого акта издания повеления о призыве инородцев, так и незаконмерность проведения этого акта в жизнь – прямой результат выработанной веками и традициями инородческой политики, политики игнорирования как мнения самого населения, так и его жизненных интересов. Здесь я не буду останавливать Вашего внимания подробно на юридической стороне этого вопроса, юридическая сторона вопроса подробно изложена и напечатана и роздана вам. Здесь я укажу только на ст. 71 Осн. Зак., которая гласит: Российские подданные – обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности, согласно постановлению закона. Статья же 86: никакой новый закон не может последовать без одобрения и Государственного Совета, и Государственной

¹ Мусульманская группа.

Думы и воспринять силу без утверждения государя императора. Военный Министр, испросивший высочайшее повеление от 25 июня, нарушил уже приведенные статьи Основных Законов. В самом деле, этим высочайшим повелением налагается на местности, в которых инородческое население новая повинность, а между тем, как сказано в ст. 71 Осн. Зак. отбывание повинности русскими подданными не может быть установлено иначе, как в законодательном порядке. При чем, в порядке военного законодательства, в порядке ст. 96 не может быть издано распоряжение, которое составляет предмет общих законов. Независимо от сказанного, министр внутренних дел допустил превышение власти, распорядившись самолично, без предварительного соглашения с военным министром, о немедленном призыве инородцев, несмотря на требование 2 раздела высочайшего повеления 25 июня о том, что такое распоряжение нуждалось в предварительном согласии военного министра и предварительной же выработке подробных правил о призыве. Таким образом вопреки ясному смыслу закона на инородческое население возлагается новая повинность, которая могла быть установлена не иначе, как законодательным порядком. Мало того, установленная с нарушением Основных Законов, повинность осуществляется без соблюдения требования самого акта о призыве. Но нужно ли считаться с требованиями закона раз дело касается каких-то там киргиз, сартов, туркмен? Для этих инородцев, как говорится, законы не писаны. Превышение власти — это принцип инородческой политики русской власти: призвать на работы, и кончено, а в случае противодействия разве не существует огромный административный механизм, наделенный всею силою полицейской власти?. Не учитывая разнообразия экономического быта отдельных инородческих групп, не предусматривая ущерба, какой может понести как хозяйство отдельных областей, так и хозяйство страны в целом, правительство прямолинейно проводит в жизнь мероприятия, которые следовало бы эластически приспособить к своеобразным условиям жизни отдельных местностей. Перед нами ряд документов, которые поистине являются криком жизни и могут служить ярким свидетельством того, насколько огульный призыв инородцев был чреват в смысле экономическо-вредными последствиями. Как только был издан указ о призыве инородцев, то сейчас же с разных концов империи стали поступать в канцелярию министра внутренних дел и военного ходатайства, указания и просьбы о необходимости отсрочек и льгот. В огромном количестве

этот материал поступал и к нам, в мусульманскую фракцию. Как всем хорошо известно, указ был издан в разгар летней страды. В значительном количестве инородцы в степных областях были заняты сельскохозяйственными работами, как на своих землях, так и на землях русского населения.

Во многих местах инородцы безвозмездно, из сочувствия к русскому населению исполняли эти работы, и издание повеления произошло в момент крайне неудачный и членам Государственной Думы пришлось в то время предпринять некоторые шаги. Мы в то время обратились в военное министерство, и министерство внутренних дел и указывали на дефекты призыва инородцев на окопные работы. Мы предлагали немедленно выработать подробные условия приемов призыва инородцев на эти работы. Однако же, наш голос остался гласом вопиющего в пустыне. На могущие быть волнения в Туркестанском крае также было указано в телеграмме членами Думы Ржевским, Некрасовым и другими на имя начальника штаба верховного главнокомандующего и на имя военного министра. Но не один Туркестан был взволнован открывшейся перед ним перспективой хозяйственных неурядиц. Можно сказать, решительно со всех краев России полетели срочные телеграммы. Петроград наводнился депутациями на самых отдаленных местностях. В петроградских канцеляриях появился до сих пор редкий проситель, кинувший далекие степи и приехавший в столицу в надежде найти здесь правду и милость. Но власть привыкла действовать необдуманно и прямолинейно. Я не буду утруждать ваше внимание цитированием имеющих у нас документов, которые подтверждают нашу мысль, что распоряжение о всеобщем призыве инородцев не учло экономического своеобразия краевых местностей, ни бытовых условий инородцев, ни роли местного хозяйства в благополучном состоянии тыла, а в результате получилось, якобы, организуется фронт и в то же время и действительности дезорганизуется тыл. Эта дезорганизация на обширных окраинах России, как результат огульного призыва инородцев на окопные работы усиливается еще и одной крайне характерной бытовой особенностью этого краевого населения, на которую я считаю необходимым указать. Эта особенность весьма важная и заключается она и том бытовом положении, которое занимает женщина у инородческого населения. В то время как женщина у русской семье является хозяйственной единицей, которая свободно может заменить мужчину, призванного и ряд армии, женщина инородческого населения этой роли

исполнять не может, она связана вековыми традициями, изолирующими ее от соприкосновения с внешним миром. И эта очень важная бытовая особенность также оказалась вне поля зрения центральной власти. Словом, много грехов было сделано актом издания призыва инородцев на окопные работы, тут нарушение Основных законов империи нелогичность мероприятий, вредная прямолинейность и экономическая несостоятельность. Одним словом, целый ряд грехов, которые может допустить только власть, не видящая живой действительности вскормленная и взлелеянная в тиши бюрократических канцелярий рапортами и прошениями, власть безответственная перед страной, власть, не опирающаяся на живые народные силы. Конечно, ждать государственной мудрости и целесообразности в мероприятиях такой власти трудно.

Акт о призыве инородцев — яркий образчик государственной работы такой власти. Мы не будем больше останавливаться на общей оценке мероприятий центральной власти; перейдем к характеристике осуществления этих мероприятий на местах. Перед нами два огромных района: Туркестан и Степные области. Посмотрим, как заработал административный механизм на местах, как только ему дан был толчок в известном направлении со стороны центрального управления. Остановимся сначала на Туркестане. Туркестанские власти, желая как можно скорее произвести набор рабочих, получив акт о призыве инородцев на окопные работы, предписали низшим властям немедленно представить список лиц от 19 до 31 года. Эта краевая власть сочла совершенно излишним широкие предварительные ознакомление туземного населения с характером возложенных на него новых обязанностей вот все, что было ею сделано. Но даже и это предписание о представлении списка не отличалось строгой определенностью. В прошении, поданном Туркестанскому генерал-губернатору 15 августа жителями города Самарканд, покрытом многочисленными подписями, говорится, что согласно распоряжения военного губернатора Лыкошина в течение пяти дней они должны были представить по начальству списки лиц в возрасте от 19 до -31 года. Волостные управители и сельские старшины приступили к этой работе и уже некоторые заканчивали ее наполовину, когда получено было известие из Ташкента, где 2 июля происходило совещание военных губернаторов, о ненужности этих списков. Последующее затем объявление Самаркандского военного губернатора говорило о том, что он, губернатор, совместно с уездными начальниками и

полицмейстерами распределил по уездам и городам ту долю военно-рабочих, которая падает на Самаркандскую область, и что каждый город и сельское общество обязаны приговором указать, кого оно отдаст военно-рабочими. “Раньше нам говорили – пишет житель г. Андижана, Ферганской области, 50 лет, Ходжаев депутатам Тевкелеву и Керенскому, – что детей ваших в солдаты не возьмут, поэтому вы должны усердно жертвовать лошадьми и всем чем только можете, когда к вам будет обращаться начальство, и мы по силе возможности жертвовали деньгами и вещами; посылали обрабатывать землю ушедших на войну крестьян – мы обрабатывали”. Однако, необходимо твердо подчеркнуть, что администрация постоянно поддерживала туземцев в этой мысли о свободе от личного участия в войне, в особенности когда им нужно было обращаться к туземцам за добровольными пожертвованиями на нужды настоящей войны. Уверенность самих туземцев в свободе от воинской повинности и правдивости слов администрации: “детей ваших в солдаты не возьмут”, в глазах населения находила подтверждение в законе 19 апреля 1915 года, на основании которого в целях уравнивания и распределения тяжести государственной повинности на освобожденную от несения натуральной воинской повинности часть населения возлагается обязанность уплаты добавочного к обычным податям и налогам военного сбора. Наконец, туземное население совершенно не понимало, что именно требуется от него; оно не понимало ни цели, ни характера так неожиданно возложенной на него новой обязанности. Местная печать, вероятно, не без страха перед военной цензурой, также не освещала этого вопроса. Я говорю о русской печати, так как туземной печати в Туркестане не существует, если не считать издающийся в Ташкенте туземный официоз на сартовском языке. Впервые только 15 июля, когда имевшие место во многих городах Туркестана эксцессы приходили к гонцу, когда над мирным напуганным туземным населением администрация демонстрировала все свое умение и изобретательность создавать и прекращать дело, в официальных “Туркестанских Ведомостях”, появляется небольшая статья с запоздалым разъяснением. Только тогда, оказывается, ясно увидели, что туземцы совершенно не представляют себе, что такое тыловые работы, что требуется от рабочих в тылу и в каких условиях протекает жизнь тыловых рабочих. Если рядом с этой статьей поставить другую заметку из тех же “Туркестанских ведомостей”, но только появившуюся днем раньше, в которой говорится,

что один из военных инженеров во время пребывания там набрал до 10.000 рабочих туземцев и что туземцы очень охотно нанимались на работы в тылу армии и несколько тысяч из них уже отправлены на места работы, то с очевидностью станет ясным и понятным, какую роль в деле набора рабочих могло бы сыграть непосредственное и толковое объяснение им той цели, какую преследует высочайшее повеление. Между тем, переданное по телеграфу из Петрограда высочайшее повеление в разных местах Туркестана получило различное толкование. Так, Ферганский губернатор генерал-лейтенант Гиппиус, чтобы рассеять распространившиеся среди туземцев слухи о призыве их в ряды войск, истолковал высочайшее повеление в смысле привлечения их в качестве рабочих-добровольцев; это, кстати, привело к увольнению Гиппиуса за превратное толкование.

В Самаркандской области губернатор распространил по городу Самарканду объявление, в котором говорится, что туземцы привлекаются к оборонительным работам, а управитель Киз ...¹⁾ области, Б . . . ¹⁾ участка о предписании своем от 6 июля, изданном на основании предписания Б . . . ¹⁾ пристава, приглашает аульных приставов, старшин и почетных лиц своей волости явиться для выслушания предписания о призыве киргизов в солдаты. Вот в каком виде дошло до населения Туркестанского края высочайшее повеление 25 июня. В результате — события, которые разыгрались в целом ряде городов. Остановимся на некоторых из них. Жителям г. Андижана было объявлено начальником уезда, полковником Д ...²⁾, чтобы они собрались 9 июля утром в соборную мечеть Джамии. Народу собралось немного, так как в это время шел мусульманский пост, и сарты, изнуренные голодом, в жаркие июльские дни неохотно выходят на улицу, проводя время дома или в лавках. Полковник Д ...³⁾ велел созвать народ со всего базара. Собралась огромная толпа; было много китайских подданных ...¹⁾ и бухарских подданных ...¹⁾ Слова: “набор, работы в районе действующей армии, требование немедленно составить списки лиц от 19 до 31 года” ошеломили сартов. Послышались голоса: нас обманули, покажите бумагу от царя. Просили отложить набор до конца мусульманского поста. Не сказав ни слова, полковник Д ...¹⁾ удалился от мечети и через некоторое время возвратился со взводом

¹⁾ пропуски в подлиннике.

²⁾ так в подлиннике. В действительности Бржевицкий.

³⁾ Пропуски в подлиннике.

казаков. Толпа уже мирно расходилась. На базаре уездному начальнику навстречу попалась толпа человек в 150-200. Разговор с ними быстро перешел в стрельбу. Настроенные мирно, безоружные туземцы разбежались в разные стороны. Несколько человек было убито, много раненых. Убит также китайский подданный ...¹⁾ В Ташкенте высочайшее повеление о привлечении туземцев на тыловые работы было объявлено 7 июля через ...¹⁾ десятников и имамов. Никаких разъяснений дано не было. На 10 июля пятидесятники и имамы были снова приглашены в управление полициеймейстера туземной части Ташкента. Узнав об этом, туда направилась толпа туземцев, преимущественно женщин, в несколько тысяч человек с целью получить разъяснение и просить об отсрочке призыва. У ворот полицейского управления ее встретили полицейские и не пускали во двор. Видя, что толпа все увеличивается, полицейские вошли в управление и оттуда вышли во главе с исполняющим обязанность полициеймейстера Мочаловым¹. Тот, пуская площадную брань по адресу сартов и находящихся среди них сартских женщин, приказал им немедленно удалиться и тут же приказал стрелять в толпу. Раздались выстрелы, одна женщина, обратившаяся к Мочалову со словами: зачем убиваете невинных молодых людей, лучше убейте меня, была тут же убита. Затем было еще несколько выстрелов, в результате – свыше десяти убитых, много раненых. В кишлаке Ганджирован² Кокандского уезда, волостной старшина навлек на себя подозрение в том, что за деньги некоторых туземцев не внес в списки. Туземцы потребовали прочесть составленные уже списки. Волостной управитель сообщил об этом начальнику уезда ст. советнику Мединскому. Последний распорядился прислать с приставом 2-й части г. Коканда вооруженных солдат, и туземцы, находившиеся во дворе волостного правления, были все связаны, положены на арбы, и таким образом их везли по улицам города. По дороге попадавшихся туземцев били нещадно. Туземцы бежали в разные стороны, было много пострадавших, все лавки позакрывались, были вызваны еще казаки и затем на базарную площадь прибыл Кокандский уездный начальник, статский советник Мединский. Обращаясь к терроризованной толпе, сказал им: имеете ли вы понятие о котлете, рубленом мясе. Если будете вести себя беспокойно,

¹ В подлиннике Масолов. Описываемое событие произошло не 10, а 11 июля.

² В подлиннике Кенчарабан.

всех вас превращу в котлету. Управитель Араванской волости, Кокандского уезда, получив распоряжение о производстве набора, приступил 9 июля к составлению списков мужчин соответствующих возрастов. Обратив внимание на пропуски, которые туземцы объясняли как следствие подкупа и взяток и стали требовать, чтобы им были прочитаны эти списки, в ответ на это послышались бранные слова и при этом волостной управитель, указывая на некоторых из толпы, говорил: вот этот годится в солдаты, одной или двумя пулями его, пожалуй, не уложишь. Эти слова волостного управителя дали повод думать, что туземцев берут в солдаты. Этот слух быстро распространился по кишлаку, и толпы туземцев направились к волостному управителю просить не кривить душой и показать им уже составленные списки. Волостной управитель дал им другую бумагу, обман обнаружился, и на другое утро снова пришли к волостному управителю, требуя списков и угрожая жалобой уездному начальнику ...¹⁾ встретила толпа бранными словами; вышедшей затем волостной управитель стал кричать и тут же выстрелом из револьвера убил туземца, который кричал, указывая на несправедливость его при составлении списков, тогда толпа набросилась на волостного управителя и убила его, также были убиты рассыльный и писарь, которые вместе с управителем тоже ругали и угрожали револьвером, и вся толпа, приблизительно в триста человек, была арестована. Как ни грустны эти факты, но они бледнеют перед той кровавой историей, которая разыгралась с призывом на работы в городе Джизаке и его уезде Самаркандской области. Возможность откупиться от призыва путем поставки вместо себя другого породила массу недоразумений между имущими и неимущими классами населения; именно здесь нужно искать первую вспышку того, что потом кровавым потоком разошлось по всему Джизакскому уезду, и, как передавали жители разрушенного Джизака, что откупившиеся богачи говорили беднякам, вынужденным оставить свои семьи и идти на фронт действующей армии, что в то время, когда бедняки будут расплачиваться своей кровью и своей жизнью, богачи откупятся лишь деньгами. В мозгу туземцев зародилась мысль, что начальство на стороне богатых людей и поэтому всякий, кто имел над ними хотя какую-нибудь власть, кто имел отношение к делу набора рабочих, будь то русская власть, будь то русский или мусульманин, в их глазах являлись виновником того,

¹ Пропуск в подлиннике.

что они должны отправляться на работы в район действующей армии. В воздухе висела угроза расправиться с поработителями и богачами, и теми, кто их поддерживал, т.е. с начальством. Распространились слухи, что они по закону свободны от отбывания воинской повинности и могут отказаться идти на работу, если не будут взяты вместе с ними и богачи, и что, если не хотят их слушать, то в этом виновата местная власть, прикрывающая богатых в своих корыстных интересах. Это показалось слишком убедительным, и толпа на окраине города убила волостного управителя туземца, нежелавшего немедленно представить список, правильность которого возбуждала у населения не лишнее основания сомнение. После этого 13 июня 1916 года был убит начальник Джизакского уезда полковник Рукин, полицейский пристав Зотоглов¹ со своим спутником, выехавшие на место убийства волостного управителя. Сознание отступило на задний план, то здесь, то там убиваются ни в чем неповинные люди. Когда весть о Джизакской истории дошла до Ташкента, была снаряжена карательная экспедиция во главе с полковником Ивановым; через несколько времени полковника Иванова сменил полковник Красноярцев, который приказом от 3 августа, уже под угрозой беспощадного изгнания из г. Джизака и окрестностей кишлаков и садов, требует выдачи тех участников и подстрекателей к бунту. По истечении трехдневного срока населению Джизака приказано было выйти на площадь и перед выстроенными рядами солдат от него потребовали немедленно указать виновников происшедшего события. Была ужасная картина, - говорит местный священник, от. Морозов. Вид вооруженных солдат, готовых по первому приказу начальника карательного отряда Красноярцева расстрелять всех, внушал джизакцам неопи-суемый страх. Виновники должны были во чтобы то ни стало найтись именно среди этих несчастных; промедление в выдаче виновных грозило пролитием крови многих сотен, а может быть и тысяч жизней, плач и стон оглашали небо, и несчастные джизакцы, так неожиданно, непонятным образом очутившиеся в положении каких-то изменников, должны были принести в жертву несколько, может быть ни в чем неповинных, жизней. С закрытыми глазами они стали выталкивать из своей среды то того то другого. Некоторые из таких выдаваемых падали на колени и клялись в своей непричастности к эксцессам, умоляли оставить их.

¹ В подлиннике Заторгло.

Виновные таким образом были выданы и их увели в тюрьму, а населению предложили оставить город, который должен быть предан разрушению, Развалины туземного города Джизака, который насчитывал около 20.000 населения, сами говорят за себя. Ни одного целого здания, только мечеть, стоявшая на краю города, случайно избежала разрушения. Два пушечных снаряда пробили ее минарет. Город сравнен с землею. Город был предан перед разрушением разграблению. Карательная экспедиция заходила далеко в глубь Джизакского уезда и она не разбирала, кто причастен, кто нет, и расправлялась со всеми теми, кто носил туземный халат. Загнанные в соседний город¹ джизакцы в течение 2-3 недель не смели показываться на открытом месте: за ними охотились как за зайцами и попадавшимися на глаза оцепившему город карательному отряду грозила неминуемая смерть. Так погибли многие, мучимые голодом, оставившие свои горные убежища. Жители окрестных кишлаков с ужасом передают картину виденных ими убийств. Женщины и дети прятались в реках, ямах, прикрывались травой и листьями деревьев, ибо карательная экспедиция не щадила и их. Нет возможности передать, что представлял из себя Джизак и окрестные кишлаки. Указанные нами события — прямой результат краевой политики и отсутствия со стороны краевой организации разумных мер. Высшая администрация успокоилась на определении числа подлежащих набору рабочих от каждого города, на требовании немедленного составления списка привлекаемых на работу. Низшая администрация увидела в этом богатейший источник для поборов и взяток. С одной стороны, состоятельные лица оказывались зачастую не внесенными в списки, с другой стороны, этапы² многих подгонялись под требования инструкции. Отсутствие метрических записей у туземцев давало администрации полную возможность определять по своему усмотрению возраст того или другого лица. Ловкие люди начали ловить рыбу в мутной воде краевых неурядиц. Население требовало внесения в списки лиц соответствующих возрастов и исправления неправильностей в определении возраста. Когда в тех или других случаях население грозило обращаться с жалобами к начальству, это истолковывалось в смысле противодействия, и в результате возмущение против областных³ управителей, закончившееся

¹ так в подлиннике. Вероятно — горы.

² Так в подлиннике.

³ Так в подлиннике. Очевидно — волостных.

убийствами. Во всех этих случаях высшая администрация сейчас же принимала сторону низшей, и справедливые жалобы населения не только оставались без уважения, напротив – вызывали крайне репрессивные меры. Право ли было население в своем протесте и раздражении, можно судить, хотя бы из следующих примеров. Остановимся на способе исчисления нужного количества рабочих по городам. Исчисление делалось по числу номеров окладного листа, т.е. по количеству дворов в каждом городе, затем в каждом квартале независимо от числа жителей в них. Это обстоятельство часто создавало прямо-таки невыносимое положение, выхода из которого не мог найти никто. Случалось, что требуемое количество рабочих с квартала превосходило число лиц мужского пола в возрасте от 19 до 43 лет. Например, в квартале Кур... в Самарканде всего 100 дворов, требовалось рабочих 90. Мужчин в возрасте от 19 до 43 было 30. Далее бывали случаи, когда одно и то же лицо, владелец нескольких домов в городе или в разных городах, должен был согласно вышеприведенному распределению выставить несколько рабочих. В списки домовладельцев попадали и бездетные женщины и вдовы; туземная низшая администрация аккуратно вносило все дома в списки и требовала выставлять рабочих; введенные откупа, т.е. замена себя другими лицами путем найма по взаимному соглашению, еще более вносило беспорядок. В результате открытой спекуляции рабочими цены были взвинчены до крайности: те, которые раньше соглашались идти за когонибудь за 75-100 руб., теперь стали требовать 200-300 рублей. Бывали случаи, что и за деньги не находили рабочих, их просто не хватало. Бездетные вдовы, все имущество которых состояло из жалкого двора, вынуждались продавать этот двор, чтобы выполнить рабочую повинность. В Ташкенте, Самарканде, Андижане можно было видеть женщин, которые падали ниц, со слезами на глазах умоляя довести до сведения белого царя о безвыходной их положении. “Мы знаем, нас здесь обманывают, ибо царь никогда не издаст такого повеления, чтобы мы так страдали, и в то же время в рабочие записывали больных, разбитых параличем, ссылаясь на то, что потом доктор разберет. Только при помощи денег такой больной мог спокойно доживать остаток своей жизни. Деньги должны были платить не только те, которые нанимали вместо себя другого, но и те, кому это и не надо было. Дворовладельцы, которые фактически неставляли рабочих, должны были платить тем семьям, из которых уходили рабочие. Например, на

население Мархамат, той же волости, Скобелевского уезда, по разверстке пришлось 90 рабочих. Дворовладельцы, фактически не выставяющие рабочих, должны были давать этим 90 рабочих по 100 рублей на первое обзаведение и по 100 рублей семье каждого рабочего в течение 3-6 месяцев. Так же было в селении Найман. Таким же образом в Кулийской волости собрано было 12.000 рублей, в селе Асафи той же волости – 74.000 рублей. Эти денежные сборы заставляли постоянно прибегать к закладу всего, что у них имеется, отражаясь самым разорительным образом на их хозяйственном благополучии. Таким образом, выходило, что вследствие отсутствия подробных правил о порядке набора рабочих население отбывало двойную повинность: рабочую и денежную. Однако, отдавая деньги, население не было уверено, что они будут находиться в целости, и употреблены полностью по назначению. Необходимо отметить, что нанятыми за деньги оказывались кашгарцы, китайские подданные и к... к...¹ бухарские подданные. Администрация их записывала без надлежащей проверки документов, удостоверяющих их личность. Констатируя возбужденное состояние туземного населения, высшая краевая власть до приезда Куропаткина сгущала атмосферу края самыми изнурительными мероприятиями из цикла “тащить, не пущать и гнуть в бараний рог”. При первых возбуждениях среди населения туркестанские власти издают распоряжения, коими всем туземцам запрещается ездить по железной дороге без особого разрешения администрации. Каждый раз, когда кому-либо из туземцев необходимо по личным, семейным или торговым делам проехать несколько верст по железной дороге, он должен испрашивать особое разрешение. Одно такое мероприятие в состоянии самого смиреннейшего человека привести в ярость. Что это за власть, которая каждого туземца готова заподозрить в самых преступных замыслах и на основании этого лишить основного, необходимого права для мирной жизни, права свободного передвижения, и росчерком пера многолюдный край с кипучей промышленностью в городах обращают в сплошную тюрьму. Но этого мало. В этой тюрьме каждого русского человека делают тюремщиком и владыкой, если не над жизнью, то над кошельком туземца. Был издан приказ об обязательном приветствии офицеров и чиновников всех ведомств и всех рангов вставанием и поклонами. Вдумайтесь, г. г., только в смысл этого приказа. Какое унижение

¹ Так в подлиннике. Вероятно кара-киргизы.

человеческого достоинства даже для нашей русской действительности, где личность обывателя не ограждена произвола и насилия полицейских властей. Этим приказом думали поднять престиж русской власти. Но этот престиж они втоптали в грязь, и имя русского чиновника обратили в угнетателя и поработителя. Вот такую услугу этому краю оказала русская бюрократия. Я не буду подробно останавливаться на том, какие последствия имели бы в край указанные мною распоряжения, если бы их не отменил новый Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин. Скажу лишь, что приказ об обязательном приветствовании служил во многих городах и поселениях Туркестана поводом к крайне возмутительным сценам насилий и издевательств над туземным населением. Этот приказ стал грозным оружием в руках всех чиновников, которые сразу оказались облеченными правительственной властью, и давал возможность и право подвергать туземцев за непочтение ослушанию распоряжению власти наказаниям, нигде предусмотренным, побоям. Наказания эти снимались с определенной суммой, смотря по общественному положению провинившегося. Некоторые чиновники и сами иски, случая, как бы напомнить туземцам об их новых обязанностях. Можно было наблюдать картину, как почтенный туземец, глубокий старик, силится скорее слезть с лошади, чтобы, скрестивши руки на груди, приветствовать какого-нибудь канцелярского чиновника с кокардой и ведомственными пуговицами. Многие интеллигентные туземцы, желая подвергаться унижениям, избегали выходить на улицу, и целые дни принуждены были просиживать до Сарта били за то, что он не заметил ехавшего сзади полицеймейстера, не свернул с дороги, не слез с лошади, не поклонился ему; били его за то, что он; занятый отпуском товаров покупателю, не вышел из-за прилавка и не поклонился проходившему в то время по другой стороне улицы чиновнику. Нужно ли говорить и распространяться о том, что полицейские чины ходили по базару, искали встречи состоятельными туземцами, устраивая своего рода облавы. Многих трудов и сил материальных стоило туземцу получить разрешение на проезд по железным дорогам края, и в таком случае он, заручившись разрешением администрации, не был уверен, что поедет в нужное ему время. Бывали случаи, когда туземец, даже с железнодорожным билетом, попадал вместо вагона в арестный дом, ибо второпях не поклонился какому-то ретивому чиновнику. Беспремерные административные (не слышно) сейчас же по приезде генерал-губ

натора Куропаткина в Туркестане могут служить яркой иллюстрацией вакханалии хищничества, злоупотреблений, насилий, поборов краевой администрации. В течение нескольких недель Куропаткин уволил десятки должностных лиц, начиная с мелких административных сошек до губернатора включительно. В Сыр-Дарьинской области он уволил губернатора Галкина,...), губернатора Гиппиуса, полициймейстера русской части Ташкента Качана, туземной части Колесникова, начальника Кокандского уезда Мединского. Из четверых приставов Коканда уволено три, полициймейстер г. Коканда Игнатюс, полицейский пристав Самарканда Алексеев, начальник Кокандского уезда...¹⁾ К...) Ферганского уч., пристава С...) и т. д. и т. д. Мы далеко не обольщаемся миссией генерал-губернатора Куропаткина в Туркестане, мы не думаем, что указанная нами чистка администрации была бы результатом особой симпатии Куропаткина к туземцам в Туркестане, или возвещала бы какую-нибудь новую эру в жизни этого злополучного края. Мы думаем, что это просто акт элементарной справедливости. Куропаткин так же высоко держит знамя престижа русской власти края, как его предшественник. Во имя этого престижа Куропаткин не остановился перед принятием мер, нарушающих ту же справедливость, которую он обнаружил в деле чистки краевой администрации. Куропаткин, в видах возмездия за убийство русских людей приказал, кроме той кары, которую виновные понесут по суду, конфисковать те земли, где пролита русская кровь. При этом туземцам, проживающим на этих землях, разрешено убрать свой посев и взять другое имущество, оставив неприкосновенными насаждения. Конечно, несчастным жителям, подвергнутым ужасам карательной экспедиции взять нечего – хлеба, посевы, имущество, разграблены, уничтожены. Теперь же они лишаются последнего права на землю. Не странно ли, русская краевая власть в момент великой войны занимается экспроприацией имущества своих собственных граждан. Какая ирония – для власти оказывается недостаточным ни действие карательной экспедиции, ни работа военных судов: ей нужно для поддержания своего престижа прибегнуть к экстраординарным мерам – провозглашать принцип конфискации земель, где пролита русская кровь. И вот власть, в лице своего наиболее справедливого и благожелательного представителя, не считает нужным задуматься над тем, не падает ли суровая экспроприация земли на долю всех, кто

ни в коем случае не причастен, кто только имел несчастье жить вблизи тех мест, где разыгрались кровавые события. Так, жители селения и дачи 3. ...¹⁾, где конфисковано 400 десятин земли, 29 августа сего года обратились к Туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину предписать произвести дознание и когда будет выяснено, как не причастны жители 3....²⁾ к тяжелым преступным событиям. так и в немедленном выполнении ими требований власти, приказать освободить их от наложенной на них кары. Вот все, г. г., что мы считали нужным сказать Вам о Туркестане. Теперь я позволю себе изложить перед вами события происходившие в Степных областях. И здесь такая необычная мера, как призыв на работу сразу 25 возрастов, не могла не вызвать среди киргиз Степного края волнений. И здесь местная администрация, как бы с умыслом, принимала шаги, которые не могли водворить спокойствие, но наоборот. Прежде всего, призыв начинается проводиться в жизнь с чрезвычайной поспешностью; в К...²⁾ высочайшее повеление, объявлено 6 июля; в тот же день губернатор предписал всем крестьянским начальникам немедленно приступить к осуществлению высочайшего повеления. Этими крестьянскими начальниками первым днем приема для всего уезда было назначено 15 июля. Крестьянский начальник первого участка Уральской области для представления списков назначил три дня срока. Эта поспешность сопровождается полной неизвестностью, как будет производиться набор, какими правилами будут руководствоваться лица, призванные проводить высочайшее повеление в жизнь. Отсутствие ясно выработанных правил значило для встревоженных киргиз, что судьба их будет зависеть от усмотрения нижних чинов администрации; а как усмотрение последний могло бы отразиться на них, с этим киргизы были очень хорошо знакомы в их повседневной жизни. В это же время попытка выяснить некоторые вопросы, связанные с призывом, не увенчалась успехом. Местная власть не давала удовлетворительных объяснений; некоторые, как крестьянский начальник 1-го участка Кустанайского уезда Назаров, просто не принимали представителей киргиз, гнали их вон палками, а большинство сами не знали. Население естественно начало волноваться и на севере всплыли те же самые репрессивные меры, как в Туркестанском крае. Например, киргизы, собравшиеся 15 июля в

¹ Так в подлиннике: вероятно-Заамин.

² Так в подлиннике.

Кустанай узнать, какие новые распоряжения последовали по призыву, были арестованы по телеграфному распоряжению губернатора; 18 июля они все были подвергнуты медицинскому освидетельствованию и, независимо от возраста, многие из них взяты на работы. В то же время шла недопустимая вакханалия злоупотреблений со списками. Отсутствие метрик, по которым можно было определенно установить возраст призываемых, давало местной власти полный простор действий Представители последних воспользовались этим случаем не только для сведения личных счетов, но главным образом и для пополнения своего кармана. В некоторых случаях безответственная торговля списками переполняла чашу терпения народа, в результате — самосуд. Вот та почва, на которой произошли эксцессы, имевшие место в Степных областях. Злоупотребления туземных должностных лиц сопровождались полным административным произволом их ближайшего русского начальства. Поразительную картину злоупотреблений и хищничества рисует поданная мусульманской фракции от 29 ноября 1916 г. записка киргиза из внутренней киргизской орды Астраханской губернии. Я не буду утомлять вашего внимания приведением полностью второй записки, сообщу лишь краткое ее содержание. В записке этой говорится о тех безобразиях, которые творили уполномоченные по набору киргиз Талапской и Камыш-Самарской части Астраханской губернии Аракчеев, правитель Камыш-Самарской Карабай, врач Тихомиров, учитель Карабаев, волостной старшина №6 волости Талапской части Хараджан. Лучшая часть многочисленной киргизской интеллигенции, стремившаяся к борьбе с беззаконием и взяточничеством со стороны некоторых уполномоченных, была загнана и многие подвергнуты аресту. Средством для незаконного получения денег служила власть Аракчеева, пользующегося советами учителя Карабаева и медицинскими познаниями врача Тихомирова, установившего даже таксу за освобождение, от 500 до 1000 р. Идя навстречу требованиям своего народа, некоторые аксакалы возбуждали ходатайства перед представителями власти о принятии мер, соответствующих условиям их быта. Эти ходатайства в большинстве случаев встречали оценку отрицательную, а сами ходатаи подвергались административным взысканиям, арестам и ссылкам.

П р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Заседание Государственной Думы должно было закончиться в 11 час. Может быть, Государственная Дума разрешит оратору

закончить свою речь, ему осталось четверть часа. (Голоса просим, просим.)

Джафаров. Член Государственной Думы 1-го созыва Колыманов был выслан из пределов Астраханской губернии по распоряжению губернатора за то, что 8 июля в Ханской ставке, поднося хлеб-соль Астраханскому Губернатору, просил от имени киргизов предоставить им разные льготы, вызываемые бытовыми условиями, их жизни. 22 июля все собравшиеся станы и почетные киргизы 8 волостей представлялись Тургайскому губернатору и подали прошение, в котором объясняли волнения в степи не противодействием поселению, а единственно непониманием смысла акта. Они просили повергнуть на благоусмотрение государя императора их нижеследующее ходатайство об отсрочке уборки хлеба и сена, об оставлении по одному рабочему на семью, об исправлении списков самим обществом, о правильной постановке медицинского освидетельствования. В ответ на это Тургайский губернатор им и ответил: вы вздумали бунтовать, смотрите – женщин, детей, стариков и старух-всех истреблю, никого не оставлю. Во исполнение своей угрозы Тургайский губернатор послал в разные районы степи карательные отряды. По примеру Тургайского губернатора были посланы и в другие области Степного края карательные отряды. Образцом походов этих карательных экспедиций может служить следующая корреспонденция, посланная в одну из столичных газет, так и не увидевшая света: “Прошу напечатать настоящую корреспонденцию событий, которые действительно имели место и доведены как телеграфно, так и по почте до сведения Семипалатинского губернатора, теперь же, просим редакцию напечатать. Мы, киргизы, желаем, чтобы то неслыханное зло, которое совершено над нами, стало достоянием всей России и тем было обращено внимание на наше положение. При объявлении призыва о привлечении киргиз реквизиционным порядком к работам в районах военных действий население, не понимая в чем дело, сначала в панике бежало, а потом, рассудив создавшееся положение, решило подчиниться и дать рабочих. Не несмотря на это за побег киргиз в наш второй участок Зайсанского уезда Семиреченской области, был отправлен карательный отряд (не слышно) Зайсанский уездный начальник Кублицкий пристав первого стана Болдышев, казачий офицер Красноперов. Киргизы, узнав об этом, были обеспокоены, но большинство в уверенности, что во главе отряда находятся интеллигентные лица, которые, увидев покорное население

не допустят насилий и разгрома. Отряд был встречен, как говорится, хлебом и солью, все его требования моментально исполнялись, но, несмотря на все это пошли такие карательные действия, что дни пребывания их кажутся нам кошмарным сном. Во главе экспедиции был становой пристав Болдышев; теперь детей в степи пугают Болдышевым и при его имени унимается плач. Под руководством и командой Болдышева казаки избивали киргизов, отнимали деньги, одежду, лошадей, кошмы, подушки, одеяла, изнасиловали женщин. Далее благодаря его, Болдышева, воздействию было в ход пущено огнестрельное оружие и, по сведениям, убито более 10 киргизов, а по словам Болдышева убито более 50 душ. Исчезло понятие о собственности и праве, казаки брали все, что им было угодно. Киргизы, конечно, давали — мы были рады и тому, что оставались живыми. Разграбленные вещи казаки продавали в К...¹ и другие места. Какие вещи и какими лицами куплены указано в прошении, поданном губернатору. Наконец, экспедицией было арестовано весьма много лиц, совершенно невинных, многие из которых потом были выпущены следователем и товарищем прокурора. В итоге был полный разгром киргизов Кара-Буганской, Басарской, Карымской, Лавинской и других волостей, так что оставшиеся киргизы этих волостей, не будучи в состоянии более переносить все это, бросая имущество, скот, родную степь, с плачем и воем бегут на верную гибель, чтобы быть подальше от современного Атиллы. Картина бедствий киргизов была потрясающей. Мужья бросали жен и детей, дети родителей, даже были случаи, когда родители бросали малолетних ребят своих. Мы остановили, г. г. члены Государственной Думы, ваше внимание на тех событиях, которые произошли в Степных областях и в Туркестанском крае. Теперь я позволю себе в нескольких словах остановить ваше внимание на том, в каком положении находятся призванные, в районе военных действий, рабочие. К нам обращаются с массой писем и лично находящиеся на работах киргизы и сарты. Я позволю себе привести маленькую выдержку из одного письма, направленного на имя мусульманской фракции. "К взятым на работах² киргизам применяется строгий тюремный режим. Не допускают к ним родственников для свидания. Разговаривать приходится через щели ворот. За передачу пищи стоящие у ворот солдаты берут деньги. Нет никакой возможности описать

¹ Так в подлиннике.

² Так в подлиннике.

и передать всех деяний прапорщика Елизарова, очевидно начальника партии рабочих. За самые малые провинности он бьет нагайками. Побои солдат не прекращаются при отправлении рабочими своих естественных нужд. Около 23 ноября 6 рабочих, отпросившихся у старшего Бронникова, пошли домой ночевать. На другой день утром все они были наказаны розгами, и крики побиваемых были слышны на улице. Мы боимся назвать этих шесть несчастных, но при расследовании это будет подтверждено. Нужно было заменить этого начальника и на его место назначить более мягкого человека. Идти на работу мы готовы, но лишь бы освобождены от побоев. Слухи об этих побоях очень пугают киргизов. Двое киргизов рабочих, не будучи в состоянии выносить далее эти побои, подкупив приставленную стражу, убежали и обратно не вернулись. Слезно молим вас: освободите нас от побоев прапорщика. Нами послано письмо к депутату Дзюбинскому". Другое письмо гласит следующее: "По прибытии на место работ, рабочие были разделены на две партии, по 500 человек в каждой, и в главе каждой партии поставлен начальник из прапорщиков. Рабочие находятся постоянно под присмотром конвойных, которые сопровождают их на работы и не оставляют их ни часы отдыха. По доставленным сведениям, санитарные условия жизни рабочих невыносимы. Рабочие сильно страдают от сырости, работать приходится стоя в воде. Непривычные к суровому климату, жители Туркестана страдают в сильной степени ревматизмом, у многих рабочих появилась грыжа. Сыро и в бараках. За недостатком медицинской помощи больные рабочие остаются в бараках в течение нескольких дней без всякого присмотра. Жалобы рабочих на болезни и усталость вызывают со стороны начальника партии брани и даже в нередких случаях и побои. Особенно отличается своим рвением начальник 102 партии. Начальник партии без всякой видимой причины подвергает рабочих побоям, угрожая расстрелом. Одним из видов наказания является карцер, куда сажают на 2-3 суток на хлеб и на воду. Существует также система штрафов. Помимо взыскания за провинности, вычитывают с рабочих за сломанный топор 13 р. 50 коп., за сломанную пилу - 19 р. 50 коп., и в результате подобных вычетов из платы и 30 рублей в месяц заработок некоторых рабочих выражается в весьма мизерной сумме. Заканчивая свою речь, я должен еще раз подчеркнуть, что незакономерно изданный акт о призыве инородцев на окопные работы был проведен в жизнь с целым рядом правонарушений, как высших властей, так и низших, сопро-

вождался целым рядом насилий над туземным населением, вел к расхищению и гибели их экономического благосостояния. Такая глубокая, прискорбная картина разрухи нашей внутренней жизни, и эта картина – прямой результат работы власти, привыкшей бесконтрольно и безответственно хозяйничать в стране, власти, вскормленной историческими традициями насилия и угнетения народа, власти, которая устами военного министра не стесняется, открыто заявить о том, что для нее закон не писан. Вспомните, г.г., заявление военного министра Шуваева в военно-морской комиссии: “быть может, я и превысил власть, – говорил он, – и впредь буду превышать, если это найду нужным”. Если таково понятие о законности у представителя высшей власти, то, что же можно ожидать от агентов власти на местах; но нам все же хочется верить, что настанет день законного возмездия и в этот день будет, наконец, развернут том закона и прочитана ст. 341 Уложения о наказаниях, которая за превышение власти карает ссылкой в арестантские отделения с лишением всех прав состояния. ¹⁾).

**Стенографический отчет Государственной Думы Четвертый
созыв, сессия V, заседание семнадцатое, четверг, 15
декабря 1916 г. в закрытом
заседании**

Председатель Принято. Переходим к следующему пункту повестки:

Член Думы кн. Мансырев.

Кн. Мансырев (Гор. Рига). Гг. члены Государственной Думы. Прежде всего я считаю нужным заявить, что я вполне присоединяюсь

Председательствующий гр. Бобринский. Господа, пожалуйста, без шума. Будьте добры занять места и слушать оратора. Благоволите сесть, господа.

Кн. Мансырев². Я прежде всего должен заявить, что я вполне присоединяюсь к той картине, которая нарисована предыдущими ораторами по настоящему запросу, именно депутатом Керенским и депутатом Джафаровым, рисующим

¹ Конец стенограммы заседания 13 декабря опущен как не имеющий отношения к теме сборника (объявление повестки следующего заседания и т. п.).

² кадет.

общие условия возмущения в Туркестане против несправедливо и незакономерно принятой системы привлечения местных жителей к окопным работам и дикой с ними за это расправы. Равным образом я присоединяюсь к запросу и в смысле его юридической конструкции, подчеркивая положительную незакономерность проведения этой меры со стороны как председателя совета министров, так и отдельных министров. Лично я имел в виду лишь перед вами изложить те общие условия, в которых население Туркестанского края находится со времени присоединения его к России, указать на связь между этими общими условиями и недавно разыгравшимися в высшей степени прискорбными событиями. Когда депутат Керенский говорил свою речь, мне живо вспоминались мои личные впечатления в Туркестанском крае, где я провел свыше трех лет в качестве чиновника. И вот с особенной наглядностью передо мною оказались те два впечатления, которые врезались мне в память при первом же моем пребывании в Туркестане. Первое-это, когда я совершал первую же свою служебную поездку, то посреди дикой, заброшенной и некультурной степи я увидел огромные, тянущиеся на десятки верст овраги, без малейшего признака в них находящейся власти, а от этих оврагов шли каналы различной величины в разные стороны. Я затруднился на первый раз при определении значения этих оврагов и каналов, мне объяснили, что это остатки тех ирригационных сооружений, которые возведены были еще и XIV XV, и XVI веках, во времена Тамерлана и его ближайших преемников, для Орошения земель Туркестанского края. Итак, первое впечатление было то, что за много веков до присоединения края к России этот край уже обладал большими и прекрасно оборудованными ирригационными сооружениями, которые оказались заброшенными при господстве русского правительства. Край, когда-то бывший житницей Средней Азии, край, когда-то производивший громадное количество хлеба и всяких других продуктов земледельческих, оказался заброшенным и вымершим; а вторая картина, которую я с особой наглядностью вспоминаю – это первый же мой приезд в качестве податного инспектора на один из местных базаров. Я ехал в сопровождении своего служителя, по-тамошнему джигита. И вот, подъезжая к базару, в версте от него расстояния, я увидел, что джигит мой внезапно остановился и должен был приостановиться сам. Навстречу нам выехало каких-то несколько незнакомцев из туземцев, которые имели краткое совещание с джигитом, и затем мы все тронулись

в путь в сопровождении этих незнакомцев. Когда мы были в нескольких десятках саженой от базара, то внезапно во весь карьер незнакомцы, так же как и мой джигит, помчались на базар, врзались в тысячную толпу, которая была на этом базаре, и начали из всех сил угощать присутствующих там торговцев и покупателей ударами нагаек, не разбирая, по чему эта нагайка попадает - по спине, по лицу или какомунибудь другому месту. Конечно, в совершенном изумлении я старался остановить такой набег, но меня никто не слушал, и наконец только впоследствии я узнаю объяснения всему происшедшему. Оказывается, это в обычае для внушения наибольшего почтения к местным чиновникам, практикуются такого рода встречи туземного населения с представителями русской власти... (Смех слева) ... "трепещи и бойся". Но если даже трепетать будешь, то все-таки удар нагайки в физиономию получишь. Вот эти две картины - с одной стороны, запущенные арыки, омертвелые в смысле земледельческой области, которые я впервые посетил после 30 лет их присоединения к России, а с другой стороны - нравы, живописующие бытовые и административные условия. Это, господа, общая схема, в которой протекает жизнь Туркестанского края. Не спорю, может быть в настоящее время, через 15-16 лет после моего отъезда, многое успело измениться; не стану отрицать, что в смысле земледельческом много с тех пор сделано, в особенности за время деятельности Государственной Думы, что многие пустыни уже орошены, но по известным, достоверным сведениям, тем не менее, старые арыки остаются заброшенными, затем минимальная часть площади, бывшая когда-то орошенной, теперь вновь орошена, а административные нравы, господа, может быть несколько смягчились, может быть, теперь правильных набегов на население и не производится, но частичные случаи все-таки проскальзывают и проглядывают. Для того чтобы нарисовать вам общую картину состояния местной администрации как туземной, так и русской, позвольте, прежде всего, обратить ваше внимание на то, откуда сначала вербовался кадр туркестанской и русской администрации. Вы, господа, все знакомы с сочинением Щедрина "Господа Ташкентцы", там изображены типы этих господ, которые, не находя себе пристанища нигде в России и обладая вместе с тем очень большими аппетитами и неким позывом к власти, отправлялись на наши отдаленные окраины и там насаждали русскую культуру. Эти "Господа Ташкентцы", очень хорошо изображенные во всех проявлениях своей административной

деятельности в одном теперь уже забытом романе Ильина, когда-то напечатанном в журнале “Неделя” 1872 г. (“В новом краю” — называется роман¹), оставили после себя потомство, и так как на окраине, при этом далекой и неблагоустроенной в смысле житейском, неохота была жить сколько-нибудь обеспеченным людям, людям, сколько-нибудь могущим найти приложение своего труда в центре России, то даже и потомки этих господ ташкентцев оставались в краю, воспитывались в своей среде, не получая дальнейшего образования, высшего почти никогда, среднего весьма редко, и наполняли собой, одно поколение за другим, кадры административных служащих в Туркестанском крае. Когда я туда приехал, через 30 лет слишком после присоединения края к России, то я на месте чиновничества тамошнего застал касту, касту отдаленную как от русского чиновничества, так и от местного населения и даже от пришлых чиновников, командируемых туда со специальными какими-либо поручениями, касту замкнутую в самой себе, самодовлеющую и самодовольную, которая смотрела на себя как на настоящих и единственных хозяев в крае, перед коими край должен трепетать и воздавать почести и мзду. Взятничество развито было до архи-возможных пределов, и под всяким благовидным или неблагоприятным предлогом, натурой или деньгами, оно всюду и везде практиковалось, как необходимое подспорье к получаемому содержанию и зачастую превышая его. Поборы производились по всякому поводу всякого административного исправления обязанностей. Наряду с этим, признаком хорошего административного тона считалось постоянное крайнее отчуждение от местного населения, выражение всяческого ему презрения и недоверия, взгляд на туземное население как на низшую расу, не способную ни мыслить, ни чувствовать. Частичное выражение подобные взгляды находили себе в таких набегах, о которых я вам рассказывал, но и в различных других случаях это отчуждение, это презрение проявлялось всегда и везде. Достаточно указать вам, например, на то отношение к туземным женщинам, которое практиковалось сплошь и рядом со стороны местной администрации. Лично я знал нескольких бойких участковых приставов, которые думали насаждать русскую культуру в Туркестане тем, что сурово заставляли обнажать лицо, в своем присутствии, что перед начальством она не смеет закрывать

¹ Роман Ильина “В новом краю” напечатан в журнале “Книжки недели” за 1886 год.

своего лица. Между тем, известно, что в Туркестане закрытие лица у женщин есть необходимое условие ее выхода на улицу куда бы то ни было и разговора с посторонним мужчиной. Этим крайне оскорблялось народное чувство и народный обычай, но, конечно, это не принималось ни в какое соображение. Другой случай, — когда были начаты работы поземельной податной комиссии, то некто иной как г.г. ташкентцы комиссары земельно-податные, лишенные всякого образования и искусившиеся (?)¹ лишь в списывании бумаг в податном управлении, эти комиссары были призваны устроить хозяйственно-податную часть края, производить опись земель, и исчисление окладом нового поземельного налога. Можете себе представить, как справедливо было распределение этих ставок и как хорошо было сделано хозяйственно-экономическое описание земель, которые обследовали эти чиновники областного правления, с течением времени достигшие звания комиссаров. Но более того на комиссаров было возлагаемо исследование в подлинности так называемых вакуфных документов, которые предоставляют на вечные времена по воле жертвователя недвижимых имуществ доход с этих имуществ в пользу мечети и благотворительных учреждений. Комиссары должны были, не зная ни аза по местному наречию, должны были исследовать подлинность этих документов, написанных на туземных языках, и сообщать свое заключение о том, насколько они действительны. Я пробыл на службе в Туркестане три с лишком года и за эти три с лишком года принимал участие в работах поземельно-податной комиссии и не помню ни одного раза, чтобы какой-нибудь вакуфный документ был признан подлинным: все они по заранее установленному обычаю и плану признавались подложными. Этим существенно нарушались права религиозных и благотворительных установлений мусульманских и питалось вместе с тем то возбуждение и то скрытое противодействие иноверному (т. е. русскому) влиянию, которое исходило со стороны того самого духовного органа, о котором вам говорил деп. Керенский, это ишаны, именно на почве признания всех вакуфных документов подложными, эти ишаны и строили свою пропаганду, которая к счастью, должен отдать справедливость местному населению, цели тем не менее не достигала. Но рядом с русской администрацией там находится администрация туземная в лице волостных управителей и волостных старшин. Это по

¹ Вопросительный знак в подлиннике.

закону полувыборные и полуназначенные должности. Население местной волости или сельского общества составляет списки избираемых лиц, которые утверждает местная администрация, причем администрация может отменить выборы по своему произволению, может вместо отмененных назначить новые, а может и никаких выборов и не назначать, а назначить должностных лиц прямо по собственному усмотрению. К этому приему-назначению собственных кандидатов-прибегают сравнительно редко, но что подкупы и всякого рода злоупотребления играют при этих выборах, а также при утверждении выборов самую большую роль, это мне бросалось в глаза с первого дня моего пребывания в крае, до самого последнего дня. Бывали случаи в мое пребывание там, что волостной управитель, получающий по закону жалования не больше 500 руб., должен был истратить до 30 тыс. рублей для выбора своего в должность волостного управителя, а срок его службы трехлетний, и следовательно, можете себе представить, сколько он должен был вернуть с местного населения, чтобы уплатить эти 30. 000 р, затраченных им при выборах. Взяточничество уже здесь достаточно было описано прежде говорившими депутатами, я только подтверждаю с своей стороны все то, что они сказали, но кроме неудачного состава административного, русского, и судебного, самую пагубную роль в управлении местного края играло архаическое, совершенно неприноровленное к действительным условиям жизни, устаревшее и безграмотно написанное положение об управлении Туркестанским краем, которое введено в действие 30 лет тому назад, т.-е. в 1886 г., в то время, когда край не представлял собою окончательно замиренной и присоединенной органически к России местности, когда интереса военного мира выступали на первый план, когда в жертву этим интересам военным по необходимости должны были приноситься все культурные интересы. Но жизнь все-таки, несмотря на крайне медленный ее темп, шла вперед, потребности богатейшего края развивались, хозяйственные его условия усложнялись, а положение 1886 г. оставалось на прежней точке неизменным. Этот край, единственный в России, изъят из порядка общего управления министерства внутренних дел и передан в ведение военного министерства со всеми обязанностями должностных лиц, занимающих административные места, и ведению военного министерства принадлежат всякие экономические, хозяйственные, торговые и какие-либо другие культурные стороны жизни. Что из этого происходит, я не стану останавливать вашего

внимания, скажу только, что несомненно военно-народное управление в Туркестане, устаревшее положение 1886 года представляет собою один из сильнейших тормозов к тому, чтобы эта окраина давала хотя бы минимальную долю того, что она могла бы дать при более нормальных условиях, и чтобы она перестала быть постоянно убыточной для центра России. Но в этом положении 1886 г. по отношению к туземцам мы встречаем до сих пор действующую пресловутую статью 62, которая позволяет и дает право каждому административному лицу за всякий перечисленный ниже проступок, — об этом я сейчас упомяну, — подвергать каждого туземца, частное лицо, взысканию до 30 рублей или аресту на 1 месяц уездным начальником и взысканию менее значительному и аресту менее продолжительному другим должностным лицом, участковым приставом или его помощником. Эта статья находит в себе самое широкое применение уже в силу того, что перечисленные в том же законе проступки, по которым статья эта может применяться, сами за себя говорят. Проступки эти следующие: например, “нарушение общественной тишины и спокойствия, шум, буйства, драки, грубость и неуважение к должностным лицам”. Г.г., согласитесь сами, что под понятие грубости и нарушения можно подвести все что угодно и покарать это в пределах предоставленной законом власти. Таким образом осуществляется в натуре как бы крепостное право администраторов над всем без изъятия населением, и это крепостное право несомненно влияет удручающе на психику народных масс, отданных таким образом на произвол чиновничьего населения. Если вы обратитесь к характеристике местного населения и послушаете местных администраторов, то несомненно перед вами будут развешиваться картины, с одной стороны, их крайняя некультурность, с другой стороны, крайне отрицательные типы их характера, преданность, вероломство, обман, неразвитость, лень и т. д. и т. д. Лучшим опровержением на это служит то интересное для края обстоятельство, что не далее как 6 сентября этого года в Ташкенте состоялся публичный доклад инспектора народных училищ Туркестанского края Кузнецова, который именно с точки зрения всех упомянутых мною пороков характеризовал местное население. Кузнецов, очевидно, типичный представитель местного Ташкентского чиновничества. Генерал-губернатор Куропаткин, присутствовавший при этом докладе, показал России пример, можно сказать, совершенно небывалый. Местный начальник края, облеченный громадной и ни с чем не

сравнимой властью, выступил диспутантом против доклада на этом публичном докладе и стал опровергать мнение Кузнецова, горячо встав на защиту туземцев, их культурные наклонности, их способностей в смысле труда и их способности к развитию во всех отраслях жизни, науки и промышленности. Возражения Куропаткина были встречены громовыми аплодисментами, каковых не удостоился Кузнецов, но характерно то, что зная, что в одном и том же помещении сидит человек, хорошо знакомый с населением местного края, местный чиновник позволяет себе такую характеристику, заведомо ложную, и дожидается того, что его публично опровергает высший его административный начальник. Если вы в настоящее время, после печальных событий в Туркестанском крае, побеседуете с представителями местной администрации, то в громадном большинстве случаев вы найдете указание на распространяющиеся там немецкие интриги, на то, что есть известные агенты тайные и полуявные, со стороны германизма, которые неустанно насаждают возмущение туземцев против России. Встретите вы и другие указания в смысле распространения идеи панисламизма и указания на то, что эти идеи встречают себе чрезвычайно благодарную почву и постоянно отклик со стороны местного населения. Но, г.г. справедливость всех этих суждений – она равна, пожалуй, тем данным, которые налагал г. Кузнецов в своем докладе о характере туземцев. Очень мне опять-таки припоминается то Андижанское восстание, которого я был свидетелем и. которое разыгралось в 1898 г. И тогда ведь не было недостатка в указаниях на инородческие интриги, с той, разницей, что теперь обвиняют немецкую интригу, а тогда указывали на интригу английскую, прошедшую из Индии через Афганистан. Если теперь упоминают этот панисламизм, то тогда также панисламизм всегда упоминался, только центром распространения этих панисламистских идей указывалась Турция, как теперь, а Афганистан и частью Персия. Постановка вопроса, идеология защитников этих интриг осталась совершенно одинаковой и, как я лично могу свидетельствовать, что Андижанское восстание сплошь было проявлено на точке зрения совершенно недопустимо отношения местной администрации; как и тогда, незадолго производившейся всеобщей переписи, появились связанные с этим слухи и только среди мусульманского населения которых никто не постарался сколько-нибудь рассеять, опровергнуть, так и в настоящее время полная аналогия того же: безобразно проведенное высочайшее повеление

незакономерность его исполнения, совершенный произвол, при этом допущенный со стороны всех от мала до велика на административной лестнице постоянные поборы, постоянные недоразумения и полное отсутствие, каких бы то ни было разъяснений со стороны местной администраций к местному же населению, — вот была истинная причина теперешних событий, по моему глубокому убеждению. И понятно, откуда выходят все эти толки относительно враждебных германских интриг или панисламистской пропаганды. Выходят ведь они со стороны всех тех господ, которые заинтересованы естественным образом, чтобы самим укрыться за этими интригами, чтобы этими толкованиями обелить себя в глазах у новой администрации и может быть даже центрального ведомства, чтобы самим остаться за известного рода щитом, за которым их труднее носить¹ при известном настроении в их пользу. Печальные события, разыгравшиеся в Туркестане, достойны величайшего сожаления и ужаса те жертвы, в особенности беззащитные со стороны русского населения, которые при этом погибли. Но вся вина как за эти жертвы, так и за десятки тысяч туземного населения, варварски истребленного после этого возмущения, вся эта кошмарная обстановка туркестанских событий в связи с проведенным наспех, и неудачно и незаконно, высочайшим повелением, все это лежит на совести тех господ, которые краем управляли и управляют в настоящее время. Если мы, г.г., сами наглядно до последнего дня, до вчерашнего вечера можем судить о подвигах тех бесчинных местных и центральных самодержавцев, которые всячески стараются доказать, что принцип “чего моя нога хочет” важнее в их глазах исполнения закона и чего бы то ни было, если мы видим эти подвиги здесь на наших глазах в столице под боком у нас, то, господа, предоставляю вам судить, до какой степени они способны возбудить местное население против себя, его нервировать, его расстроить, как это делается в далекой окраине, откуда сведения доходят до нас в течение недельного срока. Пока произвол этих господ местной администрации и центрального ведомства не имеющего даже надлежащей возможности наблюдать за ними, не будет вкоре изменен, пока не будет вкоре изменено местное положение об управлении краем, до тех пор, господа, всегда возможно происхождение таких или даже более тягостных кошмарных событий, свидетелями

¹ Так в подлиннике.

которых мы были в недавно прошедшее время. (Рукоплекания слева).

Председательствующий. Член Государственной Думы гр. Капнист 2-й.

Гр. Капнист 2-й¹ (Полтавская губерния) Г.г. члены Государственной Думы. И вышел на кафедру не для того, чтобы с кем бы то ни было полемизировать, не для того, чтобы опровергать данные, которые были здесь представлены членом Государственной Думы Керенским, наоборот, я хочу только дополнить эту картину, которую он вам нарисовал. Я вполне доверяю этой картине, но считаю, что она недостаточно полна. Дело в том, что он останавливался главным образом на тех ужасах, которые были произведены русской властью или русскими поселенцами, или вскользь коснуться² тех ужасов, которые произвели туземцы над русским населением. Эта часть осталась в тени и эту часть для полноты картины, по-моему, необходимо с этой кафедры осветить. Вот передо мною список тех селений одного только Пржевальского уезда, которые были почти дотла разрушены окружающими эти селения кочевниками. Чтобы не быть голословным и не только дать вам цифру, я укажу точно селения. Позвольте мне их перечислить (Читает): погибло 1342 мужчины и 1300 женщин, сожжено 969 дворов. Ведь, это, г.г., ужас, это разрушение почти всей колонизации, которая была произведена в одном только Пржевальском уезде Семиреченской области. Делались кроме разрушения и зверства, уничтожена и вырезана вся Пржевальская сельскохозяйственная школа, Секульский монастырь разгромлен, убито семь монахов, священник от. Роев был уведен в горы, острижен и за несогласие перейти в мусульманство расстрелян, его жена и дочь обесчещены. Как видите, картина самая отвратительная, но эту картину я привожу вовсе не для того, чтобы сказать, что Керенский хотел так или иначе извинить туземцев, что он обошел эту часть картины намеренно. Я уверен, что этого намерения не было у члена Государственной Думы Керенского, и у меня точно также, прошу вас верить, нет никакого намерения эту русскую кровь, которая пролита туземцами, сложить только на туземные головы. Я видел и знаю, что такое движение толпы, мне приходилось видеть в 1905 г. разгромы и аграрные беспорядки. Я видел эту пьяную озверевшую толпу, которая решительно ничего не сознает, готовая на

¹ Октябрист, Полтавский помещик.

² Так в гдлиннике.

всякие зверства, на истязания животных, у коров выдирают языки, попадается ли женщина, ребенок — готовы уничтожить и растерзать это человеческое существо. Стихийное движение толпы всегда одинаково и всегда к одинаковым последствиям оно ведет. Но вот позвольте вам сказать, как я узнал о том, что произошло здесь в Петрограде и затем в Туркестане, о том, что состоялось высочайшее повеление о призыве инородцев в войска с (указанием возраста призыва от 19 до 43 лет; я узнал это от нашего исправника по телефону, он мне обыкновенно вечером читал все агентские телеграммы, которые приходят. И вот, когда я услышал это по телефону, я сказал: да позвольте, я совершенно уверен, что через неделю Туркестан будет объявлен на военном положении. Через неделю так и оказалось. Отчего это произошло, отчего я, сидя в Золотоношском уезде, Полтавской губ, мог представить себе то, что будет? Да оттого, что я пробыл год в Туркестане, участвовал в ревизии сенатора гр. Палена, ознакомился с Туркестаном, и для меня было совершенно ясно, что те события, которые имели место, они не могут не случиться. Почему это для меня было ясно, да вот почему: я горячий сторонник русской колонизации Туркестана, но я всегда был противником того, как она производится. Ведь в закрытом заседании, не боясь разжигать каких-либо страстей русских или инородческих, можно открыто говорить. Я знаю, как, производились отводы земель инородческих, во многих случаях, для упрощения, вовсе не со злым намерением душить туземцев, — но туземцев грабили... (Голоса слева: верно)... и грабили как: ведь проще отвести большой кусок в окружной меже, не разбираться в том, что может оказаться в этой окружной меже. А в этой меже иногда оказывались, и пахотные поля орошенные, и клеверники, и мечети, и кладбища и т. д, но они попались в этот круг и кончено. Несомненно что это проще, но такого рода упрощенная колонизация она в то время в 1909 и в 1910 году давала намек на то, что может случиться и там в Туркестане 2691 ст., т.е. аграрные беспорядки, которые бывали и у нас в России, — в России между землевладельцами и крестьянами, а там между поселенцами и туземцами. Русской власти в Туркестане собственно нет, там на пространстве 90.000 кв. верст, я вам приведу пример Кокандского уезда, там один пристав и больше ничего. И вот, один из очень умных уездных начальников Семиречья в разговоре со мной он даже мне записку такую дал - говорит, что чем и на чем держится русская власть в Туркестане одному богу известно,

только на полной покорности и благодушии инородцев и Николае Чудотворце... (Голос слева: верно).. Вот, собственно, следовательно положение: обостренное отношение инородцев к русским поселенцам, при чем и русские поселенцы, нужно сказать, многие из них, там элемент весьма нежелательный. Только на том основании, что мы кровь проливали, какую там кровь проливали, потому что это было до войны, мы кровь проливали, так вот пожалуйста отводите нам туземные земли, и с туземцами обращались довольно скверно. Вот обостренные отношения между туземцами и русскими поселенцами, когда война уже начиналась, и затем отсутствие всякой физической силы у русской власти, при этом отсутствие каких бы то ни было посемейных списков среди инородческого населения, как вам уже Керенский говорил. Администрация, вся низшая администрация выборная. На выборы в Семиреченской области волостной управитель затрачивает в среднем не менее 20.000 р. Это картина, господа, совершенно особая, ведь выборная агитация идет там чрезвычайно долго, кончается иногда убийствами. При мне, например, лежали 7 трупов в горах, до них следовательно никак не мог доехать. Я спрашиваю: “что это у вас здесь за 7 трупов?” – “Этс выбирают волостного управителя “ Волостные управители, которые затрачивают на выборную агитацию столь много средств, естественно желают их возратить, и вот начинаются выборы. Большинство выборных представителей этс форменные грабители всего туземного населения; следовательно, при отсутствии посемейных списков и при том условии, что списки призываемых в окопы должны были производиться этой туземной администрацией, вы прекрасно себе представляете, что из этого должно было выйти. Начались, очевидно, поборы со стороны волостных управителей, начался подмен одних лиц другими, на этой почве недовольство, на этой почве побоища и трупы в пределах волости. В связи этого всего еще панисламистская пропаганда. Я не стану начисто вообще ее отрицать, по-моему, начисто отрицать присутствие какой бы то ни было панисламистской пропаганды, было бы неверно. У меня никаких реальных данных нет для того, чтобы сказать, что она именно теперь есть и какова ее форма, но что в Туркестане имеются фанатики религиозные, для меня тоже ясно. Вот, с нынешним товарищем нашим по Думе князем Васильчиковым мы вместе были в Самарканде, рассматривали там мечеть – одну из самых красивых старых мечетей. И вот, в этой мечети имеется внутренний двор. Вокруг всего

этого внутреннего двора ряд келий и в этих келиях сидят студенты, студенты, которые обучаются корану. Студенты эти сидят там 25 лет — обучаются корану, и вот если бы каждый из вас посмотрел на глаза этих студентов, обучающихся корану, то он бы их навек не забыл, как не забыл их, я уверен, князь Васильчиков, как не забыл их и я. Это черные, горящие ненавистью глаза. Мечети приходят, господа, там в упадок. Из этого я вывожу, что собственно большой поддержки эти фанатики, сидящие в мечети, не имеют среди широких кругов того же мусульманского населения, но начисто отрицать таких мусульманских фанатиков я бы не стал, только оставил бы право. Гораздо менее мусульман — киргизов; многие из них даже совсем собственно не мусульмане и почти, по-моему, антирелигиозные, несомненно отчасти пропаганда могла быть, я бы не стал отрицать. Отрицают теперь тоже начисто, как поскольку я понял, члены Государственной Думы Керенский и князь Мансырев, отрицали немецкую пропаганду, теперь я и ее не стану отрицать. Ведь какое безумие было совершено военной властью при самом начале войны в то время, когда пленные к нам поступали сотнями тысяч. Ведь не одну сотню тысяч отправили в Туркестан, ведь это же факт, который совершенно ясен. Очень может быть, что эти пленные, часть которых, как мы знаем, убежала в Персию, может быть и занимались там пропагандой, бог их знает, я не стану отрицать и немецкого элемента, который, может быть, в некоторых местах и был в Туркестане, но не нужно, по моему, ни одного элемента отрицать. Но что, господа, я этим хочу сказать? Я хочу сказать, что русская то власть обязана или не обязана была об этом всем знать. Если я, например, год всего прожившие в Туркестане 5 лет тому назад с ясностью и отчетливостью, сидя у себя в деревне в Полтавской губернии, представил ясно то, что выйдет из столь неосмотрительного распоряжения русской власти, то как же было о том же самом не подумать, не взвесить и не знать самой русской власти. Ведь это, господа, у нас, но это типично для русской власти; сделали и не подумали. Управлять это значит предвидеть. Вот вам, это один из примеров того, как русская власть понимает — управлять значит предвидеть; сделает, а потом в ужасе сама отступает и начинает оправдываться. И вот я считаю, господа, что та кровь, которая пролита, которая пролита, будь то туземцами, будь то русскими поселенцами, будь то администрацией, которая может быть обязана была в некоторых случаях ее пролить, чтобы прекратить беспорядки,

но все же вся эта кровь, чья бы она ни была, она все же лежит главным образом не на физических виновниках, на виновниках интеллектуальных. Наше уложение о наказаниях, господа, знает ответственность и тех и других весьма мудро считает, что интеллектуальный виновник должен быть наказан строже физического. Если ты убил то отвечаешь в одной мере наказания; но если ты подстрекнул к убийству, то отвечаешь много строже. И. вот тут считаю, что те виновники физические они должны быть наказаны, может быть, они были наказаны сверх нормы, наказание должно было быть, но должны понести меру наказания и те, кто отдал такого рода распоряжение не зная того, что из него последует, потому что власть обязывает к знанию (Родичев с места: наказали в оберкамергеры)... Господа, в этом еще полбеды; это дело прошлое, но я боюсь, что и в будущем будет продолжаться то же самое. Ведь что сделали с частью Семиречья, с Пржевальским уездом. Там уничтожена вся русская колонизация. Вы подумайте каких трудов будет стоить вновь эту колонизацию произвести. И вот тут, конечно, будет труднее ее производить, чем производили раньше. Тут придется встречаться уже, быть может, с открытой враждой со стороны туземного населения. Сколько нужно будет политического такта и осторожности при насаждении этой колонизации. И вот, по-моему, следует призвать русскую власть к осторожности, дабы нам, сторонникам колонизации, не оказаться в положении таком, что мы принуждены будем от этой колонизации вообще отказаться, а отказ от русской колонизации в Туркестане — это значит колонизация китайская, потому что совершенно для меня ясно, что давным-давно весь Кульджинский район стремится в Семиречье и это может кончиться тем, что Туркестан от нас отпадет: перейдет в китайские руки, и как мы тогда будем его защищать, одному богу известно. А между тем, несомненно, это не только фраза, — что Туркестан одна из лучших жемчужин русской короны. Там лежит вся наша хлопковая независимость, хотя бы от Америки, и таким образом распоряжаться одной из богатейших наших колоний не возможно. Несколько лет подряд я надоедал вам пожеланиями о реформе Туркестана систематически каждый год при переходе к постатейному чтению сметы Главного Штаба. Вы принимали это пожелание, но мало кто из нас интересовался этим пожеланием о том, чтобы было, наконец, пересмотрено положение об управлении Туркестанским краем. Ведь все материалы готовы, пойдите в биб

блиотеку, и вы увидите 23 тома Паленской ревизии, там ведь данные собраны богатейшие. Кроме того, то же самое положение перерабатывалось в Ташкенте, и, тем не менее, вот уже пять лет ни шагу вперед не сделано. Право же, дальше так продолжать нельзя и я думаю, что теперь, после всех ужасных событий, которые произошли, вы уже не машинально но вполне сознательно в этом году, может быть не сейчас, при закрытии этого заседания, но по смете Главного Штаба – Примете пожелание о том, чтобы управление Туркестанским краем было наконец, переформировано и переформировано так, чтобы гарантировать нас в будущем от тех ужасов, которые происходили в этом году.

Председательствующий. Член Государственной думы Аджемов.

Аджемов ¹ (Область Войска Донского). Господа члены Думы. Товарищ военного министра, выступая перед вами по поводу набора 1916 г., говорил вам, что силы человеческие сильно напряжены, что необходимо огромное количество усилий для того, чтобы сделать те наборы человеческой массы, которая необходима для дальнейшего ведения войны, до победного конца, как он говорит. И вот, когда ставишь себе вопрос, люди, сами стоящие близко у этого дела, хорошо понимают, что каждая человеческая жизнь дорога в эту минуту, каким образом они, предпринимая столь важную меру, как призыв инородческого населения, как они обставили этот призыв с такой легкомысленностью что можно сказать, что в этом случае уже эта легкомысленность граничит с обыкновенной преступностью, Каким образом они, которые говорят, что наш враг людским материалом истощается, а мы сильны сравнительно с врагом тем, что мы еще до такого истощения не доходим, но все-таки у нас это дело приходит к концу, они не понимают, что если много миллионов инородцев, могущих дать очень большое количество людей призываются на эту государственную службу, то в этом смысле надо было бы принять все меры для того, чтобы это дело провести гладко и получить наибольшее количество людей и в то же самое время так их поставить на дело, чтобы они принесли большую пользу. Таким образом, государственная задача, наиболее важная в данный момент – война требовала наибольшей осмотрительности. Если вы посмотрите наши уголовные законы, возьмите, например, Уголовное уложение, посмотрите те статьи, которые касаются, скажем, измены,

¹ Кадет.

вы увидите, какие там даются общие определения. То всякое малейшее попустительство в пользу врага, да иногда может быть с малой дозой намерения непременно помочь врагу, считается таким проступком, который близ к квалификации этой измены, а если государственная власть, или, вернее, некоторые представители этой власти пользуются этой властью не для того, чтобы помогать этой войне, а для того чтобы вредить этой войне, не для того чтобы сделать все, чтобы напрячь все силы страны, а наоборот, сделать так, чтобы эти силы распались, раскололись, создают не только новые военные кадры, но, наоборот, создают новые театры войны, то вы видите, что здесь уже имеются явные признаки определенного преступного деяния. И, г.г., с этой точки зрения подходите к тому, что совершается и, что совершилось и в Туркестане и в других инородческих губерниях России. Г. г., если бы кто-нибудь задался задачей создать хорошую доходную статью для наших чиновников, живущих на окраине, благо жизнь там дороже, или бы захотел непременно помочь нашему врагу – германцам, то что бы он придумал. Он непременно придумал бы в той форме и тем способом приведение в исполнение высочайшего повеления, которое было издано 25 июня по поводу призыва инородцев, – другого ничего не надо делать. А у нас, когда все это сделаешь, то, что ты получаешь – высшее придворное звание обер-камергера. Вместо того чтобы сесть на скамью подсудимых, как последний из самых преступных лиц, он получает высшее придворное звание; г.г., ведь это соблазн для инородцев, ведь инородцы, которым мы нанесли огромный материальный ущерб, нанесли громадный ущерб жизни, масса лиц не только разорена, но их уже больше нет, миллионы людей двинулись со своих мест, убегают в горы, бросили все свое хозяйство, разорены целые края, и кем это в сделано? Бывшим председателем Совета министров Штюрмером. И что же, он предан суду? Инородцы об этом знают. Ничего подобного, он обер-камергер. Вот, г.г., трагическое положение, из которого выхода нет. Г.г., то, что совершалось в Туркестане, о чем нам здесь говорили, имеет еще более яркое проявление в киргизских степях. Там, г.г., условия были особые. В северной части киргизской степи население уже переходит к тому способу ведения своего хозяйства, как и те переселенцы-кресты не, которые там сидят среди них. В южной части это хозяйство по большей части кочевое. Огромное количество скота, большие лошадиные табуны-все это нуждается в известной перекочевке

все это нуждается в больших земельных пространствах. И вот в этой самой киргизской степи, не принимая во внимание никаких хозяйственных особенностей, в самую страдную пору, 25 июня, издается высочайшее повеление о призыве инородцев. Но, г.г., когда вы призываете инородцев впервые, ведь вы же должны, прежде всего, задаться вопросом, чтобы этот призыв соответствовал закону. Это, г.г., особенно важно потому, что ведь этих инородцев вы снимите с их мест, вы разорите их, вы вносите в их жизнь совершенно новое начало, противоречащее всем манифестам, которые им давались, и для того, чтобы все это обосновать, вы должны были иметь хотя одно убежище что вы сделали это на основании закона. А между тем, несмотря на категорические требования ст. 71 Осн. Зак требования о том, чтобы ни одна новая повинность не может быть на население возложена иначе, как на основании закона, — издается это даже не по пресловутой ст. 87, а прямо высочайшим повелением, и все, что там творится, и все, что там творилось — и сопротивление власти и, наоборот, злоупотребление властью, все это делалось на основании этого акта, в корне своем незаконного. Какой огромный моральный удар государственному началу наносится: ведь каждый инородец, которого за сопротивление власти вы посадите на скамью подсудимых, он вправе сказать: я защищал закон от ваших набегов, от тех лиц, которые в интересах врага производили эксперименты над нашими окраинами, а вы меня судите. Ведь многие из них подверглись смертной казни, многие из них повешены на основании чего? На основании этой бумаги, которая не имеет ни-чего общего с законом. Согласитесь г.г., что при этих условиях никакого требования этому населению вы не имеете права предъявить. Вы нарушили закон, но это мало, что вы нарушили закон, но издали высочайшее повеление несоответствующее закону; новая в русских условиях, но, г.г., ведь в этом высочайшем повелении предусмотрено, что подробные правила должны быть выработаны по соглашению военного министра и министра внутренних дел. Но ведь этих правил нет, а есть телеграмма председателя Совета министров Штюрмера, который через несколько дней после этого высочайшего повеления пишет: забрать с 19 до 43 лет всех инородцев. Да ведь, г.г., это или преступник, или изменник, или сумасшедший человек. Каким образом можно сразу без всяких комиссии воинских, без воинских присутствий, без подготовки населения, без того, чтобы на месте получилось соборание узаконений, и чтобы это знали, без того, кто куда и

на что призывается, без всего этого послать телеграмму простую телеграмму – призвать население от 19 до 43 лет. Что Штюмер – сумасшедший (Голоса: изменник.) вы все знаете, что нет, что он изменник, я не знаю, но несомненно человек, который способствовал тому, чтобы в России огромные миллионы людей бросить в костер недовольства: это несомненный факт (Голоса слева: верно.), потому что ни один здравомыслящий, в особенности человек, который стоит во главе государства, не мог послать такую телеграмму – забрать население от 19 до 43 лет. Да ведь у нас в России где десятки лет уже ведется систематическая общая воинская повинность, у нас в России ведь на войну все население не в первый день было призвано, ведь у нас ополченцев стал призывать после того, как закон вы приняли в самой торжественной установке по особым именным высочайшим манифестам, – каким же образом на окраинах, где воинская повинность, совершенно отсутствует, призывать на работу на новую повинность, совершенно не разъяснив населению в чем дело, по простому телеграфному распоряжению? Ведь это же, господа, такой разврат, такое падение государственной власти, ниже которого невозможно. (Голоса справа: совершенно верно; голос слева: издевательство.) Но господа, не в этом заключается еще дело, а дело заключается в том, что, призвав население, они ему ничего не разъяснили. Наоборот, в целом ряде указов, например, 3 июля 1916 года – приказ крестьянских начальников, которые все таки оказались умнее и во всяком случае порядочнее Штюмера, они прямо говорят населению, что, вас по высочайшему повелению 25 июня приглашают явиться всех киргизы: как годных, так и не годных, явиться в известные места в час. утра 20-го, скажем, июля и говорится: все уклонившиеся от работ будут привлечены к ответственности как за уклонение от отбывания воинской повинности; все те, кто уклонится от работ, будут преследоваться, как отлучившиеся из воинской части и т.д. и т.д. Таким образом население лице ближайшего начальства получало разъяснения, что сущности его призывают как бы к отбывания воинской повинности, при чем, как здесь было сказано, это население полагало, что их будут посылать впереди наших войск, так как им представлялось, что окопы находятся впереди сражающихся и, следовательно, они должны изготовлять там, впереди, это, будучи, так сказать, первыми жертвами врага и в то же время являясь безоружными совершенно. Вы можете сказать, что это не так, может быть это наша фантазия? Ничего подобного. Гораздо позднее генерал

Куропаткин обратился по Туркестанскому краю с особым приказом, в котором все эти вещи он признает, и уже гораздо позднее, 23 августа, он разъясняет населению, что цель призыва на эти работы туземцев состоит в том, чтобы освободить для службы в войсках нижних чинов, а также рабочих, которые еще не призваны, что работы эти будут производиться вне районов военных действий. Поймите же, г.г., что местный генерал-губернатор, с особыми полномочиями отправленный в Туркестан, — что он делает? Ничего, не находит необходимым, а это действительно необходимо было. 23 августа, почти через два месяца, в своем приказе по краю разъясняет населению истинный смысл этого призыва, мало того: старается в этом приказе, весьма длинном, но в то же время детальном, все легенды, которые могли быть сплетены около этого призыва, рассеять. И вот вы сравните: через два месяца приезжает генерал-губернатор и издает такой приказ к населению, в котором разъясняет все, а через пять дней после высочайшего указа, как я сказал, Штюмер посылает телеграмму: призови от 19 до 43 лет. Ведь, если бы, г.г., простой бы суд собрался судить Штюмера, то довольно таких, довольно ясных косвенных улик для того, чтобы этот человек давно бы вместо обер-камергера сделался простым, лишенным прав и приговоренным а арестантские роты человеком, и естественное дело, г.г., что такой просящийся в арестантские роты человек, этакий господин произвел для России столь ужасные последствия своими действиями, которые десятками лет придется России исправлять. В чем заключается дело в частности в Киргизских степях? В киргизских степях когда был указ получен, то сейчас же этот указ был использован ловкими людьми так: они разъезжали по Киргизским аулам и говорили: вы хотите освободиться от того, чтобы вас не призывали, скорее записывайтесь в рабочие к нам. Это говорили и русские, говорили и отдельные местные туземцы, которые занимались поставкой сена и других продуктов в интендантство, и таким образом вербовали за гроши киргиз для того, чтобы будто бы этим они освобождают их от воинской повинности. Эти несчастные, наивные люди сотнями к ним записывались, возили собственное сено, когда не хватало им, сено покупали, лишь бы через сено освободиться от Штюмера. Но и это, г.г., не помогало, потому что это только была почва, на которой разыгрались все злоупотребления ловких людей, понявших, что во время управления Штюмера для них открывается широкая возможность то тут, то там. Вот, вы видите дальше, назначают

туда уполномоченных для призыва. Уполномоченные находят среди киргиз человека, который может, пользуясь, нравами, помочь ему как следует использовать этот неудачный акт и, я бы сказал, преступный акт высшего правительства, не сумевшего организовать столь ответственное дело. Что он делает, г.г., он прежде всего просто берет взятки. Затем еще проще способ, он говорит: хотите освободиться, подавайте прошение, каждый, подающий прошение будет освобожден, а если вы хотите подать прошение, идите к учителю такому-то. Идут. И с каждого, кому пишется, берут два рубля. Подано 4000 прошений, это в одном только округе, а затем говорят: надо еще две гербовых марки никаких вообще для этого прошения не полагается гербовых марок. А гербовых марок нет. Говорят: это ничего, мы за вас купим, давайте еще по два рубля. Вот какие способы культивировались; 4 рубля – каждое прошение. Я бы хотел, чтобы товарищ военного министра прямо расследование сделал по этому вопросу, куда делись 4.000 прошений, так дорого обошедшиеся населению – интересный, просто в бытовом отношении вопрос. Затем, г.г., начинается призыв этих инородцев и начинается, конечно, вакханалия освобождений. Такса назначается от 300 до 4.000 рублей и, г.г., продают все, продают лошадей, продают свою последнюю скотину, всякий кто что только может. Цена на все падает, паника огромная и хвосты, сахарные хвосты у нас, а там хвосты, желающих освободиться от воинской повинности. И что же – фамилий оказывается очень много сходных. И вот комиссия, в частности одни из врачей, к несчастью согласился освободить одного по фамилии Жудачалиев, а таких фамилий в этом округе так же много, как у нас Изановых, и вот этот Жудачалиев, который уже заплатил, явился после того, как он уже одного Жудачалиева освободил, конечно, он заплатил, а его не освобождают, поднимается скандал, все и обнаруживается, и после этого 32 Жудачалиева были освобождены. Вот, г.г., в какой анекдотической атмосфере протекает величайшей государственной важности вопрос. Поймите, г.г., что это все в атмосфере еще более до этого сгущенной мерами правительства, предшествующими мерами правительства, где колонизация играет не, последнюю роль создало то, что были прискорбные явления, а именно: были принесены в жертву этому делу и русские жизни. Гр. Капнист прав, – там погибло не мало русских. Но, г.г., когда вы, которые являетесь, собственно, для этого инородческого населения, так сказать, прибежищем, – вам картинно рисовал член

Думы Керенский, как разочаровались они в этой власти, которая около них, они прозрели, что в конце концов все в русском народе и может быть а вас как его представителей. И вот в это самое страшное время, когда там жизни русских подвергалась всякой опасности, вам пусть Керенский расскажет, что он свободно сам прогуливался по всем этим местам, потому что знали, что он представитель народа, что это то последнее прибежище для инородцев, которые разочаровались и разбились в своих иллюзиях в вере в силу и могущество этой власти. Они верят в вас, но и вы перед ними имеете некоторые грехи, от которых следует, несомненно, исправиться. Первый грех заключается в том, что закон 3 июня лишил целый ряд окраин, лишил и Туркестан и киргиз своих представителей. И там говорят, г.г., что на Кавказе этот безобразный закон не был применен, потому, что у них есть здесь представитель, а их ведь июньский закон этих представителей лишил. Это был первый удар, а второй удар — насильственное отобрание участков от киргиз, не считаясь с их хозяйственный бытом и условиями жизни, насильственное водворение переселенцев и возбуждение в киргизской душе ненависти уже не к правительству, но к русскому населению, что составляет уже опасность гораздо более сильную, при чем это происходило в условиях грабежа, потому из трудов, которые имеются, из объективных трудов Министерства земледелия, вы можете усмотреть, господа, что там за дом, например, который стоил 30.000 руб., платили по 500 р. при сносе этой постройки, когда надо было дать переселенческий участок. Это вы можете найти в материалах переселенческого управления. Ведь когда население видит, что представительства у него нет, что вблизи находящееся начальство не понимает его языка, пользуется каждым случаем через лиц туземных, им же поставленных, грабить это население, где только можно, когда туда привозят русских для того, чтобы заселить окраину культуртрегерами, разоряют, уничтожают, ничего не платя киргизу, когда, наконец, призывают его к повинности, то он увидит, что богатые откупаются, что начинается огромнейшая вакханалия взяток, когда он видит, что одна часть тех киргиз злоупотребляют, пользуясь невежеством и продажностью русского чиновного люда, другою частью, когда, наконец, за предшествующую реквизицию скота и лошадей им платили к . . .¹ грамотами вместо денег, что вы создаете, какую атмосферу. И в это самое время, в эту атмос-

¹ Пропуск в подлиннике.

феру, в этот готовый уже костер бросается, как сильнейшая головешка, эта телеграмма председателя Совета министров о призыве населения от 19 до 43 лет. Ведь само правительство очень скоро отказалось от того, чтобы призывать до 43 лет; если оно потом отказалось, то не явное ли это доказательство того, что сама затея с самого начала была затеей человека, который с государственными интересами совсем не соображался. И, г.г., на это дело вы должны всем авторитетом своим, во имя интересов будущего, должны сказать этой власти, что в такую минуту, в такую великой напряженности минуту, эта власть не достойна русского имени, а достойна только презрения. (Рукоплескания)

Председательствующий. Член Государственной Думы о. Трегубов (отсутствует). Член Государственной Думы Керенский.

Керенский; (Саратовская губ.) Г.г., я только на одну минуту займу ваше внимание, я хотел выяснить недоразумение, которое могло возникнуть после речи гр. Капниста. Я не замалчивал ведь никаких эксцессов со стороны населения, я об этом говорил, я только не распространялся об эксцессах киргизского и русского населения, потому, что я считаю, что как на ту, так и другую сторону нельзя возлагать той ответственности, которую можно возложить на власть. Я не касался этого вопроса потому, г.г., что мне не хотелось перед вами раскрывать всей глубины и всей мрачности тех эксцессов, которые были допущены на местах и русским крестьянским переселенческим населением, — просто в такую минуту, которую мы переживаем, мне было самому это слишком больно делать, и поэтому, чтобы остаться до конца справедливым, я не касался ни эксцессов киргизского, ни эксцессов русского населения. Я думаю, что это единственная в настоящее время правильная точка зрения. Все, что случилось там, было результатом преступной деятельности центральной власти. В том, что делали темные массы киргизская, или русская, эти люди не повинны, никто их ничему не учил, никто никогда принципов прав и справедливости им не внушал. Поэтому не замалчивать я не хотел, а сознательно об этом говорить не хотел и не хотел я также касаться, вы помните, я совершенно не касался вопроса аграрного, тоже, г.г., по единственному соображению: мне не хотелось картину преступлений центральной власти смешивать с причинами местными и сравнительно второстепенными. Если бы не было этого указа и его исполнения, то несмотря на всю безвыходность

положения, в котором находилось местное киргизское население они до тех эксцессов, которые случились, не дошли бы. Я остановился только на главном, но сегодня другие ораторы коснулись вопроса аграрного, позвольте и мне указать на один случай. Вот здесь гр. Капнист перечислял целый ряд поселков, уничтоженных русских поселков, что произошло в Джаркентском и Пржевальском уездах, единственных уездах Семиреченской области, где свыше 2.000 людей погибло со стороны русских. Почему это, господа, потому, что ко всем остальным причинам, там прибавилось и исключительное положение аграрное. Вот теперь приказом Туркестанского генерал-губернатора очищено как сказано в приказе, от киргизского населения, все побережье озера Иссык-Куль Пржевальского уезда и киргизское население обращено к возвращению к пастушескому образу жизни в верхних частях горных областей. Почему произошли эти эксцессы именно в этом уезде по берегу Иссык-Куля, да потому, г.г., что когда производилось наделение землею русских крестьян, то киргизское население как раз здесь было поголовно согнано с побережья этого озера, было лишено возможности пользоваться водой и лугами, лежащими на берегах этого озера, было загнано в горные области, области так сказать альпийских лугов. И острота этих земельных недоразумений или земельного ограбления местного населения наиболее остра была именно в этих местах и поэтому гр. Капнист совершенно прав, прав когда говорит, что там неизбежно должна была разыгаться картина, предусмотренная ст. 2691, т. е. беспорядки на почве земельных отношений. И там, где эти земельные отношения были невыносимыми, чрезмерно острыми, там, где это ограбление местного населения так сказать дошло до Геркуловых столбов, там и были наиболее тяжелые последствия. И вот, за эти последствия, и за те эксцессы, которые были со стороны русского населения мне кажется, эти темные массы без различия их происхождения, киргизов и русских, винить их не следует. Поэтому я еще раз повторяю, что не стремление о чем-либо умолчать, а желание только поставить перед вами основной и единственный вопрос о главной причине, о власти, руководило мною в тех якобы умолчаниях, которые нашел в моей речи гр. Капнист 2-й.

Председательствующий. От. Трегубов (голоса: откажитесь). (Отказывается). Прения закончены, переходим к голосованию. Голосованию подлежат 3 спешных запроса, ко-

торые будут голосоваться каждый в отдельности. Ставлю на голосование первый запрос, заявление за № 227 (читает):¹.

Ставлю его на голосование (Баллотировка) Принято. Ставлю на голосование запрос № 228 следующего содержания (читает).

Ставлю на голосование. (Баллотировка). Принято единогласно. Ставлю на голосование третий запрос № 229 (читает).

(Баллотировка). Принято. В виду того, что продолжение заседания будет при открытых дверях, объявляю перерыв на 10 минут.

Перерыв объявляется в 4 часа 40 минут.

¹ Текст запросов в стенограмме запущен. Имеющиеся в деле копии запросов нами не печатаются, так как их содержание полностью отражено в выступлениях членов Думы.

ПОВСТАНЦЫ О ПРИЧИНАХ ВОССТАНИЯ

Кульджа.

*Копия прошения кара-киргиз Пржевальского уезда на имя
российского консула в Кульдже. ²*

Мы, Кара-Киргизы Пржевальского уезда, Курткамерганской, Багатинской, Кунгейаксуйской, Тюпской, Курмектинской, Кенсуйской, Тургенской, Бехназарской всего восемь волостей, пришли к границе в количестве 4395 кибиток. Среди пришедших есть много женщин и детей. Прощение наше заключается в нижеследующем: Принадлежащие нам земли от нас взяли под предлогом, что мы не отбываем воинскую повинность, нам же предоставили горы. Но горы, занятые лесом, оказались казенными. На скот и юрты наложили подать. Поля отошли к крестьянам, а горы отошли в казну и нам нечем было жить. Отопляться нам тоже было очень затруднительно. Цены на лес повысились в десять раз, так что деревья дошли от 3-х до 15-ти рублей штука. Билеты заставили брать по два раза в год и бедные не в состоянии делать это, а если срубят одно дерево, то лесная стража составляет протокол на десять деревьев. Каждая волость ежегодно платила штрафа по несколько тысяч рублей, при чем, кто был в состоянии, тот платил, а бедные отсиживали под арестом. Приказывали помогать России в войне, и мы помогали раз пять. Кроме двух налогов, которые мы платили каждый год, на нас еще наложили на каждую юрту по 4 рубля. Взято налога с 80 юрт. Понадобились юрты для армии, попоны для лошадей. Заставили нас, по распоряжению губернатора, сеять опий и установили таксу по 12 рублей за фунт, а если кто будет продавать на сторону, то приказали сажать в тюрьму на 4 месяца или платить 500 рублей штрафа. Оказалось, что мы потерпели убыток. С нас взяли приговор о том, чтобы мы отдали на службу с 19-ти до 31 года, а если не отдадим то будем расстреляны, но молодежь, не слушавшись старых людей, стала бежать. Уездный начальник говорит, что молодежь бежит по нашему убеждению и потому мы были наказаны. Сидевшие в тюрьме и показавшиеся на глаза, кроме татар, были убиты – это говорили нам бежавшие раненные из Пржевальска. Услышав такие вести, испугавшись и думая, что нас ни одного в живых не оставят, стали

¹ Дата не установлена, по видимому начало 1917 года.

бежать к границе Китая, жившие по дороге крестьяне начали стрелять, сколько ими убито – неизвестно. Оставшиеся в живых лишились скота, юрт, а сзади гнали нас войска. Китайские власти задержали нас на границе. Сейчас у нас нет пищи, юрт и корма для лошадей, на которых бежали. Наступает зима, для нас и скота будет плохо. Обращая внимание на наши слезы, просим направить наше прошение к Вашему начальству, так как у нас нет хлеба и соли и потому обращаемся к Вашему высочородию, не найдете ли возможным помочь нам. Расписавшись, приложили печати. (Следуют подписи и печати).

Верно:

Секретарь Консульства
А. ЗИЛЬКЕВИЧ

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Собранные в Центральном Архивном Управлении Уз. ССР архивные материалы, по восстанию 1916 года в Средней Азии очень обширны. До сих пор они выявлены среди дел пятнадцати фондов, в числе более 300 единиц хранения. Попытаемся дать хотя бы некоторое представление о том, что это за материалы, чтобы этим самым несколько облегчить исследователю пользоваться ими.

Раньше, чем перейти к конкретному описанию материалов необходимо сказать несколько слов об их характере вообще. Мы не имеем архивов самих повстанцев, да их и не могло быть, ибо даже там, где восстание приняло наиболее организованные формы, например в Джизакском уезде и Семиреченской области, у них не было никаких канцелярий, от которых могли бы остаться архивы. Единственное, что сохранилось от самих восставших это несколько мало содержательных писем, попавших в дела Военно-Окружного суда, дипломатического чиновника и т. п. Все же остальное осталось от тех, против кого непосредственно это восстание было направлено, и кто это восстание подавлял – русской администрации. Это заставляет весьма критически относиться ко всему, что сообщают имеющиеся материалы, помня, что чиновники подбирали материалы под своим совершенно определенным углом зрения, что для них многое выгодно было скрывать даже от высших представителей той же администрации.

Тех кто еще не работал в архиве нужно также предупредить, что почти всякая единица хранения содержит рядом с очень ценными документами массу неинтересного для историка хлама, вроде всевозможных повесток, препроводитель бумаг, телеграмм “положение без перемен” и т. п. и что очень многие документы повторяются в копиях во многих делах разных фондов.

Все материалы, относящиеся к теме настоящего обзора, можно разделить по содержанию на несколько больших групп. Первая из них – оперативные дела административных и военных учреждений Туркестанского края, возникшие во время подготовки к набору, самого набора, восстания и его подавления. Все эти дела состоят из огромного количества всякого рода телеграмм, донесений, предписаний, протоколов совещаний и т. п. Все это подшито в большом

беспорядке, важное место с неважным, часто с нарушением даже хронологического порядка. Это обилие бумаг заставило Штаб Туркестанского Военного Округа¹ сделать попытку разобраться в них, составив журнал предписаний и донесений (он начат только 6 августа 1916 года и содержит данные главным образом по Семиреченской и Закаспийской областях. Фонд строевого Отделения Штаба ТВО. арх. № 17 “О прекращении беспорядков вызванных набором рабочих из туземного населения Туркестанского края”) Переписка разрослась до таких размеров, что в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора пришлось выделить особый “стол” (6-й 1-го отделения), а в Сыр-Дарьинском Областном Правлении – особое делопроизводство.

Основным фондом, содержащим материалы этой группы, является почти полностью сохранившийся фонд Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора.² Подготовку набора и его ход характеризует дело “по Высочайшему повелению о привлечении реквизиционным порядком освобожденных от воинской повинности инородцев” (№ 42 и 42/2 арх. № № 1127 и 1128, содержащее телеграмму министра внутренних дел Штюрмера, “Высочайшее повеление”, протоколы совещаний, приказы по краю, связанные с набором и т. д. По организации набора, разверстке его по областям, освобождению отдельных лиц от набора и т. п. имеется еще несколько дел КТГГ (см. имеющуюся в ЦАУ опись). Они могут, между прочим, дать некоторое представление о численности пролетариата коренных национальностей в 1916 году (по числу рабочих, о которых хозяевами – заявлены ходатайства об освобождении от набора). Печатный материал (протоколы и приказы) частью, подобран в особом деле. Такого рода материал имеется также в фондах Штаба ТВО, Ферганского Военного губернатора, Сыр-Дарьинского и Самаркандского областных правлений, но они ничего существенного не прибавляют к материалам КТГГ.

Несколько дел КТГП (“с прошениями и жалобами рабочих находящихся на работах внутри империи” – № 6 арх. № 1177,, с перепиской по распределению рабочих по областям “ № 53 арх. № 1157-1160, “с перепиской по разверстке наряда рабочих и по отправлению очередных эшелонов” 1917 г. № 2 арх. № 1172 и 1174, арх. № 1208, 1213, 1214) содержат данные о положении рабочих,

¹ В дальнейшем сокращено – Штаб ТВО.

² В дальнейшем сокращено – КТГГ.

отправленных в Россию и на Кавказ, о попытках отказа от работ (в Батуме) о побегах и о возвращении рабочих после революции. О возвращении рабочих имеется особое дело в фонде Ферганского Военного Губернатора (№ 21).

Самый ход восстания и его подавления отражается, прежде всего, в делах КТГГ под общим названием “о беспорядках среди туземцев края, по поводу реквизиции для нужд обороны рабочих” (№ 43/1-43/6 арх. № № 1131-113Я) и параллельных делах строевой части Штаба ТВО. Материал канцелярии распределен по областям довольно правильно, только в дело № 43/2 – Самаркандская область арх. № 1135 вшиты некоторые бумаги, относящиеся к Ферганской области. Материалы штаба расклассифицированы значительно хуже. Тут имеется группа дел под общим заглавием “о беспорядках, вызванных набором туземных рабочих. На ряду с делами подобранными по областям, мы имеем тут дело с подзаголовком – “отряды”, содержащее переписку с начальниками отрядов, главным образом действовавших в Семиречьи, “оборона русских поселков” (также содержит главным образом материал по Семиречью), “разное” содержащее между прочим, сообщения из Бухары. Особое дело содержит донесения Военному министру. Материал часто дублируется: копии бумаг, получавшихся в канцелярии, передавались в штаб, копии бумаг штаба – в канцелярию, но это дублирование не является полным. Основной частью содержания дел канцелярии являются донесения губернаторов, политического агента в Бухаре, начальника Туркестанского районного охранного отделения, отдельных чиновников посылавшихся генерал губернатором для каких нибудь поручений и т. п. Основной же частью содержания дел штаба являются донесения начальников отрядов действовавших при подавлении восстания, благодаря чему дела штаба содержат особенно много материала по Джизакскому уезду и Семиречью, а также Персии, где происходили долгие бои. Некоторые не безынтересные документы, например телефонограммы Самаркандского военного губернатора Лыкошина, которые он давал, сидя в поезде между станциями Ломакино и Урсатьевской и самый момент восстания, доклад о погроме на станции Урсатьевской и т. п. попали почему-то в одно из дел Судной части штаба ТВО (№ 89 часть 1-я арх. № 107). Некоторые интересные данные о восстании в Семиречьи содержатся в деле дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе (“1916 г.-Китай”) другое дело того же фонда (“1916 год Бухара”) содержит

переводы писем, посланных восставшими Шахризязбскому и Китабскому бекам. В составе фонда КТГГ находятся телеграммы и сообщения, получавшиеся Куропаткиным еще до приезда в Ташкент. Тут имеются, помимо телеграмм из Ташкента, которые большей частью имеются и в других делах канцелярии и штаба ТВО, некоторые сообщения с событиями в Степном крае. Среди дел строевого отделения штаба ТВО, есть несколько пачек копий телеграмм, получавшихся лично помощником генерал-губернатора ген. Ерофеевым. Они большей частью имеются в основных делах того же фонда.

Дополнением к материалам штаба военного округа и канцелярии генерал-губернатора могут служить материалы Ферганского военного губернатора и Самаркандского областного правления. Помимо материала, повторяющегося в фонде КТГГ, тут имеются сообщения низовой администрации-уездных начальников и участковых приставов, часто содержащие очень характерные подробности, которые исчезают при дальнейшей передаче по административной лестнице. Этот материал хорошо сохранился в фонде Ферганского губернатора, где он расположен по уездам, значительно хуже в фонде Самаркандского областного правления и совершенно не найден до сих пор в фонде Сыр-Дарьинского областного правления, хотя еще не вполне разобранным.

Фонды низовой администрации - уездных начальников и участковых приставов-сохранились очень плохо и ничего относящегося непосредственно к восстанию в них пока не обнаружено.

Особое место занимает фонд Джизакского карательного отряда. Он содержит некоторые данные о ходе самого восстания и очень много данных о его подавлении и репрессиях. Сохранившиеся приказы по отряду, донесения начальников составлявших его частей начальнику отряда очень ярко характеризуют крайнюю жестокость в подавлении восстания. Правда наиболее интересный документ об этом находится в одном из дел КТГГ (№ 43/2 арх. № 1135 д. 301) — это список кишлаков в Джизакском уезде сожженных и разрушенных карательным отрядом. От остальных карательных отрядов сохранились только приказы по Скобелевскому и Гюргенскому (строевое отделение штаба ТВО материалы для всеподданнейшего отчета) отрядам.

Несколько дел КТГГ содержат материал по ликвидации восстания и репрессиям по отношению к населению восставших местностей. Сюда относятся дела о возмещении

убытков разных лиц, о предполагавшемся переселении киргиз Семиречья и образования отдельных уездов заселенного только русскими Пржевальского и только киргизами Нарынского (кроме отдельных дел см. записку в деле “с материалами по составлению всеподданнейшего отчета” № 14 арх. № 1101), о конфискации земель в Джизакском уезде. К последнему вопросу относятся и несколько дел Джизакского уездного начальника. Значительное количество материалов, касающихся последствий восстания, имеется в фондах Туркестанского комитета Временного Правительства, Совнаркома (последний содержит в себе материалы Краевого совета 1917 года) и Ташкентского Исполкома; многие дела КТГГ также кончаются уже в 1917 и даже 1918 г. г. (канцелярия существовала некоторое время даже после Октябрьской революции).

Вторую группу материалов составляют попытки местной администрации сообщить ход событий и выяснить их причины. Уже во время самих событий делались такие попытки в виде, например, телеграммы Семиреченского губернатора Фольбаума от 18/VIII (КТГГ № 43/4 арх. № 1133), о событиях в Семиречье и телеграммы Ген, Ерофеева Куропаткину (в конце июля 1916 года), о событиях в Джизакском уезде (напечатано в газете Узбекистанская правда от 30/VII-1931 г.). Одной из первых таких сводок по всему краю является “Всеподданнейший доклад” временно управляющего военным министерством 26/УН-1916 г. с изложением со слов Куропаткина (назначенного тогда генерал-губернатором) хода и причин “мятеж”. (КТГГ № 45/1 арх. № 1144 л. 63-67).

Наиболее крупной такой сводкой является дело КТГГ с перепиской по внесенному государственной думой запросу о беспорядках в крае в связи с реквизицией туземцев (№ 13 арх. № 1100, большая часть этого дела печатается в настоящем сборнике. Поводом к этой работе послужил, как показывает заглавие дала, запрос, внесенный в Думу в ноябре 1916 года и предложение военного министра составить заключение по этому запросу и подробное в хронологическом порядке изложенное описание бывших в Туркестанском крае волнений. Тут мы имеем прежде всего составленные по требованию генерал-губернатора доклады военных губернаторов всех областей Туркестанского края (нет только доклада начальника Закаспийской области далее копию доклада помощника главного военного прокурора Игнатовича, некоторые обвинительные акты и наконец показания русских, бывших в плену восставших киргиз.

По этим материалам был составлен доклад Куропаткин военному министру от 4/1-1917 года и доклад по канцелярии КТГГ с возражением на речи депутатов Керенского Джафарова.

Дело строевого отделения Штаба ТВО, “материалы для всеподданнейшего отчета” содержит кроме копий некоторых уже указанных материалов, доклад начальника штаба войск Семиреченской области от 13/1-1917 года “О том, какие были приняты меры для прекращения беспорядков 1916 г. и какие результаты достигнуты принятыми мерами”, доклад по штабу от 20/XII-1916 г. о действиях против восставших (с военно-технической точки зрения) и еще два довольно содержательных доклада по штабу с возражениями на речи в Думе – о событиях в Семиреченской области и о событиях в Джизакском уезде и действия Джизакского карательного отряда.

Вскоре после, них, 22/II-1917 года был представлен “всеподданнейший рапорт” Куропаткина, напечатанный тов. Галузо в 34 томе Красного архива. В ЦАУ Уз. СС подлинника этого рапорта до сих пор еще не обнаружено. Имеются только разные конкеты, черновики (в упомянутом деле Штаба округа и КТГГ арх. № 1198) и 1 экземпляры печатного рапорта, но имеется копия дела Азиатской части главного штаба, находящегося в Военно-историческом архиве в Москве и содержащего этот рапорт со всеми приложениями, в том числе картами местностей, охваченных восстанием (КТГГ арх. И 1196).

Из “всеподданнейших отчетов военных губернаторов” был представлен генерал-губернатору только отчет Семиреченского губернатора (КТГГ 1917 г, № 9 арх. 1189). Он был послан 4 марта, очевидно к этому времени в Верном революции еще не знали. В фонде Ферганского военного губернатора (арх. № 20) сохранился черновик отчета, но он, по-видимому, как и отчеты остальных губернаторов не был представлен. Из других обобщающих докладов, следует упомянуть доклад полк. Алексева о причинах восстания Семиреченской области (КТГГ “Об устройстве населения Семиреченской области после мятежа” 1917 г. № 12 ч. арх. № 1185) такой же доклад начальника Гюргенского отряда (КТГГ” с перепиской по беспорядкам в пределах Персии и с донесениями начальника Гюргенского отряда 4917 г. № 13 арх. № 1187) и, наконец, донесение русского консула в Кашгаре о событиях в Семиречье и бегстве киргизов в Китай (КТГГ “о беспорядках в Семиреченской области № 43/4 арх. № 1136).

По отношению ко всей этой группе материалов надо отметить, что давая общую картину событий и отчасти освещая их причины, они скрадывают многие важные моменты ясно выступающие в донесениях низовой администрации и, в особенности, в следственных делах.

Особо надо отметить группу документов рисующих отношение различных классов России и самого Туркестана к восстанию. В упомянутых выше делах о наборе (КТГГ 42/2 арх. № 1127) и о восстании по областям (КТГГ 43/1 43/6, арх. № 1131-1138) имеется довольно много заявлений туземной буржуазии с изъявлением верноподданнических чувств, но они мало характерны для ее настроений, так как писались под давлением. Особо выделяются заявления инженера Тынышпаева, представителя молодой казахской буржуазии, хотя и связанного еще с родовой знатью, к голосу которого охотно прислушивался Куропаткин. Особенно ярко его показание судебному следователю о причинах восстания, копию которого он послал генерал-губернатору (КТГГ 1917 г. № 12 ч. 2 арх. № 1186 л. 17 ел.), но интересны и другие его заявления (в упомянутом деле КТГГ 42/2 арх. № 1127).

Единственным документом (если не считать нескольких показаний обвиняемых), исходящим от самих восставших и формулирующим причины восстания является заявление русскому консулу в Кульдже киргиз Пржевальского уезда прикочевавших в Китайской границе (дело дипломатического чиновника при ТГГ "1916- Китай" л. 392) которое печатается выше.

Отношение русской буржуазии в Туркестане к восстанию показывают протоколы совещаний в городах Фергане, которые созывались полк. Ивановым (КТГГ № 13 арх., № 1100).

Очень характерна "докладная записка" главного совета Общества "за Россию" с требованием же таких репрессий и чуть ли не выселения всего коренного населения Туркестана в Сибирь и отдачи их земель казакам (КТГГ 42/2 арх. № 1127)

В упомянутом уже деле № 13 (арх. № 1100) имеются запросы и стенограммы заседаний Государственной Думы, печатаемые выше, которые также характеризуют отношения разных партий и классов восстания. Сюда же можно отнести особое дело КТГГ о предшествовавшем запросу приезде в Туркестан депутатов Думы Керенского и Тевкелева, и записку о частом совещании членов Думы

для выслушания их доклада (КТГГ арх. № 1194 “материалы по восстанию туземцев 1916 года”).)

Последней и самой большой группой материалов являются материалы, отложившиеся в результате следствия и суда над восставшими. Всякое дело о восстании проходило через несколько инстанций. Прежде всего, производилось так называемое дознание – первичный сбор данных о деле. Оно производилось обычно участковыми приставами или другими членами низшей администрации, но в особо важных случаях для этого командировались и представители высшей администрации – Самаркандский вице-губернатор Паленгут вел такое дознание в Джизаке. Иногда – в особенности, если суд над лицами, замешанными в деле, был не желателен для властей – дело на этом и заканчивалось, так было в частности со всеми делами о насилиях и грабежах русских чиновников и кулаков над киргизами.

Следующим этапом является следствие, производившееся обычно мировыми судьями и только в более важных случаях судебными следователями окружных судов. Дознание при этом обычно подшивалось к следственному делу. За производством следствия наблюдали прокуроры окружных судов, благодаря чему в делах этих последних сохранились некоторые данные о содержании следственных дел до нас не дошедших. От судебных следователей или мировых судей дела переходили к военному прокурору Туркестанского военно-окружного суда, который, рассмотрев их и составив по ним заключения о дальнейшем направлении или прекращении дела, передавал эти заключения в судную часть Штаба ТВО для утверждения. Последняя издавала приказы о предании обвиняемых Военно-окружному суду, после чего дела передавались, специально для этого назначенным, временным военным судам, заседавшим в разных городах. Приговор суда вместе с судебным и следственным делом передавался в штаб ТВО для утверждения командующим войсками округа (т. е. генерал-губернатором), по утверждении же обращался к исполнению опять через военного и окружных прокуроров. Таким образом всякое связанное с восстанием дело (кроме нескольких дел, которые Февральская революция застала ранее передачи суду) оставила следы в фондах: прокурора окружного суда (куда попадали и прекращенные следственные дела) военного прокурора, судной части штаба ТВО, военно-окружного суда и иногда КТГГ.

Все сказанное относится к “нормальному” прохождению дела, но в Семиреченской области при действовавших там

войсковых частях находились военно-полевые суды, в городе Петро-Александровске был учрежден гарнизонный суд и наконец при Джизакском карательном отряде был отрядный суд. Дел всех этих судов, кроме одного, мало-важного дела суда при Джизакском карательном отряде в ЦАУ Уз-ССР нет, может быть, они находятся в Центр-архивах Казахской АССР и Кара-Калпакской автономной области. Переходя к подробной характеристике этих материалов по отдельным фондам, надо еще отметить, что материалы этой группы, в особенности судебные и следственные дела, крайне плохо сохранились. Весьма значительная часть их отсутствует совсем, некоторые имеющиеся дела не имеют начала или конца. Так например до сих пор не найдено дело в 4-х томах о восстании в городе Джизаке, сохранилось только выделенное из него следственное производство о вождях этого восстания — Ишане Назыр Ходже, Абдурахмане Джевачи и др. Очень мало сохранилось дел о восстании в Семиречье и Туркмении, но может быть часть их найдется в архивах других республик Средней Азии, так как многие из них не были закончены к моменту Февральской революции и не попали, поэтому в Ташкент. Следственные дела, входящие большей частью в состав фонда военно-окружного суда, являются основными источниками при подробном изучении восстания. Они содержат кроме указанных уже дознаний, показания обвиняемых (протоколы допроса последних дают возможность отчасти выяснить социальное положение участников восстаний, так как они содержат графы о занятиях и недвижимом имуществе), свидетелей и представителей русской и туземной администрации. В некоторых делах имеются подлинные документы восставших (письмо с призывами участвовать в восстании и т. п.) или их переводы, но материалов этого рода очень мало. Следственные дела иногда подшиты к соответствующим судебным.

Судебные дела значительно менее содержательны. Основное ядро их составляют обвинительный акт, протокол судебного заседания (при чем из судебного следствия и прений сторон в протоколы заносились только отдельные фразы, а иногда и ничего), резолюция и приговор. Остальную часть дел, достигающих иногда солидных размеров, заполняют протоколы распорядительных заседаний и всякого рода повестки.

Дела военного прокурора содержат, кроме разной мелкой переписки, заключение о направлении дела, обвинительный акт и (не всегда) приговор, иногда имеются еще

кое-какие заметки о деле и списки обвиняемых и свидетелей.

Материалы судной части Штаба ТВО представляют из себя наиболее удобный источник для общего ознакомления с результатами следствия. Они сгруппированы в дела по областям и сохранились целиком. Состоят они из заключений военного прокурора, приказов о предании суду, приговоров с конфирмацией генерал-губернатора и прошении о помиловании. По нескольким делам приговор отсутствует – вероятно, эти дела были прекращены революцией. Прошения о помиловании, (составленный большей частью защитниками, содержат иногда освещение событий несколько отличающееся от официального и некоторые сведения о социальной и имущественном положении осужденных.

Из фондов прокуроров Окружных судов, материалы, относящиеся к восстанию 1916 года выявлены пока только в фонде прокурора Ташкентского окружного суда. Дела эти “по наблюдению – за делом о ...” иногда содержат только данные о передаче дела из одной инстанции в другую, иногда же в них имеются заметки по существу дела. К делам, прекращенным за неразысканием виновных, (о событиях в Чиназе и Каунчах) подшиты следственные производства, в этот же фонд попало несколько следственных дел прекращенных революцией.

В делах Канцелярии и судной части Штаба ТВО сохранилось несколько дознаний, которые не были переданы судебным и следственным органам. Наиболее важные из них: дознание полк. Колосовского о массовых избиениях русскими мирных торговцев “сартов” и китайцев в Аксуйке (КТГГ арх. № 1203) Мельникова о событиях в Аулиэ-Атинском уезде (КТГГ арх. № 1200) и некоторые другие того же рода (КТГГ № 9 арх. № 1093 л. 227 № 42/2 арх. № 1127). Несколько дознаний – о событиях в Ходженте, о погроме на станции Урсатьевской, о мародерстве русских солдат в Джизаке и др. находятся в одном из дел судной части штаба ТВО (арх. № 107) два других дела того же фонда содержат дознания о восстании туркмен в пределах Персии (арх. № 114 и 114-а)

Надо еще отметить расследование о поступках защитников по делу о восстании в Той-Тюбе, возникшее по газетной заметке (защитники требовали с приговоренных к смертной казни огромные суммы за написание прошений о помиловании. КТГГ (№ 48 арх. № 1150). Дела КТГГ под заголовком “Введение в Туркестанском крае военного

положения” содержат, переписку об учреждении временных военных судов и о предании военно-окружному суду.

Нужно еще сказать – несколько слов о тех работах, в которых использованы и цитируются описанные выше материалы. Сюда относятся работы тов. Фелодопа (“Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии”), Миклашевского (статья в журнале “Былое” № 27-28 за 1924 г.). Рыскулова {в сборнике “Очерки Революционного движения в Средней Азии” и отдельной брошюрой), Галузо (“Туркестан колония”), Шестакова (статья в журнале “Историк Марксист” № 2 и брошюра “15 – летие восстания 1916 года”), Божко (статьи в газете “Узбекистанская правда” от 26, 27, 28, и 30 июля 1931 года и несколько более мелких работ. Наиболее полно архивные материалы использовал т. Шестаков, но некоторые материалы остаются еще никем не тронутыми. В заключение выразим пожелание, чтобы настоящий обзор в дальнейшем был дополнен сведениями о материалах по восстанию 1916 года, хранящихся в Центрархивах Казанской, Киргизской и Туркменской республик и Кара-Калпакской автономной области.

С. ВОЛИН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие. С. В о л и н.....	8
--------------------------------	---

ВОССТАНИЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

I. Доклад Самаркандского военного губернатора Лыкошина.....	19
II. Доклад полицеймейстера старого города Ташкента Тихоцкого.....	43
III. Доклад Ташкентского уездного начальника Караульщикова.....	47
IV. Доклад Аулие-Атинского уездного начальника Костальского.....	55
V. Доклад Сыр-Дарьинского военного губернатора Галкина.....	60
VI. Доклад Ферганского военного губернатора Иванова.....	65
VII. Доклад помощника главного военного прокурора Игнатовича.....	88
VIII. Доклад драгомана Консульства в Кашгаре Стефановича.....	100

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА О ВОССТАНИИ

Стенографический отчет Государственной Думы Заседание 13 декабря 1916 года.....	123
Керенский.....	139
Джафаров.....	148
Заседание 15 декабря 1916 года.....	167
Кн. Мансырев.....	167
Гр. Капнист 2-й.....	176
Аджемов.....	181
Керенский.....	188

ПОВСТАНЦЫ О ПРИЧИНАХ ВОССТАНИЯ

Заявления о причинах кара-киргиз Пржевальского
уезда Российскому консулу в Кульдже.....191

Приложение: Обзор архивных материалов по
восстанию 1916 года в Средней Азии. С. Волин.....193

ҚҶЖАТТАР МЕН МАТЕРИАЛДАР

№ 1

*Копия
секретно*

Его Императорскому Величеству

Туркестанского Генерал-Губернатора и Командующего
войсками Туркестанского военного округа

РАПОРТ

Высочайшее повеление о привлечении туземцев Туркестанского края к работам в тылу армии, сообщенное телеграммой Министра Внутренних Дел 28-го июня 1916 года № 18991, вызвало серьезные беспорядки в областях Туркестанского края, как среди оседлого, так, в особенности, среди кочевого населения.

Карта №1. Беспорядки начались в Самаркандской области и только в этой области, из всех трех коренных областей Туркестана, беспорядки в Джизакском уезде, начавшиеся 13 июля, приняли форму открытого восстания. В самом Джизаке были зверски убиты уездный начальник полковник Гукин и пристав капитан Зотоглов, а в уезде убитый и изуродованы Зааминский участковый пристав Соболев, жители русского селения Заамин, чины лесной стражи и партия статистиков министерства земледелия; всего по Джизакскому уезду погибло от рук мятежников 83 человека русских людей; 20 человек оказались ранеными и сверх того захвачено и уведено в плен до 70 человек, преимущественно женщин и детей, при чем большинство женщин были изнасилованы. Для подавления мятеж в Джизакском уезде из Ташкента был отправлен особый карательный отряд, действиями которого к 1 августа население было приведено к полной покорности.

В прочих районах области беспорядки ограничились нападениями на чинов низшей туземной администрации, коих было убито 4 человека и ранен 1.

Материальный ущерб от беспорядков выразился: а) в порче железнодорожного полотна и сожжении станционных сооружений на участке от ст. Джизак до ст. Обручево, протяжением 65 верст; б) в сожжении 40 казенных и 9 частных построек и в) в потере русским населением 150 лошадей, 255 голов крупного и более 1000 голов мелкого скота.

Утерянное частное имущество оценивается владельцами, по видимому преувеличенно, свыше 1 миллиона рублей.

Карта №2

В Сырдарьинской области. 11 июля в туземной части гор. Ташкента произошли беспорядки, хотя и незначительные (ранены были 2 полицейских), но в следствие особого положения Ташкента, как главного города края, оказавшие влияние на умы туземцев, в частности на развитие беспорядков в Джизаке.

Беспорядки в других пунктах области выразились в противодействии составлению чинами туземной администрации списков подлежащих набору рабочих, при чем были убиты 6 чинов туземной администрации.

В Амударинском отделе 24 июля толпою киргиз были зверски убиты Чимбайский участковый пристав Микельджанянц и его жена.

С 11 августа в граничащей с Семиреченской областью восточной части Аулие-Атинского уезда, как отголосок киргизского восстания в Семиречье, начались волнения киргиз, разразившийся в конце августа и в начале сентября дерзкими нападениями на наши почтовые станции и поселки, сопровождавшимися убийствами русских крестьян и уничтожением их имущества.

Особенно пострадало селение Ново-Троицкое, находившиеся вдали от других русских поселков, на границе Аулие-Атинского и Пишпекского уездов, где погибло до 40 жителей, сожжено несколько усадеб и угнан был почти весь крестьянский скот. Для усмирения мятежников потребовалась высылка особого отряда, с прибытием которого беспорядки 24 сентября прекратились.

В середине ноября замечалось тревожное настроение киргиз Казалинского уезда в связи с беспорядками, возникшими в Тургайской области.

Всего в области убито 3 чина русской и чинов туземной администрации; из русского населения убито 45 и ранен 1.

Материальные убытки еще выясняются.

Карта №3 **В Ферганской области.** Отдельные проявления беспорядков были направлены преимущественно против полиции и туземной администрации и имели целью препятствовать в той или иной форме составлению списков рабочих. Первые беспорядки произошли 9 июля одновременно в городах Коканде и Андижане, при чем в последнем толпа, с участием фанатично настроенной молодежи из учеников медресе, грозил перерезать всех должностных лиц и бросал камнями и палками в полицию и казаков; после нескольких выстрелов, коими были ранены 2 туземца, толпа разошлась.

11 июля в г. Намангане, при рассеянии огромной толпы, угрожавшей воинской команде, убит 12 и ранено 38 сартов.

Во время беспорядков в других пунктах области были убиты 1 русский стражник и 11 чинов туземной администрации.

Материальные убытки еще выясняются.

Карта №4 **В Семиреченской области.** Первые сведения о мятеже киргиз были получены 6 августа; в этот день, в юго-восточной части Верненского уезда, в долине реки Асы, две волости оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного начальника, прибывшему для составления списков рабочих. Того же числа, в районе станции Самсы в 80 верстах к западу от Верного, скопища киргиз испортили телеграф и нарушили правильность почтового сообщения, разрушая почтовые станции, совершая разбойные нападения на почту, забирая имущество и пассажиров и угоняя лошадей. К 9-му августа уже были разгромлены все почтовые станции от Курдая до Верного.

Взбунтовавшимися затем киргизами 6-т волостей в окрестностях Пишпека и Токмак было прервано всякое сообщение с Пржевальском; одновременно началось восстание и в окрестностях Пржевальска. Большая скопища киргиз, частью вооруженных, появившись в районе Кастекских гор и в горных ущельях п

долинам реки Асы, Чилика, Сусамыра, Большого и Малого Кебина, делали набеги на русские селения, истребляя имущество и зверски убивая попадавших в их руки русских жителей.

В действиях киргизских шаек замечалось некоторое организованность: часть их имела особые значки – знамена; у некоторых бунтовщиков на шапках были надеты однообразные металлические бляхи; применялось сигнализация для передачи сведений о движениях наших отрядов; в горах были устроены мастерские для изготовления пороха и выделки холодного оружия.

Еще перед началом восстания был захвачен киргизами, после гибели небольшого конвоя из 3 нижних чинов, транспорт оружия из 170 берданок и 40000 патронов, следовавший в Пржевальск. Часть вооружения была доставлена мятежниками из пограничных местностей Китая.

Главными очагами восстания явились горные местности южной части Пишпекского уезда и весь Пржевальский уезд с прилегающей к нему южной частью Джаркентского уезда. В этом районе подверглись разгрому почти все русские поселки, уцелевшие жители которых укрылись в селении Токмак и в городах Пишпек и Пржевальск. В одном Пржевальском уезде в имущественном отношении пострадало 6024 семейства русских поселенцев, из коих большинство потеряло всю движимость. Из чинов администрации погибли: помощник Пржевальского уездного начальника подполковник Кайчев и пристав Загорных волостей Пишпекского уезда Меньшиков со всем его конвоем, а из отдельных воинских команд в Нарынском участке – 1 прапорщик с 9-ю казаками и 8-ю солдатами, в Каркаре – 24 казака и окрестностях Джаланаша – 6 казаков.

В остальных уездах Семиреченской области хотя и не было столь резких проявлений мятежа, но замечалось брожение среди киргизских масс. Около 17 волостей северной части Джаркетского уезда и несколько кочевых волостей из Прибалхашского района Верненского, Копальского и Лепсинского уездов собирались переселиться в Китай, но в большинстве случаев эти попытки

не удавались, и киргизы, изъявив покорность, возвращались на свои кочевья.

Для усмирения восстания Семиреченский киргиз из других областей края было направлено 3½ дружины, 7 рот стрелков из состава запасных полков, 5 сотен и 14 орудий. Войска эти высланы были в Семиречье в трех направлениях: со стороны Андижана – на Нарынское укрепление, со стороны Черняева – почтового тракта на Пишпек и Токмак, и кружным путем по железным дорогам – на Семипалатинск и оттуда походом на Сергиополь – Лепсинск – Верный.

Кроме того, из действующей армии присланы были 2 казачьих полка с казачьей батареей и двумя Кольцовскими пулеметными командами, из коих 7 Оренбургский казачий полк направлен был через Черняев, а 9 Сибирский казачий полк через Семипалатинск на Верный. С прибытием этих войск бунтовавшие киргизы, после незначительного сопротивления, оттеснены были в пограничные горы и, терпя недостаток в продовольствии, теряя скот от недостатка в горах подножного корма, вынуждены были просить о помиловании.

Однако 39 волостей мятежных киргиз Пржевальского и Пишпекского уездов и дунгане сел Маринского, вместе с наиболее видными из вожаками, после сосредоточения в районе восстания наших войск, через Сырты и в горы забрав с собою захваченных ими в плен русских, перебрались в Китай и поселились частью в Кашгарской и Кульджинской провинциях, частью же во внутреннем Китае; в следствии потери весьма значительного скота беглецы, по сообщению наших консулов, болеют, бедствуют, ныне получили разрешение вернуться.

По доставленным уездными начальниками сведениям, число жертв мятежа в Семиреченской области и гражданского населения выражаются в следующих цифрах:

В Верненском уезде убито	16 чел
В Джаркентском	32
и без вести пропало	20
В Пишпекском уезде убито	98
и без вести пропало	65

В Пржевальском уезде убито.....2179
и без вести пропало.....1299

Потери в войсках: убито 3 офицера, 52 н.ч.,
ранено 41 н.ч. и без вести пропало 75 н.ч.

№5 В Закаспийской области объявление ВЫ-
СОЧАЙШЕГО повеления о наборе рабочих было
встречено населением в общем спокойно, хотя
отдельными обществами выражались пожелания
о замене натуральной повинности денежной и
недовольство тем, что туркмены, подобно сартам,
должны будут сделаться рабочими, так как, по
мнению туркмен, работа с кетменем и киркою
недостойно храбрых людей, призванных быть
войнами. Заявляя об этом, туркмены Мервского
уезда просили свою бывшую ханшу Гюльджамал
быть посредницею между ними и высшим пра-
вительством. После объявления туркменам, что
поставляемые ими люди будут нести лишь сто-
рожевую и охранную службу, большинство турк-
менских племен – текинцы Ахала и Мерва (уездов
Ашхабадского, Теньдженского и Мервского), из
которых уже ранее был сформирован конный
Текинский полк, доблестно несущий боевую
службу в действующей армии, беспрекословно
выставили потребованное от них число людей.
Однако в пограничных с Персией местностях
Красноводского уезда, населенных кочевниками
из племени иомудов, откочевавших на зимнее
время года в пределы Персии, глухое недоволь-
ство перешло постепенно к проявлениям откры-
того неповиновения и мятежа.

Первое проявление беспорядков возникло в
районе реки Атрека в середине августа: 15 и 16
числа этого месяца туркменами было оказано
вооруженное сопротивление Чикишлярскому
приставу, прибывшему в район поста Курбанказ
для составления списков стражников, причем
были обстреляны патрули и разъезды сопровож-
давшей пристава воинской команды и убиты 2
и ранены 3 нижних чина. В то же время в окрест-
ностях укрепления Чатлы появились многочис-
ленные скопища иомудов, прервавшая телеграф-
ные сообщения с Чикишляром.

Во второй половине августа большая скопища

иомудов начали переходить из русских пределов в персидские степи. Это переселение продолжалось и в сентябре, причем из Красноводского уезда перешло в Персию более 2000 кибиток иомудов, привлечших на свою сторону также весьма значительную часть племень Джафарбайцев, Атабайцев и Ак-Атабайцев.

В 20-х числах сентября в русских поселках по Гюргеню стали появляться случаи угона скота туркменами, а возле Астрабада, вооруженные берданками и 3-х лин. винтовками туркмены 2 раза обстреляли наш казачьи разъезд, ранили 2-х казаков и заняли укр. Ак-Кала, откуда открыли сильный огонь по высланному из Астрабада нашему отряду, стреляя разрывными пулями. После двухчасовой бомбардировки Ак-Кала была очищена туркменами, которые понеся большие потери, бежали к морю.

С 25-го по 29-е сентября туркменские шайки разгромили в районе реки Гюргень 3 русских имения и произвели ряд нападений на наши поселки; при этом 4 селения были разрушены и 2 селения пострадали; жители этих селений были выведены под охрану русских войск в ближайшие к Гумбет- хаузу поселки.

Выступивший 30 сентября из укр. Чатлы к Гумбет- хаузу наш отряд, силою 100 штыков и 150 сабель, с тремя пулеметами и 2-мя орудиями сопровождавший обоз и продовольственный транспорт, во время пути 2 раза подвергался нападению больших скопищ вооруженных скорострельными винтовками мятежников, при чем в ночь на 1 октября были убиты ротмистр Пожарский и 2 нижних чина и ранены 2 нижних чина.

В течение октября шайки иомудов производили частые и весьма дерзкие нападения на наши отряды, транспорты и посты; при этом было убито 8 и ранено 2 нижних чина, из кои попавшие в руки иомудов 5 нижних чинов были зверски изуродованы.

Из русских поселков в долине Гюргеня особенно настойчивым нападениям подвергались поселки Донской и Саратовский.

В конце октября мятежные скопища появились и в окрестностях Ходжа-Нефеса, склоняя

против нас доселе мирных туркмен приморского района; в тоже время они осадили Молоканский поселок в устьях реки Карасу и угнали из его окрестностей крестьянский скот.

События, происходившие в районах Атрека и Гюргеня, отразились в октябре и в других местностях Закаспийской области, прилегающих к Персии, выразившись в форме разбойных нападений на наши железнодорожные сооружения и станции и попытках порчи полотна железной дороги, мостов и телеграфа в районе станции Теджень. Произведенное 6 октября попытка внезапного нападения на город Теджень, своевременно предупрежденная, была отбита, при чем во время перестрелки у нас были убиты 3 нижних чина и тяжело ранен мостовой сторож.

Близь города Серакса, при формировании партии поставленных населением стражников, произведено было нападение с целью отбить эту партию, но она благополучно проследовала в Теджень.

В ноябре месяце мятежная деятельность иомудов в Астрабадской провинции выражалась в тех же формах, что и в октябре, но замечалось скопление их в более крупные шайки, руководимые главарями: Баба-Клычем, Шихи-Ханом Диведжи и Эссен-Ханом. В первой половине ноября главные силы иомудов находились в западной части Астрабадского района, на побережье Каспийского моря, где к ним присоединились большинство приморских Джафарбайцев. В этом районе с 4 по 11 ноября иомуды несколько раз пытались учинить разгром рыбных промыслов Лианозовых, между поселками Гюмиш-Тепе и Карасу, но были отбиты при участии огня артиллерии и десанта с судов Ашур-Адинской морской станции. С середины же ноября большие мятежные шайки вновь появились в долине реки Гюргеня, образовав три главные группы — одну в районе Ак-Кала, другую близь горы Морав-Тепе и третью — в районе Чатлы. Последней группой 2 ноября был обстрелян направляющийся из Кара-Кала в Гумбет-хауз отряд в составе 3 рот и батареи с транспортом из 300 верблюдов

и 40 арб; мятежники, понеся большой урон, были рассеяны. В этом же районе 25 ноября сопровождавшие обоз из 400 верблюдов и 160 вьючных лошадей две роты 2-го Сибирского полка и сотня пограничников, по дороге из поста Кизил-Иман на пост Чат, были обстреляны иомудами, причем у нас был убит один и ранено 18 нижних чинов. Стесненный большим транспортом отряд отступил в Кара-Кала.

К началу декабря для действий против иомудов собраны были весьма значительные, по азиатскому масштабу, силы, составившие Гургенский отряд под общим начальством Генерал-Лейтенанта Мадритова (6 батальонов, 15 сотен 18 орудий и 17 пулеметов).

Карта №6 6 декабря главные силы отряда, направленные со стороны Астрабада и Чижишляра заняли оставленное бежавшими иомудами укрепление Ак-Кала, а затем направились в Гумбет-хаузу. При приближении наших отрядов шайки иомудов искали спасения в бегстве.

Очистив от мятежников западную часть Астрабадской провинции, захватив несколько главарей и отобрав при этом до 1000 винтовок Генерал-Лейтенант Мадритов направился вслед за бежавшими мятежниками к Морава-Тепе.

В то же время к Морава-Тепе направлен был с севера из Кара-Кала отряд, силой в 2 роты и сотню; преодолев упорное сопротивление иомудов, отряд потеряв убитыми 8 и ранеными 1 нижних чинов, занял перевал через труднодоступный по крутизне хребет Сягирим-Даг; отошедшие иомуды закрепились на следующем хребте, Кара-Баир-Даг. Однако приближение главных сил Генерала Мадритова к Морава-Тепе с юга заставило иомудов отойти и с последнего хребта, очистив путь Каракалинскому отряду.

Стиснутая нашими отрядами с севера и юга главная масса мятежников бросилась на запад; но здесь, настигнутая преследовавшими и нашими войсками, в боях 28-31 декабря, в районе восточнее линии Чат-Яглы Олум, была разгромлена. Ныне главные вожаки мятежных племен частью захвачены, частью сами явились с повинною, прося о пощаде.

За время экспедиции Генерал-лейтенант

Мадритова в течение декабря наши потери выразились следующими цифрами: убито 2 офицера и 30 ниж. чин., ранено 28 ниж. чин и без вести пропали 2 ниж. чина.

Всего же, за время иомудского мятежа, убито 2 офицера и 59 ниж. чинов, ранено тоже 2 офицера и 59 ниж. чинов и без вести пропало 3 нижних чина. Сверх того убит 1 телеграфный чиновник.

Потери среди русских поселенцев еще не выяснены; материальный же ущерб их определяется приблизительно до 300000 рублей.

Ныне, с выдачей главарей туркмен иомудов и прибытием с повинною главного предводителя их Баба-Клыча, можно признать, что беспорядки и восстание прекращены во всем туркестанском крае.

Принятие военных мер и спокойное ознакомление населения с тем, что от них требуется, твердое указание, что их ожидает, если требования не будут выполнены, отрезвили туземное население. Оно признало свое бессилие противиться русской власти и всюду выполняет ВЫСОЧАЙШУЮ волю о поставке рабочих.

Выставление рабочих от киргизского населения Семиреченской области запаздывает, как вследствие волнений в этой области, так и вследствие необходимости дожидаться появления подножного корма.

Эти беспорядки с наступлением теплого времени и появлением подножного корма могут возобновиться, ибо, хотя они и подавлены силою оружия, но причины, вызвавшие эти беспорядки, не все устранены, и положение Туркестанского края еще и в настоящее время не может быть признано спокойным.

Такое ненормальное состояние обширного Туркестанского края, в то время, когда все силы и средства всей Великой России нераздельно должны направляться к достижению полной победы над сильным внешним врагом, обязывают меня с полною откровенностью доложить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о главных причинах, вызвавших беспорядки, о принятых уже мерах военного и административного

характера к их прекращению, и, наконец, о мерах, кои, по моему мнению, должны быть приняты, дабы устранить в возможной степени возникновение подобных беспорядков в будущем.

Главные причины беспорядков в Туркестанском крае.

а) Поводом и ближайшею причиною беспорядков, несомненно, послужил призыв туземцев Туркестана к выставлению рабочих.

Этот призыв, переданный в слишком спешном порядке, с приказанием ставить рабочих немедленно, поставил и население, и администрацию края в тяжелое положение. При отсутствии посемейных списков и отсутствии регистрации населения по возрастам, требование выставить на работы мужское население в крае от 19 лет до 31 года представило огромные технические трудности и в то же время ставило население в крайне тяжелое положение, отнимая главную массу рабочей силы в период усиленных работ по реализации урожая.

Всевозможные слухи быстро проникли в народную среду и глубоко взволновали ее. Очень вредным оказался слух, что набор рабочих составляет в скрытом виде привлечение туземного населения к воинской повинности. Население волновали такие слухи, что рабочие будут поставлены в сфере действительного огня для истребления их, с целью передать их земли русским переселенцам.

Агитация среди туземцев отчасти, как выяснило судебное разбирательство, велась и на политической подкладке с участием некоторых представителей туземного духовенства.

Характерным показателем враждебной нам агитации может служить тот факт, что взбунтовавшиеся туземцы Джизакского уезда, избивая русских людей, кричали, что они не хотят быть больше русско-подданными, а хотят быть подданными "германа", в чем им поможет Афганистан.

Следствие устанавливает, что проживавший в Богданском участке, Джизакского уезда, сын бывшего Чардаринского бека, Джевачи Абдужабаров был избран Джизакским беком и открыл поход

на Джизак с целью образования самостоятельного бекства.

В Санзарском участке того же уезда некий Туракуль Турдабеков был объявлен Санзарским беком.

Наконец, в Зааминском участке Джизакского уезда, ишан Касым Ходжа был избран Зааминским беком.

Присутствовавшие среди туземцев пленные и агенты Германии и Турции тоже в своей работе нашли подготовленную почву.

б) Неудовлетворительность положения об управлении Туркестанским краем 1887 года. Попечительная забота русской администрации по отношению к туземному населению признана была излишнею. Уездных начальников приравнивали к исправникам и этим отодвинули их от населения. Штат определили малочисленный и плохо материально обеспеченный. Этими мерами передали фактическую власть над населением в руки туземной администрации: волостных, казиев и биев. Эти туземные власти заслонили население от администрации и приобрели огромную силу. В большинстве они служат по многу лет и не по выбору, а по назначению. Они по проявленному ими произволу как бы вернули времена до завоевания края русскими (власть беков). Народный суд стал неправым и неравным и вызывал, кроме Закаспийской области, недовольство населения.

Получив приказание о наряде рабочих, уездные начальники и пристава приказали туземным должностным лицам составлять призывные списки. Беспорядки и начались с требований населения прекратить эту перепись, выдать составленные списки. При этом сводились счеты с притеснителями (7 волостных, 6 писарей, 10 стражников убито).

Среди волостных, особенно в киргизских волостях, оказалось несколько преданных русскому правительству лиц, самоотверженно борющихся с своими родичами и защищавших русские поселения и почтовые станции.

Среди чинов русской администрации имеются, особенно в числе уездных начальников, очень опытные и достойные лица. Они умело и самоот-

верженно работали, чтобы остановить волнение, и работают теперь. Участковых приставов оказалось совершенно недостаточно, и они не имели сил и средств остановить начавшиеся беспорядки.

В общем чины администрации оказались неосведомленными о том, как отнесется население к призыву рабочих. Ранее чины администрации были неосведомлены о действиях волостных, недостаточно следили за народным судом, за школою и за духовною жизнью туземного населения.

Кроме этих общих причин, вызвавших беспорядки туземного населения, я считаю своим верноподданническим долгом донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и о причинах, кои в течение последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп туземного населения Туркестана.

Главнейшая из этих причин следующая:

У оседлого населения трех коренных областей Туркестана

Развитие хлопкового хозяйства, особенно в Фергане, вызвало прилив в край огромных денежных сумм. Образовалась небольшая группа очень богатых туземцев наряду с обеднением мелких землевладельцев. Быстро развившиеся в хлопковом деле машинное капиталистическое хозяйство сделало кустарный труд хозяев мелких земельных участков мало производительным. Явилась задолженность и потеря этих участков. Происходить скупка земель богатыми туземцами, в том числе и туземными евреями, увеличивая число безземельных. Быстрый рост учреждений мелкого кредита позволяет надеяться, что этот вредный в государственных отношений процесс обращения в пролетариев еще недавно спокойной и работающей части населения приостановится. Насколько велика задолженность населения, видно из этого. что только в Ферганской области, по сведениям судебного ведомства, за 1914 и 1915 года предъявлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 мил. рублей.

Охранительные меры в целях сохранить за

населением, даже при задолженности его, небольшие участки земли, не подлежащие продаже, на практике не всегда применялись, вследствие неясности отчасти противоречивости мероприятий охранительного характера, наряду с определенными законоположениями о взысканиях с должников по бесспорным документам.

За долги у туземцев продавалось во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь.

Волостные старшины и судьи (казий) стали во многих случаях на сторону богачей и решали дела в их пользу явным пристрастием. Обедневшая масса населения в трех основных областях в значительной степени стало недовольно своими туземными властями, судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей.

Обилие денег у части населения сопровождалось падением нравственности, особенно у туземной молодежи. Кутежи, пьянство, разврат и азартная карточная игра возмущали туземное духовенство и стариков и вызывали у них недовольство русским управлением, допустившим такое падение нравственности.

У киргизского населения

Среди других народностей, населяющих Туркестанский край, киргизское население, составляющее до 2615 тысяч душ, является наиболее бесправным относительно пользования землею. По существующему закону, земли, которые ныне обеспечивают существование киргизского населения при кочевом образ жизни, признаются государственною собственностью и излишки их могут поступать в распоряжение казны. Слишком широкое толкование о размере этих излишков, особенно с 1904 года, повело к тому, что у киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач — единственного владения казны. Это явление было отмечено уже при ревизий сенатора

графа Палена, но на его не было обращено должного внимания. Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население стеснено в распоряжении этою землею лесною стражею. Многочисленная, дурное материально обставленная и лишенная должного контроля, эта стража является бичом населением. По всем областям при объезде края мне принесены на лесных объездчиков многочисленные жалобы. Старшие чины лесного ведомства признают наличность этих злоупотреблений, но без улучшения материального положения этой стражи, увеличения числа ее и точного определения границы казенных дач не видят возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые лесною стражею даже на землях, оставленных в пользовании кочевого населения.

Кроме изложенного, киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей, недовольны и своим народным судом биев.

У туркменского населения

Главная масса туркменского населения, текинцы, осталась спокойна. Выставленный почти полностью этим населением текинский полк доблестно сражается в рядах нашей славной армии. Туркменское население в большей мере, чем в других областях, довольно своею туземною администрацией, народным судом и земельным устройством. Наибольшее опасение и тревогу населения вызывает водный вопрос. Реки Мургаб и Теджень несут мало летней воды, которая разбирается полностью, и в последние годы количество ее значительно уменьшилось, по причинам, еще недостаточно выясненным, либо истоки Мургаба и Теджена лежат в пределах Афганистана. Мургабское Государево имение, дающие туркменам Мервского уезда очень значительные заработки и служащее примерам правильного хлопкового хозяйства, тоже вызывает опасение за будущее: водные бассейны, собирающие весеннюю воду, постепенно заплывают и могут оказаться недействующими.

К сожалению, с 1912 года среди туркмен,

особенно Мервского уезда, возникло между отдельными лицами и отдельными партиями острая рознь из-за неумелой, а в отдельных случаях и преступной, деятельности низших агентов охранного отдаления. Неосторожное набирание охраняемых агентов, даже среди невежественных туркмен, дало этим избранным вредную и опасную власть. Начали сводиться личные счеты на почве политической неблагонадежности, взимались взятки, а не дающих заключали в тюрьму по доносам об их политической неблагонадежности. Командированный по моей просьбе Военным Министром судебного ведомства генерал-лейтенант Игнатович подробно выяснил виновность отдельных лиц, кои, прикрывшись целью политического сыска, преследовали только личные цели.

Наиболее опасным и беспокойным среди туркмен элементом оказались, как то было и ранее, иомуды. Имея свои зимовые стойбища в пределах Персии, эти иомуды решили силою оружия не подчиняться распоряжению о поставке рабочих и, откочевав ранее обыкновенного в пределы Персии в район р. Гюргень, произвели, как указано было выше, ряд нападений на русские посты и русские селения.

Другая группа иомудов, подчиненная Хивинскому хану, тоже до сих пор является угрозою спокойному течению жизни населения Хивинского ханства.

Причина смелости туркмен-иомудов наших подданных, поднявших на нас оружия, крылась в надежде на нашу военную в Туркестане слабость и поддерживалась преувеличенными слухами о неудачах наших войск, действующих в Персии, и скором появлении турок в Тегеране.

Неспокойное состояние туркмен-иомудов в Хивинском ханстве поддерживается слабостью Хивинских властей и несправедливым в некоторых случаях, отношением их к нуждам этих туркмен-иомудов.

Вышеизложенная сложная и тревожная обстановка, создавшаяся в Туркестанском крае, обязывало к принятию ряда мер:

- 1) имевших целью, не взирая на беспорядки, оказывать содействие нашей армии в достижении полной победы;
- 2) мер военного и воено-политического характера, обеспечивающих внутреннее спокойствие края и охрану границ его со стороны Персии, Афганистана и Китая;
- 3) мер общего характера в целях успокоения и лучшего устройства Туркестанского края;
- 4) мер, принятых по военному положению края и вызванных восстанием туземного населения.

Приемлю смелость доложить кратко ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о главнейших из уже принятых мер.

Меры эти принимались, как по указаниям центральных властей, так и мною лично, по предоставленным мне, доверием ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, правам Главнокомандующего.

I

Меры к содействию нашей армии в достижении полной победы

Выставление населением Туркестана рабочих для тыловых работ и работ на оборону внутри Империи налажено и ныне происходит в полном порядке.

По 1-е февраля отправлено уже 110 тысяч, из них 4163 человека проследовали через Семипалатинск на Омск, 4373 по Средне-Азиатской ж.д. на Красноводск и далее на Баку; остальные по Ташкентской железной дороге на Оренбург.

Кроме того, по разрешениям из Петрограда, оставлено в пределах Туркестанского края для работы на железных дорогах и в предприятиях, работающих на оборону, свыше 10000 туземцев.

Всего выставлено свыше 120000 рабочих и будет еще выставлено до конца мая до 80000 чел.

В течение войны отправлено из Туркестанского края нужных для армии грузов:

Хлопка 40.899.244 пуд.

Кошмы 38.004 кв. арш.

Хлопкового масла 3.109.000 пуд.

Мыла 229.000 пуд.

Мяса в заготовке отправлено 300.000 пуд.

Рыбы 473.928 пуд.

Клещевины 50.000 пуд.

Отправлено лошадей 70.000.

“ _ ” верблюдов 12.797.

“ _ ” повозок 270.

“ _ ” юрт 13.441 шт.

Пожертвовано населением на нужды войны
2.400.000 руб.

Наиболее важною мерою для содействия армии нашей к победе является полное спокойствие и упорная работа на армию всего Туркестанского населения. В этом отношении особую важность и для Туркестанского края приобретает водворение и поддержание в нем спокойствия.

Независимо тех мер, кои перечислены ниже, для обеспечения спокойствия в Туркестанском крае потребовалось обеспечить население продовольствием до нового урожая и семенами для посева. Население, особенно Ферганской области, усиленно занимаясь посевами хлопка, живет в значительной степени привозным хлебом.

По донесениям военных губернаторов, общая потребность до нового урожая в привозном хлебе, считая и потребность в хлебе населения Бухары, определялась свыше 20 миллионов пудов.

Рядом принятых мер по лучшему использованию местных средств и по подвозу хлеба из Сибири и Европейской России, при полном содействии Министров Земледелия и Путей сообщения, население края до сих пор обеспечено хлебом и при том по цене, доступной для бедной части населения. Тревогу вызывает лишь обеспечение даже в настоящее время части киргизского населения Семиреченской области, бросившей при восстании свои посевы и при движении наших войск укрывшейся в пределы Китая. Трудность подвоза продовольствия даже возвратившимся в наши пределы и изъявившим покорность бунтовщикам вызывается местными условиями (снега в Тянь-Шанских горах, отсутствие колесных путей, огромные высоты перевалов), но и по отношению к этим киргизам меры для доставки им хлеба принимаются. Но если по тем или другим причинам прекратится определенный ныне подвоз хлеба по железным дорогам, население Туркестанского края станет испытывать острую нужду в

хлебе, и возможность возникновения беспорядков на почве голодовки еще не устранена до нового урожая.

Принимаются все меры, чтобы и далее, до достижения нашей армией победы, все продукты, предметы, лошади, верблюды, скот, рыба, самым энергичным образом доставлялись в армию, не считаясь с временным недостатком этих средств для местного населения.

II

Меры военного и военно-политического характера для обеспечения внутреннего спокойствия края и охраны внешних границ

Волнения и восстания, охватившие обширные районы в Туркестанском крае, вызвали усиленное передвижение войск и использование для действий против бунтовщиков части маршевых рот запасных полков. Некоторые части войск, двинутые в Семиреченскую область, еще не возвращены на места постоянных стоянок. Военные действия в Гюргенском районе только что закончены.

Для поддержания спокойствия внутри края приняты меры к охране железных дорог, всех городских и некоторых сельских поселений и составлены соображения для быстрого передвижения войсковых частей к угрожаемым пунктам. В Семиреченской области и Гюргенском районе, куда трудно подать подкрепления, сосредоточены достаточные силы для первого отпора. После данного населению урока можно ожидать, что спокойствие не будет нарушено в трех основных областях края и в Закаспийской области.

Нельзя, однако, ручаться за то, что часть киргиз Семиреченской и даже Сыр-Дарьинской областей с появлением подножного корма не сделают новую попытку вооруженного выступления. Меры против такой опасности принимаются.

Что касается наших сил, предназначенных для охраны внешней государственной границы, то таковые очень незначительны и вынужденно были ослаблены выделением частей из гарнизонов Термеза, Керки и Кушки для борьбы с мятежниками.

Опасность слабости охраны нашей границы с

Китаем облегчается нашими союзными отношениями с Японией. Под угрозой удара со стороны Японии, надо надеяться, Китай не осмелится напасть на нас, что китайцам особо выгодно сделать со стороны Кульджи.

Слабость охраны нашей границы с Афганистаном более тревожна. Но и в этом случае наш союз с Англией создает столь действительную угрозу Афганистану, что Эмир Афганистана, по имеющимся сведениям, намерен держать строгий нейтралитет. Но если военные действия на европейских фронтах пойдут для держав согласия неудачно, если в особенности турки на Персидском театре войны вновь достигнут значительных успехов, Афганистан может еще стать в ряды наших врагов.

То же соображение применимо и к Персии. Взятие турками Тегерана и Тавриза может послужить сигналом возникновения в Персии переворота в целях вооруженного выступления против России совместно с турецкими войсками. Тогда волнения могут возникнуть в Закаспийской области, а с выступлением против нас Афганистана нельзя ручаться, что мусульманское население Бухары и даже всего Туркестана останется спокойным.

По этим соображениям я придаю по отношению к Туркестанскому краю особое значение действиям в Персии корпуса генерала Баратова. Если с переходом в наступление турки будут вытеснены из пределов Персии, уверен, что и Афганистан сохранит нейтралитет; тогда и поддержание спокойствия в Туркестане будет обеспечено. В целях усиления отряда генерала Баратова, я предложил сформировать в Туркестанском крае две стрелковых бригады и их вместе с двумя казачьими полками направить на усиление генерала Баратова. Предложение это ныне приводится в исполнение и два казачьих полка уже отправлены в Энзели.

Приемлю смелость высказать мнение, что обеспечение огромной государственной границы Туркестанского края по окончании великой войны полною победою славных русских войск, руководимых ДЕРЖАВНОЮ Волею ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, потребует прочного, отвечающего величию России, решения по

отношению к Персии. При этом мне представляется неизбежным возврат России достоинства Петра Великого- провинций Астрабадской, Гилян-ской и Мазандеранской и, кроме того, по соглашению с Англией, принятие под протекторат России северной части Персии с Тавризом, Тегераном и Мешедом.

По отношению к Афганистану перемены границы не требуется, но союзничество с Англией, закрепленное и для мирного времени, должно изменить враждебное и унижительное для России отношение Афганского правительства и открыть афганский рынок для эксплуатации его. Ныне афганцам открыт доступ в русские пределы, а русским доступ в Афганистан запрещен. Независимо сего России должен быть обеспечен полный контроль за расходом в пределах Афганистана вод реки Амударьи, Мургаба и Теджена и, наконец, по соглашению с Англией, Россия должна связаться через Афганистан с Индией железнодорожной сетью.

Что касается Китая, то опасность со стороны этой империи с 400 миллионным населением в будущем для России несомненна. Наиболее уязвимым для России участком границы, как и 800 лет тому назад, останутся великие ворота народов, через которые орды Чингиз-Хана хлынули в Европу.

Пока Кульджа будет в руках китайцев, охрана Туркестана со стороны Китая будет очень затруднительна или потребует в будущем большого количества войск.

Нельзя оставлять эти ворота в руках китайцев. Изменение нашей границы с Китаем настоятельно необходимо. Проведением границы от массива Хан-Тенгри *) и Тянь-Шаня по прямой линии на Владивосток наша граница сократится на 4000 верст, а Кульджа, северная Монголия и северная Манчжурия войдут в состав Российской Империи.

III

Меры общего характера в целях успокоения края и лучшего устройства его в будущем

1) Прежде всего были приняты меры к разъяс

*) Высочайшего во всем Тянь-Шанском хребте (27 000 футов)

нению населению сущности предъявляемых к нему требований по поставке рабочих и причин, вызвавших эту меру. При объезде края я пользовался каждым случаем говорить с представителями населения. Представляемый при сем приказ от 23 августа 1916 г. за № 220 (приложение 1-ое), переведенный на туземные языки и отпечатанный в большом числе экземпляров, был распространен среди населения и способствовал, вместе с другими ранее принятыми мерами, успокоению населения, почетных, надежных туземцев к непосредственному участию в деле поставки рабочих принесло большую пользу. Эти выборные образовали волостные и уездные порайонные комитеты.

2) Для приостановки распродажи за долги земельных участков, даже без сохранения той части земли, которая определяется на каждые три года приказами Генерал-Губернатора, как неотчуждаемая, принимаются меры.

3) Равно принимаются меры к полному выяснению прав кочевого населения на участке земли, оставленные в его пользовании, по пастьбе скота и пользованию топливом, в целях ограничения злоупотреблений со стороны лесной стражи.

4) Принимаются меры, чтобы успокоить туркменское население Мервского уезда, волнуемое в целях наживы или сведения личных счетов под флагом политического сыска. Несколько человек, уличенных в провокаторстве, заключены в тюрьму и дело о них передается прокурорскому надзору.

5) Во всех городских поселениях организована борьба с возрастающей дороговизной и продажей спиртных напитков. Довольно значительное число лиц (74 чел.) пришлось, по представлению военных губернаторов, выслать из края, выдержав под арестом или наложив значительный штраф.

В целях лучшего устройства края в будущем с 31 августа приступил к выполнению ВЫСОЧАЙШЕЙ воли по составлению нового положения по управлению Туркестанским краем. В основание этой работы положены начала, изложенные в ВЫСОЧАЙШЕ утвержденном 23 февраля 1913 г. особом журнале Совета Министров.

Для получения материалов по главнейшим отделам положения были запрошены старшие

начальствующие лица в крае и лица, ранее служившие по военно-народному управлению края.

Пока получено 26 отзывов по заданным вопросам. В виду их разноречивости, мною предпринят был вторичный объезд главных пунктов края, в которые по особому расписанию созывались представители русского и туземного населения. Эти представители давали мне откровенные ответы по вопросам, связанным с устройством быта сельского населения, земельными и податными вопросами и народным судом. Такие же совещания были устроены мною в Ташкенте. Отдельные, опытные лица, сопровождавшие меня при объездах, ревизовали уездные управления, областные правления и подробно знакомились с деятельностью народных судов. Материал собран обширный.

Всего по составлению проекта положения под моим председательством было, считая и совещания с представителями населения, 50 заседаний.

К 1 февраля почти закончены отделы краевого, областного, уездного и сельского управлений (русского и туземного). Главная часть работы по составлению новых штатов закончена. Приступлено к рассмотрению обширного материала по народному суду.

Вместе с усилением краевой власти, проектировано значительное усиление власти начальств областного и уездного путем объединения в совещательных органах, — областных правлениях и уездных съездах, представителей различных ведомств.

Попечительные функции уездной администрации, почти уничтоженные положением 1887 года, проектировано восстановить и расширить.

По мере ознакомления при ревизии края с местными нуждами выясняются необходимые добавления и поправки к правительственной программе для Туркестанского края, диктуемые быстрым ростом населения Туркестанского края в разных направлениях.

IV

Меры, принятые по военному положению края, для охраны Государственно порядка, нарушенного вооруженным выступлением и восстанием туземного населения.

Целью этих мер было прекращение беспорядков, наказание бунтовщиков и лучшее, чем ныне, обеспечение безопасности и спокойной деятельности населения в Туркестанском крае, в особенности населения русских селений Семиреченской области.

1) как изложено выше, от беспорядков и восстания туземного населения в Туркестане пострадало во всех областях 3709 русских людей. Из них в значительной степени зверски убито 2325, пропало без вести 1384. Из русских должностных лиц убито 7 чел. во всех областях; из туземных представителей русской власти убито 22 чел. Разрушено или разорено свыше 9000 хозяйств, разрушен был участок железной дороги, сожжены мосты, сельскохозяйственные школы, уничтожено и пострадало несколько храмов и больниц.

Для умирения беспорядков было употреблено 14 $\frac{1}{2}$ батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов.

Военные действия против бунтовщиков охватили в разных областях края время с 13-го июля 1916 года по 25 января 1917 г. войска понесли потери: убитыми 97, ранеными 86 и без вести пропавшими 76 чел.

Значение этих потерь станет рельефнее, если привести потери наших войск при завоевании различных областей Туркестанского края.

Убитых, раненых и контуженных при завоевании территории:

1). Семиреченской области.....	105
2). Сыр-Дарьинской области с Аму-Дарьинским отделом.....	744
3). Ферганской области.....	134
4). Самаркандской области.....	811
5). Закаспийской области.....	1582

При умирении восстания, поднятого населением в Андижанском уезде в 1898 году, войска наши потеряли убитыми 18 и ранеными 22 человека.

Все главные виновники нападения на наши войска в 1898 г. были схвачены. Суду предано 420 человек. Из них 20 человек казнено, более 343

чел. сосланы были в каторжные работы. Независимо сего, волею ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в 1898 г. на виновных в восстании туземцев в Андижане, по представлению Туркестанского генерал-губернатора, были наложена контрибуция в 300 т. рублей. В виду необходимости особо строго покарать туземцев за мятежное восстание в Андижане, сопровождавшееся пролитием русской крови, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволили повелеть, чтобы земля, на которой была пролита русская кровь, была изъята из владения туземцев как недостойных того доверия, какое было оказано им русским правительством, оставившим эту землю во владении туземцев после завоевания ее силою русского оружия. Всего было отобрано в Андижане 286 десятин.

Кроме того ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволили утвердить представление туркестанского генерал-губернатора о сносе с лица земли трех туземных селений, где возник заговор и о конфискации в казну принадлежащих этим селениям 2954 десятин земли и обращение этой земли на образование русского селения. Воля ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА была приведена в исполнение и на этих землях в настоящее время находится обширное (в 200 дворов) и зажиточное русское селение, носящее название "Русское село".

Тяжкие преступления, совершенные в прошлом году туземцами Туркестана, забывшими свой верноподданныческий долг и перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ, и перед общею для всех народов, населяющих Россию великою нашею Родиною, требовали и тяжкого наказания.

Русские в Туркестане составляют около 540 т. чел. и разбросаны среди 7 мил. туземного населения, составляя лишь 7 ½ % всего населения Туркестанского края. Русское население невооруженно и невоинственно. Все родившиеся в Туркестане со времени его завоевания русские люди были освобождены от отбывания воинской повинности. При возникновении беспорядков русские люди живущие в селениях, составили не силу нашу на Туркестанской окраине, а слабость: приходилось

дробить войска, назначая их для охраны угрожаемых нападением селений.

Необходимо, чтобы туземное население твердо усвоило, что пролитая кровь карается не только казнью непосредственных виновников, но и отобранием земель у туземцев, оказавшихся недостойными владеть ею, как то было поступлено с виновниками Андижанского восстания. Этот принцип, твердо проводимый в жизнь при каждой вспышке туземного населения, имевшей в результате пролитие русской крови, должен заставить благоразумную часть населения удерживать неблагоприятную от попыток бороться против русской власти силою оружия. Эти начала были проведены и при наказании туземцев Туркестана за преступления против русского правительства в прошлом году.

1) По судным делам, уже решенным и утвержденным мною, к 1-му февраля было присуждено к смертной казни 347 чел., к каторжным работам 168 чел., исправительным арестантским отделениям 228 чел., тюремному заключению 129 чел. Считая, что главными виновниками являются главари и туземцы, непосредственное участие которых в убийстве русских людей доказано, я признал возможным смягчить наказание для темной массы виновных. В конечном итоге казнено было 51 чел.

2) Конфискация земель у туземцев Туркестана в целях охраны Государственного порядка мною признана необходимою в двух районах : а) в Джизакском уезде Самаркандской области и б) в Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах Семиреченской области.

В Джизакском уезде мною объявлено было населению о конфискации у него около 2000 десятин земли, на участках, где была пролита кровь русских людей. Из них 800 десятин незастроенной земли, числящейся в черте города, между русскою и туземною его частями, на которой были зверски убиты бунтовщиками Джизакский уездный начальник полковник Рукин и пристав Зотоглов. Остальные 1200 десятин, предназначенных к конфискации, представляют несколько участков, на которых было убито 73 русских. Эта мера, объяв-

ленная всему населению, с указанием, что в случае новых вооруженных выступлений, кроме казни виновных, будет у туземцев отбираться земля, где они прольют кровь, содействовала отрезвлению туземного населения и удержала его от вооруженного выступления колебавшихся

Предназначенная к конфискации земля в настоящем году будет использована под культуру лекарственных растений, главным образом клещвины, нужных нашей армии.

В Семиреченской области восстание киргиз охватило местности преимущественно Пишпекского, Джаркентского и особенно Пржевальского уездов. Теснимые нашими войсками бунтовщики покинули, значительную часть с семьями, скотом и имуществом, земли в этих уездах, отведенная им для кочевий зимовых стойбищ, и частью укрылись в Нарынском горном районе, Пржевальского уезда, пустынном от русского населения, значительную же часть скрылись в пределы Китая. Весь Пржевальский уезд в проектированных ныне границах был очищен самим киргизским населением, но следы их неистовств остались в виде совершенно разрушенных и сожженных селений, разрушенных храмов, школ, сожженных мостов. Озлобление русских поселенцев, понесших тяжелые жертвы или лично потерявших членов семей, или видевших следы чрезвычайных зверств киргизского населения, очень велико. Приходится принимать строгие меры, чтобы охранять безоружных киргиз, уже изъявивших покорность или даже не принимавших участие в восстании, появляющихся среди русских поселенцев. Были случаи, что киргизы, не имеющих охраны, безжалостно убивали уже после их усмирения. При такой обстановке возвращение киргиз, изъявивших покорность, в места их прежнего жительства совместно и в перемежку с русскими, совершенно невозможно. Поэтому, с целью охранения Государственного порядка, на очищенные самими бунтовщиками-киргизами земли, **Карта №7** особенно в Пржевальском уезде, мною приказано не допускать возвращения киргиз, а отводить им новые земли, где нет русских поселе-

ний. В целях проведения этой меры в возможном порядке из территории Пржевальского уезда выделен весь Нарынский край с образованием нового Нарынского уезда с киргизским населением. С прибавлением к Пржевальскому уезду части Джаркентского уезда образован уезд с исключительно русским населением. На бывших киргизских землях в этом уезде приступлено к основанию первых пяти казачьих станиц. Две из этих станиц предполагено образовать из бывших сосланных уральских казаков, если они изъявляют полную покорность; ими уже посланы по моему разрешению ходоки в Пржевальский уезд. Эти бывшие казаки ныне перечислены в мещане и на общем основании не лишены права обратного перечисления в казачьи войска. Очень незначительное число поселенцев, живших на территории нового Нарынского уезда и покинувших свои жилища при восстании, расселяются по их желанию в Пишпекском или Пржевальском уезде; в юго-западном углу Нарынского уезда, в плодородной местности Тогуз-Торау, будут основаны две казачьих станицы для охраны главного пути между Семиречьем и Ферганою, проходящего по местности Тогуз-Торау.

Размещение киргиз, находящихся ныне в пределах Китая, возвращение которых ожидается весною сего года, тоже предполагено в Нарынском уезде. На основании составленных при участии местных чинов министерства земледелия расчетов, для обеспечения киргиз, уже находящихся в пределах Нарынского уезда и вновь там водворяемых, земель окажется достаточно, как для зимовий, так особенно для летних кочевий (приложение 2-е).

Все соображения и расчеты по конфискации земель у туземцев Джизакского уезда и уездов Семиреченской области и употреблению их в целях укрепления русского элемента в Туркестанском крае уже заканчиваются и будут направлены к Военному Министру для доклада ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

По вопросу о том, какое наказание и в каком размере должно понести восставшее население, кроме конфискации у него земель, для возмещения убытков казны и частных лиц, собираются все необходимые сведения.

Заведывающий переселением в Семиреченской области, участвовавший в совещании в городе Верном под моим председательством 16 октября прошлого года, с участием представителей всех ведомств, для обсуждения наиболее соответственного государственным интересам решения вопроса поземельного устройства русского и киргизского населения в местностях, наиболее пострадавших от восстания, донес непосредственно от себя Министру Земледелия о состоявшихся – вышеприведенных решениях. Министр земледелия в отзыве от 11 декабря прошлого года за № 995 сообщил мне, что он всецело разделяет мои предположения. Означенный отзыв представляется при сем в копии (приложение 3-е).

V

Меры военно- политического характера, принятые по военным обстоятельствам в пределах Персидской территории и в ханстве Хивинском

Эти меры приняты в целях охраны Государственного порядка в пограничных с Персией и Хивой местностях Туркестанского края.

1) В то время, как главнейшее Туркменское племя – текинцы – спокойно подчинилось распоряжению о поставке рабочих на охранную службу, туркмены – иомуды Красноводского уезда, проводящие зимние месяцы в пределах Персии, преждевременно откочевали туда и в резкой форме отказались поставить назначенное от них число рабочих. Все принятые меры и увещания подчиниться **ВЫСОЧАЙШЕЙ** Воле результатов не имели.

Развитие успеха выступления иомудов грозило тяжкими осложнениями в приграничных местностях Туркестана и несомненно отозвалось бы и на спокойствии в основных областях этого края.

Требовались поэтому решительные меры и сбор достаточных для замирения иомудов сил.

С целью сломить сопротивление бунтующих иомудов и строго наказать их был сформирован значительной по азиатскому масштабу силы отряд в 6 батальонов, 15 сотен, 18 орудий и 17 пулеметов, общей силою около 8 т. чел., вверенный командованию генерал-лейтенанта Мадридова. Ныне

иомуды усмирены, изъявили покорность. Наказание их приводится в исполнение.

Генералу Мадридову было предписано (приложение 4-е):

1) захватить всех главарей, 2) отобрать все оружие, 3) отобрать у бунтовщиков иомудов всех лошадей *), 4) отобрать у них для помощи нашей армии половины всего скота и кибиток, 5) выставить определенное моим приказом число рабочих. По донесениям генерала Мадридова главари частью захваченной, частью сдались добровольно; отобрано пока у мятежников: винтовок – 3200, лошадей – 780, верблюдов – 4800, баранов – 75 000, рогатого скота – 2 500 и юрт – 500.

Карта №8 На представляемой при сем карте видно, что территория, на которой нашим войскам пришлось действовать, составляет большую часть Персидской Астрабадской провинции; значительная часть этой территории, занятая в целях охранения государственного порядка в приграничных местностях Туркестанского края, составляет незаселенную нейтральную зону между зимовыми кочевьями туркмен и оседлым персидским населением. На этой нейтральной зоне не только после завоевания русскими местностей Закаспийского края, но и ранее, никогда не проявлено было действия персидских властей; на один персидский чиновник или персидский сарбаз не могли являться на эту территорию. Между тем, без занятия ее нашими постами, поддерживать спокойствие на наших границах по р.Сумбару и Атреку ныне не представляется невозможным. Поэтому в настоящее время нашими войсками заняты, как опорные пункты: а) укр. Гумбет-хауз, где с 1898 года пребывал наш комиссар с конвоем; б) укр. Ак-Кала на р.Гюргене, взятое у иомудов, в) с. Баяндур и г) Ур.Морава-Тепе, где возводятся небольшое укрепление. Это новая Гюргенская линия имеет около 200 верст длины; к югу от нее для охраны русских поселений выставлены пешие и конные заставы, показанные на представляемой карте. Независимо сего на путях в долину Гюргеня с Эльбрусского хребта – близь самых перевалов выставлены посты.

Никаких протестов со стороны персидских

*) С целью передачи их в распоряжение государственного коннезводства.

властей, в виду их полного бессилия, на занятие нами этой территории не поступало.

Занятая территория составляет земли, находившиеся в пользовании туркмен-иомудов и отчасти гокланов. Только в западной части, предгорьях Эльбрусского хребта, имеются персидские селения с оседлым населением, тоже требующим охраны от туркмен. Всего занятая территория составляет около 20.000 квадр. верст.

С образованием в Гумбет-хауз в 1898 году нашего комиссарства большая часть этого пространства находились уже в фактическом управлении комиссара и пользовании русского населения. На этой территории уже возникло 11 русских селений с 936 душами русского населения.

В виду полной неопределенности земельных прав в этой местности многие русские предприниматели, в том числе и должностные лица, заключали с разными туземцами сделки, частью фиктивные, на продажу или аренду значительных участков земли и начали привлекать на эти земли, во вред русским интересам, персидских рабочих.

С этим видом землевладения необходимо бороться.

35-летний опыт оставления русско-подданных туркмен-иомудов двух-данниками, при условии пребывания их часть года на персидской территории, не дал надежных результатов. Пользуясь территорией двух государств, туркмен-иомудов являлись не надежным элементом, всегда готовым к смуте. Необходимо поэтому, чтобы вся территория, которою они владеют издавна, тоже стала русскою.

Великая Россия не может терпеть, чтобы безнаказанно напали и грабили русские селения, брали в плен, убивали и уродовали русских воинов и нападали на русские пограничные посты. Поэтому, при слабости персидского правительства, занятые нашими войсками указанной выше территории неизбежно получить постоянный характер. Поэтому в государственных интересах важно использовать богатейшие земли бассейна р. Гюргень и северных скатов Эльбрусского хребта в целях заселения их русскими людьми, особенно нижними чинами, отличившимися на войне.

В этих целях, по соглашению с представителями Министерства Земледелия в Туркестанском крае, мною дано представляемое при сем в копии предписание начальнику Гюргенского отряда от 31 декабря прошлого года за № 7784 (приложение 5-е).

2) В связи с вопросом и полным подчинении русской власти русско-подданных туркмен-иомудов находится и вопрос о более прочном подчинении хивинских туркмен-иомудов власти хивинского правительства, а также вопрос о принятии по отношению к хивинскому ханству таких мер, которые в лучшей степени, чем ныне, обеспечили бы спокойствие этого ханства, окруженного со всех сторон русскими владениями.

По воле ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в этих целях учредить в Хиве должность военного комиссара, с необходимым для его успешной деятельности личным составом.

29 января сего года во исполнение сего мною заключено соглашение с Ханом Хивинским, которое при рапорте 15 февраля с./г. за № 2914 представлено ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

VI

Меры административного характера, принятые по военному положению в целях скорейшего успокоения Туркестанского края и предотвращения возможных беспорядков в будущем

Одною из главных причин беспорядков и восстания туземцев, нарушивших спокойную деятельность населения Туркестанского края, несомненно надо признать крайнюю малочисленность чинов администрации. Огромные пространства уездов с кочевым населением не могли успешно управляться уездным начальником и его помощником с двумя – тремя приставами. В местностях с оседлым населением есть несколько уездов с населением в полмиллиона душ, которые тоже управлялись ничтожным по составу числом чинов администрации.

Поэтому при усмирении мятежа, в целях ох-

раны государственного порядка, мною добавлено в виде временной меры, до проведения ее в установленном порядке, следующее число административно-полицейских чинов.

1) Для вновь образованного Нарынского уезда и. д. уездного начальника1.

И. д. его помощника1.

И.д. приставов3.

2) Для уездов Верненского уезда и Копальского прибавлено в районе озера Балхаша, совершенно лишенный надзора, по одному приставу на уезд2

Для уезда Пржевальского приставов2

Для уезда Джаркентского приставов1

3) В Джизакском уезде, для наблюдения за горными местностями сего уезда, где гнездится наиболее свободлюбивое население, и.д. приставов.....2.

4) В Гюргенском районе в помощь нашему комиссару в Гумбет-хаузе назначены и.д. помощника1

и исполняющие должности приставов2.

Всего прибавлено 15 административно-полицейских чинов с обязанностями, присвоенными соответствующим должностям по положению об управлении Туркестанским краем.

Все расходы, вызываемые учреждением этих должностей, я приказал временного относить на реквизиционные суммы, вырученные от продажи скота, отбитого у бунтовщиков, до утверждения должностей в установленном порядке.

Испрашивается:

Из числа всех приведенных мероприятий, принятых мною во исполнение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА по поставке рабочих от Туркестана и по усмирению оказавших сопротивление выполнению ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, следующие меры приняты мною по военному положению для охраны и поддержания государственного порядка:

1) Объявлено населению Джизакского уезда о конфискации 2000 десятин земли в местностях, где было зверски убито 76 чел.

2) Приказано не допускать обратного возвра-

щения на территорию Пржевальского уезда проживших в нем киргиз, бежавших с отведенных им земель после разрушения ряда русских селений и убийства 2179 русских людей.

3) Бывшие земли киргиз в Пржевальском уезде обратить под основание казачьих станиц и русских поселений.

4) Приказано приступить к образованию на свободных землях Пржевальского уезда станиц из бывших уральских казаков, с перечислением их в Семиреченское казачье войско.

5) Киргиз Пишпекского уезда, восставших и напавших на русских, а затем разбитых нашими войсками и большею частью бежавших в пределы Китая, не допускать на земли, которыми они пользовались, а поселить, если они возвратятся из пределов Китая, во вновь образованный Нарынский уезд.

6) Восставших киргиз части Джаркентского уезда, прирезаваемой ныне к Пржевальскому уезду, тоже бежавших большей частью под напором наших войск в пределы Китая, не допускать на земли, которые находились в их пользований, а поселить их, если они возвратятся из пределов Китая, во вновь образуемый Нарынский уезд и частью в Джаркентский уезд.

7) Образовать из Западной части Пржевальского уезда и участка южной части Пишпекского уезда новый Нарынский уезд, в котором и разместить бунтовавшее население Пржевальского и частей Пишпекского и Джаркентского уездов.

8) После усмирения в бассейне р. Гюргеня туркмен-иомудов продолжать оставаться на занятой нами силою оружия территории Астрабадской провинции, как показано на представляемой при сем карте.

9) Принять особые заботы, чтобы возможно большая часть занятой в долинах Гюргеня, Карасу и Атрека площади для русской колонизации, преимущественно нижними чинами, отлившимися на войне.

10) Для поддержания порядка и спокойствия в Туркестанском крае увеличено, в виде временной меры, до проведения ее в установленном

порядке, число положенных штатами военно-административных чинов на 1 уездного начальника, 1 помощника уездного начальника, 1 помощника комиссара в Гумбет-хаузе и 12 приставов

Временно расходы по этой мере отнесены мною на реквизиционные суммы.

Все перечисленные десять мер приняты мною в местности, объявленной на военном положении, и были признаны мною необходимыми для охраны государственного порядка.

По предоставленным мне доверием ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА правам главнокомандующего, меры эти приняты в порядке статьи 12-й приложения к статье 23 Свода губернских учреждений (т. II Св. Зак. Рос. Имп. изд. 1892 г.).

По всем этим мероприятиям мною делаются соответствующие представления в установленном порядке, но в целях скорейшего проведения их в жизнь, приемлю смелость верноподданнически просить одобрение ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ сих мероприятий.

Приложение: 1) приказ № 220, 2) справка с количестве киргизских хозяйств и количестве земли в Нарынском уезде, 3) копия с отзыва Министра земледелия от 11 декабря № 995, 4) копия с предписания г.-л. Мадритову 2-го ноября 1916 года № 3564, 5) копия с предписания г.-л. Мадритову от 31 декабря № 7784, 6) карты.

Подлинный подписал:

Генерал-адъютант
КУРОПАТКИН

С подлинным верно
/Начальник штаба Туркестанского
военного округа, генерал-майор,

И. д. Старшего Адъютанта Штаба
Туркестанского военного округа
Подполковник (подпись

22 февраля 1917 г. № 587
г. Ташкент

Восстание в Средней Азии в 1916 г.

(К десятилетию событий)

25 июня 1916 года русским царским правительством был подписан указ о наборе населения окраин, до сих пор не служившего в армии, в особые тыловые дружины для окопных и других работ в помощь действующей армии. По одному Туркестану предполагалось набрать до 200 тыс. человек молодежи из коренного населения. В начале июля 1916 года этот указ был опубликован всеми местными властями. В ответ на него население Туркестана и Степного Края ответило единодушным и бурным протестом. Местами движение проявилось в форме демонстраций, подачи заявлений об отмене набора, об его отсрочке и т.д. Но в ряде районов оно вылилось в стычки с полицией, с войсками, в выступления против сельских властей и, наконец, в вооруженные выступления против полиции и воинских отрядов, в нападения на железную дорогу, телеграф, почту и другие правительственные учреждения. В других местах движение вылилось в форму нападения на поселки русских переселенцев, которые громились и сжигались, население убивалось или уводилось в плен в качестве заложников.

Это крупнейшее из массовых выступлений в Средней Азии охватило район от Красноводска до Бийского уезда, т.е. нынешние Туркменистан, Узбекистан, Казахстан и часть Сибири.

Отклики движения наблюдались среди калмыков Астраханской губ. и среди отдельных народностей Сев. Кавказа.

Наиболее острые формы движение приняло в сельских местностях, и его ликвидация затянулась до февральской революции 1917 года.

Такова общая картина событий. Почему мы останавливаем на них внимание читателя, какой урок мы считаем возможным извлечь из их изучения?

Прежде всего, мы считаем необходимым подвергнуть критическому разбору некоторые взгляды ряда авторов, исследовавших вопрос о восстании в Средней Азии в 1916 году. Эта критика поможет также установить и социальную значимость данного исторического явления.

Начнем с разбора статей Г.И. Бройдо¹ и Т. Рыскулова в № 6 "Нового Востока" за 1924 год. В этих статьях авторы держатся того мнения, что восстание туземного населения было спровоцировано представителями царского правительства в целях физического уничтожения "туземцев" и захвата земель в пользу переселенцев русских и казаков. Эту же мысль подчеркивает Т. Рыскулов и в позднейшей своей работе "Восстание Туземцев Туркестана в 1916 году", вышедшей в 1926 г.² Кроме того, Рыскулов в статье 1924 г. указывал еще, что восстание было спровоцировано царизмом для того, "чтобы на основе подавления захватить еще большие земельные площади" в приграничных районах и с них начать продвижение в Персию, Афганистан и Китай.

Так ли это? Нам кажется, что оба почтенных знатока истории Средней Азии в данном вопросе ошибаются.

Начнем с теории "провокации". Какова была общая обстановка в метрополии и можно ли было царскому правительству в условиях военной разрухи и назревающей революции продолжать свою политику сгона коренного населения с лучших земель в пользу переселенцев-крестьян, в интересах русских помещиков, как об этом заявляет Г.И. Бройдо?

Мы должны определенно заявить, что положение дел в метрополии было таково, что правительство Николая II не могло и думать о такой "провокации". Статистика переселения в годы войны указывает, что оно в этот период времени совершенно сошло на нет. Каждая пара рук в метрополии была на учете, и за нее цеплялись и помещики, и фабриканты. К середине 1916 г. всякого рода хозяйственные, военные и политические кризисы в метрополии так осложнили всю политику правящих классов, что вызывать восстание в Ср. Азии для них было бы безумием. Противоположные утверждения Г.И. Бройдо и Т. Рыскулов упираются в ряд возражений: 1) в истории классовых катаклизмов не было случаев подобных провокаций в колониях в период военного разгрома и полнейшего хозяйственного и политического развала метрополий, 2) против восстания были "ситцевые империалисты" с московской биржи, требовавшие скорейших мер к обеспечению нормального хода жизни в

¹ Ответ т. Г.И. Бройдо будет помещено в третьем томе "Историка-Марксиста" Редакция.

² Очерки революционного движения в Ср. Азии. Сб. 1926 г., стр. 46-122.

хлопковых районах, так как Туркменистан в то время являлся единственным поставщиком хлопка. Разрушение хлопкового хозяйства вело к разведению и без того плохо одетой армии, 3) помещики в поисках за рабочими руками выписывали “желтых” рабочих из Китая, Монголии, требовали обеспечения за ним военнопленных и беженцев... Они могли быть заинтересованы не в провокации восстания, а в выводе из Ср. Азии рабочих для имений, но для этого были другие пути, чем провокация восстания; 4) восстание произошло не только в Киргизии с преобладающим скотоводческим хозяйством, где больше всего практиковались захваты земель, но и оседлых земледельческих районах с высокими техническими культурами, где всякого рода передвижка населения могла бы погубить эти культуры; 5) думать, что хорошо знающий Туркестан ген.-губ. Куропаткин не учтет этого обстоятельства, было бы такой же ошибкой, как предполагать, что Куропаткин не предвидел размаха восстания.

По вопросу о колониальных захватах в Афганистане, Персии и т.д., нам кажется, что Т. Рыскулов неправильно приписывает Куропаткину такого рода широкую завоевательскую политику. О захватах в Китае, Персии и пр.

Куропаткин стал говорить не до, а после подавления восстания. Переброска войск в Туркестан была сравнительно невелика, так как заниматься в момент военного краха на главном фронте завоеваниями новых земель было бы такой же глупостью, как и провоцировать восстание.

Таким образом, на этом примере мы видим, как неправильно отвлекать внимание от “общих дел” в метрополии и не считаться с изменениями ее колониальной политики в связи с этими “общими делами”.

Следует подчеркнуть еще один неправильный методологический уклон критикуемых авторов. При изучении такого исторического явления, как массовое движение, мы должны определенно ограничить его рамками времени и территории. Мы имеем далее право на некоторого рода статистический метод “наложения” для сравнений и сопоставлений с более или менее одновременными или однотипными явлениями. Но мы должны быть крайне осторожны в перенесении выводов из небольшого числа фактов на все явления. Между тем, некоторые из авторов по истории восстания в Средней Азии в 1916 г. проделывали такую операцию. Выводы на основании наблюдаемых ими фактов в период упадка движения или его начала и в очень ограниченных территориально условиях они распространяли

на всю страну, где хозяйственная, и социальная структура была совсем иная, чем в том месте, где наблюдение производилось. Такой способ анализа событий применен Г.И. Бройдо¹ и не может быть признан правильным. Отсюда в значительной мере проистекает и его ошибка в оценке движения, как провокации царского правительства. Наблюдая отдельные моменты расправы с мирными киргизами в Семиречье, Г.И. Бройдо, "ничтоже сумняшеся", заявил, что все восстание киргиз — "провокация".

При изучении массовых выступлений, кроме экономических и социальных, так сказать, причин и поводов движения, приходится учитывать и идеологические надстройки — организованность, сознательность в постановке целей, отражение этих явлений в программах, требованиях и т.д. К сожалению, с этой стороны восстание в 1916 г. в Средней Азии освещено слабее всего, и здесь необходима еще дальнейшая проработка архивов.

Попытка осветить восстание со стороны его "идеологии" сделана А.Миклашевским в его статье "Социальные движения 1916 г. в Туркестане" ("Былое", № 27-28, 1924 г.). Но автор увлекся "идеологией", признав роль движущегося и чуть ли не решающего фактора в движении за "панисламизмом", чего по существу не было. Не дав более или менее четкого анализа хозяйственных различий в отдельных районах Туркестана, А.Миклашевский не выявил особенностей движения по каждому из них. Затем им не разработан вопрос о методах проникновения и эксплуатации колоний той или иной формой "империалистического" капитала, не освещен вопрос о трансформации отсталых общественных форм в том же Туркестане в их историческом развитии под влиянием капиталистического воздействия со стороны метрополии. В результате работа А.Миклашевского нуждается в ряде коррективов.

В нашем дальнейшем изложении и освещении событий 1916 гг в Средней Азии мы решительно отвергаем выводы упомянутых авторов и, забегая несколько вперед, утверждаем, что в данном случае мы скорее всего имеем пример восстания колониальных народов против ига империалистов, восстания против той дани кровью, которую требовала русская буржуазия в Государственной Думе от народностей Средней Азии.

¹ Г.И. Бройдо. Восстание киргиз в 1916 г. „Новый Восток № 6, 1924 г., где наблюдения автора охватывает небольшой район Семиречья и относятся больше к периоду подавления восстания.

Мы считаем необходимым изучение этого движения именно под этим углом зрения. Это важно для изучения не только русского империализма. Это имеет прямое отношение к империализму и других стран. Нельзя забывать, что "колонизаторы" не только грабят население колоний, что эти колонии для них не только рынки сбыта товаров и сырья, дешевой рабочей силы и пр. Этого им мало. Колонии для них, кроме того, являются поставщиками пушечного мяса.

Колониальные войска для империалистов - одно из средств обуздания колоний. Эти же войска употребляются ими и в таких случаях, как массовые бойни, вроде войны 1914-1918 г.г., ими же они "оккупируют" те или иные "зоны", эти же войска из туземцев колоний являются орудием империалистов для подавления классовой борьбы пролетариата и крестьянства. Проблема о колониальных армиях в руках империалистов еще ждет своего исследователя.

На примере событий 1916 г., когда в рядах русской армии уже были колониальные войска ("дикая дивизия", "Текинский полк" и др.), мы видим, как реагируют массы колониальных народов на эти призывы дани кровью, как осторожно вынуждены были действовать империалистические хищники России в своей погоне за "человеческим мясом".

В заседании от 13 декабря 1916 года русская буржуазия в лице прогрессистов, выдвинувших запрос о событиях в Туркестане, заявила: "Гос. Дума неоднократно указывала правительству на ненормальность того положения, при котором инородцы Средней Азии и Кавказа не несут воинской повинности... Государственная Дума требовала, чтобы в эту войну и инородцы, наравне со всеми гражданами русского государства, несли тяжелую и почетную повинность крови"...Гос. Дума выразила свое неудовольствие издыхающему царизму по поводу того, что он не справился с мобилизацией в Средней Азии даже в такой форме, как набор в тыловые дружины. Думские заправилы из "прогрессивного блока", однако, не учитывали сложности обстановки военного набора среди мусульманского населения, все симпатии которого были на стороне Турции, вся ненависть которого была сосредоточена на хищной своре эксплуататоров края. Начиная с переселенческих учреждений, отбиравших землю и у оседлых землевладельцев- киргиз, и у кочевников - скотоводов, и кончая целой системой кабальных отношений в хлопководном хозяйстве Ср.Азии, где росли нищета и разорение, с одной стороны, где вырастали

богачейшие банки и конторы по скупке хлопка - с другой, во всей обстановке разлагающихся родовых и феодальных отношений под воздействием торгового и финансового капитала царские власти считали возможным проводить "набор" лишь постепенно. Население, выступая против набора в тыловые дружины, прекрасно понимало, что это лишь первый шаг для мобилизации в боевые части. Конфликт и разгорелся именно на этой почве. Туземное население к нему было подготовлено, конечно, всей системой эксплуатации края. Набор же был тем трагическим моментом, когда восстание прорвалось огромным стихийным взрывом и выявило огромное напряжение ненависти угнетенных народов.

Все это должно быть учтено и взвешено. Подобные конфликты с угнетателями всегда возможны в тех или иных местах земного шара, особенно теперь, при быстро растущем сознании масс колониальных народов. Изучение событий 1916 г. в Средней Азии имеет, таким образом, помимо всего прочего, еще и специфический интерес "использования опыта". При дальнейшем изучении фактического материала мы будем все время иметь в виду и эту "целевую установку". Она связывает нашу работу с задачами современности, она в значительной степени "осмысливает" труд историка - ленинца.

А теперь мы переходим к самому исследованию событий, при чем необходимо отметить, что наша работа в значительной мере основана на материалах департамента полиции и некоторых документах из архивных фондов г. Ташкента.

Восстание в узбекских районах

К 1916 г. области, входившие в состав теперешнего Узбекистана, значительно отличались от всех других районов Туркестана по быстрому развитию в них технической культуры и в первую очередь посевов хлопка. На первом месте - Ферганская область - один из главных центров восстания 1916 года. Из других районов восстания следует отметить Ташкент и Чимкентский уезд, бывшей Сыр-Дарьинской области. В соседней Самаркандской обл. движение наблюдалось опять - таки сильнее всего в районах интенсивного сельского хозяйства - Котта, Курган (хлопок) Самарканд, Джизак (виноградарство, садоводство и др. посевы на поливных землях). Таким образом, здесь движение в своей экономике упиралось в те общественные отношения, которые создались в 1916 г., главным образом, на почве развития хлопкового хозяйства. В развитии хлопко-

водства в Туркестане был в первую очередь заинтересован “ситцевый империализм” текстильных фабрикантов. По его настоянию всеми мерами форсировалось расширение площади посевов хлопка даже в ущерб производству хлеба, которого часто не хватало на этой окраине из-за занятия земель под культуру хлопка. В годы войны площадь посевов хлопка возросла с 567 тыс. десятин в 1914 г. до 714 тыс. дес. в 1916 г.¹ В рекордный год хлопководства Туркестана-1915- текстильщикам удалось получить с этой окраины до 20 ½ млн. пудов хлопка. В 1916 году из-за плохого урожая сбор волокна понизился, несмотря на расширение площади посевов, до 15 млн. пудов. Параллельно с этим площадь посевов хлебов естественно сокращалась, несмотря на явно обнаруживавшийся недостаток из-за неурожая и из-за слабого подвоза хлеба из России и Сибири. Над хлопководами-декханами властвовал банковский капитал метрополии, который создал целую сеть эксплуатации в виде тучи агентов, раздававших декханам задатки под будущий урожай хлопка и на почве этой задолженности державших хлопководов в кабале и зависимости. В крае происходила быстрая дифференциация населения, осложнявшаяся системой ипольщины и других феодальных пережитков. Свыше 60% хозяйств велось наемными рабочими с натуральной оплатой их труда, частью из 1/3-1/4 доли урожая. Кулаческие элементы деревни, по мере роста хлопковых площадей, всеми мерами обезземеливали бедноту. Огромная масса декханства попала в безвыходное положение и превращалась в кабальных “каранда” и “чайрикеров”. Интересы баев тесно увязывались с хищнической эксплуатацией края русским капиталом и его агентом – русской администарцией.

Число рабочих в фабрично - заводских заведениях в указанных трех областях едва превышало 20 тыс., при чем большая половина из них была занята на хлопкоочистительных заводах, раскиданных по разным районам и с общим числом рабочих на каждом около 40 чел. Большинство рабочих вербовалось из местных бедняков-декхан, тесно связанных с общей массой кишлачного населения, задавленного баями и духовенством. Среди них к 1916 г. еще не успели созреть ни классовое сознание, ни политическое понимание событий. Но все же эти небольшие группы рабочих вместе с батрачеством и кишлачной беднотой яви

¹ “Сел. Хоз. России в XX в” стр. 203. Мы берем общие цифры всего б. Туркестана, так как для нас здесь важны не абсолютные цифры, а динамика хозяйственного процесса.

лись в хлопковых центрах наиболее активной силой в восстании.

Участие состоятельных групп населения в восстании 1916 года в областях теперешнего Узбекистана, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, выявляется очень слабо.

Заинтересованные в своевременной уборке урожая хлопка и других культур ростовщики - баи и купцы в ряде случаев просили администрацию об отсрочке набора в тыловые дружины. Многие из них возбуждали ходатайства о замене повинности "крови" денежной повинностью, так как набор угрожал им потерей возможности получения долгов с мобилизованных и доли урожая, которая с них причиталась. Кроме того, такая замена освобождала бы и их сыновей от мобилизации. Администрация в этом последнем шла им навстречу, и в конце июля 1916 г. было издано распоряжение о праве призываемого откупиться от мобилизации, нанимая за себя другого, который должен идти, как мобилизованный. Этим возрождались система старой русской рекрутчины.

Чтобы полнее выявить отношение социальных групп населения хлопковых районов к восстанию 1916 г., дадим краткую справку о ходе событий и отметим в них некоторые наиболее характерные моменты.

Но прежде два слова о предшествовавших событиям 1916 г., явлениях социального брожения в массах.

Т.И. Хидыралиев в "Правде" (от 30/УП 1924 г.) красочно описывает нарастание событий.

"От кишлака к кишлаку, меж хлопчатниками и рисовыми полями, тряслись на таратайках, метались верхами на бойких степных лошадях царские пристава и полицейские, присматривались, прислушивались, искали крамолу и измену, - не находили, потому что глубоко, в тайниках сердец схоронили темные, забитые, обворовываемые и ограбляемые массы смутную надежду:

- А ведь, может быть, освобождение несет гермон нашей земле. Может быть, станет свободной наша в конце измученная долина !..."

Далее описывается мобилизация лошадей, всякого рода поборы под видом "добровольных пожертвований", сопровождаемые арестами избияниями. Били и арестовывали по подозрению в сочувствии Турции, за старое, сдаваемое в порядке реквизиции седло, на котором, будто бы, "не будет сидеть русский солдат и офицер, потому что на нем ездил

¹ Германия.

поганный мусульманин”, били за вопрос: “Когда кончится война?”.

“К шестнадцатому году,— рассказывает тов.И.Хидыралиев,— цены на хлопок были “нормированы”¹, цены на предметы первой необходимости выросли неимоверно; мобилизация лошадей следовали одна за другой; в горах находили трупы декхан, умерших от голода; по ночам на кишлаки налетали банды кулацких сыновей, грабежи и насилия творились открыто и безнаказанно... Число декхан, разорившихся от поборов, мобилизаций, кабальной зависимости, достигает несколько сот тысяч. По краю бродят, выпрашивая милостыню, погибая от голода и эпидемий, толпы нищих. Над родиной хлопка носится призрак кровавых восстаний...”.

Хлеба вследствие засухи дали пониженный сбор, в особенности в Сыр-Дарьинской области, зачинщице восстания.

По материалам бывш. Департамента полиции, на основании которых дается дальнейшее изложение, видно, что в некоторых хлопковых районах еще в 1915 году туркестанским охранным отделением были обнаружены следы революционной агитации. Экономический развал края вызывал и соответствующие политические отклики. Так, в сентябре 1915 года в Андижанском уезде были обнаружены гектографированные прокламации, написанные на туземном языке, в которых указывалось на своевременность освобождения от русской власти, и население призывалось к поддержке Турции путем вступления в ряды ее армии и сбора пожертвоавний на нужды войны с Россией.

О такой же помощи Турции говорилось и в другом таком же воззвании, обнаруженном полицией в Фергане в 1915 году.

Но такого рода призывы были сравнительно немногочисленны. Охранное отделение в своих донесениях подчеркивает, что в общем местная интеллигенция: прогрессивисты, новометодники и учащиеся стоят на стороне России. Широкая масса населения не смогла выдвинуть из своей среды нужных ей руководителей, которые помогли бы разобраться в создавшемся положении, дать нужные лозунги, организовать движение. Нужен был внешний толчок, который и явился в виде царского указа от 25 июня 1916 года о мобилизации на тыловые работы в действующих армиях.

¹ 30 р. пуд хлопка франко промышленный район и 6 р. 50 к.- 7 р. 75 к. Сырец “разочаровали производителей”, как об этом осторожного говорит официальный источник (1916 г. в с.-х. отношении, 225 стр.)

По “краткому обозрению событий” исполняющего должность ген. Квартирмейстера подполковника Маккавеева¹, “первые дни по всеобщем оповещении туземцев (о мобилизации) протекли при наружном спокойствии населения, но все же среди них было заметно глухое брожение: опустели базары, сборища для вечерних увеселений во время бывшего тогда мусульманского поста почти прекратились, масса народа собиралась лишь на молитвы в мечети...; появились признаки общей согласованности между главными центрами мусульманства в крае, и возникли даже слухи о предстоящем будто бы 18 июля ²общем восстании мусульман в первый день праздника Айди- Фитр. Должности и почетные лица из туземцев хотя и признавали необходимость приступить к наряду рабочих, но не скрывали, что население волнуется и относится враждебно к требованиям о наряде; было заявлено несколько ходатайств о замене натуральной повинности денежной... Состоятельные туземцы ташкента и Самарканда стали на случай беспорядков вывозить свои семьи из города и прятать наиболее ценные вещи в садах и окрестностях. По сведениям политического агента в Бухаре, 7 июля из Самарканда выехал в Афганистан посланцы с просьбой о помощи...”.

Первое выступление, поданным Маккавеева, произошло 4 июня ³ в Ходженте, где большая толпа напала на караульную команду, пытаясь отобрать у нее оружие. В толпу было произведено 15 выстрелов, и она “рассеялась”.

7 июля отмечено убийство толпой в селении Дагбит, Самаркандского уезда, волостного управителя, писаря и джигита, с уничтожением волостных списков лиц, назначенных к мобилизации. 9 июля выступили г. Коканд, где движение продолжалось 3 дня, и г. Андижан. В андижанскую молодежь-учеников медресе- устроивших демонстрацию против набора, войска стреляли и 10 человек тяжело ранили. Это вызвало всеобщее возмущение, и толпа вступила в схватку с полицией и казаками, бросая в них камни и палки.

¹ Туркестанский архивный фонд (в Ташкенте).

² Всюду даты старого стиля.

³ Интересно отметить, что приказ о наборе в тылове дружины по краю был опубликован 8 июля 1916 г., меж тем как вспышки движения начались раньше, что указывает на осведомленность населения о царском указе от 25 июня до местного приказа. Это обстоятельство косвенно указывает, что население Туркестана внимательного следило за указами из петрограда, и этим самым опровергается мысль о полном политическом индифферентизме масс (см. У Г. И. Бройдо - „Нов. Вост.“ № 6, 1924, стр. 434).

1 казак и несколько чинов полиции были ранены. "Огнем казачьей команды ранено также 12 туземцев", сообщает официальный документ. Движение разрасталось и захватило и уезды. В ряде селений были убиты волостные управители, писаря, джигиты, сожжены дома старшин. В кишлаке Гази-Яглы войсками было арестовано 328 чел. 11 июля движение захватило Ташкент и ряд других городов и уездов Ферганской области.

В старом городе Ташкенте толпа напала на полицейское управление, произошла стычка с полицией, в результате которой 4 человека было убито и 6 ранено. В помощь полиции пришлось вызвать ташкентский гарнизон, который и "рассеял бунтовщиков". На другой день к генерал-губернатору явились должностные и почетные лица от туземцев с изъявлением "полной покорности". В тот же день произошла кровавая расправа с толпой в гор. Намангане, где было убито 12 и ранено 38 туземцев. В соседнем г. Старом Маргелане во время беспорядков, продолжавшихся 2 дня, "толпою убиты 1 русский стражник, 1 туземец-полицейский, 2 аксакала и 4 туземца". В Скобелевском уезде толпа убила народного судью, жену волостного управителя, "дом которого был разграблен", и т.д. Движение всюду сопровождалось вызовом воинских частей, арестами и избиениями вплоть до расстрелов безоружных толп.

К 13 июля движение охватило всю Фергану. Власти перетрусили. Военный губернатор Ферганы ген. Гиппиус 13 июля переоделся в халат и чалму и в Намангане выступил перед толпою с кораном в руках, вычитывая из него соответствующие случаю изречения и целуя "священную" книгу. Ссылаясь на коран, он говорил, что в "этой святой книге сказано о необходимости помогать белому царю в войне с немцами". По документам охранного отделения этот маскарад губернатора будто бы произвел на население сильное впечатление.

Ген. Гиппиус, однако, видел, что на одном коране, пожалуй, далеко не уедешь и 16 июля объявил отсрочку исполнения указа до 15 сентября с тем, чтобы население могло управиться с полевыми работами. Он вынуждался к этому еще и давлением со стороны московского биржевого комитета, указывавшего на необходимость принятия мер к спасению урожая хлопка. Ген. Гиппиус послал биржевому комитету телеграмму следующего содержания:

"Вследствие объявления Туркестанского военного округа на военном положении, прошу успокоить торгово-промышленный класс относительно состояния Ферганской

области: вспышка беспорядков, вызванная превратным толкованием высочайшего повеления о наборе рабочих, быстро, под влиянием моих устных и печатных разъяснений, потухает, жизнь входит в обычную норму, и я вскоре войду с ходатайством о снятии с Ферганской обл. военного положения”.

Но военное положение, введенное во всех областях Туркестана по распоряжению ген.-губернатора Куропаткина, снять оказалось не так просто. Положение с хлопковыми операциями затруднялось добавочными распоряжениями о введении особого контроля над передвижением по железным дорогам грузов и людей. Военные власти перевернули всю хозяйственную систему района вверх ногами. Банки и фирмы прекратили в Фергане выдачу задатков, обычную перед очередной окучкой хлопка. Это угрожало не только реализации урожая текущего года, на срывало кампанию и для последующего.

Ген. Гиппиус в контакте с московским биржевым комитетом 3 раза возбуждал ходатайства об отмене военного положения на железных дорогах, о зачислении хлопкового района Ферганы в последнюю очередь при наборе рабочих. Но так как восстание не подало, а разворачивалось, его заявления успеха не имели, и дело кончилось тем, что ген. Гиппиусу было предложено подать в отставку, как не сумевшему проявить “твердости власти”

Впрочем попутно нажимались и другие кнопки, что видно из следующей секретной телеграммы дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе:

“Генерал-губернатор вполне одобряет мысль использовать Ишана-Сияха путем обращения им воззвания к мюридам Ферганы и прочих областей края. Можно дать понять Ишану, что лояльное его отношение к нашим государственным интересам не останется неотмеченным”.

Подкуп духовного главы мусулман также был пущен в ход.

Это приходилось делать, так как от демонстраций и мелких стычек с полицией и войсками движение переходило в более резкие формы.

Подполковник Маккаев особо выделял события в г. Джизаке и его уезде, называя их формой “открытого восстания”. Вот как он их описывает в своем обзоре:

“Джизакское восстание началось 13 июля. Накануне в туземную часть города Джизака были вызваны выборные от общества для составления списков рабочих. На это собрание явился только что прибывший из Ташкента

влиятельный ишан Назыр Ходжа и сообщил присутствовавшим о беспорядках в Ташкенте, уверяя что Ташкент решил восстать и не давать рабочих. 13 июля уездный начальник и пристав с джигитами отправились в туземный Джизак, где толпа набросилась на приехавших и зверски всех убила, после чего направилась в русский город, но встреченная залпами караульной команды, бежала к железнодорожному пути. Здесь под руководством примкнувших к толпе ремонтных рабочих — туземцев стала разрушать путь, мосты и телеграфные провода по направлению к ст. Ломакино. Был испорчен весь путь на перегоне Джиза-Обручево, на протяжении 65 верст. Бунтовщиками были убиты 13 железнодорожников — служащих и совершено нападение на поезд. Русское население Джизака укрылось в крепость”.

По получении известия о произошедшем в Джизаке, восстали узбеки долины р. Санзара, Зааминского и Багданского районов. В последнем был провозглашен ханом туземец Абдурахман Дживачи, призывавший население, судя по найденным впоследствии его письмам, к объявлению священной войны. Образовались значительные, хотя и плохо вооруженные, шайки, объединенные желанием открытой силой воспротивиться набору рабочих, а при удаче и совсем освободиться от подчинения русской власти. Как вскоре выяснилось, бунтавшики, под влиянием агитаторов, надеялись на помощь Афганистана и Германии. В Зааминском участке во главе движения стал ишан Касым Ходжа, объявивший “газават”.

Жертвами этого восстания, кроме убитых в Джизаке и его окрестностях, явились Зааминский пристав, русское население Заамина, лесная стража Зааминского лечничества и партия статистиков министерства земледелия. Всего по Джизакскому уезду погибло от рук мятежников 83 человека, 20 человек оказались ранеными, и сверх того, было захвачено и уведено в неволю до 70 человек.

По получении известия о Джизакском восстании, из Ташкента и Самарканда были немедленно высланы Джизакский уезд войска в составе 13 рот, 6 орудий, 3 сотен казахов и $\frac{3}{4}$ роты саперов, из которых был сформирован особый карательно — охранительный отряд. При пехотных частях образованы были большие конные команды, для которых лошади с седлами добывались путем реквизиции.

Часть этого отряда заняла для охраны участок вдоль пути от ст. Малютино до Урсатьевской, оставив небольшой гарнизон в Джизаке, а другая часть образовала пять подвижных калонн для рассеивания и наказания бунтовщиков. К

16 июля железнодорожный путь и телеграфное сообщение во всем Джизакском уезде были восстановлены, а с 16 июля началось сообщение между Джизаком и Ташкентом, хотя утром того же числа на перегоне между Ломакино – Джизак при следовании почтового поезда была перестрелка с шайками туземцев, и поезд два раза останавливался. близ ст. Урсатьевской одновременно было произведено покушение на порчу полотна железной дороги. Ближайшее к железнодорожному пути мятежное селение Заамин было занято нашим отрядом, а скопившаяся в окрестностях Джизака, в горах Балыкты, тысячная шайка мятежников рассеяна высланными из Джизака казаками. Для преследования укрывшихся в горах бунтовщиков были высланы три колонны, которые рассеяли их скопища и привели к покорности население, выдавшее главарей и согласившееся выставить рабочих. 26 и 27 июля мятеж был окончательно подавлен.

Из всего отряда полк. Иванова¹ мятежникам были захвачены и убиты 1 казак и один ратник, 1 казак был ранен.

Надежды, возлагавшиеся на помощь Афганистана, сочувствие и поддержку единоверной Бухары, не оправдались. Как Бухарское правительство, так и крупное купечество Бухары, всеми мерами препятствовали развитию восстания. Быстрая перегруппировка войск, принявших под охрану русское поселения и железные дороги, решительный отпор, данный отдельным бунтавщическим выступлениям, и сильное впечатление от разгрома активно выступивших скопищ джизакских мятежников отрезвили население края и внесли “успокоение”.

Восстание одновременно с Джизакским перекинулось в Катта-Курганский район, где были убиты волостные управители, народные судьи, являвшиеся сторонниками сдачи рабочих в набор. В г. Катта – Курган 21 июля пятидесятники отказались составлять списки рабочих. Военные власти приказали арестовать наиболее влиятельных туземцев. Всего было взято заложниками 91 человек, при чем при аресте произошла перестрелка с войсками, после которой оказались убитые и раненые со стороны восставших.

К концу июля почти во всех крупных центрах хлопководства теперешнего Узбекистана восстание было подавлено, и начался набор рабочих.

Как видно из краткого описания событий, действующими лицами в них оказалась широкая масса как городского, так и сельского населения. За небольшими исключе-

¹ Военный министр Колчака в Сибири в 1918 г.

ниями, верхи туземной буржуазии вели политику подчинения правительству, и мы видим их в первых рядах исполнителей распоряжений власти, на ряду с волостными управителями, крупными земельными владельцами и эксплуататорами масс декханство, которых население убивало без всякой пощады. Городская торговая буржуазия и духовенство, выступая перед властями от имени масс, дают торжественные клятвы подчиняться приказам властей, устраивают торжественные патриотические богослужения и т.п. вплоть до целования сапог местных сатрапов.

Отмеченные выше случаи вовлечения Джизакского ишана и одного из влиятельных земледельцев Багданского района свидетельствуют, что восстание поднималось так высоко, что эти представители остатков феодализма, примыкая к движению, видели в нем возможность возврата к старым формам общественности и боясь потерять влияние на массы, спешили стать во главе их. Но таких случаев, как мы видели, в хлопководных центрах района было очень мало. По свидетельству андижанского уездного начальника, наблюдался явственный отход масс от состоятельных слоев, резко подчеркивавших в период восстания свое “патриотическое” настроение. А.Миклашевский приводит следующую выдержку из одного доклада ферганскому губернатору: “Почтенные туземцы, которые когда – то пользовались большим влиянием на народ, теперь это влияние утратили настолько, что открыто боятся даже говорить с народом на темы о призыве рабочих...”¹ эту политику верхов масс учли в дальнейшем ходе революции 1917 г., и для кассового создания массы это обстоятельство имело немаловажное значение. “Измена верхов”, их продажность в 1916 г. стала очевидной для всякого декхана и городского ремесляника.

Затем следует отменить факт активного участия в восстании туземцев железнодорожных рабочих, разрушивших пути сообщения (Джизакское восстание).

Восстание в киргизских районах

Если рассмотреть карту пунктов, где произошли наиболее крупные и длительные выступления киргизского населения в 1916 г., то прежде всего бросается в глаза, что

¹ А.Миклашевский. социальные движения 1916 г. в Туркестана. “Былое” №27-28 1925 г., стр. 258.

эти выступления связывают с железнодорожной линией от Чимкента до Семипалатинска. Это не случайно и объясняется тем, что в полосе влияния железной дороги на прилегающие к ней районы шла наиболее интенсивная борьба оседлого земледелия с кочевым. Реально это борьба выражалась в захват киргизских земель в пользу переселенцев, главным образом, русских и украинцев. Земли отнимались у киргиз-кочевников также и в пользу казаков, этого оплота колонизаторов в Средней Азии. Экспроприация киргизских земель, не только служивших, как пастбище для скота, но и земель, где вводилась самими киргизами земледелие, велась царской властью самым беззастенчивым образом. По данным депутата I Гос. Думы Т. Седельникова¹ “за 14 лет существования временных партии по образованию переселенческих участков в степных областях у киргиз фактически было изъято около 3 ½ млн. десятин”.

“Колонизационный политикой, – говорит тов. Сафаров, – русский царизм задержал переход киргиз в оседлое состояние. Он буквально выбросил их в пустыню, устроил для них из пустынных пространств и гор “черту киргизской оседлости” и создал их разорения выгодную статью дохода для русских переселенцев и казаков². Из 31 млн. десятин пригодной для сельского хозяйства земли в одной только Семиреченской области к 1913 г. было захвачено у киргиз 4.195.520 десятин, при чем “это земли по преимуществу культурные или пригодные для культуры без особого дорогих мелиораций, в пользовании же киргиз остались преимущественно полупустынные степные пространства и горы”³

“Русское переселенческое крестьянство, – рассказывает тов. Т. Рыскулов⁴, – к 1916 г. обладало большей частью поливной земли и являлось господствовавшей частью населения. Вода, захваченная переселенцами также служила в их руках орудием закабаления. Бедняк – киргиз превращался в вечно задолженного батрака у казака, переселенца, крестьянина или же у своего богатого киргиза.”

Беднота росла очень быстро. К 1910 г., по данным А.Букейханова⁵, бедняцкий слой киргизского населения исчислялся в 60,52%, а число богатеев определялось в 21,95%.

¹ Борьба за землю в Киргизской степи. СПб. 1927 г.

² Г. Сафаров. Колониальная революция (опыт Туркестана). Стр. 44.

³ Там же.

⁴ Очерки рев. дв. В Ср. Азии. Стр. 90.

⁵ Формы нац. движ. в современном государстве. Ред. Костелянского, стр. 580.

Киргизы, как могли, протестовали против этой политики царизма. В 1906 г. в Петропавловском уезде произошли памятные вооруженные столкновения киргиз с переселенцами. С обеих сторон оказались убитые и раненые. Киргизы боролись за свою землю. В том же 1906г. их верхушечные слои внесли к программе конституционно-демократической партии, к которой они примыкали, следующее весьма характерное добавление: "В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью по переселению на них русских мужиков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргиз русские не должны отбирать землю ни во временное пользование, ни на вечность"¹.

Но такого рода заявления, как и выступления киргизских депутатов в Государственной Думе, протестовавших против захватнической политики царизма, были "гласом вопиющего в пустыне". По закону 3/УІ 1907 г. 4 ½ млн. киргиз были лишены права посылки депутата в Государственную Думу как "неблагонадежные". Годы войны очень тяжело отразились на сельском хозяйстве киргиз как скотоводов, так и земледельцев. Так, по официальным данным "в Среднеазиатских областях площадь посева озимых хлебов еще в 1915 г. подверглась весьма сильному сокращению, в отдельных нередких случаях определяемому в 1/3, 1/2 и даже до 2/3 ее обычных размеров"². Несколько лучше обстояло дело с посевами яровых хлебов, но неурожай 1915 г. для всего этого района в значительной степени ухудшил положение населения. Огромный недород 1916 г. в Оренбургской, Тургайской и Уральской областях также обострил вопрос о продовольствии в крае, тем более, что и в Акмолинской и Семипалатинской губ. урожай был ниже среднего.

Выкачка киргизского скота для нужд армии чрезвычайно усилилась с 1915 г. и в 1916 г.; с этой стороны положение населения значительно ухудшилось. Таким образом на общем фоне разорения киргизских масс происходило дальнейшее ухудшение, обусловливаемое войной. Все это было связано, как и в других районах Средней Азии, с постоянно увеличивающимися вымогательствами "пожер-

¹ Т. Седельников "Борьба за землю в киргизской степи", стр 61.

² "1915 г. в с.-х. отношении"... вып. V, стр. VI.

твований” для армии, разного рода поборами и налогами, шедшими в карманы администрации русской и туземной. Набор в тыловые дружины рабочих явился искрой, брошенной в пороховой погреб недовольства широких масс. Восстание 1916 г. среди киргизских масс началось в различных пунктах Киргизии в начале и в середине июля, т.е. почти одновременно с начавшимися движением в Узбекистане. Так, еще 8 июля киргизами был избит волостной управитель в Уральском уезде. Затем в Лбищенском уезде произошло столкновение киргиз с казаками из-за избияния одного из туземцев.

Кроме этих случаев, отдельные вспышки волнений против набора в тыловые дружины за 14 июля отмечены в официальных донесениях по Тургайскому и Петропавловскому уездам и Зайсанскому району. Во второй половине июля события участились и охватили ряд пунктов той же Тургайской области, в районе Уральского уезда и Темира и некоторых селений Акмолинской области, где между прочим агентами полиции был отобран красный флаг с полумесяцем, который несла толпа восставших киргиз, В конце июля началось крупное движение в районе Баянаул и, наконец, в Семиреченской (Джетысуйской) области в районе Верного, при чем последнее движение приняло весьма резкие формы.

Некоторые детали о движении в Степном крае заимствуем из данных департамента полиции.

Так, в Короболинской волости, Тургайской области, 14 июля восставшие киргизы убили управителя, сожгли все канцелярии управителя и аульных старшин. В Актюбинском уезде 300 вооруженных туземцев ограбили почту и пассажирский автомобиль. По Тургайской области отмечены за 28 июля огромное скопление киргиз (до 15 тыс.) вблизи Ташкентской ж.д., высылка войск для их “рассеяния” и “пассивное” неподчинение властям по всем уездам (телеграмма директору департамента полиции от 30 июля); 13 же августа произошло столкновение киргиз с отрядом войск в Дамбарской волости, где был убит один из киргиз.

Из Петропавловского уезда за 14 июля доносили, что киргизы грозят русским поселенцам сжечь их села и посевы. Был случай нападения на полях на женщин, которых якобы раздевали догола, рвали одежду и голыми отпускали домой. Особенно возмущались киргизы тем, что “у них взяли массу лошадей на войну, а кроме того хотят еще и людей забирать”.

Местные власти Акмолинской области сообщали и

Петроград: “21/ VIII- киргизы ведут себя вызывающе, ездят только большими партиями, угрожают населению русских поселков выжечь и вырезать отовсюду и в особенности из крайних новых поселков. Защищаться русские не могут, так как мужчины взяты на войну. На работавших в поле русских киргизы нападали и отнимали весь рабочий скот, машины, брички, упряжь...Вместо обычных 25-40 кибиток киргизы стали группироваться по 300-400 кибиток. Около озера Кургаладжина киргиз скопилось до 15 тыс.”.

Несомненно, что движение очень быстро разрасталось в связи с вызывающим поведением русских властей. В этом отношении характерна телеграмма одного интеллигентного киргиза военному министру.

“26/VII 1916 г. Баяне собраны киргизы уездным начальником Каменьщиковым для объяснения и разъяснения высочайшего повеления. При разъяснении население избито казаками по приказанию Каменьщикова, есаула Шестакова, пристава Лоскутова; есть аресты. Дамы в обмороке, население 10 волостей в ужасе – от разъяснения, перепугано. Прошу расследовать. Киргиз Карамолинец Нурджанов”.

В эти же дни впервые в Степном крае поднимается восстание киргиз против русского населения.

Один из старост доносил: “В окружности нашего поселка собралась масса киргиз, которые сторожей разогнали, собак поубивали, бахчи и хлеб травят и предлагают примкнуть к их восстанию, угрожая, что иначе мы вас всех разобьем и истребим”.

Священник М. Угнивенко доносил Атбасарскому уездному начальнику о готовящемся восстании киргиз и предлагал доставить в Атбасар побольше оружия и вооружения или казаков. “Мобилизацию, – писал он, – задержите дня на два для того, чтобы за это время секретно уведомить жителей отдаленных поселков”.

Губернатор Масальский распорядился не пропускать “бунтовщикам” караванов с мукой до полного усмирения.

Степной генерал-губернатор Сухомлинов одобрил предложения Масальского – заморить киргиз голодом. Требования последних были: “отстрочить набор в дружины до апреля 1917 г., иначе и мы, и скот наш погибнут”.

Отстрочка набора до 15/ IX для уборки покосов и посевов подействовали благотворно, движение как-будто стало затихать, но к концу сентября оно опять приняло угрожающие размеры. Начались карктельные экспедиции и кровавые усмирения.

25 октября в Акмолинском уезде произошла массовая порубка в Кендерлинской лесной даче, где киргизы “беспоощадно” вырубили лес. Вооруженные самодельными пиками, киргизы, увидев казаков, вскочив на лошадей, бросились на них, но встреченные ружейным огнем отступили врассыпную. Убито киргиз 42 чел., число раненых неизвестно. Преследуя убежавших, казачий разъезд наткнулся в ауле Акийракульской вол. на скопище вооруженных киргиз и перерубил здесь еще до 20 чел. “бунтовщиков”.

О том же факте военные власти сообщали- “в Омском военном округе у с. Алексеевского при разгоне киргиз из леса убито более 100 чел. киргиз. В верховьях Терсакана отряд сжег 20 аулов и 30 чел. Убил, ниже сжег 18 зимовок и убил 10 киргиз.

Атбасарский отряд 29 октября убил еще 50 киргиз, кроме того много убитых и раненых увезено восставшими. Сожжено 20 зимовок и становище в 70 кошей”.

17 ноября продолжался разгром Атбасарского района. Из Омска директору департамента полиции сообщали, что снова убито 50 киргиз, потом еще 28, ограблен киргизский обоз с продовольствием из 40 арб. На участке Шопан произошло целое сражение – пострадали и солдаты, и киргизы, при чем последних было убито 20 человек.

Далее в телеграммах департамента полиции отмечены следующие факты: 23/XI в Акмолинском районе убито 35 киргиз. “Беспорядки” закончились здесь около 30/XI 1916г. В Семипалатинской области киргизское восстание тянулось почти полгода. Вот характерные даты по тем же телеграммам: 14/VI- беспорядки в Усть- Каменогорском и Зайсанском уездах. 16/ VII- развитие беспорядков в Зайсанском уезде. Убиты волостные управители. Киргизы уходят за границу (в Китай).25/VIII- в Семипалатинском уезде совершено нападение на стражника. Сборище у о.Балык-Тыкуль. 7/VIII- волнения в Павлодарском уезде. 13/VIII- охвачено волнением 5 уездов. Три случая столкновения с казаками. С 15/VIII-18/VIII- выражение киргизами покорности. Часть бежит в Китай. 29/VIII- киргизы в Павлодарском и Каркарлинском уездах травят хлеб, угоняют скот и угрожают разгромить поселки. 12-13/ IX—в Павлодарском уезде у завода Экибастуз огромное скопище киргиз. Из Зайсанского уезда переходят в Китай, настроение всюду приподнятое. 25/IX- в южной части Павлодарского уезда замечено усиление киргизских волнений. Павлодарская полусотня окружена киргизами в числе 4.000. Дано 5 залпов. Число раненых киргиз не выяснено. Кругом

Барнаула киргизы начали поджоги лесов и сена. В Усть-Каменогорском районе усиление волнений. Киргизы южных уездов, не подчинившиеся требованию призыва, продвигаются к китайской границе в Зайсанском районе.

10/I 1917 г. в Зайсанском районе беспорядки среди киргиз прекращены. Начало сбора среди рабочих назначено на 15/I 1917 г.

В январе 1917 г. среди бежавших в Китай киргиз, русских подданных, начался тиф.

В Томской губернии движение киргиз отмечено по Бийскому уезду с 27 июля, при чем оно выразилось в массовой перекочевке со стадами в Монголию. Чтобы задержать этот поток эмиграции, были посланы войска, встреченные на границе Монголии вооруженными монголами. Между прочим отмечают, что богатые киргизы почти не уходили с массами, скупая за бесценку у бедноты шерсть и наживая на этом большие деньги.

Но центром движения в киргизских районах явилось Семиречье (Джетысуйская область). Их характеристику мы заимствуем из уже упоминавшегося нами официального источника ¹ с небольшим поправками, которые нами сделаны на основании материалов департамента полиции.

“В большей части Семиреченской области,— говорит этот источник,— произошли весьма серьезные беспорядки, имевшие характер открытого мятежа”.

Восстание киргиз, охватившее обширный горный район южных частей Пишпекского, Верненского и Джанкернского уездов и почти всего Пржевальского и взволновавшее киргиз части Коапльского и Лепсинского уездов, повлекло много жертв, как из рядов участвовавших в подавлении мятежа войск, так и среди безоружных жителей многочисленных поселков, рассеянных по территории, сделавшейся ареной восстания.

По племенному составу мятежники принадлежали к киргизам, кара-киргизам, а в Пржевальском уезде и к дунганам, однако в прочих местах области дунгане и тарачинцы к восстанию не примкнули и даже не принимали участие в борьбе с бунтовщиками на стороне русского населения. Среди киргиз быстро распространился слух о том, что рабочих собираются отправить на боевую линию, поставить между русскими и немецкими войсками, всех перебить, а их землю отдать русским поселенцам.

¹ Ташк. Гос. Арх. Фонд. — Краткий обзор событий, вызв. набором рабочих туземцев в Туркестанском крае за август 1916 г. подполк. Маккавеева.

Уже с самого начала восстания в действиях мятежных шаек были заметны признаки известной организованности: в горах были устроены мастерские для выделки холодного оружия и пороха; в некоторых бандах имелись особые значки- знамена; на шапках многих бунтовщиков были надеты однообразные металлические бляхи; скопища их управлялись, применялась оптическая сигнализация для передачи сведений о движении наших отрядов, заметно было стремление прервать сообщения между городами и поселками порчею дорог, мостов и телеграфа.

В начале восстания киргизами захвачен был транспорт оружия из 170 берданок и 40.000 патронов, направлявшийся в Пржевальск на вооружение чинов сформированного там отделения конского запаса. Часть же вооружения доставлена была мятежниками из пограничных местностей Китая.

Вырученные из киргизского плена пржевальские крестьяне утверждали, что в числе мятежников находились молодые люди в форме русских учебных заведений; самый мятеж именовался киргизами войною.

Первые сведения о мятеже в Семиречьи были получены 6 августа: в восточной части Верненского уезда в долине р. Асы 3 августа две волости оказали вооруженное сопротивление прибывшему для составления списков рабочих помощнику уездного начальника и скрылись в горах Алатау, в долине Чилик, куда для их усмирения вызван был из Верного небольшой отряд. Того же числа, в районе Самсу, скопища киргиз испортили телеграф, ограбили почту, захватили чиновника, 2 женщин с детьми и угнали лошадей; к 9 августа были уже разгромлены все почтовые станции от Курдая до Верного; в районе ст. Сюгаты появились большие шайки киргиз, частью вооруженные.

В окрестностях Пишпека и Токмака взбунтовались 6 волостей и прервали телеграфное сообщение с Пржевальском; близ селения Беловодского (Пишпекского уезда) появились первые жертвы мятежа: было убито два крестьянина. В целях самозащиты в Беловодском и Токмаке были сформированы дружины из русских поселенцев и дунган.

В районе Кастекских гор, а также в районе рек Сусамыра, Большой и Малый Кабень и в верховьях Таласа образовались большие скопища мятежников, делавшие набеги на русские селения.

Для рассеивания мятежных шаек и восстановления сообщения по почтовому тракту из Пишпека и Верного через Кастек были высланы навстречу два отряда местных

войск, соединившиеся в Токмаке и очистившие окрестности этого города от мятежных киргиз.

13 августа получено было известие об убийстве в Пишпекском уезде пристава Загорных волостей и всего его конвоя.

В Джаркентском уезде между 14 и 15 августа были разгромлены все русские поселки от Каркары до Охотничьего, при чем погибло много русских.

О положении дел в Пржевальске и его окрестностях долгое время не имелось никаких известий, так как весь Пржевальский район был в то время переполнен шайками мятежников, и лишь по мере прибытия (с 15 августа по 1 сентября) ополченских частей, высланных к Пржевальску из г.г. Верного и Джаркента, стали получаться сообщения о происходивших там событиях. В Пржевальском уезде мятеж начался 9 августа нападением киргиз на селение Григорьевку (на северном берегу Иссыккуля в 87 верстах от Пржевальска) и на следующий день распространился к востоку, при чем мятежники стали угрожать Пржевальску. 11 августа к бунтовщикам примкнули дунгане района селения Маринского, перебившие крестьян селения Иваницкого. Сообщение Пржевальска с другими пунктами было прервано до 20 августа, когда отрядами войск окрестности города были очищены от мятежников.

С появлением войск бунтовщики удалились на Сырты, куда конными отрядами было совершено несколько карательных экспедиций.

В Копальском уезде 11 августа был случай нападения киргиз на нижних чинов и угон казенных лошадей. Незначительные беспорядки произошли в глухих местах Аулие-Атинского и Казалинского уездов: в первом из них 50 киргиз разгромили дом лесобъездчика, а во втором толпа напала на рыболовный надзор, обезоружила и избивала его, а начальника надзора покушалась утопить.

11 августа на границе Пишпекского и Аулие-Атинского уездов появились большие скопища киргиз, наводя панику на железнодорожных рабочих строящейся линии Марке-Пишпек: 13 августа были случаи грабежей и угона скота в окрестностях селений Карабалты и Николчаенки Маркенские киргизы также стали держать себя вызывающе и получены были сведения о заготовлении ими холодного оружия: 29 августа мятежные банды угнали трех лошадей и 500 баранов у жителей сел. Каменки; между ст. Малдыбай и Акыр-Тюбе было совершено нападение на семейство железнодорожного служащего, а близ ст. Муньке- и на

воинский разъезд; в ночь на 30 августа скопище киргиз напало на окраины селений Марке и Каменки, жгло дома и угоняло скот.

По материалам департамента полиции, восстание киргиз в Семиреч. Обл. выразалось главным образом в форме нападений на русские селения. Киргизы разгромили ряд больших сел и в некоторых из них почти все население было перебито (напр., Кольцовка)¹, и сами села сожжены (с. Ивановка и др.). В казачьем сел. Каркара киргизы убили 24 казаков, в Джалаке-6 и ранили 2. Имели место убийства крестьян на покосах в горах (с. Краснореченское и Дмитровское) и т. п.

Ген. Куропаткин в своем донесении о жертвах восстания со стороны русского населения в Семиречье сообщил, что киргизами было “убито до 2.000, около 1.000 уведено в плен, преимущественно женщин, сожжено 1.300 усадеб и разграблено около 100 усадеб”. По другим более поздним данным в Семиречье, главным образом в Пржевальском уезде, русских переселенцев пострадало 3.244 чел. (убито 1.998 чел.).

Об усмирении восставших киргиз цитированный ранее доклад подполк. Маккавеева сообщает следующее:

– “В начале восстания киргиз, войск в пределах Семиреченской области оказалось слишком недостаточно для подавления мятежа: в гарнизонах всей обширной области находились лишь три дружины- Верненская, Джаркентская и Копальская, одна ополченская рота, третий Семиреченский казачий полк и одна запасная сотня. Для усиления войск экстренно были сформированы 3 сотни из казаков запасных разрядов и 4 ополченских казачьих сотни, которые вместе с постоянными войсками области были назначены как для охраны городов и селений, так и для образования действовавших против мятежников подвижных отрядов. Кроме этого, для подавления быстро разраставшихся беспорядков были командированы из Ташкента на Пишпек отряды пулеметчиков и казаков с батареей и саперами. Затем были переброшены войска из Самарканда, также с орудиями и пулеметами, из Термеза-через Оренбург, Омск и Семипалатинск на Копал и из действующей армии два казачьих полка с кольцовскими пулеметами и казачья батарея”.

С этой массой войск слабо вооруженные киргизы, ко

¹ А. Миклашевский сообщает, что в Пржевальском у. киргизами было уничтожено русское село Кольцовка с населением в 650 чел., их которых осталось в живых 35, взятых в плен (“Былое” 27-28, 1924 г.)

нечно, справиться не могли, и с начала сентября восстание удерживается лишь местами, в наиболее отдаленных районах. Однако отдельные партизанские группы портят телеграф (между Пишпеком и Верным), нападают на мелкие отряды, на железную дорогу, на отдельные русские поселки, напр., Новотроицкое, где было большое количество потерь с обеих сторон, сожжено много крестьянских усадеб, угнан скот и т.п.; но значительная масса восставших отходит в степи и горы, а часть перекочевывает в Китай во главе с руководителем семиреченского восстания Шабданом, внуком Джантая. Расправа с восставшими, не успешными во-время уйти, носила характер жесточайшего истребления местного населения. Так, один из воинских отрядов на южном берегу озера Иссыккуля было вырезано до 1.000 чел., отобран почти весь скот. Около Токмака было убито 200 киргиз, взято в плен 388, из которых 200 убито, якобы при попытке бежать. В Беловодске арестовано свыше 100 чел., при чем часть убили по дороге, а остальных - в Пишпекке . В одной из телеграмм карательных отрядов значилось: " пока убито около тысячи киргиз", в другой - " потери бунтовщиков значительны". Ген. Покровский доносил, что он " сжег стойбища около 800 юрт", другой ген. Берг, телеграфировал об уничтожении "800 отчаянных киргизских борцов" и отбитии огромного количества скота и баранов. Семиреченская сотня казаков около с. Красно-реченского убила до 200 киргиз, другая войсковая часть захватила 1.000 лошадей. Ген. Фольбаум доносил Куропаткину - "в окрестностях Пржевальска скопилось свыше трехсот тысяч голов скота, на Кочкорке... около ста тысяч... Более умеренная добыча имеется еще у Токмака... Дальнейшие действия отрядов еще умножат количество скота"...Ген. Фольбаум в конце концов чувствует, что зарвался, и не знает, что делать с отобраным у киргиз скотом: " скот сдается администрации, но последняя без помощи войска не в силах его ни содержать, ни охранять, скот может расхищаться и гибнуть от недостатка ухода и корма. Войска же, связанные стадами, теряют подвижность".

В конце сентября движение, кроме Зайсанского и Джаркентского районов, где оно продержалось до 1917 г., можно было считать ликвидированным, за исключением небольших групп, перешедших на положение "басмачей". Одна из таких групп, во главе с Каблан-Кашкимбаевым, доставила много хлопот "усмирителям". "Покоренных" киргиз заставляли убирать поля дунган, усмирявших восстание вместе с русскими войсками. 16 октября властям удалось

захватить в плен среди восставших Пишпекского и Пржевальского районов киргиз Канат Абукина и его сына Исхака.

С китайским правительством начались переговоры о возврате пленных, захваченных восставшими киргизами, перекочевавшими в Китай, и об условиях их возвращения в родные места.

Т. Рыскулов приводит следующие данные о потерях киргиз в восстании 1916 г. в Семиреченской обл.

Уезды и волости	Число кибиток(семей)		
	До восстания	К янв. 1917г.	Убыло
Верненский	4347	2415	1932
Джаркентский	10096	4378	5718
Пишпекский	27831	11518	16313
Пржевальский	34509	8847	25662
Лепсинский	7071	3629	3442
Всего по области	83354	30787	53067 ¹

Общее число кибиток в области, по переучету на трехлетие 1916/18 г.г., определено было в 182.255. Следовательно, убыль их составила 29,12%. Число убылого населения, считая по 5,1 души на кибитку, выражается в 273. 322 души обоего пола. Значительная часть из бежавших в Китай киргиз вернулась на родные места лишь после февральской революции 1917 г. Положение возвращавшихся беглецов было плачевное: посевы и запасы корма для скота погибли, зимние жилища разорены, юрты расхищены или сожжены, домашнее имущество разграблено китайцами, а угнанный скот погиб. Беженцы возвращались в буквальном смысле голыми и босыми. Обратный путь их был усеян могилами умерших от голода. Не лучше было положение киргиз, бежавших в горы.

Из потерь царских войск мы имеем цифры: офицеров убито 3, рядовых- 53 и пропало без вести- 77 чел., при чем большинство этих потерь связано с восстанием в киргизских и узбекских районах. Точно так же в этих районах было больше всего потерь и среди русских переселенцев. Кроме упоминавшихся ранее фактов, из отчета губернатора Семиреченской обл. видно, что нападению киргиз подверглось

¹ Очерки рев. Движения в Ср. Азии, стр. 76 . Цифры у Т. Рыскулова в печати напутаны. Мы их исправили в итогах и в графе "убыло".

94 русских селения, сожжено ими и разрушено 5.373 двора, ранено 684, убито 1.905 чел. И без вести пропало до 1.105 чел., главным образом, женщин и детей, часть которых была обнаружена уведенными в Китай. Потери переселенцев были особенно велики в районе оз. Иссыккуля, где, по данным подполк. Макквеева, среди одних только новоселов было: убитых-1.803 чел., пропавших без вести-1.212 чел., сожжено 964 русских дома, разграблено имущество и живой инвентарь.

Таким образом, на примере восстания в киргизских районах мы видим, что восставшие были правы, когда называли эти события “войной”, и не правы те историки, которые все дело сводят к “провокации” мирно настроенных масс, чуть ли не насильственно втянутых в эту национально-аграрную схватку туземцев с колонизаторами.

Мы допускаем, что официальное сообщения администрации края несколько преувеличивали события, что ими раздуты цифры потерь русского населения и т.д. несомненно, что действия администрации, может быть, в значительной степени раздули пожар восстания, что задней мыслью местных сатрапов действительно являлась задача “хорошо проучить взбунтовавшихся колониальных рабов” и в результате еще больше их взнудать и ограбить. Все это не требует особого подчеркивания. Но что восстание киргиз было выступлением широчайших народных масс, этого отрицать никоим образом нельзя. Оно было стихийным, неорганизованным “бунтом”, потопленным в крови. Но все же это – массовое движение протеста, протеста активного, а не “бунта” на коленях, как это пытается изобразить Г.И. Бройдо в своих “показаниях прокурору”. Что в движении были элементы организации, это мы уже видели из целого ряда замечаний в донесениях подполк. Макквеева. Приведем из них еще одно. Было ли у киргиз оружие? Мы утверждаем, что оно у них имелось. Его получали из Китая, его добыли при захвате транспорта около Прежевальска, его частично доставали при обезоружении полицейских, русских переселенцев и т.д. В одном из сообщений из Семиреченской обл. говорится, что при захвате карательным отрядом 360 кибиток, отступавших в Сырты, было обнаружено 100 ружей. Имеется ряд других сообщений, что киргизы вели перестрелку и с войсковыми частями, и переселенцами в разных районах. Вполне возможно, что оружие имелось у них вообще и до восстания на случай защиты от нападений на стада и т.п. Изображать киргиз каким-то забитым, разложившимся, в условиях

остатков родового строя, человеческим стадом, как это делает Г.И. Бройдо в не раз упоминаемой статье в "Новом Востоке", является совершенно неправильным, так как все, что можно было сделать при имевшихся условиях, ими было сделано и сделано совсем неплохо. Протест против дани "кровью" был заявлен. Он обошелся недешево для восставших, но все же он явился хорошим уроком для колонизаторов вообще и для русских в частности.

Необходимо в заключение отметить, что в восстании киргиз мы видим несколько иную картину расположения социальных группировок, чем мы это имели по Узбекистану.

— Богатеи степей Семиречья шли вместе с массой, вместе с батраками и даже ими руководили, - говорит А. Миклашевский. "Когда был объявлен приказ о мобилизации, богатеи и манапы, - продолжает он, - видя недовольство массы и боясь потерять свою роль и влияние на нее, становятся во главе восставших. При победном исходе они, как предводители, должны были получить еще большую власть. Таким образом, в Семиречье на местах получается одна общенародная картина восстания... Так, в Пржевальском у., сплошь охваченном восстанием, "в бой" население ведут "манапы"¹. Далее следует отметить, что туземная администрация в Семиреченской обл. Не всюду так энергично выступала против движения, как это мы видели по Узбекистану. Были случаи, о которых рассказывает и т.Бройдо, когда волостные управители в Семиречье отказывались от составления списков подлежащих набору в тыловые дружины. Одного из таких управителей губернатор приказал заковать в кандалы и представить в Верный. Большинство семиреченских управителей, если и не выступало прямо против администрации, то саботировало ее распоряжения и этим косвенно поощряло движение против мобилизации в тыловые дружины. Были и единичные случаи, когда в Семиречье толпа убивала волостных управителей на почве неправильного составления списков, но это не являлось таким массовым явлением, как среди районов, населенных узбеками.

Влияние духовенства на движение среди киргиз почти совершенно не заметно. Между тем, в узбекских районах духовенство, будучи теснее связано с массами, решительно эти массы поддерживало. Кроме того, в начавшемся движении муллы и ишаны видели осуществление тех заветов

¹ А. Миклашевский. Соц. Движ. 1916 г. в Туркестане, "Былое" 3 27-28 1925 г. стр. 256.

мусульманства, которые прикрывались идеями панисламизма, газавата и т.п. В ряде случаев в узбекских районах движением руководили ишаны

(Джизак, Андижан и др.); в киргизских же районах во главе оказывались чаще всего “манапы”, родовые начальники и аксакалы (старшие), которые не всегда были царской администрацией, а именно старейшими, более опытными житейски людьми, которым массы доверяли. Случаи, когда родовые руководители и даже волостные оказывались в рядах и во главе повстанцев, Т. Рыскулов объясняет тем, что “ в виду широкого размаха восстания масс данного района, родовые старшины не могли оторваться от масс или рода, ибо в противном случае последние разгромили бы их, как изменников, а переход открыто на сторону царской администрации все равно не спас бы их”.¹

В итоге мы можем подчеркнуть не только массовость киргизского восстания, но и его, так сказать, “общенародность”, национально-аграрный характер, направленный как против аграрной политики царизма, так и против военных тягот. В узбекских районах аграрный характер движения почти совершенно отсутствовал. Этого различия не заметили ни Г.И.Бройдо, ни Т. Рыскулов.

Восстание в Закаспийской области

Закаспийская область, теперешний туркменистан, в движении 1916 г. приняла активное участие в двух основных районах: хлопководством- Теджен-Мервском – и скотоводческим – на границе с Персией по р.Атреку. Об экономической обстановке районов восстания к сказанному в двух предыдущих главах остается добавить немного. Закаспийская область несколько позднее вступила в сферу влияния русского капитализма, но в 1916 г. “под Мервом хлопок составлял уже 44,6% общей площади посевов и 39,2% площади пашни, доходя на “мюльках” (право личной земельной собственности) в среднем до 49,5%, а иногда до $\frac{3}{4}$ и выше всей площади пашни (хлеба на мюльках занимали 17,5%, а общинных-91%), составляя в среднем 38% всей площади. Хозяйство кочевников-туркмен все более и более превращается из натурального хозяйства кочевника-земледельца в денежное хозяйство промышленника-хлопководы”².

¹ Т. Рыскулов. Оч. рев. дв. в Ср. Азии, стр 118.

² В. В. Русинов. Поземельные отношения и община у туркмен 1918 г., стр. 12-13.

Разница между узбекскими хлопководными районами и туркменскими сводилась к тому, что насаждение хлопководства среди первых происходило на стадии широко развитого торгового капитализма, тогда как в Туркмении хлопководство возникло в более ранний период распада феодально-родовых отношений. Переход на оседлое хлопковое хозяйство в условиях разложения родового строя и связи туркменского хозяйства с злейшими формами эксплуатации хлопководов, монополистическим капиталом метрополии в обстановке военных поражений- все это вместе взятое обуславливало несколько иную форму революционного движения в Закаспийской области. Здесь прежде всего имели место аграрно-водные столкновения (типичные и для киргизских районов) между туземцами и русскими переселенцами. Первым приходилось покупать воду у захватчиков- колонизаторов. Недоразумения на этой почве, в связи с требованиями на хлопок и расширением запашек, к 1916 г. чрезвычайно возросли.

На этой-то основе, усложненной внутри-родовой и внутри-классовой борьбой, движение туркмен вылилось в несколько иную форму протеста против набора рабочих в тыловые дружины. Рабочих рук в хозяйстве нехватало. Не явились в 1916 г. на работы рабочие из Персии, обычно нанимавшихся на весь сезон. Нехватало работниц-женщин, обычно нанимавшихся в русских селениях, туркменки же и текинки на хлопковых полях не работали.

Население сначала пыталось сговориться с администрацией края. Недаром текины- главная масса туркмен-дань “кровью” уже заплатили, выдав своих сыновей в особый полк, известный под именем текинского и особенно прославившегося во время контр-революционного выступления ген.Корнилова в августе 1917 г. Давать еще новых работников на окопные тыловые работы они не хотели. Бывшая ханша туркмен Гюль-Джемаль по этому поводу написала начальнику Мервского уезда следующее послание (28/УП 1916г.), (приводим выдержки по переводу, сделанному департаментом полиции):

...“Работы в тылу армии, главным образом устройство окопов и дорог, сами по себе относятся к категории труднейших работ. В крае, по обычаю, существующему века, текины сами этих работ на выполняют, нанимают для этой цели рабочих из Персии и Афганистана. Земляные работы- черные работы, исполнение которых своими руками для текин унизительно.

Неподходящий климат северного края. Текины Мерв-

ского уезда все сплошь хлопководы. Явка назначена на конец июля, тогда как уборка хлопка начинается в августе. Во время уборки хлопка в крае всегда ощущается острая нужда в рабочих руках, а уход из числа работников 5.000 самых сильных и молодых невольно наводит на опасение, что после их ухода сбор хлопка останется незаконченным из-за недостатка рабочих рук.

Всех кибиток в Мервском оазисе 25 тысяч, с общим числом душ 180 тысяч, из расчета 12% общего числа несколько более 20 тысяч чел., а следовательно, призывается (5 т.) $\frac{1}{4}$ всех взрослых мужчин, самых молодых и сильных работников.

Призыв обременителен и для текин, и для хлопководства.

Предлагают заменить работой по добыче серы в крае, деньгами, натуральными поставками скота для транспорта и продовольствия армии”.

Т.Рыскулов сообщает, что многие туркменские общества “выражали желание давать сыновей на фронт в качестве солдат”, но в делах департамента полиции мы указаний на это не нашли. Интересно, однако, отметить, что, по сводке Маккавеева, в декабре 1916 г. в Ташкент были привезены из Закаспийской области два эшелона туркмен-стражников, которых срочно обучали стрельбе и строю. Таким образом, к этому моменту администрация уже переходила к набору не только в тыловые части, но и для фронта, хотя, вероятно, скорее внутреннего, потому что мобилизованные были “стражниками”.

В этой обстановке в хлопковых районах Туркменистана движение происходило без особо бурных взрывов и столкновений с войсками. В июле были отмечены “брожения” в Тедженском районе, в августе- в Мешедском и Асхабадском, в октябре- в Мервском, Тахта-Базарском и др.

По официальным донесениям Маккавеева некоторые детали событий рисуются так: “В октябре в Тедженском у., в ночь на 6-е, в 5 верстах от ст.Теджен к Мерву, повреждены железнодорожные путь и телеграф, убиты путевой сторож, его дочь и рабочий, другой железнодорожный сторож с семьей пропал без вести. В ту же ночь был испорчен путь из Теджена на Асхабад и сожжен на этом пути железнодорожный мост. В 4 ч. Утра вооруженная шайка туркмен пыталась произвести нападение на г. Теджен, но была отбита караульной командой, встретившей мятежников на мосту через р.Теджен; во время перестрелки у нас убиты 3 нижних чина и тяжело ранен мостовой сторож; нападавшие

туркмены потеряли 6 чел., в числе которых был убит и главарь Каумуков.

Для восстановления пути и телеграфа и наказания мятежников из Асхабада и из Мерва высылались в Теджен карательные отряды. Представители населения Тедженского у. выразили глубокое возмущение действиями отдельных безумцев-мятежников, принадлежавших, по уверениям этих представителей, к одной лишь Отамьшской вол., и обещали выдать преступников, после чего населением было задержано 5 главарей и 67 участников мятежа: был даже случай выдачи отцом своего виновного сына. Помимо выдачи преступников, население немедленно представило 95 стражника. После изъявления жителями Тедженского у. покорности отдельные выступления, однако, продолжались. 15 октября ранен у железнодорожной будки нижний чин. 24 октября 10 вооруженными туркменами было произведено нападение на почту. В Серахсе ранен часовой у дома пристава. Во время формирования партии стражников, в окрестностях Серахса произведено было нападение с целью отбить эту партию, но она благополучно проследовала в Теджен. В ноябре в Серахском приставстве арестовано 3 туркмен и отправлен 1-й эшелон туземцев-стражников¹

Таким образом, выступления носили партизанский скрытый, характер (по ночам, "из-за угла"), и форму открытого "мятежа" не принимали. Важно отметить, что хивинские выступления туземцев в этот же период времени носили характер такого же рода партизанщины.

Совсем иной тип движения мы наблюдаем в другом углу Туркменистана, а именно в районе Красноводска, р.Атрека, Гюргеня и в приморской полосе Прикаспия среди туркмен-иомудов, ведущих скотоводческо-земледельческое хозяйство. У них так же, как и в других районах Туркестана лучшие для хозяйства земельные площади захватывались переселенцами, при чем усиление переселения здесь должно быть отнесено на время революции 1905 г., т.е. наиболее позднее из всех "заселений" Средней Азии пришельцами из России. На почве захватов земель и воды между новоселами и туркменами происходила все время ожесточенная вражда, осложнявшаяся тем, что русское правительство использовало ее для посылки военных отрядов, фактически занимавшихся оккупацией соседних персидских земель. Туркмены-иомуды в области общественных отношений стояли еще ближе к родовым формам социального бытия

¹ Турк. Арх. Фонд в Ташкенте.

чем их соседи туркмены- хлопководы, при чем эти “перезжитки” сплетались с феодализмом Персии, пытавшейся в свою очередь “закрепостить” свободолюбивых иомудов- кочевников. В русских владениях родовые отношения иомудов к 1916 г. в значительной степени все же были уже пронизаны капиталистическими отношениями, и право собственности на землю (“мюльск”) пустило глубокие корни, несмотря на религиозные запрещения. Элементы классового расслоения у иомудов выражались в выделении руководящей богатой верхушки, которая по существу и возглавляла восстание 1916 г. В этом отношении между восстанием в киргизских районах и в районах туркмен-иомудов было много общего, с той лишь разницей, что захват переселенцами киргизских земель начался значительно раньше, чем у иомудов. Кроме того, руководство движением иомудов находилось в руках не случайных “вождей”, выдвинутых событиями, как это имело место в киргизских или узбекских районах, а велось теми лицами, которые руководили всей хозяйственной и общественной жизнью иомудов в то время. Воинственные иомуды до 1916 г. не раз выступали против своих угнетателей. Историками национально- освободительного движения в Ср.Азии после революции 1905 г. указываются восстания иомудов, подданных хивинского хана, в 1912 г. и в 1915 г. В 1915 году иомуды организовали нападение на г. Хиву и были разбиты лишь с помощью войск русского ген.Галкина. По сведениям Маккавеева, брожение среди иомудов и недовольство русским правительством как раз усилилось после действий карательной экспедиции ген.Галкина. Маккавеев в связи с этим указывает, что депутация иомудов тогда же “искала защиты в Афганистане”.

Восстание 1916 г. началось с начала августа в виде партизанских налетов вооруженных групп иомудов на русские патрули и разъезды на границе с Персией, при чем были убитые и раненые с обеих сторон. Около 20 чисел августа иомуды в разных местах пограничной полосы разрушают телеграф, но еще большие группы кочевников, отказываясь давать рабочих в тыловые дружины, уходят со стадами из русских пределов в Персию. За ними в погоню и для расправы с партизанами высылаются войска с пулеметами и пушками, что продолжается в течение всей осени. Местами происходят стычки с войсками. Так, в сентябре иомуды захватили крепость Аккала и оттуда открыли сильный огонь против русских, которым пришлось брать крепость при помощи артиллерии. Бомбардировка продолжалась 2 часа. Иомуды, понеся большие потери, бежали к морю.

25-29 сентября иомуды напали на пос. Романовский, Михайловский и на два русских имения в районе Гюргеня, разграбили их и сожгли. Жители из этих селений были эвакуированы под охрану русских войск в соседние поселки Крещенский и Донской.

Телеграфное сообщение с Гумбет-Кабузом и Астрабадом иомудами было прервано.

Восставшие концентрировали свои силы за пределами русских владений, нападая на русские войска из-за персидской границы. Одно из таких нападений, 30 сентября, весьма характерно для понимания соотношения боровшихся сил. В этот день из Чатлы вышел отряд русских войск в 150 сабель, 100 штыков, с 3 пулеметами и 2 орудиями, сопровождавший обоз и продовольственный транспорт. Иомуды два раза делали набеги на отряд, при чем они были уже вооружены скорострельными винтовками, и воинственные племена джафарбайцев и ак-атабайцев из аулов Мергена и Учмана нанесли отряду некоторый урон, убив ротмистра Пожарского и убив и ранив несколько офицеров и солдат из пограничников и ратников. Подобного рода набеги иомудов носили весьма упорный характер. В своем обзоре Маккавеев так рисует развитие событий. Сначала, в октябре 1916 г. идут такого же рода аванпостные стычки. По официальным донесениям дальнейшее развитие событий представляется в таком виде: 8 октября убит телеграфный чиновник Егоров, высланный для исправления поврежденного телеграфа. 18 октября вооруженные иомуды в 17 верстах от Курбанказа захватили транспорт из 7 верблюдов с припасами и фуражом, следовавший в Чатлы. 24 октября, близ поста Курбанказа, большая шайка иомудов напала на возвращавшийся из Чатлов в Караташ разъезд из 14 конных разведчиков, при чем иомудами убит один рядовой. С прибытием из Курбанказа подкреплений, иомуды рассеялись, но ночью, в течение трех часов, обстреливали пост Курбанказ: во время перестрелки ранен 1 рядовой. В тот же день иомудами обстрелян пост Караташ: высланные с поста с донесениями 5 конных рядовых были захвачены и убиты. 28 октября, на пути из Астрабада в Карасу, произведено было нападение на сильный наш разъезд с пулеметом: наша потеря - 1 казак. 30 октября мятежные скопища появились в окрестностях Ходжа-Нефеса, в устьях Гюргеня, возбуждая против нас доселе мирных туркмен приморского района. 31 октября 200 вооруженных иомудов перешли границу у поста Нарли, на р. Чандырь, в стычке убит один пограничник.

Из русских поселков неоднократно подвергались нападению: пос.Донской, жители которого с их имуществом были эвакуированы, пос.Саратовский, охранявшийся отрядами, и Молеканский, при чем иомуды угнали из его окрестностей крестьянский скот. Был случай нападения в окрестностях Дашверды на следовавшей в Чикишляр гурт верблюдов, при чем мятежники ранили джигита и верблюдовожатого и угнали 100 верблюдов. Иомуды разгромили пос.Нимердан, убив несколько жителей поселка, и т. д.

В ноябре события обостряются. Войска проникают в районы расположения повстанцев, и начинается полоса серьезных столкновений. Первым из них надо считать бой у Чатлы, в котором иомуды понесли большие потери, успев разрушить телеграфное сообщение между Чатлы и Гумбет. При попытке нападения иомудов на рыбные промысла Лианозовых в приморском районе, против них была выдвинута артиллерия с судов Ашур-Адинской морской станции, кроме того на берег высадился десант. В новом бою под сел.Саратовским иомуды потеряли 14 убитых и 17 раненых. В стычках под Гумбет-Камбузом они понесли еще большие потери людьми, скотом и имуществом. Русские войска потеряли всего лишь 4 убитыми и 1 раненым и 1 пропавшего без вести пограничника.

В конце ноября иомуды разогнали обозный отряд у Кизыл-Имам, нанеся потери 1 убитым и 18 ранеными нижними чинами.

Наконец, против иомудов был двинут особый 10-тысячный "Гюрденский экспедиционный отряд" ген. Мадритова с пушками, пулеметами и автомобилями, высадившийся в персидском порту Карасу и устроивший там штаб и базу против мятежников. Партизанские налеты иомудов должны были вскоре прекратиться, так как к началу декабря 1916 г. ген.Мадритов уже сумел подготовиться к нападению на главные силы повстанцев в долине Гюргена. Военные действия отрядов ген.Мадритова начались с захвата крепости Аккала, которую, как уже отмечалось, иомуды вынуждены были бросить еще в сентябре и которую им потом удалось захватить снова.

С 8 декабря произошло несколько стычек. У сел.Михайловского в бою иомуды потеряли 60 убитыми и 80 винтовок. 11 декабря западной колонной было отобрано у мятежников до 1.000 штук разного оружия и 200 арб с лошадьми.

18 дек. произошло большое сражение иомудов с

колонной войск ген.Нарбута на перевале Сегирим-Даг. По словам этого генерала, иомуды обнаружили умение применяться к местности, большую храбрость и меткость. В этой стычке отряд потерял 8 убитыми и 11 ранеными нижних чинов, а отступавшие туркмены оставили на месте стычки неподобранными 10 трупов. Загнав повстанцев в горы (их было до 3 тыс. вооруженных- половина пиками и шашками и половина берданками, трехлинейными и иностранными винтовками), ген.Нарбут в конце декабря вместе с главными колоннами отряда Мадритова нанес иомудам окончательное поражение. В этих последних боях у повстанцев было отнято до 3200 верблюдов и свыше 25 тыс. баранов.

В январе 1917 г., по словам того же источника, “в Астрабадском районе продолжалось преследование мелких шаек, на которые разделились скопища мятежных иомудов, разбитых в декабрьских боях.

Главная масса иомудов прекратила всякое сопротивление и выразила полную покорность: около 5 января джафарбайцы обратились к ген.Мадритову с просьбой разрешить им вернуться в пределы России. 11 января племена Диведжи, Игдырь и Карау прислали своих представителей в Гумбет-Кабуз, обещав выдать оружие и верно служить “белому царю”: им приказано было сдать оружие и впредь до дальнейших распоряжений поселиться в 20 верстах западнее Морава-Тепе. Один из главных вождей мятежников, Эссен-хан, около 15 января был захвачен отрядом в Морава-Тепе, а прочие главари: Шихи-хан Диведжи, Баба-Клыч и Мерген явились с повинной сами.

К 20 января у иомудов было отобрано 2433 винтовки, 315 шашек и 61 кинжал”.

Так шла ликвидация восстания иомудов на юге. На севере в районах Ташуза и Куня-Ургенч (хивинское ханство) небольшие группы повстанцев-иомудов “рассеивались” казачьей сотней.

Тукмен Х.И.К.Х.О., описывая действия карательной экспедиции ген.Мадритова ¹, говорит следующее: “Экспедиция истребляла мирных жителей, сжигала кибитки, уничтожала посевы, захватывала скот и имущества и бесстыдно грабила. Были случаи, когда казаки поднимали на пику живых детей, зарывали в ямы живых людей и вырезывали из чрева беременных женщин детей. Ген.Мадритов отнял

¹ А. Мелькумов. Матер. рев. движения в Туркмении 1904-1919 г. Т. 1924, стр.92.

у иомудов до 5200 кровных заводских лошадей, несколько сот тысяч баранов и другого скота... иомуды бежали в Персию" и т.д.

Масса обездоленных, разоренных и ограбленных людей, словом, та же картина, что и в киргизских районах после усмирения. Официальный источник этой картины усмирения, конечно, не дает. Возмутительные насилия над населением прекратились лишь с победой февральской революции. Потери войск по данным Куропаткина в Туркменских районах таковы: убитых 2 офицера и 59 солдат, раненых 2 офицера и 59 солдат и пропавших без вести 3 солдата.

Итоги и выводы

Итак, восстание местами затянулось почти до февральской революции, продолжалось более чем полгода. В огромном большинстве случаев в городах оно продолжалось не дольше нескольких дней. Войсковые части справлялись с туземцами городов сравнительно быстро. Гораздо труднее им было усмирять восстания в сельских местностях и особенно в степных и горных районах. Длительнее восстания проходили в районах скотоводческого хозяйства, чем оседлого земледелия. Упорнее отбивались от войск иомуды, наносившие больше вреда противнику, чем киргизы. Киргизы дольше сопротивлялись "карателям", чем население узбекских районов. Движение иомудов и киргиз было резче окрашено протестом против захвата их земель и набором в тыловые дружины, чем узбеков, протестовавших почти исключительно против набора.

Общие итоги движения таковы. Больше полугода крупнейший край был охвачен восстанием, крайним возбуждением населения против угнетателей. О хозяйственных потерях колонизаторов можно судить по цифре разоренных русских хозяйств по всему Туркестану. Их насчитывается до 9 тысяч. А.Миклашевский сообщает, что по Туркестану русских было убито 2325, пропало без вести 1384. Количество туземцев, погибших в восстании, А.Миклашевский определяет в несколько десятков тысяч. К ним надо добавить еще десятки тысяч арестованных, из которых сотни были приговорены к смертной казни, к каторжным работам, в тюрьмы и т.п.

По набору всего было взято в тыловые дружины 120 тыс. и значительная часть вывезена в Россию. О потерях в хозяйствах туземцев уже говорилось выше. Однако, несмотр-

ря на огромные потери и поражения восстания, оно тем не менее имело огромное политически-воспитательное значение для масс. Невольно напрашивается сравнение с революцией 1905 года.

Такого сравнения, может быть, и нельзя делать, так как здесь революционные явления различного порядка. Но все же, когда мы говорим, что революция 1905 г. широко раздвинула политические горизонты пролетариата и крестьянства, повысила их политический уровень, то эти итоги выпукло вырисовываются и в результате восстания 1916 года, раздвинувшего политические горизонты местного населения. Может быть, 1916 г. явился для него своеобразным "пятым" годом и тем самым подвел эти массы к революции 1917 г. Мы этого вопроса пока еще не исследовали с достаточной полнотой, чтобы подтверждать свое умозаключение с должной настойчивостью, но по тем материалам, которые уже нами проработаны, мы видим, что к "1917 г." массы населения подходили с некоторым опытом от "1916 г."

Период деятельности Временного Правительства в Туркестане не ознаменовался для массы коренного населения никакими мерами серьезного улучшения его экономического положения. Ни Керенский, ни Чернов, ни их комиссары в Туркестане не проявили даже более или менее четкой линии в вопросе "экспроприации" туземных земель в пользу русских переселенцев. Из материалов, опубликованных Е.Федоровым¹, мы знаем, что сопартиец Керенского-Чернова, некий Шкапский-переселенческий чиновник царского правительства-под прикрытием лозунга "земля и воля" ухитрился проводить ограбления земель у местного населения в пользу переселенцев, как самый заправский "колонизатор". Такого рода Шкапскими был наполнен весь Туркестан эпохи Временного Правительства, при чем и такие "зубры" империализма, как ген.Гиппиус, ставший либералом после февраля 1917 г., оказались комиссарами этого правительства в крае, т.е. теми же правыми губернаторами. Туземное население могло видеть лишь некоторое смягчение политического режима, и то больше на словах, чем на деле.

Тот экономический узел, который был завязан в Ср.Азии царским правительством, пришлось разрубать лишь после Октябрьской революции. Это была нелегкая работа. Широкие массы коренного населения не сразу поняли сущность

¹ "Очерк нац.-освоб. Движения в Ср. Азии". 1925 г. Ташкент.

и значение Советской власти, пытаясь по-своему разрешить наболевшие вопросы. Отсюда новая борьба с переселенцами, отсюда шли и некоторые элементы "басмачества" и т.д. Но эта тема выходит за пределы нашей работы и требует особого исследования.

В заключение мы должны еще раз подчеркнуть, что восстание коренного населения Ср.Азии в 1916 г. было широким массовым движением против колониальной политики русского империализма. Оно заострилось на вопросах аграрном и на мобилизации населения в тыловые дружины на помощь армии, ведшей войну в интересах того же империализма. Движение против мобилизации чрезвычайно поучительно. Если оно и было раздавлено, то все же результаты восстания имели огромное значение. Оно показало империалистской буржуазии России, что с "азиатами" вовсе не так просто справиться, как им казалось. Оно подчеркнуло, что население Ср.Азии вовсе не хочет быть "пушечным мясом" для военных целей буржуазии. Из опыта восстания русское правительство неизбежно должно было сделать вывод, что использовать "колониальных рабов" для своих целей не так-то легко. Кое-что, правда, ему удалось сделать в направлении использования одной части населения для усмирения другой. Ярким примером могло служить в этом отношении использование дунган и туркмен против восставших киргиз, но таких явлений было немного. Огромная же масса населения выступила против угнетателей, не считаясь с тяжелыми жертвами. И это выступление должно быть занесено на страницы истории такими же большими буквами, как и те революционные движения, которые мы видели не раз в истории России. Совершенно неправильно лишать его революционного характера, какой оно носило на самом деле, и характеризовать его, как провокацию властей для того, чтобы отнять от коренного населения землю и передать ее русским переселенцам.

Восстание в Ср.Азии в 1916 г., как опыт колониального восстания против империалистической политики, должно быть изучено и использовано колониальными народами Востока в их текущей борьбе.

11/ V 1926 г.

// Историк-марксист 1926. №2

К истории восстания киргиз в 1916 г.

Среди уже известных материалов, освещающих события 1916 года в киргизской степи, публикуемые ниже документы, как отражающие, с одной стороны, правительственные, с другой - туземные настроения, должны занять далеко не последнее место ¹. Как известно, непосредственным поводом к волнениям в этом году среди казак-киргизов и кара-киргизов, обусловленным, конечно, рядом весьма длительных и сложных причин, послужило "высочайшее появление" 25 июня 1916 года о привлечении на тыловые работы "мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно". Это распоряжение не могло, конечно, не вызвать со стороны массы туземного населения упорного сопротивления. Неизбежность этого чувствовали и некоторые высоко стоящие административные лица, как, напр., наместник на Кавказе вел. Кн. Николай Николаевич, который в июле 1916 года добивался отмены состоявшегося распоряжения для вверенного ему края, мотивируя теми соображениями, что всякое мероприятие, касающееся мусульманского населения, до его осуществления требует ряда подготовительных мер, что, в свою очередь, требует известного времени ². Но если признано было возможным согласиться с этими соображениями по отношению к Кавказской окраине, слишком уж близко лежавший от театра военных действий, то в Туркестане и Киргизской степи, наоборот, шли к неизбежной и кровавой развязке. Ведь нельзя же было думать, что десятилетиями накапливавшееся недовольство туземного населения, в условиях напряженного состояния военного времени, не выльется, наконец, в открытое сопротивление и восстание. Но, очевидно, в расчете на верный выигрыш в затеянной игре, представившейся к тому же совсем неопасной на

¹ См. следующую литературу вопроса : З. Миндлин. Киргизы и революция. "Новый Восток" 1924, № 5; - Т. Рыскулов. Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание туземцев Туркестана против царизма в 1916 году). "Нов. Восток" 1924, № 6; - Г.И. Бройдо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. "Нов. Восток" 1924, № 6; - А. Миклашевский. Социальные движения 1916 г. в Туркестане. "Былое" 1924, № 27-28.

² Николай II и великие князя (родственные письма к последнему царю). ГИЗ. Л.-М. 1925, стр 37 и 138-140.

отдаленной окраине, последняя была начата. Уже на первых порах из-за чрезмерной торопливости в проведении опубликованного распоряжения встретились весьма существенные затруднения, большее всего отразившиеся на туземном населении и, естественно, усиливавшие и без того уже большое его раздражение против нового правительственного мероприятия. Второй пункт “высочайшего повеления” 25 июня 1916 года требовал согласования деятельности двух ведомств – военного и внутр. дел – и установления подробных правил привлечения “иностранцев” к тыловым работам; между тем на практике это не было соблюдено, и министерство внутренних дел телеграфными распоряжениями от 27 и 28 июня, т. е. на следующий день после “высочайшего положения”, предложило подведомственным ему губернаторам в наискратчайший срок произвести мобилизацию первой очереди киргизов, в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. На местах получилась полная неразбериха, о степени которой дает некоторое представление одно из ниже приводимых донесений астраханского губернатора, который “за короткое время принужден был дважды объявлять призыв и дважды его отменять”¹.

На неподготовленность населения и излишнюю поспешность в проведении правительственного распоряжения, соединенную еще с злоупотреблениями властей, туземных и русских, указывают и другие два документа, печатаемые здесь же. Это – памятная записка о киргизах, предназначенная, по-видимому, для представления в Государственную Думу, и протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 г. в г. Оренбурге. Эти два документа, вышедшие из рук либеральной казак-киргизской интеллигенции, которая группировалась с 1912 года вокруг первой киргизской газеты “Казак”, интересны так же как источники, отражающие этой последней.

Эти два документа, относящиеся – один к началу августа, другой к половине сентября 1916 г., дают некоторый конкретный материал и для характеристики самого движения за первый период его развития. Даже пользуясь одними

¹ Копия телеграммы из Астрахани на имя упр. Земским отделом от 26 июля 1916 г. Ср. также данные протокола частного совещания киргиз 7 авг. 1916 г. о сроках призыва в Актюбинском и Кустанайском уездах Тургайской обл.

этими показаниями, можно почувствовать, что дело шло уже дальше простых трений и отдельных эксцессов. Ведь еще августовской протокол частного совещания киргиз отмечает появление в степи первых казачьих отрядов и расквартирование их - 75 казаков в Чингирлауской волости, 125 казаков в Аракарагайской волости и еще 125 казаков в Кинаральской и Миндыгаринской ¹. Появление их не было, конечно, случайным и говорило о серьезности положения в Тургайской области еще в начале августа 1916 г. Убийства волостных управителей и волостных писарей, отнятие посемейных списков и уничтожение их, недопущение управителей, аульных старшин и аксакалов к составлению списков лиц призывного возраста, столкновения с казачьими отрядами, сопровождавшими уездных начальников, доходившие иногда до кровопролития, отдельные случаи нападения на оседлые поселения - вот те формы, в которые выливалось движение казак-киргизов еще в этот первый период восстания.

Последний из печатаемых ниже документов - донесение военного губернатора Семиреченской области о беспорядках, происшедших в области в связи с набором рабочих, - переносит нас из северной части киргизской степи, которой касались все выше рассмотренные материалы, в южную и в отличие от них дает почти полную картину восстания с его начала до 1 ноября 1916 года. Конечно, не приходится забывать, что здесь перед нами официальное, казенное освещение событий, но, сопоставляя его с имеющимся в нашем распоряжении показанием Г.И. Бройдо, данным им прокурору Ташкентской судебной палаты 3 сентября 1916 года мы можем корректировать одни сведения другими и, таким образом, восстановив первоначальную обстановку событий и общий их ход, без особой опаски воспользоваться остальными данными донесения для дорисовки неизвестных еще моментов восстания. Весьма ценным представляется этот документ и с той стороны, что на основании его можно точно установить и район распространения восстания и места наиболее ожесточенной борьбы.

Интересно его указание и на то, что администрация Семиречья, в сущности, предвидела возможность волнений инородцев при призыве их на тыловые работы, "просила (для этого) военной помощи из Ташкента еще в июле, а имеющиеся незначительные военные силы распределила

¹ Отряды казаков вызваны были также в некоторые уезды Акмолинской области, см. протокол частного совещания 7 авг. 1916г.; и в Букевскую орду - см. телеграмму губ. Соколовского от 25 июня 1916 г.

планомерно по области в определенных центрах, откуда было удобно оказывать помощь при возникновении беспорядков”.

Массовое широкое восстание, с собственными вождями и лозунгами, и большая часть либеральной интеллигенции, не сумевшей связаться с его основными требованиями и отстаивавшей перед ним только необходимость подчинения приказаниям правительства, — вот те два полюса национально-революционного движения 1916 г., которые еще раз выявляют перед нами печатаемые ниже документы.

А. Чулошников.

(1) ¹

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 20 июля 1916 г.

Среди киргизов явилось несколько тревожное настроение по поводу предстоящего призыва в отряды рабочих на фронт. По произведенному расследованию, виновником смуты является киргиз Кулманов², окончивший университет, быв. член 2-й Госуд. Думы. Кулманов при посещении мною орды 8 июля, когда я объявил высочайшее повеление о призыве киргизов в отряды рабочих, явно обнаружил стремление выговорить совершенно не вызывающиеся потребностью льготы для киргизов, получив с моей стороны отказ и внушение. Ныне, по сведениям моим, Кулманов, собрав с киргизов большие деньги отправился в Петроград с целью ходатайствовать об освобождении киргизов от призыва. Постановив сего числа о выселении Кулманова из пределов киргизской степи на время нахождения губернии на положении чрезвычайной охраны, сообщая о сем вашему превосходительству, присовокупляя, что, по сведениям, Кулманов возлагает надежду на успех своих ходатайств также и на мусульманскую фракцию Госуд. Думы. 644.

Губернатор Соколовский.

(2)

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 25 июля 1916 г.

В дополнение телеграммы от 20 июля, 644, уведомляю, что для исходатайствования отмены реквизиции киргизов

из степи выехала в Петроград депутация в составе Гайдула Мукашева, киргиза Торгунской части, уволенного от должности правителя части, Джумгали Карагаева, киргиза Таловской части, также уволенного от должности правителя части; также уволенного части *, Батырхана Ниязова, киргиза Таловской части, помощника присяжного поверенного округа саратовской судебной палаты, лишенного права практики, и Мендыханова, уволенного от должности помощника правителя части и ныне служащего во временном совете.

Кроме того, имеются сведения, что киргизами первого и второго округов Киргизской степи с аналогичным ходатайством послана и вторая депутация, состав которой пока не выяснен.

Для подавление агитации в степи в распоряжение ордынской администрации мною отправлено три взвода казачьего полка. 687.

Губернатор Соколовский.

(3)

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 26 июля 1916 г.

Согласно телеграммы мин. вн. д. от 28 июня, нум. 18991, коей было приказано в кратчайший срок произвести призыв инородцев для формирования рабочих партий на фронт, я привлек к делу все имевшиеся в моем распоряжении силы и средства и приступил с 10 июля к призыву, но должен был отменить свое распоряжение, так как, по телеграмме мин. вн. д. от 13 июля, нум. 20816, оказалось, что военное ведомство решительно затрудняется осуществить перевозку принятых инородцев.

Войдя в сношение с штабом казанского военного округа, согласно телеграммы мин. вн. д. от 8 июля, нум. 20062, я 23 сего июля получил заявление астраханского уезд. воинского начальника, что с пятого августа он может принимать ежедневно по 1000 инородцев.

Тут же мною был объявлен призыв соответствующих инородцев, и к набору таковых уже было преступлено, но сегодня я получил от того же уездного воинского начальника заявление о приостановлении приема инородцев

* Так в оригинале.

впредь до получения им плана перевозки от военного ведомства, почему сегодня я вторично вынужден был приостановить набор инородцев.

Таким образом за короткое время я принужден дважды объявлять призыв и дважды его отменять. Продолжать призыв и накапливать на своих приемных пунктах инородцев свыше того, на что эти пункты рассчитаны, я не могу, отменять же призыв считаю крайне нежелательным по следующим причинам: первое – взятый из дома инородцев, коему до пункта нужно пройти иногда до 300 верст и затем с пути вернуться, несет совершенно напрасные экономические потрясения; второе – при существующем недовольстве инородцев вообще призывом такие отмены могут вселить предположение о колебании власти и быть использованы личными агитаторами, упомянутыми в телеграммах моих от 20 и 25 июля, номерами 634 и 687, для еще большего смущения инородцев.

Посему прошу зависящего распоряжения, чтобы военные власти округа давали окончательные и точные заявления о дне и числе инородцев, в кои они на каждый из четырех для Астраханской губ. пунктов воинских начальников могут принять инородцев, и чтобы эти заявления не подвергались изменениям.

Подобные заявления военные власти должны давать не менее как за десять дней до приема ими инородцев, так как ранее этого срока призвать инородцев и выполнить все санитарные требования Ольдена³, включая пятидневный карантин, невозможно.

Главначальствующий **Соколовский.**

(4)

Протокол

Протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 года в помещении тургайского областного правления с разрешения Тургайского губернатора⁴.

Совещание было открыто речью господина губернатора, который присутствующим разъяснил смысл высочайшего повеления 25 июня 1916 года и просил содействия их спокойному осуществлению призыва киргиз на работы. Предложив затем собранию избрать председателя, господин губернатор оставил зал.

После ухода господина губернатора, под председательством выбранного присутствующими А. Н. Букейханова⁵ при секретарях О. Алмасове и М. Я. Дулатове, совещание приступило к обсуждению вопроса о призыве киргиз на тыловые работы.

Высочайшее повеление 25 июня стало известно киргизам в форме объявления местных властей в то время, когда само повеление не было опубликовано. Это поразило население, как гром из ясного неба. Местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение высочайшее повеление. В неподготовленности населения в исполнение и в чрезвычайной спешности, местами – грубости и злоупотреблении[ях] в действиях властей, кроется корень до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений.

Киргизский народ воинской повинности не отбывал никогда. Молодежь его мысли, да еще в принудительном порядке, не призывалась никогда. Единовременная и спешная мобилизация 25 возрастов (19-43) поразила население. Мобилизация частичная даже у народов, привычных к воинской повинности, часто проходит с большими трениями. В той обстановке, в которой происходит приведение в исполнение высочайшего повеления 25/VI и при новизне дела мобилизации 25 возрастов киргизского народа, нет ничего удивительного в том, что до сих пор случилось. При наличии: 1) надлежащей подготовки населения, 2) частичной мобилизации в течение более или менее продолжительного времени по мере надобности, 3) при применении возможных льгот, необходимых для сохранения интересов хозяйства, и 4) при участии уполномоченных от населения - мобилизация рабочих от киргизского населения прошла бы гладко и мирно.

Если мы не видим худшего – открытого восстания народа, то это объясняется его чрезвычайным миролюбием. В Актюбинском уезде, в 3-м участке, местная власть приказала явиться к приему через 10 дней. Киргизы этого участка разбросаны на пространстве в 400-200 верст в длину и ширину.

В Кустанайском уезде местная власть назначила прием в Аракарагайской волости через 9 дней, в Соройской волости через 15 дней.

В других волостях также чрезвычайно спешно требовали явку на сборный пункт, отдаленный от населения на 200-300 верст.

Всем известно, что в посемейных списках записанные возвраты киргиз не соответствуют действительности. Воз-

раст киргиз в списки заносится аульными произвольно. Никто правильностью этой записки до сих пор не интересовался. Некоторые записи заведомо властями делались неправильными: богатые киргизы, подготавливая требуемый при выборах на общественные должности возвратный ценз, умышленно записывали лета своих сыновей старшими. Поэтому в степи не редкость 20-летний бий⁶ или волостной управитель, когда по закону они должны быть не моложе 35-25 лет.

До мобилизации необходимо было при участии аульного схода исправить заведомо неправильные списки или составить новый верный список.

Между тем местная власть спешно потребовала старые неправильные списки, объявив их правильными, и пожелала мобилизовать по ним одновременно 18% всего мужского населения. Просьбу киргиз об исправлении списков, о согласовании их с действительностью, никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось к самосуду, повсеместно отбирая от волостных управителей списки. Это было в областях Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Местами волостные управители пожелали на почве мобилизации свести счеты со своими партийными врагами, стали очинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте 19-31, другие стали торговать списками, предлагая за деньги изменить возрасты призываемых. Одни откупались, другие, непризываемые, попадали в списки призываемых. Волостные управители Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саим Кадыров и Чингирлауской волости Уральского уезда Ахмед Сарыбалин были убиты населением именно за разнообразные свои злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили по начальству.

Благодаря вышеуказанным злоупотреблениям киргизских властей, нынешнее поколение впервые познакомилось с отрядами казаков. В Чингирлауской волости и по аулам расквартированы 75 казаков, содержание коих обходится киргизам в сутки 25 баранов и 25 пудов овса. В Кустанайском уезде в пределах Аракарагайской волости расквартировано 125 казаков и в пределах Кинаральской и Миндагаринской — 125 казаков.

Появление в степи казачьих отрядов навело страх на мирное население огромного района. Киргизы, до того мирно ожидавшие приема призываемых рабочих, завол-

новались: местами, оставив все свое имущество, взяв на семью две решетки и кусок кошмы, откочевали на юг. Молодежь оставила аулы, выехала в степь, и неизвестно, куда она направилась. Повсюду киргизы оставили поспевающий хлеб; скошенное сено остается в копнах, гниет и развевается ветром в степи. Хозяйству нанесен непоправимый ущерб, ибо со времени объявления о призыве никто хозяйственными делами не занимается. В Уржарской волости Лепсинского уезда Семиреченской области киргизы, уходя неизвестно куда, потравили скотом весь свой хлеб и покосы.

Отряды казаков вызваны также в некоторые уезды Акмолинской области. Везде результаты одни и те же; обострение волнения народа, которого, быть может, ожидает еще большее несчастье и горе.

Все, что до сих пор произошло, объясняется чрезвычайною спешностью приведения в исполнение высочайшего повеления.

Необходимо немедленное принятие мер успокоения населения отозванием из степи казачьих отрядов, созывом на местах съездов уполномоченных от населения. Местные власти, особенно волостные управители, сами создали своими спешными действиями, грубостью и злоупотреблениями народное волнение, возмутили самый мирный, покорный высочайшему повелению, народ, которого объявили непокорным властям и закону. Все это неверно — киргизы исполняют повеление.

Необходимо принять в соображение целостность хозяйства, поставляющего на нужды войны и населения в тылу скот, мясо и хлеб.

В северных уездах степных областей, где киргизы живут в перемежку с переселенцами, киргизское хозяйство напоминает крестьянское и требует рабочих сил, сколько потребно для крестьянского хозяйства.

Киргизы в этом районе часто хлеб сеют исполу с крестьянами. Отсутствие работника киргиза одинаково поражает хозяйство крестьянина, который, может быть, находится на войне. В уездах Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Акмолинском, Павлодарском, Семипалатинском, Барнаульском, Усть-Каменогорском, Зайсанском после ухода крестьян на войну киргизы составляют единственную рабочую силу для уборки сена и хлеба. В Омском, Павлодарском, Семипалатинском уездах киргизы, арендующие землю в пределах 10 верстной полосы по р. Иртышу, уборкой сена занимаются до первого снега. Здесь же киргизы, по условию с Сибир-

ским казачьим войском, до 1 октября не могут подходить к своим зимовкам и ремонтировать ежегодно размываемые весною свои постройки. В северных уездах киргизской степи на каждое хозяйство приходится 10 десятин посева и 2000 пудов потребляемого сена. Объявление мобилизации рабочих застало киргиз в самый разгар сенокоса и накануне уборки хлебов. Вот уже месяц как вся степь волнуется, бросила свое хозяйство, сено не успели скосить, а хлеб не убирается. Все это нужно приводить в порядок, нужно наверстать потерянное время. Теперь это потребует временно лишних работников в хозяйстве.

Хозяйство южных киргизов зимою занимает все мужское население, кочующее всю зиму со скотом. Например, иргизские и атбасарские киргизы со скотом уходят в Сырдарьинскую область, гурьевские и иргизские киргизы – в Закаспийскую область. Ныне киргизы разбежались по всей степи, собрать их в более или менее короткое время нет никакой физической возможности.

Природные условия – теплые дни, наличность подножного корма для лошадей, удобство добывания пищи и для самих людей – много способствует образованию шаек в степи. С наступлением зимних холодов и исчезновением всех этих благоприятных условий шайка распадается, и киргизы вернутся в аулы.

1. В виду изложенного необходимо отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 года, а для южных уездов до 15 мая 1917 года.

2. Призвать в первую очередь одну треть 19-31 возрастов, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных.

3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки согласно их желанию, производится или по месту жительства, или приписки.

4. Оставить в семье одного работника призывного возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет).

5. Принятых, по возможности, оставлять на работах по обороне государства на местах.

6. Принятому предоставить право заменить себя другим лицом.

7. На каждое аульное общество оставить по одному мулле.

8. Оставить мугаллима учителя на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте, при чем предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет шаадат-нам (свидетельство) от медресе.

9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медрессах в городах.

10. Старые списки, представленные спешно, неправильны, — нужно их возвратить: избрать комитет, составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комитету составление нового списка в присутствии аульного схода.

11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам, то необходимо приостановить на время мобилизации производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации.

12. В прием комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости.

13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 человек. При артели должен быть переводчик, и на 10 артелей один мулла.

14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными.

15. Рабочие киргизы должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими киргизами, должна быть издана инструкция.

16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости.

17. По уважительным причинам по мере надобности киргизы рабочие пользовались бы отпуском.

18. Об изложенном совещание постановило ходатайствовать перед правительством.

Председатель А. Букейханов.
Секретарь М. Дулатов.
О. Алмасов.

(5)

Памятная записка о киргизах

В объявленном военным министерством высочайшем повелении от 25 июня 1916 года сказано:

1. Для работ по устройству оборонительных сооружений

и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ привлечь в реквизиционном порядке в течение настоящей войны мужское инородческое население империи, в возрасте от 19 до 43 лет включительно, в том числе киргизов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской области.

2. Определение возрастов инородческого населения, подлежащего привлечению к работам, согласно предыдущему (1) пункту, а равно установление подробных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном 3 августа 1914 года положении военного совета о реквизиции, предоставить соглашению министров внутренних дел и военного.

О таковом высочайшем повелении министр внутренних дел дал знать губернаторам степных областей по телеграфу 27 того же июня, предложив им исполнить оное в наискратчайший срок, призывая на работу в первую очередь киргизов в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. Губернаторы степных областей предписали г.г. крестьянским начальникам немедленно объявить киргизам означенное повеление и приступить к составлению списков киргизам призывного возраста первой очереди при участии волостных управителей⁷, аульных старшин и аксакалов (стариков)⁸, определяя возрасты призываемых на основании посемейных списков, что не замедлили выполнить крестьянские начальники.

Закон этот сразу встретил несочувствие со стороны киргизского населения. Киргизы не были подготовлены к восприятию такого закона. Он застал их врасплох и неожиданно свалился на них, как бы с неба. Законом этим не соблюдался никакой порядок постепенности в призыве по возрастам и сразу привлекалось им огромное количество мужского населения в возрастах от 19 лет до 31 года, что не практиковалось доньше в империи и в отношении воинской повинности, протекающей обыкновенно с соблюдением постепенности по возрастам даже в таком населении, которое привыкло к отбыванию оной и среди которого развито чувство гражданственности. Неимение у киргизов метрических книг о рождении и отсутствие упорядоченных посемейных списков для точного определения возрастов и продолжающееся поныне отсутствие тех подробных правил приема, установление которых высочайшее повеление возложило на военного министра и министра внутренних дел (2 пункт), не могли не усилить неудовольствия киргизов

против этого закона, так как эти обстоятельства сразу подали повод к разным злоупотреблениям со стороны туземных властей на почве корыстного определения возрастов призываемых на работы. На этой почве происходило то, что, кому было 17 лет от роду, тому местные власти давали 23 года, кому же было 38 лет, тому давали 28 лет, и стал практиковаться торг на повышение и понижение возрастов определенную мзду.

Полуграмотные переводчики крестьянских начальников, никогда не слыхавших таких выражений, как “реквизиция”, “оборонительные сооружения на театре военных действий”, “военные сообщения” и т.д., переводили их на киргизский язык неправильно и туманно, и, по их толкованию, выходило, что киргизы берутся в “солдаты”, и прямо на позиции, без обучения их военному искусству, и это так усилило недоверие киргизов к закону, что уже трудно было кому бы то ни было убедить киргизов в том, что их берут не в солдаты, а на работу в тылу за плату и довольствие от казны.

Нельзя скрыть и того, что среди киргизов стал распространяться слух, якобы означенный закон исходит не от верховной власти, а выдуман местными властями, что подкреплялось слухами же о том, что он не обсуждался в законодательных учреждениях, не был издан в порядке 87 ст. основных законов⁹ и не был распубликован правительствующим сенатом. Наконец, в виду того, что источник благосостояния киргизов составляет скотоводство, требующее бдительного ухода за собой со стороны хозяина, а хлебопашество служит лишь подспорьем к этому хозяйству, означенный закон, отвлекающий всех хозяев от скотоводческого хозяйства и влекущий за собой расстройство его, не мог вызвать к себе сочувствия со стороны киргизов.

Совокупность всех этих и иных отрицательных явлений, сопровождавших жизнь номадов при исполнении высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, создала то повышенное настроение толпы киргизов, называемое брожением, которого выразилось в разных эксцессах, проявляющихся однообразно повсюду и везде в степных областях.

Все рабочие из киргизов, служившие по вольному найму у самих киргизов. У разных русских и нерусских купцов, у переселенцев, у казаков, казачьих войск и т.д., после объявления высочайшего повеления вдруг бросили работы и разошлись по своим аулам, особенно к своим родовичам, передавая панику и настроение последним. То, что киргизы бежали к своим родовичам, показало, что родовое начало

у киргизов еще сильно и они рассчитывали на защиту родичей против постигшего их несчастья. То же самое сделали и киргизы-хозяева, работавшие на себя и не нанимавшиеся ни к кому другому. Создалась паника, путаница. Каждый киргиз призывного возраста, хотя бы он был бедный, распродал то имущество, какое у него есть, или приобрел для себя лучшего коня, или такового попросту реквизировал у соседа. Такие молодые люди, объединившись в толпу всадников – где в 50, где в 100, где тысячу человек и т.д., вооруженную палками с косой или зубцами от граблей на их концах и в редких случаях охотничьими ружьями, разъезжали по аулам и присоединяли к толпе своих сверстников: одних добровольно, других насильно, путем угроз, чтобы сбросить с себя тягость царского повеления. Благодаря этому сено осталось нескошенным, а скошенное неубранным, хлеб остался неснятым совершенно. Можно сказать, что все степь заволновалась. Состояние киргизской молодежи возраста до начала сего сентября напоминало то состояние рогатого скота, в котором он бывает в мае месяце, когда находит на него овод и он, мучимый нестерпимой болью, подняв хвосты, скачет в разные стороны, не различая не глубоких ям, ни глубоких оврагов, в которые он может упасть. Оно напоминало положение такого коня, которому в бедро неожиданно запущено шило и он, выскакивая, делает разные гневные выкрутасы, чтобы сбросить с себя предмет, причинивший ему такой неожиданный укол.

Экспессы толпы были направлены главным образом против своих волостных управителей, аульных старшин, их писарей, аксакалов (стариков), которые призваны составить списки лиц призывного возраста, и особенно против тех неофициальных записей, которые велись так беспорядочно туземными должностными лицами и назывались посемейными списками. Эти экспессы иногда сопровождались такими актами со стороны толпы, как убийство Чингирлауской волости Уральского уезда Ахмеда Сарыбалина и волостного ее писаря Галия Тяюкина, повлекшее за собой взятие под стражу в уральскую областную тюрьму 13 человек киргизов Чингирлауской волости *, убийство управителя Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саима Кыдырова, повлекшее за собой взятие под стражу 21 киргиза Карабалыкской волости в кустанайскую тюрьму**,

* Из них 4 человека повешено по приговору военно-окружного суда в г. Уральске. (Прим. подлинника).

** Из них повешено тоже 4 человека (Прим. подлинника).

– убийство волостных писарей Алимбетовской и Тереклинской волостей Актюбинского уезда, повлекшее за собой взятие под стражу 3 киргизов Тереклинской волости в актюбинскую тюрьму по обвинению всех арестованных киргизов в сопротивлениях властям, предусмотренных 263, 264 и 268 ст. улож. о нак.

В иных случаях эксцессы сопровождались отнятием посемейных списков у управителей и аульных старшин и уничтожением сих списков. Так, например, толпа отняла посемейные списки у управителя и волостного писаря Чиликской волости Уральского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 19 киргизов Чиликской волости в уральскую областную тюрьму*, – у двух аульных старшин Суналинской волости Лбищенского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу в ту же тюрьму 7 киргизов Суналинской волости, – управителя Алимбетовской волости Актюбинского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 15 киргизов Алимбетовской волости, и 2 киргизов Тереклинской волости в Актюбинскую тюрьму, – у управителя Петропавловской волости и уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 6 киргизов Петропавловской волости и петропавловскую тюрьму, – по обвинению всех означенных киргизов в сопротивлении властям, предусмотренном 263-и 264 ст. улож. о нак.

Были и такие эксцессы, когда уездные начальники выезжали с казачьим отрядом на помощь управителям, аульным старшинам и аксакалам, которым мешала толпа составлять списки лиц призывного возраста или которых не пускала толпа молодежи призывного возраста в камеры крестьянских начальников для той же цели. Так, например, казачий отряд, сопровождавший лбищенского уездного начальника, полковника фон-Галлера, произвел выстрел залпом в толпу киргизских всадников Каракульской волости, находившуюся на расстоянии более 2 верст от него и отказавшуюся разойтись по требованию г. фон-Галлера, переданному им, как говорят, толпе через какого-то киргиза, при чем оказались на месте убитые (киргизы), и толпа разбежалась, а списки живо были составлены туземными властями наобум, произвольно. Другой же уездный начальник, именно Темирского уезда, Петров, выехавший с казачьим отрядом сначала в Джетикульскую и, затем, в Казбецкую волости, сумел обойтись счастливо без крово

* Из них повешено 4 человека по приговору военно-окружного суда в г. Уральске. (Прим. подлинника).

пролития, повлияв на толпу обеих волостей путем наставления и увещания допустить управителей, аульных старшин аксакалов (стариков) выполнить их обязанности по составлению списков, что толпой было и исполнено. Крестьянский же начальник 2-го участка Лбищенского уезда г. Лебедев сам составил лиц призывного возраста по Улентинской, Булдуртинской, Сабынульской и Калдыгайтинской волостям Лбищенского уезда на основании сомнительных посемейных списков, без участия управителей, аульных старшин и аксакалов, так как они не являлись в его камеру из боязни насилия со стороны молодежи призывного возраста.

В Кызылджарской волости Лбищенского уезда, против Калмыковской станицы, крестьянский начальник 3-го участка Лбищенского уезда г. Логашкин нанес побои какому-то киргизу, находившемуся в толпе, за то, что этот киргиз указал на неприемлемость составления списков лиц призывного возраста на основании посемейных списков, так как возрасты определены в этих списках неправильно, а раздраженная этим поступком Логашкина толпа набросилась на него, нанося ему удары нагайками, но Логашкину спас жизнь один здоровенный аульный старшина, который, обхватив Логашкина и покрыв его своим корпусом, упал на него, крича: "убейте меня, а не крестьянского начальника". Неизвестно, в связи ли с этим случаем, или нет, арестован почетный и уважаемый киргиз Кызылджарской волости Хажгалий Маулимбериев по обвинению его по 129 ст. уголовн. улож. и содержится в лбищенской тюрьме, хотя всем киргизам известно, что он убеждал и склонял киргизов своей волости к спокойному составлению списков.

Возбужденным состоянием киргизов объясняется следующий случай. Киргизы напали на лавку какого-то татарина, находящуюся в Преображенском переселенческом поселке Темирского уезда, и ограбили товар. Для производства дознания выехал пристав 2-го стана Темирского уезда Музаффар Тяукин, в сопровождении казачьего отряда, состоящего из 8 казаков. Кочующие киргизы Бистюбинской и Акжаловской волостей Гурьевского уезда, летовавшие в районе Койндинской волости Темирского уезда, не хотели допустить производства обыска для отобрания ограбленного товара и не только оказали вооруженное сопротивление приставу с казачьим отрядом, но даже напали на них. Поэтому казачий отряд произвел в них выстрел залпом из винтовок, последствием чего оказались убитыми 6 киргизов, три их лошади, а у четвертой лошади раздроблена была

одна нога, при чем одному казаку попало дробь в щеку, другому казаку в спину, так что из этого видно, что киргизы оказались вооруженными охотничьими ружьями. Раны у казаков признаны легкими. Киргизы разбежались, унося с собой раненных. Пристав же Тяукин (киргиз по происхождению), отражая нападение, выстрелом из револьвера убил наповал одного киргиза. Нападение киргизов сопровождалось их криком: “Майлыбай”, “Майлыбай”, что означает то, что нападавшие – принадлежат Кетинскому роду (рода Кете) и что родовичи приглашаются на помощь.

Многие управители, аульные старшины и аксакалы, спасаясь от насилия молодежи призывного возраста, нашли убежища в таких городах, как Уральск, Илек и ныне оседлые русские центры, так что списки лиц призывного возраста были везде составлены и чрезвычайной обстановке при повышенном настроении как населения, так и местных властей, и ручаться за их добросовестность не приходится. Этим, вероятно, объясняется то, что акмолинский губернатор арестовал 6 человек киргизов за то только, что они обратились к нему ходатайством разрешить собрание киргизов 12 волостей Петропавловского уезда для обсуждения опроса о льготах, и выпустил их из под ареста через 8 дней.

Вот приблизительно то, что происходило в степных областях в период составления списков киргизам призывного возраста, т.е. до начала сентября 1916 года. Однако заметно было, что киргизская молодежь искала для себя вожака, но не нашла его, а потому и брожение ее носило характер неорганизованности, не отличаясь от обыкновенных трений, вызываемых всяким новым явлением в народной жизни. Оно не заключало в себе признаков восстания или возмущения в целях отпадения от России. Это брожение не было вызвано влиянием извне, ни немцами, ни турками, ни австро-венгерцами и ни болгарами. Если бы оно вызвано ими, с их стороны была бы попытка найти для киргизов хотя бы путем подкупа или иным способом вожака, снабдить их огнестрельным или иным оружием. Никаких подобных признаков не наблюдалось. Наоборот, киргизы были настроены очень враждебно против немцев, что выразилось в разгроме ими богатого и благоустроенного хутора, принадлежащего мещанке г. Риги Елизавете Федоровне Мейер и находившегося на станции Чулак-Анката, в районе Урюктукульской волости Лбищенского уезда. Этот хутор, оцененный в 13 тысяч рублей, был разгромлен дотла только потому, что он - немецкий, о чем производится предварительное следствие мировым

судьей 1-го участка Лбищенского уезда. К счастью киргизов, кроме хутора Мейер, никаких иных немецких элементов в степи не оказалось, иначе киргизы не избегали бы кары за свои эксцессы против немцев. Поэтому всякое утверждение, исходящее от кого бы то ни было, о влиянии врагов России на возмущение киргизов по поводу призыва их на работы представляется такой неизвинительной и непростительной ошибкой, которая может отразиться несправедливо и незаслуженного на судьбе несчастных номадов, а потому требует осторожного к себе отношения.

Затем, есть люди, которые без всякого основания подозревают киргизов в сепаратизме или в стремлении к отложению от России. Такие люди, обнаруживая полное незнакомство с текущей жизнью киргизов и клевета на них понапрасну, обнажают скудость своих познаний и по истории взаимоотношений киргизов и России. Киргизы, или так называемые киргиз-кайсаки, приняли российское подданство в XVIII столетии добровольно, без пролития крови, сами по своему почину, и обязались защищать пределы Российской империи от нападения внешнего врага (жалования грамота императрицы Анны Ивановны на имя хана киргиз-кайсацкой орды Абулхаира в 1731 г.). В том же XVIII столетии башкирский бунт был усмирен киргизами на основании этого обстоятельства. В преследовании французского завоевателя Наполеона I, после оставления из Москвы, участвовали добровольцы-киргизы, во главе с киргизом коллежским асессором Байжазыком Кушукбаевым, вплоть до самого Парижа, побывав по дороге и в Берлине. Завоевание Туркестанского края Черняевым¹⁰, Хивы и Бухары Кауфманом 1-м¹¹ и туркменов Закаспийской области Скобелевым¹² сопровождалось деятельным личным и материальным участием киргиз-кайсаков. Генералы Черняев и Скобелев составляют не только русских, но и киргизских народных героев, сложить головы за которых киргизские джигиты и батыри (богатыри) считали за честь.

После всего этого вдруг в 1916 году, почему-то, – что, действительно, кажется странным, – наблюдается такой регресс в настроении тех же киргизов, доискаться до причин которого и устранить их – составляет дело мужей государственного ума. Нельзя сомневаться в том, что эти мужи убежденно отвергнут признак киргизского сепаратизма.

Ныне с 15 сентября наступил второй период набора киргизов на работы по составленным уже спискам, и нельзя не сознаться, что он протекает под сильным административным давлением, сопровождаясь в большей или меньшей

степени новыми трениями. Вполне естественно предположение, что значительная часть киргизов призывного возраста не явится по призыву на назначенные пункты и, так сказать, разбежится, а начальству предстоит обязанность ловить их, гоняться за ними в степях, производить розыски чрез тех же пресловутых управителей, аульных старшин и аксакалов и прибегать к карательным мерам, наполняя тюрьмы лицами призывного возраста, не говоря уже о том, что могут случаи новых эксцессов, против которых представится необходимость посылки карательных отрядов. Если в связи со всем этим принять во внимание, что в степных областях ожидается голод, обусловленный неурожаем хлеба и кормовых трав для скота и тем, что по случаю настоящего призыва киргизы не косили сена и не жали хлебов, какие имелись у них в той или иной мере, то станет понятно, как печально то положение, которое предстоит испытать киргизам степных областей.

Поэтому, в видах предотвращения таких нежелательных явлений в степных областях, которых нельзя не считать маленькой междоусобицей внутри страны, и целях водворения и поддержания спокойствия в тылу во время такой страшной мировой войны с жестоким врагом, долг гражданина требует заявить, что было бы не умалением авторитета власти в глазах киргизского населения степных областей, а, напротив, всемерным усилением одного, если бы в возможной скорости была исправлена ошибка власти, сопровождавшая издание и осуществления высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, с немедленным разрешением отсрочки призыва киргизов на работы, по крайней мере, до мая 1917 года, тем более потому, что требования 2-го пункта высочайшего повеления донныне не выполнены самим министром внутренних дел и военным министром и на указанное исправление ошибки требуется время.

Такая отсрочка безусловно обрадовала бы киргизов-мусульман, проникнутых религиозным фанатизмом, если бы она была разрешена по случаю наступающего в субботу 24 сего сентября мусульманского праздника "Курбан-байрам", который в нынешнем году считается мусульманами всего мира "особенно великим", так как канун его — пятница, что бывает редко, а потому и праздник называется "Хажди-акбяр".

Тем более, казалось бы, надо поспешить отсрочкой, что в некоторых областях, например в Тургайской, издан такой циркуляр, по которому за неявку молодежи призывного возраста ответственность и подлежат наказанию аксакалы

(старики), хотя никакой аксакальской должности по закону не существует и наказание их противоречит закону.

(6)

**Донесение военного губернатора Семиреченской области
ген. Фольбаума туркестанскому генерал-губернатору ¹³**

О беспорядках, происшедших в Семиреченской области в связи с набором рабочих.

Недовольство киргиз, как основное на-
Где и в чем строение массы, приведшие к открытому
выразились бунту, замечалось давно. После объявления
беспорядки. высочайшего указа о наряде рабочих в на-
чале июля с большой настойчивостью стал
распространяться агитаторами среди киргизской массы
слух о введении воинской повинности, что и послужило
ближайшим поводом сначала к пассивному сопротивлению
распоряжениям властей, а затем и к открытому непови-
новению и беспорядкам во многих волостях, под давлением
призываемых, на которых не действовал благоразумный
голос старейшин. Смута и паника охватили целые волости:
приграничные волости Лепсинского и Джаркентского
уездов в половине июля стали уходить в Китай, другие - в
степи Балхаша или же в горы, бросая свои поля и зимовки.
Рабочие киргизы убегали от русских, воруя лошадей и
скот. Первым значительным столкновением нужно считать
нападение киргиз Эмельской и Барлынской волостей 24
июля - 1 августа на Тахтинский таможенный пост и с.
Пограничное а Алакульской долине, вызванное желанием
киргиз прорваться в Китай. Первым же мятежным
выступлением было открытое нападение, с оружием в
руках, 3 августа призывных Кызылбурговской волости Вере-
ненского уезда, на уроч. Ассы, во время составления
призывных списков, на почетных лиц волости и на помощ-
ника уездного начальника г. Хлыновского и его конвой,
из которого был один убит и три ранено. Уже 4 августа на
Ассы выступила казачья сотня, и в ближайшие затем дни
Кызылбурговская волость была примерно наказана.

6 августа мятежники нескольких волостей Кастекской
группы оказали вооруженное сопротивление отарскому
участковому приставу около станции Самсу и напали на
его конвой, а 7 августа - на небольшой охранный отряд
дружины прапорщика Вяткина в с. Пригорном, близ
Кастекского перевела. С этого момента мятежные шайки

киргиз быстро распространились в 6 ближайших волостях до Курдая, в районе станции Самсу-Отар и русских селений Сергиевского-Кастек, где 7-8 августа киргизами было убито 16 человек и уведено в плен до 35 человек, которые были ограблены, многие изранены и затем освобождены. Остальные две волости Верненского уезда, хотя и не примкнули открыто к мятежникам, но брожение и агитация значительных конспиративных групп у них наблюдалась: напр., в Джаильмышевской волости на уроч. Уш-Кунур банда бунтовщиков до 500 человек была рассеяна казачьим отрядом 13 августа под командой и.д. верненского уездного начальника подполковника Базилевского.

Через Кастекский перевал движение быстро передалось и каракиргизам Атекинской и Сарыбагишевской волостей Пишпекского уезда, где 8 августа было вооруженное нападение на почту близ ст. Джил-Арык, а затем 9-12 августа на станицу Самсоновскую и селения, расположенные по р. Чу около Токмака: Быстрорецкое, Орловское, Ново-Российское и др; 13 августа самый Токмак был осажден громадным скопищем, до 5 т. человек, киргиз соседних волостей: Шамсинской, Байсеитовской и др. Для усмирения мятежа был отправлен отряд подьесаула Бакуревича, который, пройдя русские поселки Кастекской группы, перешел в Чуйскую долину для защиты Токмака с ближайшими селениями. Главари Сарыбагишей для обеспечения успеха своего выступления разослали послания и гонцов во все каракиргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов. Значительные группы их гонцов не только вели агитацию, но и применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых. Уже 9 августа мятежные выступления начались в Пржевальском уезде, где одновременно было сделано нападение на сел. Григорьевку (у оз. Иссык-Куля) и на с. Столыпино и Белоцарское, по долинам р. Кечкорки и Джумгола. Мужское население Белоцарского почти все было перебито, а женщины уведены в плен. Столыпинцы же ушли с подоспевшим из Нарына военным конвоем к Токмаку (Карабулак). Около селения Беловодского 10 августа также возникли беспорядки в соседних волостях, но быстро были подавлены.

День 10 августа можно считать вообще началом мятежа, вспыхнувшего в Пржевальском уезде и Нарынско-Чарынском участке Джаркентского уезда, где он охватил все побережье Иссык-Куля, долины Каркару и реки Текеса.

Для русского населения и администрации особенно мятеж кара-киргиз Пржевальского уезда был неожиданным

и коварно-предательски подготовлялся влиятельными главарями, которые накануне самого мятежа высказывали заверения в полной преданности правительству; поэтому каракиргизам удалось причинить весьма значительные бедствия и иметь временный успех в этом отдаленном и оторванном уголке области. Банды бунтовщиков, вооруженные пиками, палками и отчасти ружьями, прежде всего набросились на хутора, заимки, станции и мелкие изолированные поселки, расположенные по берегу озера Иссык-Куля и по почтовому тракту от Пржевальска до Охотничьего.

Набеги повсюду сопровождались грабежами, пожарами, зверскими убийствами и уводом в плен женщин и девушек. Нападение было произведено сразу на все незащищенные поселки северного и южного берега озера. Население, невооруженное и неподготовленное, бросило дома и имущество и бежало; на дороге киргизы грабили и избивали, а поселки поджигали. Таким образом пострадали: 11 поселков и 16 хуторов по южному берегу, 8 поселков по северному берегу и 9 поселков с 11 хуторами по тракту на Каркару. Русское население, спасаясь от грабительских шаек, сконцентрировалось в более значительных селах, где администрация уже успела наладить самооборону путем организации местных дружин, снабжения их оружием и устройством защитных сооружений. Таким центром сосредоточения беженцев для Пржевальского уезда были: г. Пржевальск, сел. Теплокузевское и Преображенское. Во время бегства крестьян из селений южного берега Иваницкого, Торханы и друг. к г. Пржевальску к восставшим киргизам присоединились дунгане Мариинской волости, вероломно избивавшие беженцев, перехватывая их на пути в город. Это вызвало сильное озлобление русского населения, окончившееся избиением дунган и разгром их села.

Все селения Нарынкольско-Чарынского участка выведены подоспевшим военным отрядами 12-14 августа к г. Пржевальску, но поселки разграблены и сожжены киргизами: Таврическое, Новокиевское, Ново-Афонское, Владиславское, Красноярское, Мещанское и казачий выселок Охотничий.

Необходимо отметить, что администрация, предвидя возможность недоразумений и волнений на почве призыва рабочих, просила военной помощи из Ташкента еще в июле, а имеющиеся незначительные военные силы распределила планомерно по области в определенных центрах, откуда было удобно оказывать помощь при возникновении беспорядков; поэтому на Каркаре к началу мятежа была рота

дружины, под командой нарынкольско- чарынского участкового начальника ротмистра Кравченко, и скоро прибыла сотня казаков из Джаркента; этот отряд затем энергично стал восстанавливать порядок в районе Иссык-Куля и Текеса.

К Нарыну прибыли войска из Андижана, а в Пишпек и Токмак- 20-21 августа из Ташкента, после чего началось усмирение мятежников военной силой и постепенное возвращение населения на свои места.

Убытки, причиненные мятежом, так огромны, что трудно поддаются учету. Особенно пострадал Пржевальский уезд и южная часть Джаркентского. По приблизительному подсчету сожжено и разрушено дворов около 2600, пострадавших семей до 8000.

Заявлено частных убытков до 10 миллионов. Но это не исчерпывает всего материального вреда, так как много погибло разного казенного имущества: церкви, школы, станции, мосты, сооружения и проч. Иссык-Кульская котловина не только имела запасы хлеба, но и предстояло собрать богатый урожай, большею частью погибший; оставшееся население разорено.

На восстановление хозяйства потребуется весьма значительная сумма. Казна и земская касса также понесли большие убытки недобором поступлений, которых и в ближайшем будущем нельзя ожидать из Пржевальского уезда.

Бунтующие волости Пишпекского уезда и южного берега Иссык- Куля Пржевальского уезда в половине октября, под давлением военных отрядов, бежали через перевалы в Кашгар, а каракиргизы северного берега Иссык-Куля и киргизы рода Атбан Нарынкольско- Чарынского участка направились по Текесу в Кульджинский район.

Перечисленными районами ограничились главнейшие киргизские беспорядки в области: остальное население во всех уездах осталось совершенно лояльным и выполняло беспрекословно все требования администрации: давало лошадей и юрты для нужд армии и проч. Необходимо еще упомянуть, что часть населения бунтующих волостей, терроризируемая вожаками, бежала в Прибалхашские степи, где на границе области начались грабежи аулиеатинских киргиз, но посланный отряд Полторацкого быстро усмирив грабителей.

Копальский уезд остался наружно спокойным, хотя и имелись сведения, что киргизы решили оказать сопротивление набору рабочих, и только в Лепсинском уезде, на уроч. Маканчи, 10-13 сентября, около Саратовских хуторов, возникло волнение среди призываемых киргиз, которое

подавлено было силой с приходом военных отрядов из Лепсинска и Копала, действовавших под руководством помощника лепсинского уездного начальника Маслова. Убитых и раненых нет, а ограбленный у крестьян в начале беспорядков скот был затем возвращен.

Жертвой мятежа явилось по прежнему числу убитых мужеству русское население Пржевальского уезда, в других же уездах пострадавших сравнительно мало; убитых должностных лиц туземной администрации не было. К 1 ноября выяснились следующие жертвы по области: воинских чинов убито: 3 офицера и 52 нижних чинов; раненых 41, пропавших без вести 75, всего выбыло 171 человек. Кроме того, убито 2 чина администрации, 12 чинов разных ведомств и 2025 человек русского населения; без вести пропало 1088 человек. Розыск производится. Всего по области убито 2094 чел., ранено 41 ниж. чин., пропало без вести 1163.

Число раненых среди населения не приводилось в известность, так как помощь оказывали в большинстве случаев фельдшера весьма спешно, по этому они не могли вести регистрацию.

Подробные сведения о пострадавших по уездам приводятся в прилагаемой ведомости.

Главнейшими причинами недовольства киргиз, приведшими к открытому возмущению, надо считать: 1) изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин, иногда с значительными смещениями хозяйств, и - как следствие отсюда земельное стеснение киргиз и сокращении перекочевков, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей, куда киргизы стали допускаться только на особые площади по билетам; форсированное водворение и устройство до 40 тысяч самовольцев крестьян, поселившихся на лучших землях Пишпека и Пржевальска в первые годы деятельности семиреченской партии, повлекло значительный экономический ущерб для многих хозяйств киргиз в этих уездах и вызвало неприязненное отношение к крестьянам. 2) Пропаганда, проникавшая из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имеются германские агенты, действующие через дунган и китайцев, в большом числе приезжавших на Каркару и в Пржевальск. Найдены указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов партии "Геляо", имевших связь с немецкими агентами. 3)

В области оставалось очень мало войск для охраны огромной территории. Кроме того, русское население области было значительно ослаблено мобилизацией всего наиболее деятельного и молодого мужского элемента: домохозяевам в большинстве случаев остались женщины и старики. Имевшиеся запасы оружия и патронов также вывезены из области. 4) Непосредственная же причина недовольства - призыв рабочих; киргизы поняли это как набор в солдаты для участия в войне. Разъяснениям не верили. Всякие материальные жертвы для войны киргизы несли безропотно, но растерялись от неожиданного призыва, и многие бежали в Китай. При составлении списков и приговоров некоторые влиятельные лица и манапы¹⁴ допускали злоупотребления подкупы, вымогательства и проч., конечно, также отражалось на настроении массы. При малочисленности администрации искоренить это зло невозможно.

Воспользовавшись смутным тревожным настроением киргизской массы, некоторые влиятельные киргизы, решив, под влиянием пропаганды, что Россия ослаблена войной, что в Семиречье нет охраны и что наступил удобный момент уничтожить русскую власть для создания киргизского ханства, выступили руководителями восстания. К счастью, не все население бунтующих волостей было враждебно настроено: среди них не было согласия: обычные партийные споры продолжались. Активный элемент часто силою принуждал колеблющихся примыкать к восстанию. Необходимо отметить, что степные киргизы обходились мягче со своими жертвами, тогда как кара-киргизы и особенно дунгане проявили к беззащитным русским поразительную жестокость, подвергая мучениям прежде чем убить, выкалывали глаза, отрезали уши, груди и проч., детей разрывали на части. Но когда они встречали силу и видели опасность, то убегали, бросая имущество.

Брожение и выжидательное положение и в мирных волостях все время продолжалось до прихода войск, когда туземцы начали успокаиваться, возобновились полевые работы, торговые и хозяйственные сношения киргиз с русскими.

Было уже указано, что еще в июле месяце имеющиеся войска и равномерно принятых к подавлению беспорядков и к успокоению населения. были распределены по намеченному плану на случай беспорядков. При получении сведений о нападениях шаек были немедленно приняты следующие меры

призвано на службу ополчение Семиреченского казачьего войска, запряжены были два старых орудия, случайно сохранившихся в артиллерийском складе, использованы все нестроевые команды. Войска были пополнены добровольцами из горожан и отпускных нижних чинов, для вооружения которых были использованы все войсковые запасы оружия и патронов, а также реквизированы охотничьи ружья в магазинах.

Вообще, основною задачею при подавлении киргизских беспорядков была поставлена охрана жизни и имущества русского населения области. В этих видах все способное носить оружие русское население было организовано в городах порядком, как это было уже выше указано, а в деревнях крестьяне, вооруженные имевшимся огнестрельным и холодным оружием, считая в том числе топоры, были сведены в десятки, сотни и дружины, начальствующие лица в которых были выбраны самим населением. Часть дружин была посажена на лошадей.

Во всех городах и селениях была организована ближняя и дальняя охрана как днем, так и ночью, дабы не допустить возможности внезапных нападений. Города и села, насколько возможно, были укреплены.

Пришедшие в область войска направлялись для подавления беспорядков по заранее выработанному плану.

Среди туземного населения были распространены особые воззвания, приглашающие мирных киргиз возвратиться на свои стойбища, а бунтовщиков призывали к покорности с требованием выдать главарей и зачинщиков беспорядков.

К началу сентября во всех уездах области, за исключением Пржевальского и южных частей Джаркентского и Пишпекского, наступило заметное успокоение: началась уборка полей, а в частности Копальский уезд начал мобилизационную поставку лошадей для армии, которая протекала успешно.

Пржевальские и загорные пишпекские кара-киргизы, а также киргизы рода "Атбан" Джаркентского уезда, не покорялись, при чем кара-киргизы продолжали оказывать упорное сопротивление посланным против них, как со стороны Пишпека, так со стороны Андижана и Нарына, войсковым отрядам. Атбаны и 8 волостей Пржевальского уезда, из района северного берега озера Иссык-Куля и окрестностей города Пржевальска, под натиском войск отошли и сгруппировали мятежные скопища в долинах

Каркары и Текеса, вплоть до китайской границы, очевидно, намереваясь, в случае окончательной неудачи, уйти в Китай, куда они ушли в октябре; мятежные же банды районов Сонкуля и Сыртов, получив тогда же сильные удары от войск на Джумголе, Кочкорке и Улахоле, устремились в Китай, куда заблаговременно были ими отправлены семьи и скот. Негостеприимно встреченные в китайских пределах, кара-киргизы скоро прислали своих представителей в Нарын с изъявлением покорности и с просьбой разрешить вернуться в наши пределы. Такое разрешение было дано с непременным условием вернуть всех пленных, выдать оружие и главарей и поставить для нужд армии по 200 хороших лошадей от волости.

Из остатков мятежных волостей, вернувшихся из Китая, а также остатков волостей, удерживавшихся на своих кочевьях в Нарынском районе, к 1 ноября было образовано 17 волостей, общих числом до 17 тысяч кибиток.

По донесениям уездных начальников, настроение смирившихся волостей в высшей степени угнетенное, так как они, сознавая свою виновность, боятся мести русского населения, и, кроме того, лишившись стад и имущества во время бегства в Китай, они разорились и во всем терпят большую нужду. Потребованные поставки рабочих, затем лошадей и юрт исполняются ими исправно.

Мирное же киргизское население, успевшее во время убрать свой хлеб и сено, держит себя вполне лояльно и оказывает значительную помощь при обнаружении руководителей бывшего мятежа.

В настоящее время можно считать, что начинают восстанавливаться торговые и хозяйственные сношения русского и киргизского населения во всех уездах, кроме Пржевальского, где хотя и появляются на указные места значительные группы киргиз, но взаимного доверия у населения нет. Взаимное озлобление, подозрительность и недоверие еще долго будут служить серьезным препятствием к установлению мирных добрососедских отношений, что, несомненно, весьма серьезно отражается на торговле, хозяйстве и на общем экономическом укладе жестоко пострадавшего района.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первые три документа взяты из архива м-ва вн. д. (б. III отдел. юридсекции) - 8-го делопроизводства земского отдела м.в.д. 1916 г. № 129.

² Кулманов, Бахти Гирей Ахметовия, р. 1858 г., чл. Госуд. Думы I и II созыва от киргиз внутренней орды, примыкал в Думе к мусульманской фракции.

³ Ольден – сокращ. Телеграфное наименование управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского.

⁴ Протокол частного совещания киргиз 7 авг. 1916 г. и памятная записка о киргизах от половины сент 1916 г. – печатаются с копий, полученных от казак-киргизских деятелей на месте.

⁵ Букейханов Алихан, член I Госуд. Думы от Семипалат. Обл., сотрудник газеты “Казак” с 1912 г., комиссар Временного правительства в Тургайской обл. – в 1917 г., председатель временного киргизского правительства “Алаш орды” в 1917-1918 г.г.

⁶ Бий – у казак-киргиз народный судья и вообще влиятельный человек.

⁷ Волостные управители и аульные старшины – выборные туземные власти по степному положению 25 марта 1891 г.

⁸ Аксакалы – в старину почетные старики, пользовавшиеся влиянием и уважением среди казак-киргизов по своему возрасту.

⁹ 87-я статья основных законов гласила: “во время прекращения занятий Госуд. Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней государю императору непосредственно”.

¹⁰ Черняев Михаил Григорьевич (1828-98 г.г.), ген., участник Крым. и Кавказ. Войн; в 1865 г. взял г. Ташкент; в 1882-1884 г.г. – туркестанский ген-губ.

¹¹ Кауфман 1-й Константин Петрович, ген. (1818-1882 г.г.), участник войны 1853-1856 г.г., завоеватель Туркестана и первый туркестанский генерал-губернатор (с 1867г.).

¹² Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882 г.г.), боевой генерал, участник хивинской и кокандской экспедиций (1873-1876г.г.), турецкой войны 1877-1878 г.г., завоеватель Туркмении (1881г.).

¹³ Донесение семиреченского военного губернатора ген. Фольбаума о “беспорядках” в области, представленное им туркестанскому ген.-губ. г.-ад. А.Н.Куропаткину в конце 1916 г. и сохранившееся в архивохранилище на пр. Декабристов (б. I отд. эконом. секции) в копии с копии; взято из разрозненных, несшитых бумаг переселенческого управления за 1916 г.

¹⁴ Манапы – это остатки института родового руководства, выродившиеся в ростовщиков и эксплуататоров трудящихся кара-киргиз.

// Красный Архив том 3 (16), Москва, 1926 г.

№ 4

Т. РЫСКУЛОВ.

О восстании казаков и кара-киргиз в 1916 году * (к 10-летней годовщине)

Основные экономические и политические причины восстания.

Набор на тыловые работы фронта казак- киргизских рабочих послужил лишь поводом к восстанию в 1916 году, а не основной причиной восстания.

Самый факт мобилизации казак- киргизских рабочих, при том, без надлежащей к тому подготовки, явился одним из эпизодов обычной провокационно – угнетательской деятельности царизма на окраинах; сам по себе этот случай не мог еще вызвать такого серьезного, по своему политическому значению, восстания населения.

* Примечание редакции: данная статья представляет выдержку, взятую из подготовляемой к 10-летию юбилею восстания 16-года, брошюры тов. Рыскулова на ту же тему и объясняет основные причины указанного восстания. Ход самого восстания подробного автором излагается в 1-й части подготовляемой брошюры. Так как, восстание казаков южного Казахстана тесно связанного было с движением среди кара-киргиз, то в статье одновременно говорится о них то же. Слово “кара-киргиз” дальше, в тексте, будет заменено просто словом “киргиз как принято именовать теперь, в Киргизстане (быв. Каракиргизской район.)

Основные причины восстания заключались именно, в тех глубоких, экономического и политического характера, противоречиях, которые создались в результате безудержной колониальной эксплуатации царизмом Казахстана и Киргизии.

На ускорение восстания казахского населения также не могло не оказать влияние и общее неустойчивое состояние тогда самой России в связи с мировой империалистической войной. Восстание казак- киргизов в 1916 г. произошло на третий год после начала войны, когда уже начали проявляться признаки ослабления экономической и политической мощи России, и уже чувствовалось приближение грядущей революции. В связи с этим происходили уже большие изменения в соотношениях между самой метрополией и подчиненными ей окраинами. В казак- киргизских народных массах нарождалось, хотя глухо, но постепенно, надежда на возможность, воспользовавшись той или другой ситуацией мировой войны, наконец, скинуть гнет царской колониальной власти, тем более в виду увода из Казахстана и Киргизстана большей части колониальных войск на театр военных действий.

Как бы там ни было, но тогдашнее неустойчивое состояние самой России оказало заметное влияние на ускорение развязки тех исторических событий, которые разыгрались в жизни Казахстана и Киргизии в 1916 году.

В составе бывшей Российской империи – “этой тюрьмы народов” – Казахстан и Киргизия являлись одними из окраин, наиболее отсталых в культурном отношении, со всеми специфическими признаками колониальной зависимости. В захватническом движении царской России “за Урал”. Казахстан и Киргизия привлекали больше внимание царской администрации, прежде всего как подступы для дальнейшего захватнического движения в глубь Средней Азии и как стратегическая база; а с другой стороны- Казахстан и Киргизия сами по себе представляли довольно обширный объект эксплуатации, рынок сбыта продуктов и источник сырья, а главное, простор для земельной колонизации. Окраины представляли тогда для России источник легкой наживы для развивавшегося отечественного капитализма, а в земельно – колонизационном отношении – возможность переселения из районов крестьянских волнений.

В этом отношении были характерны дебаты, происходившие в Государственной Думе. Еще в 1910 году в Думе, после доклада министра Кривошеина, происходят

интересные прения, в которых, в частности, в речи правого октябриста Трегубова, ясно определяются цели и задачи “движения” на Ближний и Дальний Восток. Выясняется, что это нужно не только в целях уменьшения внутреннего земельного кризиса, но и захвата все новых и новых территорий вообще. В устах некоторых членов Думы (националистов) это считалось исполнением русской “культурной” миссии и должно было способствовать распространению православия среди азиатских народов (см. речь того-же Трегубова, возмущавшегося нераспорядительностью одного из администраторов, по вине которого пяти-миллионный казахский народ оказался превращенным вместо православия в мусульманство).

Главнoуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин, ездивший в 1912 г. в Туркестан, в своем отчете, указывает на необходимость усиления колонизации в Казахстане и Туркестане.

Против этой колонизационной, империалистической политики русской буржуазии и дворянства решительно выступал тов. Ленин, понимая всю реакционность этой политики, имевшей целью путем колонизации и захвата новых территорий упрочить положение дворянско-крепостнической России и умерить аграрные волнения. Ленин еще в 1907 году, жестоко критикуя аграрную программу кадетов, доказывал, что нельзя серьезно разрешить аграрную проблему путем переселения. Он говорил:... “Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России “ожидают” также освобождение русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве”. (В. Ленин “Аграрный вопрос” Соб. соч. том IX).

Далее, Ленин в статье “Классы и партии по прениям во второй Думе об аграрном вопросе” критиковал выступавших тогда в Думе “националов”, указывая на непонимание ими сущности русского аграрного вопроса, а также односторонность и национально-буржуазную подкладку их требований.

За время своего владычества в Казахстане и Киргизии царская Россия не сумела даже развить сколько нибудь заметно местной промышленности; за исключением постройки Средне-Азиатской и Ташкентской жел. дор., да некоторой промышленности по горному делу и отчасти обработки продуктов хлопководства. В культурном же отношении проводилась система всемерного удержания

Казахского и Киргизского народа на низкой ступени развития и всяческого упрочения позиции байско- патриархальных элементов и порядок бесправия и произвола чиновничества.

Не задаваясь целью подробного освещения все того, что проделала царская власть с самого начала завоевания Казахстана, мы осветим, главным образом, итоги деятельности царизма к моменту восстания казах- киргизского населения в 1916 году.

* * *

В кочевых и полукочевых районах Казахстана (главным образом, в Южном Казахстане, где больше всего проявилось восстание) и Киргизии, заселенных, преимущественно, казахским и киргизским населением, царизм проявил свою деятельность, как мы выше упоминали, по линии земельной колонизации.

В Южном Казахстане и Киргизии экономически крепче и господствуют те слои населения, которые обладают орошаемой, почти единственной годной к земледельческой культуре, землей.

И вот, с точки зрения распределения земель, русское переселенческое крестьянство в южном Казахстане и Киргизии к 1916 году обладало большей частью поливной земли и являлось господствовавшей частью населения. Вышеуказанное положение подтверждается следующими фактическими данными.

В Джетысуйской губернии (в старых границах) было к 1916 году всех поселков – 600, а обрабатываемой земли занятой ими было – 1,200,000 десятин, включая всех видов земель вообще – 4,193,520 десятин (по данным бывшего переселенческого управления), изъятых из ведения казак- киргизского населения. В Сыр-Дарьинской губернии к тому же времени было поселков – 260 и занятых ими земель 607,000 десятин.

В границах бывши Туркестана, без Хивы и Бухары, всех поселков было – 941, за которыми численность земли, удобной к обработке – 1.900,000 дес., т.е. 57% всей обрабатываемой земли в быв. Туркестане. А если распределить всю обрабатываемую землю по душам всего населения, то окажется, что на каждого русского приходилось 3,17 дес. обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (казаха, киргиза, узбека и др.) – 0,21 десятин.

В северном Казахстане к 1916 г. было изъято царским правительством – 17,756,964 десятин , а казачеству помимо

этого было отведено до 11,227,000 десятин земли и городам — 219,000 десятин.

То же самое, волнения в Кара-Калпакской области (Чимбайский район) имели основанием земель. Стеснение и гнет торгово — рабовладельческого капитала и произвол администрации.

Конечно, царская власть предполагала продолжать дальше изъятия земель, совершенно не интересуясь, тем, как в конце концов, после изъятия земли, этой основной базы существования казах — киргизского населения, — последнее будет жить. К этому грозному вопросу царская администрация относилась совершенно безразлично, а внутренне желала наоборот поставить казах — киргизское население постепенно в такие рамки экономического и политического развития, чтобы свести его на нет. В докладной записке того же главноуправляющего Землеустройством и Земледелием по поездке в Туркестан в 1912 году, мы имеем вывод относительно дальнейшей возможности изъятия излишков, в частности, из ведения казах — киргизского населения, например, южного Казахстана и Киргизии помимо того количества земель, которое уже изъято было до 1912 года.

В начале переселенцы, не веря в богатые посевы (расчитанные на атмосферную влагу), захватывали, главным образом, поливные земли и у казах — киргизов. Душевой надел по существовавшему тогда положению для переселенца определялся в 30 десятин, переселенцы освобождались на 15 лет от подати и повинностей, в том числе и рекрутской. Впоследствии душевой надел снижен был до 10 десятин.

Переходя к характеристике и сравнению экономического состояния казах — киргизов и русских переселенцев, приходится отметить следующие факты, например по южному Казахстану. По Сырдарьинской области, по данным обследования М.А. Скрыплева по 18 поселкам, обследованным в 1916 г., на одно хозяйство приходилось всей удобной земли — 47,96 десятин, в том числе поливной 9,40 десятин из 1.176 наличных хозяйств в русских селениях Чимкентского уезда прибегало к аренде земель 768 хозяйств, т.е. 65,3% общего числа.

При чем всей этой аренды на долю аренды у казахов приходится 87,4% всей пашни и 73,9% всего покоса. Крестьянские поселки Чимкентского уезда прибегали к аренде, главным образом, не потому, что арендовать за бесценок земли у казахов было выгоднее, при этом земли были

целинные, тогда как на своих уже пахонных землях требовалась более тщательная обработка. Поэтому крестьяне, не интересуясь улучшением обработки своей земли, искали каждый год путем аренды целинные земли, что указывает на хищническую постановку крестьянского хозяйства. С другой стороны, в аренду казаки сдавали земли, иногда вынуждаемые недостатком средств и отсутствием земледельческих орудий. При чем имущие элементы казаков частенько сдавали земли за счет казакской бедноты целых наживы, ибо казакский бедняк не всегда мог найти защиту перед судом или администрацией (казакской и русской).

По числу скота (рабочего племенного) по тем же поселкам Чимкентского уезда на один двор приходилось (в переводе на единицу крупного скота) — 11,5 голов скота. Меньше всего держали скота крестьяне в Петропавловском поселке (7,4 голов на двор) и больше всего в Дорофеевке (16,5 голов на двор) В.Н. Юферов, обследовавший ряд поселков Ташкентского уезда, подтверждает стремления переселенцев захватить, главным образом, поливные земли, и приводит следующие данные о размерах наделов переселенцев. Так в поселке Константиновском 38,1 десятин, в Черняевском — 60,0 десятин и в Кауфманском — 31,0 десятин на двор. Обо автора указывают на значительный процент найма переселенцами казакских батраков.

Колонизационная деятельность царской России, как мы уже видели из перечисленных в начале цифровых итогов распределения земель в 1915 году, больше всего проявилась в Джетысуйской губернии. Эта губерния по своему сравнительно умеренному климату и некоторому сходству качеств почвенного покрова ее территории с губерниями южной части России, а также вследствие заселенности переселенцами-казаками (игравшими роль военно-охранной силы царской администрации), естественно, привлекала внимание переселенцев-крестьян в первую очередь. С другой стороны, указанная губерния по своему большинству населения, является типично казахской, в ней рельефнее всего выражены особенности жизни казахского населения, его хозяйственного уклада и быта. В связи с ожесточенностью восстания казаков в Джетысуйской губернии в 1916 году, это делает особенно интересным изучение восстания в этой губернии.

Мы уже указали, сколько было изъято земли у казаков и киргиз в Джетысуйской губернии и как эта земля была распределена, но необходимо привести еще ряд данных, анализирующих внутренние взаимоотношения отдельных

социально-экономических групп, как в среде крестьянского казачьего, так и казак-киргизского населения области.

По данным статистики 1901 года, 84,4 % населения области приходилось на казах-киргизов-аборигенов страны; после казак-киргизов вторым по численности идут переселенцы казаки и крестьяне, третье место занимают таранчинцы и дунгане, прибывшие из пределов Китая в виду притеснения китайских властей еще 80 годах. Первыми переселенцами Джетысуйской губернии были, главным образом, казаки из Сибирского казачьего войска, водворенные в области еще в 1847 году. Крестьяне- переселенцы начали водворяться в области с 1868 года по инициативе первого губернатора области Г.А. Колпаковского, открыто ставившего цель (как он выражался) “обрусение области и развитие в ней хозяйства”. Переселенцы- казаки, как ранее поселенные и долженствующие играть роль военной охраны, наделены были лучшей землей и в большем размере, а эксплуатацию земли они вели чисто хищническим путем. Об этом вынуждены были открыто свидетельствовать видные чины самой царской власти. Об этом же говорит и В.И. Масальский (“Туркестанский край” стр. 321), указывая, что принудительно поселенные казаки состояли из худших элементов; им отводилась даже орошенные и обработанные земли коренных казаков, чем создавались основания к острому трениям: переселенцы- казаки быстро запускали эти участки прибежали к эксплуатации коренных киргиз- казаков и хищнически вырубали леса.

В Джетысуйской губернии, согласно отчета О .А. Шкапского (за 1904 год) на одну душу приходилось в среднем: у русских казаков- 51,6 дес., крестьяне имели на двор-32,4 десятины, а таранчицы и дунгане 12,8 дес. на двор.

В последующем, переселенческие органы стали предпочтительнее относиться к крестьянам- переселенцам, чем к русскому казачеству. Упомянутый Трегубов (в отчете своем о поездке в Джетысу), указывая, что 17.000 казаков обладают лучшими землями в размере 585.000 десятин и претендуют на прирезки еще 250.000 дес., отрицательно отзываясь об этих льготах казачеству.

Но как мы видели из характеристики ведения хозяйства (хищнического) русскими казаками, определить мощность хозяйства только по размерам землевладения не приходится, а нужно привести размер запашек. Размер запашек в среднем у отдельных групп населения складывается следующим образом (по О.А. Шкапскому): у русских казаков на один двор приходится запашек-61 дес., у крестьян на один двор-

9,9 д., у таранчей и дунган-3,8, а у киргиз- казаков-1,4 дес; крупного скота на один двор получается: у переселенцев казаков-8,8, у крестьян- 17,9, у таранчей и дунган- 4,1 и у киргиз- казаков 12,4 (из расчета за голову крупного скота- 10 голов мелкого по отчету К.П. Кауфмана, относящемуся еще к 1870 годам). К 1902 году уже О.А.Шкапский установил уменьшение количества скота на одну кибитку и увеличение площади посевов у коренных. казаков и киргиз Джетысуйской губернии, несмотря на систематическое урезывание у них земель переселенческим управлением. Так, по данным обзора Джетысуйской губернии казах-киргизами в 1882 году было произведено посевов 65.459 четвертей, а в 1902 году цифра эта возросла до- 233.514.

Сравнивая размеры наделов переселенцев в Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерниях, Шкапский в своем отчете (стр. 54-55) приходит к заключению, что в Джетысуйской губернии на один двор в среднем приходилось, ко времени его обследования, земли удобной – 29,7 дес., запашек – 10,5 дес. и скота (с переводом мелкого на крупный из расчета 5 голов мелкого за голову крупного) – 18,3. В Сыр-Дарьинской губернии приходилось на один двор в среднем земель орошаемых и богарный конечно меньше, как об этом уже говорили в отношении Сыр-Дарьинской губернии. Приводя эти данные Шкапский пишет: “ Если при наличности таких условий А.А. Кауфман признает положение русских поселков Ташкентского и Аулие-Атинского района весьма удовлетворительным, если не сказать блестящим, то положение Семиреченских крестьян должно быть названо выше блестящего “.

В Джетысуйской губернии характерным моментом являлись вопросы об аренде земель и самовольных захватах земель переселенцами- самовольцами. Помимо наделной земли крестьяне еще занимались арендой земель у коренных. казаков и киргиз опять таки по тем же соображениям, которые мы указали по Сыр-Дарьинской губернии. Вот некоторые данные: по трем уездам Джетысу арендованной площади посевов в среднем на двор приходилось 3,3 десятины, переселенцы казаки арендовали также не меньше. Между прочим, Шкапский следующим образом объясняет, почему крестьяне и русские казаки прибегают к аренде: “крестьяне ведя экстенсивное хозяйство, выпахали свои наделные земли, которые зарастают овсягом, остом и другими травами. Благодаря этому и существует значительный спрос на землю у киргиз и казаков “.

Согласно статьи 126 “Степного положения“, казакам и

киргизам представлялось право сдавать в аренду, принадлежавшие им земли лицам русского происхождения, но право это было ограничено: право давалось съездам волостных выборных по приговору которых, утвержденному областным правлением, и могли сдаваться в аренду земли зимовых стойбищ сроком до 30 лет, при чем в приговорах должны были указываться общественные надобности, на удовлетворение которых поступает арендная плата. Но это законоположение сплошь и рядом потом нарушалось, даже при умышленном поощрении самой местной администрации. Казак-киргизская администрация, состоявшая главным образом, из имущих элементов (баи, манапы, волостные, старшины и другие), известные среди казахов и киргиз под именем "аткамнеров" от имени фиктивных съездов и приговоров общества сдавали земли в аренду, отдавая меньшую долю арендной суммы непосредственно лицам, у которых бралась в аренду земля, остальная же часть оставалась у влиятельных людей и называлась "темным сбором".

Имея в хозяйстве одну лошадь и пять баранов, казакам и киргизам приходилось кроме казенного кибиточного налога в 4 рубля, платить на разные потребности и на манапов еще рублей 20, что им совершенно, было непосильно.

Фактически владельцами земель являлись богачи, эксплуатировавшие эту бедноту. Верхушка казакских и киргизских эксплуататорских слоев находилась в самом тесном союзе и "тамырстве" (дружестве) с русской администрацией и переселенческим кулачеством, на предмет совместного ограбления казак-киргизской бедноты. Вот общая картина распределения земель и взаимоотношения переселенцев с казак-киргизским населением в Джетысу и Киргизии.

При такой колонизаторской политике царизма в Джетысу обогащались русские администраторы, переселенческие кулаки и их прихвостни – казах-киргизские волостные, старшины и бии. Тут, если принять во внимание, что от 23% до 50% в среднем (максимум до 98%) всех переселенческих хозяйств пользовались наемным трудом, а казаки держали постоянно 1-3 батраков и сезонно от 3 до 15 батраков, крестьяне немного меньше, что казак- киргизские баи и манапы также прибегали к наемному труду, а нанимавшись являлась, главным образом, казак- киргизская беднота, постепенно лишавшаяся земли, не имевшая почти скота, то приходится прийти к заключению, что в Джетысу создавалась большая казак-киргизская батрацкая армия.

В северном Казахстане восстание казаков произошло, главным образом, в быв. Тургайском, Актюбинском и Иргизском уездах, а также в некоторых местах, остальных губерний восточной части Казахстана. Корни восстания в этих районах кроились так же в колониционном стеснении царизмом казаков, политическом гнете и произволе царской администрации.

Заканчивая этот общий обзор и характеристику результатов колонизаторской политики царизма в кочевых и полукочевых районах Казахстана и Киргизстана, нам необходимо попутно рассмотреть причины и другого характера, помимо земельной политики. Тут на первом месте стоит водный вопрос. Большинство земель в Сырдарьинской и Джетысуйской губерниях и Киргизии особенно в первой, считаются удобными к обработке при искусственном орошении. Поэтому, как мы указывали в самом начале, господствующее положение в экономике данного района занимали те группы населения, которые не только захватили большинство удобных земель, но и захватили главные оросительные системы.

В Сырдарьинской губернии в местностях, где расположены переселенческие поселки, они играли, несомненно, господствующую роль в распределении воды и пользования ею. Так же обстояли вопросы водопользования в Джетысуйской губернии. Вода служила, как и земля, орудием эксплуатации одних категорий населения другими. В указанных двух губерниях, и Киргизии хотя особо установленных государством, законов не существовало по водопользованию, но тем не менее, в каждой местности имелись свои порядки распределения воды и имелись специальная водная администрация в лице "арык – ак-сакалов" (водных старшин) и "мирабов". Они назначались администрацией и всегда служили интересам баев и кулачества. Арык-ак-сакалы и мирабы являлись частью царской администрации, особо отличавшаяся своим "обирательством". Кто давал "взятку" или "подарок", тому и принадлежала вода.

Мало того, русские переселенцы при самовольных захватах земель или даже "законных" отводах всегда старались обосноваться в головках оросительных каналов или в местах, удобных по захвату воды. Так, например, захватнический поселок Байтык-Павловск а Пишпекском уезде обосновался в заголовке горной речки из которой внизу питалось десятка два киргизских волостей, судьбы посевов которых частенько зависели от того, пожелают или не пожелают байтык-павловцы "отпустить" воду.

Другим орудием угнетения беднейших кочевников являлся самовольный захват и кошение лугов и даже клеверников переселенцами или потрава скотом последних и самовольное вспахивание целинных земель у казак-киргизов, под предлогом, что последние якобы “ все равно не могут их вспахать и использовать “. Соседними поселками захватывались также скотопрогонные дороги и проходы, которые обращались или в новые пашни, или служили для целей взимания от каждой головы прогоняемого казак-киргизами скота самовольного скотопрогонного налога. Много было и других случаев и путей угнетения и наживы за счет слабых кочевников.

Из них можно указать некоторые. Так, например, мы говорили, что на казах-киргизское население накладывались громадные налоги. Сюда входили 4 рубля кибиточного сбора, налоги со скота, сборы на разные административные нужды, разные “ принудительные пожертвования “, как-то: сборы деньгами и скотом в пользу русской армии “ боровшейся за отечество “ на фронтах; при каждом сборе делались “ надбавки “ киргизской волостной и аульной администрацией в свою пользу; в тех или других случаях необходимо было “ ублажать “ баранами или деньгами отдельных приезжающих чинов администрации или “ аткамнеров “, – все “ это вырастало, конечно, в огромную сумму, которую фактически казак-киргизский бедняк не в состоянии был выплачивать ежегодно, а если выплачивал, то ему приходилось распродавать свое имущество “.

Нечего в степи не делалось без “ взятки “. Так, например, чиновники переселенческого управления, не ограничиваясь тем, что отнимали земли у казак-киргизов, грабили их, покрывая всякие расходы по работе переселенческого управления сборами с них же. Искать “ правду “ казах-киргизским беднякам и вообще рядовым казакам и киргизам было негде. Казахская и киргизская администрация: баи, бии, волостные и старшины работали в контакте с приставами и уездными начальниками.

Следствием этой колонизаторской политики царизма явилась постепенная убыль казакского и киргизского населения. За период 1902-1913 годов казак-киргизское население сократилось приблизительно на 8-9%, произошло также уменьшение таранчинцев и дунган, за то количество переселенцев возросло более чем на 10%.

Кроме этих общих причин восстания, в каждом районе, нужно сказать, были также особые местные причины.

Все сказанное о причинах восстания в кочевых и полу-

кочевых районах Казахстана еще более относится к Джетысуйской губернии, которая была охвачена почти сплошь восстанием, при чем по размерам восстания и жестокости подавления Джетысуйская губерния стоит на первом месте. В Джетысуйской же губернии тяжелее всего отразились результаты поражения восстания в последующие годы.

Общая характеристика социального состава повстанцев

Подводя итоги результатам и причинам восстания киргиз-казаков в 1916 году, остановимся еще на выяснении социального состава основной массы повстанцев, роли в этом восстании интеллигенции и отдельных слоев европейского населения. Это тем более интересно, что восстание 1916 года происходило как раз накануне приближавшихся революционных событий в России.

События 1916 года были исключительным явлением в дотоле относительно мирной жизни Казахстана и Киргизстана и первым всеобщим массовым выступлением против царской администрации и владычества своих и пришлых эксплуататоров.

Малочисленность тогда на территории Казахстана и Киргизстана наличных царских войск, невозможность, быстро перекинуть из России подкрепления, тревожное состояние царского правительства в связи с германским наступлением и возбуждением на Востоке, создавали неуверенность в завтрашнем дне, даже панику колониальной буржуазии в Казахстане и Киргизстане.

Это паническое настроение европейского населения особенно заметно было в первой половине восстания, когда еще неизвестно было, во что оно выльется. Европейское население пригородных районов и сел переезжало быстро с имуществом в ближайшие городские местности, где имелись военные силы для самозащиты, по возможности самовооружались, создавали в некоторых местах добровольные дружины (например в бывших: Верный, Пржевальск и поселки).

Этим чувством паники охвачена была не только русская буржуазия, но и туземный торговый класс и байский элемент, которым режим царизма во многих отношениях был выгоден.

Как мы видели в полукочевых и кочевых районах недовольство местного населения в основном накапливалось по линии земельно-крестьянской колонизации и на почве отбирания у населения всех удобных земель и отодвигании

его в менее плодородную степь, вынуждая заниматься только скотоводством — неустойчивой формой хозяйства, всегда зависевшей от климатических условий и земледельческого хозяйства. В процессе земельной колонизации, как мы видели при изложении основных экономических причин восстания, при отчуждении или прямом изъятии у целых аульных обществ их земельных площадей, всегда огромную роль играла казак-киргизская местная администрация и имущие байско-манапские элементы. Чины переселенческой администрации всегда, прежде чем начать свою работу в каком-либо из районов, сговаривались этими эксплуататорскими верхушками, т.е. так называемыми “влиятельными людьми”, при помощи которых можно было провести свои цели по изъятию земель.

Казакские и киргизские баи и администраторы видели в работах быв. Переселенческого Управления возможность наживы и меньше всего опасались экономического стеснения в отношении себя. Ни одна “аренда” земель по рублю и меньше (как в большинство практиковалась) у казак и киргизов переселенцами или городскими мещанами не обходилось без посредничества этих “влиятельных” лиц. Последние получили так называемые “темные” сборы в свою пользу и таким образом общественные земли, принадлежавшие целым родовым общинам, оказывались проданными за бесценок переселенцам. Во всех спорах о воде и лугопользовании, о пастбищах и т.д. казак-киргиза с переселенцами опять-таки наживались эти байские элементы за счет бедноты. Вся казакская администрация была по “Степному положению” и “Положению об управлении Туркестанским краем”, приспособлена к эксплуатации казакского населения. Подати и повинности, всякого рода поборы, взыскания с обществ тех или других штрафов, — все это ложилось на плечи бедноты и средних слоев. Во всех случаях казакские и киргизские администраторы, аксакалы и бии старались с себя свалить вину на русскую администрацию и переселенцев крестьян.

Таким же эксплуататорским элементом в глазах казакских и киргизских масс являлись все казакские и киргизские чины, пристроившиеся при русской администрации в лице переводчиков, писарей и даже “джигитов” (казах-киргизских полицейских). Ненавистны были для них разные торговцы, всегда расселявшиеся по поселкам и городским пунктам в лице разных сартов, армян, татар и т.д. дававшие кочевникам ситец и всякие другие товары по дорогой цене в “рассрочку” на “проценты” под осенний

урожай кочевников. Еще до восстания против царизма у казак-киргизов появились уже немногочисленные свои ростовщики, ссужавшие под огромный процент деньгами и скотом беднейшие слои.

Казакские и киргизские баи и манапы основывали свое господство над беднейшей частью населения на почве обладания лучшим стадом скота, лучшей частью общинно-родовых земель, пастбищами, связью с казакской и киргизской администрацией (волостные, аульные старшины и бии), состоящей из тех же баев и служившей посредницей в эксплуатации русской администрацией казак- киргизских масс.

Беднейшие и средние слои носили общее наименование “кара- пухара “ (чернь или подданные); сюда входили и сельско- хозяйственные батраки, “серик” или “уртакчил”, “кошчи” (беднейший земледелец), “ чарва “(кочевой бедняк) и др. более многочисленные середняцкие элементы.

Если принять во внимание число батраков, “малаев“, “кошчи“ и т.д. занятых в казачьих, крестьянских и байских хозяйствах, в кочевых и полукочевых районах, и прибавить сюда огромный слой середняцких элементов казак-киргиз, то вся “кара-пухара “ составит почти $\frac{3}{4}$ всего казакского и киргизского населения, представляющего собою объект эксплуатации и слой вечно недовольный.

По уездам Сырдарьинской губернии, уезду Джизакскому, Джетысуйской губернии и Каракалпакской области-основной элемент повстанцев составил вышеопределенный нами слой беднейших и середняцких элементов казакского и киргизского населения. Выступление повстанцев имело более активный характер в тех районах, где беднейшие и середняцкие слои населения больше всего подвергались эксплуатации царизма и казахской и киргизской, байско-родовой буржуазии.

В начале восстания несколько растерявшаяся казак-киргизы имущие элементы и администраторы после нанесения сильных ударов повстанцам, поспешили изъявить свою покорность и верность приказам “белого царя”. Многие казакские администраторы (волостные, бии, переводчики,) даже старались в этот момент чем-нибудь “выслужиться” перед администрацией. Это отношение казак-киргизской “эксплуататорской верхушки” проявлялось в той или другой степени повсеместно среди всех коренных национальностей Казахстана.

Поэтому естественен был разгром во многих местах

повстанцами прежде всего туземных чинов администрации и их канцелярий, где хранились всякие налоговые списки, списки мобилизуемых рабочих и т.д. Правда, среди того же казакского и киргизского населения были случаи, когда родовые руководители и даже волостные (например сыновья Шабдана Джантаева во главе повстанцев Пишпекского и Пржевальского уездов и др.) оказались в рядах и во главе повстанцев, но причину этого нужно усмотреть в том, что в этих случаях в виду широкого размера восстания масс данного района, родовые старшины не могли оторваться от масс или рода, ибо в противном случае последние разгромили бы их, как изменников, а переход открыто на сторону царской администрации все равно не спас бы их.

Среди казаков и киргиз, как мы указывали родовые старшины и аксакалы, с одной стороны, не хотели терять своего авторитета среди населения, с другой стороны, они были недовольны всякими новшествами, разрушавшими чистой родовой патриархальный уклад жизни и обычаи кочевников и поэтому оказались сторонниками восстания. При этом нужно указать, что родовые начальники и аксакалы (старшие) не всегда совмещали в своем лице администрацию, ибо таковыми бывали иногда просто люди пожилые, с большим житейским опытом, чем остальные, и к ним молодое поколение относилось с уважением. В восстаниях казак и киргиз именно такие элементы играли в большинстве главенствующую роль, а не волостные и старшины. Весь причастный к царизму административный слой казаков, более гибкий и приспособившийся к новым условиям (так сказать, родовая кочевая буржуазия), или поддерживал царскую администрацию и был против восстания, или просто пассивно относился к этому восстанию. Что же касается всяких ростовщиков, торговцев, скотопромышленников, джальдапов и предпринимателей, в большинстве из сартов, татар, армян и т.д., внедрившихся среди казак-киргизского населения, то большинство их оказалось прямым союзником царской администрации, переселенцев-кулаков и принимали по мере возможности даже участие в карательных отрядах администрации, желая из этого предприятия извлечь пользу. Исключением отсюда может быть случай в Караколском уезде, когда крестьяне, наоборот, расправились и с торговцами. Тут особенно интересна роль в восстании 1916 года национальной казахской интеллигенции.

В казахской части населения Казахстана буржуазно-националистическая либеральная интеллигенция в лице

своих передовых и просвещенных слоев объединялась тогда вокруг издававшихся ряда газетных и журнальных органом, вроде "Айкапа" или "Казах" и др. руководимых Алиханом Букейхановым, М. Дулатовым, Ах. Байтурсыновым, Мустафа Чокаевым и др. В начале руководителей этой высшей интеллигенции примыкали к конституционно-демократической (кадетской) партии. Потом в среде казаков во время февральской революции эта национальная интеллигенция оформилась в национальную политическую организацию "Алаш", преследовавшую цель национально-политического развития казак и пробуждения их сознательного национального чувства.

Эта национально-либеральная интеллигенция казахов являлось выразительницей идеологии и стремлений по существу казахских имущих классов и занимала часто большие должности в царской администрации. Эта кадетствующая интеллигенция отнюдь не была недовольна своим личным положением и вовсе не имела намерения порывать с русской буржуазией. Она была, как и кадеты, против существовавшего тогда строя и администрации царизма на местах в казахских районах, была против земельной царской политики, но работала дружно с российскими буржуазно-демократическими партиями. Эта интеллигенция на страницах своих печати охарактеризовала восстание казаков, как преждевременное, ненужное, указывая, что все недоразумения можно было бы уладить мирным путем. Она призывала мобилизованных идти на фронт, защищать общие интересы, убеждая, что по успешном окончании войны, правительство не забудет и казахский народ. Писали по этому поводу целые воззвания, ибо чувствовали неизбежность неудачи восстания; не понимая коренные причины, думали, что восстание дело рук кучки авантюристов; с другой стороны хотели этой своей позицией создать себе авторитет в глазах российской буржуазно-демократической общественности. По основной экономической причине восстания казахов в 1916 году, по земельному вопросу, также интеллигенция, выражая недовольство деятельностью Переселенческого Управления, однако, не шла дальше взглядов кадетской партии в своих требованиях по этому вопросу, выдвигавшихся перед Государственной Думой (См., например, дискуссию в - "Айкап" и "Казах" за 1915г.).

Эта интеллигенция даже не захотела подвергнуть критике деяния царизма и его жестокости по подавлению восстания, а, наоборот, влачилась в хвосте царской адми-

нистрации в этом отношении, если не говорить о коротенькой резолюции протеста казахского съезда в июле 1917 г., в г. Оренбурге и сбора пожертвований в пользу беженцев казак-киргизов в Китае, и то производимых под давлением масс. Антиповстанческое настроение и моральная поддержка администрации у "Алаш-Ординской" казахской интеллигенции после подавления восстания казак-киргизов переходит к поддержке войны до "победоносного конца". Мало того, некоторые из руководителей указанной интеллигенции принимают активное участие в организованных патриотическими обществами комитетах помощи воинам и фронтам и собирают пожертвования среди населения, а также принимают участие в организациях (советах) тыловых рабочих, оставшихся на месте. В начале революции (например, съезд "мусс. Рабочих и воинов" в г. Коканде). На казахские съезды, созываемые "Алаш-Ордой", персонально сверху приглашались именно верхушечные казахские элементы: волостные, аксакалы, баи, старшины и всякие другие влиятельные люди (см. газету "Казах"), известные под общим названием "атка-мнеров", из которых, главным образом, составлялись эти "всеказахские" съезды. Указанная позиция казахской национальной интеллигенции логично завершается выступлением ее во время Октябрьской революции на стороне классовых противников пролетариата (Колчака, Дутова и др.).

Отдельные представители этой интеллигенции, члены царской администрации, во многих случаях прямо-таки поддерживали последнюю в подавлении восстания казахов 1916 года (деятельность большинства переводчиков, волостных, писарей и других чинов в Казахстане).

Характерен в этом отношении случай с Тургайскими повстанцами, которые, так и не сдавшись царской власти, присоединились потом к советской власти, поддержали ее активно, но руководители этих повстанцев были расстреляны "Алаш-Ордой" в свое время за присоединение к сов. власти.

Что же касается остальной части европейского населения, то она целиком стояла за решительное подавление восстания казахского населения "этой азиатской орды". Были только отдельные единицы из европейского населения, критически отнесшиеся к жестокостям карательных мер царской власти.

Среди европейского населения Казахстана существовали тогда уже зачатки социал-демократической и эсеровской партий, но все они в вопросе об отношении к восстанию и

предпринимаемым мероприятиям царской власти оказались верными своей “ колониальной миссии “ и ни единым словом не обмолвились относительно какой бы то ни было защиты казахов от карательных жестокостей администрации. Было, наоборот, много сторонников решительного подавления восстания.

Что же касается имеющейся прослойки русских рабочих в Казахстане, то они воспитывались в духе колониальном и к тому же не имели совершенно во главе выдержанных интернациональных политических организаций, поэтому они относились пассивно к восстанию казаков, а в некоторых районах даже способствовали подавлению последнего. Поэтому и случилось, что в некоторых местах казаки и киргизы нападали даже на русских рабочих, в частности Меркенском районе Аулие- Атинского уезда нападали на рабочих, строивших полотно Семиреченской жел.дор. Все это показывает, что никакой связи в революционном движении между европейскими рабочими и казакскими трудящимися тогда не было.

*Красный Казакстан № 1.-май.
Казакский краевой комитет ВКП(б).
г. Кзыл-Орла. 1926г.*

№ 5

Міржақып ДУЛАТОВ

1916 жыл

1916 жылғы маусым жарлығы шыққан кезде Орынборда едім. Ахмет Байтұрсынұлы сол жаз Торғай уезіндегі санақ қызметіне кетіп, “Қазақ” газетін мен басқарып тұрдым. Ол жылдары Орынборда қазақ жоқтың қасында, аз болатын: оқып жүрген жастар елге тарап, қалада саны онға толмайтын кеңсе қызметкерлері ғана (чиновник, тілмаштар) қалатын.

Бір күні төбеден жайдың оғындай июнь жарлығы сарт ете түсті. Бұл жарлықтың бізге жайдың оғындай көрінуі – қалың қазақ еліне оның әсері қандай болатындығын сезгендігімізден еді. Бұл жарлықтың қазақ арасына қалай тарайтыны, қазақ елі не күйге ұшырайтыны көз алдымызға елестей қалды. Өз өмірімізде басымызға тумаған ұлы дағдарысқа ұшырадық. Қайтпек керек? Не істейміз? Елге не айтамыз? Біздің басшылығымыз қандай болмақ керек? Елдің ризалықпен көңгісі келмейтіні, балаларын бергісі

келмейтіні, “соғыс”, “солдат” деген сөздерден өлердей қорқатыны, патша өкіметіне сенімі жоқтығы белгілі. “Көнбе, берме” дейміз бе? Оның түбі не болады? Немізге сеніп, “көнбе” дейміз? Көнбейтін күшіміз қайда? Біздің ұйымда күш жоқ. Барар жер, басар тауымыз белгілі. Ел бастап жүргендеріміздің күні кімде? Олардың бәріне бірдей сенуге бол ма? Қиын-қыстау жерлерде жан қиысуға шыдай ма? “Балапан басына, тұрымтай тұсына”. Жұрттың көбі бас амандап кетпей ме? Жеңілдің астымен, ауырдың үстімен қалқақтап келе жатқан надан қазақ, орыс өкіметінің табанында езіліп келе жатқан бишара қазақ көнбеймін десе, қор болмай ма? Көнгені дұрыс па екен. Екі зиянның қайсысы жеңіл болар екен?

Міне, біздің басымызды даң қылған, миымызды ашытқан, ұлы дағдарысқа қалдырған сұраулар осылар еді. Қайткенде бізге бұл жолдың біріне түспеске болмады. Ол кезде 1916 жыл еді. Жиһан соғысының қызып тұрған шағы еді. Ресейдің таяқ жеп, халқының шаруашылығы күйзеліп, патша өкіметіне наразылығы күннен-күнге күшейіп, орыс жұмыскерлері әр жерде ереуіл жасап, фабрик-зауыт, өнеркәсіп жұмыстары нашарлап, қымбатшылық өсіп, саяси партиялардың төңкерісінен үміт етіп тұрған шағы еді. Бірақ ондай төңкеріс қашан болады? Қалай болады? Ондай төңкеріс бола қалғанда қазақ жұрты көнбей қарысып отырып, соған аман-есен жете ала ма? Бұған біздің көзіміз жетпеді. Төңкеріс жолында қазақ жұрты құрбан болып-ақ кетсін деуге дәтіміз шыдамады. Сондықтан біз екінші жолды қалдық — көну керек дедік. Осыған бел байлағаннан кейін елге көзіне айтатын сөзіміз де, басшылығымыз да осы бетте болды. Тек неше түрлі сылтаумен соза беру жағын ғана ескеріп отырдық: пішен шабатын кез, егін оратын кез, бірінің артынан бірі келе жатыр, мәулет сұрандар дедік, халық әлі түсінген жоқ, әбден түсінсін, осыған пұрсат сұрау керек дедік. Патшаның жарлығына қарсы емеспіз, бірақ қазақтың жөйі-күйі осындай өгей баланың өксігіндей сөздерге ғана ие болуға жарадық.

Ол кезде қазаққа жалғыз-ақ “Қазақ” газеті бар еді. Ол заманның жуан ортасында болмаған, ащы-тущысын татпаған бүгінгі бақытты жастар ол “Қазақ” газетін енді оқыса “Бишара қалай жасқаншақ, қалай қорқақ, былай жазса болмас па еді, олай жазса болмас па еді?” дер еді. Ол кезде газеттердің бет-аузын алапес қылып шығаратын цензураны бүгінгі жастар көрген жоқ қой. Өз ойынды, өз бойынды өзің ұрлап, “осылай жазсам, жұрт бірдеме қып түсінер-ау”

деп ишаралап, жасқанып, жалтақтап отыруды бүгінгі жастар көрген емес.

Міне, осындай күйде тұрғанда маусым жарлығы шыққан. Көну керекке бел байлағаннан кейін сонда “Қазақ” газетіне (№188) біз алғашқы мақаламызда мынаны жазғамыз: “25-ші маусымда патша жарлық қылды, Ресейдегі әскерлік қызметінен азат бұратаналарды, олардың ішінде, біздің қазақ халқын соғыс майданында әскер артында ор қазып, жол салатын қара жұмыстарды өтеуге міндетті қылып алуға. Патшаның бұл бұйрығын ішкі министр-губернаторлар арқылы халыққа мәлім қылды... Мемлекет керегі үшін мал шығынынан тартынбай, қайта әскерлікке алам десе, ақылдасып барудан тайынбастай болып жүрген қазақ халқын бүгін қара жұмысқа алатын жарлық шыққанға дағдарып, таңырқап қалдық. Қазақ секілді іргелі жұрт өзгелер қатарында соғыс майданында қару-жарақ асынып, мемлекетті қорғауға лайық еді. Қатарда жоқ қара жұмысқа байлануды кемшілік санаймыз. Бірақ патша жарлығы хақ, оған қарсы айтар сөз жоқ. Әмір қатты, жан төтті дегендей, әмірін екі қыла алмаймыз.

Қашатын жігіт болса, бүліншілік болады, бұл күнде соғыс уақыты, төртіп қатты, қашқандардың артынан қуғыншы жасақ шығып, елді, артында қалған әке-шешесін, қатын-баласын шулатқаннан, шаруасын күйзелткеннен өнер еш нәрсе жоқ”.

Міне “Қазақ” газеті, оның маңайындағы, жолындағы азаматтар, жалпы қазақ оқығандары осы бағдармен отырды. Мына жоғарыдағы мақала елге тарап та біткен жоқ еді, “Қазақ” басқармасына қазақ жерінің тұс-тұсынан телеграмдар, хаттар жауа бастады. Ол кезде “Қазақ” газетін, қазақ елінің көбі көз-құлағындай көретін. Сондықтан құр телеграм беру, хат жазумен ғана қойған жоқ, жан-жақтан саулап ел адамдары Орынборға ағыла бастады. Елде не болып жатқанын, хатқа, телеграмға жазуға болмайтын сөздерді солар әкеліп отырды.

Қазақ даласы күңіренді.

“Ел арасына қысқа күнде қырық түрлі хабар тарады. Қорқыныш күннен күнге ұлғайды. Әулиеге ат айтты, қорасанға қой айтты. Сауысқан-қарға тойынды. “Солдат алмайтын болыпты” деп өтірік сүйінші сұрағандар олжаға батты. “Сенің балаң алынады” дегенді естіген шал-кемпірдің жүрегі жарылып өлгендері болды. Жұрт сендей соғылды. Түнде ұйқыдан, күндіз күлкіден айырылды. “Әне келді, міне келді” деп өлім жазасына бұйырылған үкімнің орнына келуін күткен тұтқындай болып тұрды” (“Қазақ”, №212).

Елден осындай түрлі хабарлар келе бастады. Қозғалыс күшеюге бет алды. Пәлен елге әскер шығарылайын деп жатыр, түгілен елге губернатордың өзі кетті деген хабарлар дүңкілдеді. Қостанайда ел жігіттері Сайым болысты өлтіріп жіберген, Атбасарда Есет болыстың ішін жарған, Торғай желігуге айналды, Ақтөбе уезінде қырдағы орыс тілмаштарды (песерлерді) өлтірген, екі қаланың арасындағы почтаны талаған....

Торғай губернаторы Қостанайға бір барып қайтып еді, енді Ақтөбеге бармақшы еді, Сайым болыс өлін қалған соң, ол Қостанайға тағы кетіп, оның орнына вице-губернатор Обухов баратыны мәлім болды.

Ақтөбе қаласына мың-мындаған қазақ жиналыпты, ар жағындағы Ырғыз уезінен де, мына жақтағы Орал облысының сыбайлас уездерінен де халық көп келіпті дегенді естідік. Солардың үстіне вице-губернатор барғалы жатыр. Осыны білгеннен кейін Орынборда Сейдазым (Кәдірбайұлы) әдейі Ақтөбеге жүрдік.

Ақтөбеге мың-мындаған қазақ жиналған: аттысы-атты, жаяуы-жаяу. Бұрын жиылыстарда ел атынан ақсақал, атқа мінерлер жүретін болса, бұл жолы тайлы-таяғы қалмастан жұрт көтеріле келген, ақсақалдарға, болыстарға сенбейді. Не болып жатқанды жұрт өз көзімен көрмекші, өз құлағымен естімекші.

Ертең вице-губернатор келетін күн. Біз шілденің 16-күні Ақтөбеге жиналған жұртпен қаладан 15-20 шақырым жерде оңаша кеңеспек болдық. Бір төбенің басына жұрт жиналды, қалаға жиналған халықтың қалғаны болмады. Бұл топта болыстар да, молдалар да, қазақтың ол кездегі төрелері де, жәй оқығандары да бар. Жұрт жиналып болған соң, тым-тырыс, бір-біріне қарайды. Ешкім сөз бастамайды. Болыстар, атқа мінерлер сөйлеуге қорқады. Анталаған аламан. Кім не айтар екен деп андып тұр. Бір мезгілде бір молда түрегеліп, басына ұстаған қол шатырын сермеп, бізге (орысша оқығандарға) қарап тепсіне сөйледі: “Біз баяғыда түрікке қарап кететін ел едік, осы сендер орысқа бағындырып қойған, қазақты шен-шекпенге сатқан мына болыстар. Әлі де болса кетеміз, босамыз, Қытай ауамыз. Қырымға барамыз, орыстың құлдығына тұра алмаймыз, қырыламыз, өлеміз, солай-ма, жұрт?! – деп айғай салды. “Солай, солай!” – деп жұрт шу ете түсті. Болыстар төмен қарап, жерге кіріп бара жатыр: үн де жоқ түн де жоқ. Елдерінде партия болып, жеңіліп, болыстығынан айырылып қалған бірен-сарандары сол кездегі болыстарына қарап: “Болыс сіз сөйлеңіз, сөйлесеңізші”, – деп қояды. Болыс онан жаман жерге кіреді.

Қостанайда Сайым болыс өлгені бұл топқа естіліп қалған екен. Бұл топтың ортасында бір болыс жақ ашса да жұрт дүрсе қоя бергелі тұр.

Қысқасы, көну керек деген сөзді тындайтын халық көрінбейді, ол сөзді айту да қиын болды. Содан кейін біз жұрттың бас қосқан жеріне көңілдегі сөзімізді айтамыз деп сонау Орынбордан әдейі келген соң, өз ойымызша, қарсылық қылудан үлкен зиян бар деп білгендіктен жұрт жаратпаса да үндемей кетуді жөн көрмедік. Мен сөз сөйлеуге кірістім. Сөздің беті көрінгенде-ақ жұрттың түсі бұзылды, бірақ сөзді бөлген жоқ, тындады. Бір сөздің ретінде бір топ жігітке қарап: “Сендер жап-жас жігітсіңдер, жан тәттілік қылып қарсы шықсаңдар, я қашсаңдар, ел бүлінеді, әскер шығады...” дегенімде, екі-үш жігіт ілгері ұмтылып, көздері қанталап, “Біздің жасымызды тексеретін доқтыр ма едің” - деп төніп-төніп қойды...

Менен кейін басында шошақ төбе шөмекей тымағы бар, киімінің бәрі нағыз қазақы, алқам-салқам, көйлегінің жағасы иығын жапқан буырыл сақалды шал тұрып сөйледі. Бұл шалды басында елеген кісі жоқ, бұл топты танушы да көрінбеді. Бұл Ырғыз уезінің келген адамдардың біреуі екен. Шал сөзді былай бастады: “Уа, жұрт бір шетте, құм сахарада құлан-киікше жосып жүрген көшпелі шөмекей, шекті деген ел боламыз. Ел басына, ер басына күн туды, бұл жақтағы ағайындарды өзімізден көрі көзді-қарақты санап, білелікші, не қылып жатыр екен деп келдік. Біз елімізден үзеңгіге аяқ салып аттанғанда “көне қоямыз, бала бере қоямыз” деп шыққан жоқ едік, еліміз “өлсеңдер де көнбе” деп жіберіп еді, бірақ бұл жақтың түрін көріп, бұл жақтағы әңгімені естіп отырсақ, көнбеске шарамыз жоқ көрінеді...” -деп, көну жағына өзінше көп дәлел айтып, тындаушы көпті ұйытқандай сөздер сөйледі. Ояздың жұрт құлақ асқандай, амалсыздықтың жайына түскендей болып, тілге келді. Манадан бері бұғып отырғандар да жандана бастап, я сөйлеселік, ақылдасалық дегенге жарады. Содан кейін жұрт ертең вице-губернаторға айтатын сөздерін саптады. Көбінің ұйғарғаны соза беру, егін, пішен, шаруа жайын айтып кеңшілік сұрау, жалқы жігіт қалсын, пәлен алынбасын, деген сықылды жобалар болды. Ол күні жұрт сонымен тарады.

Ертеңіне, шілденің 17-күні Ақтөбе қаласының бір кең көшесінде вице-губернатор жиналған жұртқа сөз сөйледі. Вице-губернатордың сондағы сөйлеген сөзі артық кемі жоқ мынау еді:

“Губернатор сіздерге рұқсат беріп еді. Осында жиналып, патша жарлығын тез орындау, кеңеске өзі де келмек еді,

бірақ бір тығыз қызметі болып, басқа уезге шығып кетті. Орнына мені жіберді. Біз Торғай облысының әкімдері мақтанушы едік – қол астымыздағы қазақтарымыз бұл соғыста мал-жанын аямай құрбан қылуға даяр, орыс халқы патшаның қандай шын қарашысы болса, қазақтар да сондай деп, өздері де осындайлығын көрсетуші еді. Өттеген-ай! Оның бәрі құр сөз екен. Естіп тұрмыз қазақ арасында тәртіпсіздік, бүліншілік басталып жатыр дейді, қайта патшаның почтасын тоқтатуға да батылдары барыпты. Біз мұны жаман ниеттілердің ғана ісі деп ұйғарамыз, өйтпесе мұны қазақ деп танығымыз келмейді. Естерінде болсын, мұндай қылмыстыларды военный сот тергейді, ал военный соттың үкімі қысқа, айыпкерді өлім жазасына бұйырады. Губернатор өзі-ақ сіздерге жеңілдік алып беру ыждиятында, бірақ қазақ өзіне-өзі зиян келтірді. Біліп қойындар әлгіндей тәртіпсіздік шығаратын болса, әскер шығарылады, құр шыққанымен қоймай, атқылайды, мұндай ойынды қойындар. Бұл жаман ойын. Сөздің қысқасы, жалғыз қазақ қалмаса да, патша жарлығы сөзсіз тоқтаусыз орнына келуі хақ. Мен үміт етемін, ақсақалдар елді-еліне тарап, жастарды үгіттер, мұнан кейін бұл секілді оқиғаның болмауына ыждият етер. Ақсақалдар болсын, болыстар болсын, патша жарлығын орнына келтіру ісінде жәрдемдес болуға міндеткер. Бұл туралы үйге кіріп, кенеселік, болыстар және болыс басы бірнеше ақсақалдар, жүріңдер” – деп вице-губернатор үйге кіріп кетті (“Қазақ”, №190).

Губернатордың мұндай сөздерімен де қазақ арасындағы толқын басыла қойған жоқ. Ел-ел хан көтерісіп, сарбаз жинауға кірісті. Сол жаздың өзінде-ақ, әсіресе күзге қарсы ел-елге әскер шыға бастады. “Соғыс ерлер туғызады” деген орыс мақалынша әр жерден, әр елден ерлер шықты, ондай ерлерін ақын-халық жырлады, мақтады, өліп кеткендерін жоқтады. Кенесары Наурызбайдың көтерілісін Нысанбайлар жыр қылған болса, 16-шы жылдың жыраулары да қазақ даласын мынадай өлеңдермен күңіrentті:

Айранбай, Алпыс, Байқадам
Қылышпенен жайқаған.
Өлтірді дейді он бесін

Сырттан көріп байқаған
Найзамен түйреп сағактан
Түсіріпті шалқадан.
Өзгесін айтып қайтейін?
Әмірбек пен Мырзабек
Тірілмейді қайтадан.

Әмірбек пен Мырзабек,
Жағыпардай асылдай
Шынжыр қатар нәсілдей,
Көрсеткен күші мысалы
Кенесары – Қасымдай
Қараған заман соңында
Александр патшаға
Кім күш қылды осындай!
Сайланған сары әскермен
Жағаласты шошынбай.

Міне осылайша “Сайланған сары әскер” қарсылық қылған елдерге лек-легімен аттанып, қазақ-қырғыз даласын қызыл қанға бояуға кірісіп еді. Он айға жетпей патша өкіметі құламаса, Ресейдегі ұлы төңкеріс болмаса, не болар еді?!

*// “Еңбекші қазақ”, 1926 жыл. №145
Зерттеуші Б. Байғалиев дайындаған нұсқасынан
алынды (Жұлдыз, 1991. №6. 104-108 бб.)*

№ 6

Темірбек ЖҮРГЕНҰЛЫ

1916 жылғы қазақ көтерілісінде қала мен ауыл арасындағы наразылық

1916 жылғы қазақ көтерілісі, дұрысында ауылдың қалаға қарсы көтерілісі еді. Ауыл қалаға қарсы неге көтерілді? Оның себебін іздегенде қазақ қалаларының салынуы тарихына көз жіберу керек.

Европа қалалары қалай салынды? Шаруа түрі өзгерген сайын ел ру-ру болып отырудан қалып, кәсіп, шаруа жөнінен біріге бастады. Әуелі жұрт жерге отырысты. Әр жерге басы ауысқандар сауда шаруашылығы басқан сайын көгендесіп бөлек-бөлек поселка болды. Осы ретпен Европа, оның ішінде ішкі Ресей қалалары орысының айдауымен, шаруа түрінің өзгеруімен өзінен-өзі құрылды. Әр қазақ даласындағы қалалар жоғарғы үкіметтің бұйрығымен салынды. Қазақ даласын алып, патша үкіметі Орта Азия Сібірге ұмтылғанында қазақ даласының әр жеріне қорғандар салынды. Сонан барып қала болып кетті. Мұның нәтижесінде патша үкіметі қазақтың қоғам тұрмысына зорлап, қазақтың шаруа түріне, тұрмысына үйлеспейтін саясаттық кіргізді.

Қоғам тұрмысы өзгергенде көшпелі ел әуелі отырықшылыққа айналды, жерге орналасып бөлек-бөлек қоғам болды. Жерге орналасқан соң әр шаруаның өзіне мүлкі болды. Арада сату, алым-берім басталды. Алым-берім сауда басталған соң әр шаруа не өндірсе де көп өндіруге тырысады. Бұлай еткен соң еңбекті өнімді бөлу болады. Біреу артық, біреу кем өндіріп ел бай-жарлыққа бөлінеді. Мұнан кейін жерді қоғаммен пайдалану поселке-поселкеге бөлінеді. Мұнан кейін ел арасында қол өнері тарайды. Өнершілер бір жерге жиналып европаның осы күнгі қалаларына негіз салған.

Завод, фабрика салынып сауда күшейген сайын, қала өзінен-өзі ұлғая берген. Ірі капитал кәсібі қаншама нешеме ғасырлар бойына осы күнгі қалаларды жетістірген. Өйткені кәсіп сауда қалаға жиылмай капитал кәсібі күшеймейді. Мәдениетті елдердің бәрінде де қала осылай бірте-бірте тұрмыстың айдауымен, шаруа тұрмысының өзгеруімен құралған.

Қазақтың қалпы

Қазақ даласында қалалар салына басталған кезінде қазақ елінің қалпы қандай еді?

Қала салынар кезіндегі қазақ тұрмысының құрылысы жарыққа шығып, шаруа, қала, ауылға бөлінген қоғам құрылысына ұқсамайтын өзгеше болды. Энгельс өзінің “Үй тұрмысының жерге, мүліктің, мемелекеттің құрылуы” деген кітабында халық тұрмысының құрылысын үш дәуірге бөлді: адамның тағы жабайы дәуірге, надан, қатал дәуірі, өнер-білім дәуірі. Тағалық жабайылық дәуірі – адам тұрмысының алғашқы балалық дәуірі, жапан далада, орманда, ағаш басында тұрған кезі. Надандық, қаталдық дәуірі – мал өсіріп, егін егіп адам күшімен жаратылыс байлығын пайдаланған кезі. Өнер-білім дәуірі – өнерлі кәсіптің, өнердің басталған кезі. Менімше ол қазақ-орыс алар кезде надандық қаталдық дәуірінде еді.

Орысқа бағынған кезде қазақ тұтас ұлт емес ру-рудан құрылған ел еді. Ру-рудан хан, ақсақал биледі. Ел көшіп-жүріп мал баққан қазақ тұрмысының ол кездегі тұрмысы міне осы. Қазақтың шаруашылығына сауда капиталы араласып шаруа түріне өзгеріс кіргізгеннен кейін Қазақстан жаңалық сүйерлер, шынжыр балақ әкімдер, саудагерлер, байлар, атқа мінерлер шықты. Бірақ Ресей отаршылығы тұсында қазақ шаруасының кәсіп түрімен пайдалану ретінде өзгермеген соң ел арасында рушылдық жойылмады. Өйткені

қай қоғамның болса да негізгі кәсіп түрімен пайдалану реті болатын. Зиянкершілдік саясаты қашан да отар елдің өнерлі кәсібін күшейтпеске тырысады. Сондықтан тұрғын елдің еріксіз шығыс елдеріне өзі келіп араласқан шет мемлекет елдердің, олардың шаруасының алға басуына кедергі жасады” (Ленин. 21 том 253 бет). Бұл Лениннің айтқанынан отаршалдардың қызметіндегі қала мен отарланушы ауылдың бес қайнаса сорпасы қосылмайтынын көреміз. Бұл жөнінде капитал шаруасымен қазақ шаруасы келін түйіскен. Үкімет өзі капитал негізіне құрылған соң, капитал шаруасын жақтаған. Ауыл шаруасы өз бетімен жөн таба алмай, көшті. Капитал шаруасына өз бетімен төтеп бере алмай бірте-бірте құруға бет алған. Отарлаудың қай жұмысы, қандай саясаты болса да осы қалада тарап тұрған. Кімдердің озбырлығы, ауыл шаруасының өмір сүруі, қазақтың жақсы жерін отарлау, қаланың қазақ ауылына істегені міне осы. Осы жұмыстарды күштеп орындап, қазақ даласын күшпен отарлау үшін патша үкіметі бастап қазақ даласына қазіргі қалалардың негізі – қорғандар салынған.

1916 жылғы көтеріліс – ұлт көтерілісі

Осы жоғарыда айтылған ауылдың қалаға, орыстың отарына; мәдениетіне наразылығы күшейе-күшейе ойын жарияланғаның себебімен жалпы көтеріліске айналды. Елдің бойын кернеген ашу, наразылығы. 1916 жылғы қазақ көтерілісі – ұлт /бөлек ел/ көтерілісі еді. Өйткені жоғарыда айтылған наразылықты тудырған үкімет озбырлығы, капитал құлдығы бүкіл қазақ еліне батты, бүкіл қазақ елі зорлық көрді. Әрине, үкімет озбырлығы, капитал ауырмалығы әсіресе аз руға батыңқырады. Осы күйінде қазақ даласына еуропаның отаршылық саясаты келіп жетті.

Қазақ даласындағы қалалардың салынуы

Елдің отаршылыққа айналып тұрған жерінің кәсібіне қарай түрлі бөлінуіне елдің егіншіге, өнершіге бөлінуі шарт болса, ол кезде қазақ та мұның бірі де жоқ еді. Патша өкіметі тек қазақты өзіне қаратып қана қоймай, Орта Азияны алмақ болды. Ол Қытайға ықпалын жүргізіп, шығысқа ағылшынмен таласпақ болды. Қазақ елін өзіне қаратқанда соғыс-бекіну саясатын осы мақсатына бейімдеп жүргізді. Сондықтан қазақ даласының шет-шетіне Қытайға, Орта Азияға қарай әскердің жүретін жолына қорғандар

салынды. Қазақ даласындағы қазіргі қалалар сол қазақ даласына қазақ елің қыспаққа қысуға, Шығыс елдерін отарлауға салған қорғандар. Сондықтан қазақ даласындағы қалалар тұрмыстың айдауымен, шаруа түрінің өзгеруімен салынбай отаршылықтың арқасында өкімет бұйрығымен салынды. Осы қалалар арқылы патша өкіметі қазақ даласын өзіне бағындырды. Қазақ даласын облыстыққа да осылай бөлді.

// “Еңбекші Қазақ” газеті. 1926. 30 сентябрь, 1 октябрь.

№ 7

**Әлихан БӨКЕЙХАНОВ
ШЕСТАКОВ**

**1916 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІСТІҢ ОН ЖЫЛДЫҒЫНА
(1916-1926)
25 июнь**

Қазақ-қырғыз баласын майданға ал деп жарлық шыққалы 25-інші июнде он жыл толады.

Басынан Алтай, Алай бұлт шықты,
Баласы қазақ, қырғыз қойдай ықты,
Қан жауын Сарыарқаға қардай жауып,
Жастарым жерге симай жаудан бұқты.

Патша қол астындағы құлақ кесті құл елді қысырақтай матап, мұрнын тескен тайлақтай байлап, қойдай айдап, неміс пен түрікке қарсы соғысқа апарды. Патшаның жерігі түрінен жер тартып алып, неміске қымбатқа бидай сатып, орыстың ақсүйек төрелерінің пайдасын көздеген болды. Соғыс осымен шықты.

1916-ыншы жылы патша сансыз жігітті соғыста өлтірді, қолы, аяғы жоқ, ақылдан адасқан мешел де мүгедек қылды; елдің шаруасы ойрандалды, соғыста ерлер өліп, елде шаруа күйзелді, жетім бала жесір қатын, шал-кемпір көзінен жасы көл болып, жұртта қалған ботадай боздады. Ет, нан өзге (азық) марттағыдай тапшыланды, жұттағыдай жоғалды. Базардан алатын пұл да зая барып дөң асты. Сом елу тиын болды. Темір жолмен соғысқа әскер тасып, ел жаяқ та қалды. Майданда патша әскері жеңіліп жатады, жау басынан күш алады да отырады. Патша әскері жаудың алдында

борандағы қойдай ықты да бұрын алған Гөлиция жерінен, Перемішіл, Ілбоб қорғандарынан ат тонын ала қашты. Майдандағы шексіз жерде шабылмаған ел, талқандалмаған қора-қопсы қалмады, елі жетім де, жесір де, қайыршы да болды. Жүз мың босқын қорғалауға бұта да таппай, ішуге сусын, жеуге дәм таппай, құтырған иттей сандалды. Патша соғысының қарғыс атқан күні туды. Немістің қардай борап, желдей ескені, орысқа қасқырдай шауып, түлақтай сүйреп, қойдай айдап, жүндей сабағаны, түріктің дінім деп атқа мінгені алашқа да келіп жетті. Ұзын құлақ өтірікті шындай қылып еседі. Патша соғысқа тағы да ат алады деп ұзын құлақ Сарыарқаға жайылып кетеді. Атты арзанға сатып та, тартып алады деседі.

Қазақ-қырғыздың малын темір жолдың арбасына тиеп, судай ағызып тасиды да жатады. Немістің теңдей оқты зеңбірегі, өуедей уы да алашқа келіп жетеді. Татар, башқұртты соғысқа айдаған патша қазақ-қырғызды да соғысқа салады, бөтендей бізді алдына шеп қылып ұстайды деп ұзын құлақ бақыр соғады. Қазақ-қырғыз майданда қырылып қалады, қойға көзін сүзген қасқырдай қазақ жерін андыған егінші орыс бос қалған қазақ-қырғыздың жерін үлеске алады деп ұзын құлақ бақыр соғады. Сонда Нармамбет ақын “Сарыарқаны” жырлайды:

Сарыарқа, сарқыраған суың қайда?
Күндіз мұнар, түнде шық буың қайда?
Нажағай сарт-сұрт етіп нөсер құйған,
Көк жасыл кемпірқосақ туың қайда?
Көк майса, көк орай шалғын шебің қайда?
Көк қасқа кетігі жоқ түбі майда?
Қызғалдақ қызыл-жасыл көк балдырған,
Балауса бала тайған бар ма сайда?
Көк бұлдыр күркіреген зілік қайда?
Толқыны толықсыған көлік қайда?
Ат та ұма, түйе де құм, қой да шұрай,
Тұлыптай желі толған құлын қайда?
Қалмады Сарыарқада енді қазақ,
Сандал тау, Сары өлкені алды мұжық,
Қолыңнан келер де жоқ, өнер де жоқ,
Баласы байғұс алаш қалдың мыжып,
Өлі де болмадың ба қалқым мыжып!
Жұлын сау омыртқаны қойды мүжіп!
Жолым тар жолбарыстан қаупім қатты,
Айтуға мүмкін емес бәрін теріп,
Таптадық Сарыарқаны неше жүз жыл,

Байы жоқ, баласы жоқ, сонда да тұл,
Ерініп еңбек қылмай, егін салмай,
Қала салған халыққа болдық қой құл!
Кең дала кеткенің бе кер беттеге?
Бұл жерде бала туып ер жете ме?
Суырдай інінен босқан сұмырайып,
Дариғай-ай, мекенінен ел кете ме?!.

Соғыстан қанша жыл бұрын-ақ патша өкіметі, қазақ-қырғыз әкесін өлтірген бе? Алаштың баласына қанқұйлы жау болған патшаның қызметшісі төрелер параны жатып та, тұрып та алған. Қазақ-қырғыз төрелерінің сүндет аты, байлаулы бұзауы, сауатын сауыны болған. Алаштың жайында қара топырақ, қау жер болса, аққан өзен, шалқар көл, тұщы құдық, мөлдір су-бұлақ, жайлы жазық, тоғайлы орман болса, майлы ет біздің орыстың сыбағасы деп отаршыл орысқа тартып өперген. Кірін жуып, кіндік кескен жерінен, неше жүз жыл ата-бабасы қойған ұлтынан, Сарыарқанын тұщы су, кербетеге, тауынан құлан, киік жайлаған шөлге, ащы су, сорға қазақ-қырғызды қуған. Тоған қазып байлаған суды алма баққан бакты, жоңышқа еккен жайды, салулы қораны, егісті ішкі Ресейден келген орысқа тартып алып берген. Ресейде жердің бәрі байлардың, алпауыттардың қолында болған. Жерсіз мұжық алпауыттардың қолындағы жерді тартып алмақ болып неше қабат бас көтерген. Алпауыттың өзін айдап, өлтіріп, жерін тартып алып, отарын жағып жібере бастаған. Міне, осы қауіп-қатерден байларды, алпауыттарды сақтап алып қалмақшы болған, патша өкіметі ішкі Ресейдегі мұжықты қазақ-қырғыз жеріне қойдай айдаған.

Соғысқа дейін орыстың егіншісі қазақ-қырғыздардың жерінен тандап 25 миллион десятина жер алған. 1913-інші жылы жалғыз Жетісудан егінші орыс 4 миллион десятина жер алған. Бақ та, жоңышқа да, өзен де, тоған да, жайлау да осы алған жердің ішінде кеткен. Келімсек орыстың қазақ-қырғыздың мойнына артып берген. Алаштың баласы иттей өліп, шөлде қалған. Жерім кетті деп арыз қылса, Дала уалаятының жанаралы Шмит “сен иттерді шөлге қуам” деген. Ұлт кеңесінде мүше, ақсүйек екінші Марков деген “қазақ-қырғыз Шыңғысхан мен Ақсақ Темірдің елі, бұларға Америкада қызыл терілерге қылғандай қылса да обал жоқ”-деп шыққан. Америкеді солардың жерін, өздерін андап атып тастап, тартып алған. Марков патшаның сүйген табынын жігіті қазақ-қырғызға осыны қылмақ болған. Өз жерінде төресіне құлақ-кесті құл егінші орыс біздің жерге келін, жер сауырсын иеленін, орыстар төреге сүйеніп, өз өкіметіне

сүйеніп қазақ-қырғызға кешегі құл би болған. Қазақ-қырғыз атар таңынан, шығар күнінен күдерді үзген. Келімсек орыс байып өрге өрлеген. Жақсы жер де, бай тұрмыс та қазақ-қырғыздың жерінде деп Ресейде қалған аш егіншілерді хабарландырып, олар шегіркедей қазақ-қырғыз жері қайдасың деп ағылған. Қазақ-қырғыздардың болыстары, қулары пайда қыла қоям деп елдің жерін келімсек орысқа жалдаған. Келер жылы қазақ-қырғыздың осы жері артық деп жалдама жерді алдымен келімсекке алып берген. Елді сатқан, қарғыс атқан қулар патша өкіметімен келімсек орыспен таяқты қазақ-қырғыздардың арқасына бірге соққан, елін, жерін сатып жүзі қараның тонын киген.

Кедейшілік күн санап өскен. Соғыс басталған кезде бүкіл қырғыздың үштен екі бөлігі кедей еді. Орта шаруа күнен күнге кемиді. Шаруасы күшті аз бір бөлігі аяққа басып, өзіне жол салып, байларға қосылады. Қалғаны бұзып, жарып барлы-жоғынан айырылып кедейдің санын көбейтеді. Патша өкіметі соғыста таяқты жеп, көп ит аталған көк ит қалпында болып, елден жәрдем жиған. Қызыл кіресіне ақша керек екен. Жер сатып жүзі қап-қара болған, ұятты, арды беліне түйген, қарғыс атқан қулар қазақ-қырғыздан Қызыл кіресіке деп ақша жиған, өстіп қазақ-қырғыздың қулары көтқақи болған. Елдің арқасын ершік, тесін айыл қалған. Орысы бар, қазақ-қырғыздың қарғыс атқаны бар, елді осымен ығыр қылған. Сонда патшаның 25-інші июньде 1916-ыншы жылы жарлығы шыққан. Түстікте Хантөңірде, Арқадан Тобылға дейін, батыста Астраханнан, шығыста Алтайға дейін өрт үйінен шыққандай алаштың ұлы қозғалады. Ерлері ұйқы да жоқ, дамыл да көрмей қала барып, дала барып тоқым кеппей жортады. Кей ел Сарыарқаны тастап аумақ та болады. Қарқаралы уезінде Бақанастан Қожагелді Керей, Қытайдағы Абақ Керей барам деп ауады. Текеде, Қостанайда, Атбасарда, Қарқаралыда ел болыстарын сабайды, жарады, өлтіреді. Патшаның жарлығын болыстардан көреді: елді орысқа жердей сатқан сендер, – дейді. Қазақ-қырғызбен бірге өзбек, түрікпен, төжіктер де бас көтереді. Астрахан губернесіндегі қалмақ пен түстік Кавказдағы қайсібір майда ұлттар да көтеріліске қосылады. Өкімет те қарап жатпады. Қазақ патшаға қарсы атқа мінді деп өуез шығарып әскер алып, елді басып алам деп Сарыарқада, Ақмолада, Семейде, Текеде, Торғайда, Жетісуда жанаралдар әскер басы төрелер шығады. Қарусыз елді қойдай айдап, жердей таптап, жаудай тонайды. Жарасына пышақ та тиген қазақ-қырғыз атқа мінеді. Патша әскері немістен көрі қарусыз қазақ-қырғызбен соғысқанды сүйеді.

Жазлық (дұрысы “Жизак” болса керек) деген өзбек қаласын жермен-жексен қылады. Қырғыз ауып, Алай асып Күншығысы Түркістаннан өтеді. Келімсек орыс өкіметтің әскеріне қосылып босқан қырғызды шабысады. Қырғыз да ұпайын жібермей орыстың қаласын өртеп, қызын, қатынын ат көтіне салады, ерлерін бауыздап, қаласын өртейді. Ақмолада елге жанарал Кошгуро-Масалский шығады, қазақ ауылын таптайды, тонайды, атып өлтіреді, оған қарсы қазақ та атқа мінеді. Ер жанарал әскермен Омбыға қайта қашты. Әскер жүздеп шығып ел аралайды. Ақтөбеде төрелер автомобилін тастап қашты. Қысқа қарсы Торғай елі Ғабдығәппарды хан сайлап, патшаға қарсы соғыс ашты. Батыстағы қан жауын соғыстан қашқан орыстың сойқаны қазақпен соғысуға жерік болды. Торғайдың елін шауып, қорасын өртеп, он мыңдаған әскер қыста елде болды. Қазақпен соғыспайды. Қазақ жерінде орыс бітіп қалса, өздерін сол күні неміске қарсы айдайтынды біледі де қазақ елінде момын елді шауып, соғысып жатырмыз деп жүре береді.

Келімсектер патша әскеріне қосылады, қазақты бірге шабысады, қазақ та келімсекке өштеседі, малын қуып алады, өзін де бұта түбінде бауыздай кетеді. Келімсектер пішеніне, егініне әскер ертіп баратын болады. Петроград жігіт алуды 15-ші сентябрге қалдырады.

Патшаның әскері Ақмолада 42, Баянауылда 20, Атбасарда 100 қазақты атып өлтіреді. Өзін өлтіріп, малын қазынаға алады. Тарбағатай, Алтай Найманы көрші Қытайға ауады. Ауған елді бөгеуге әскер шығады. Ел мұнымен соғыса кетеді. Патшаның әскерімен әдейілеп соғысқан Түркістандағы қырғыз болады. Қырғыздар патшаның әскері қолданған жолды, көпірді, телеграфты талқандайды. Аттанып келіп келімсектердің қаласын шабады. Ұсталар жиылып қару-жарақ соғады. Қарақолға баратын телеграфты тілсіз қылып, Белебот қаласының орыстарын бауыздайды. Зағордағы прістабты маялайды, ол ерткен бар әскерді жерлейді. Ағыста Жәркент уезіндегі Қарқара мен Оқұт арасындағы бар келімсектердің бар қаласын шауып, өртеп, адамдарын қырып, әйелін ат көтіне салады. Қырғыз Қарақолды қамайды, патшаның әскері азар-азар өлдім-талдым деп күшке қорғап қалады. Келімсектердің Марый, Ибан қалалары жермен-жексен болады, қырғыз күлін шашады, адамын бауыздайды. Күлімсобке қаласында 650 орыстан 35-ақ қалады. Қарақолда қырғыз 24 қазақ-орысты (ғасыр басында казак-орыстар осылай атанған) бауыздайды. Әулиеата, Қазалы уезінде казак-орыстардың төрелерін де бауыздайды, әскерге де қасқырдай шабады, темір жолдың бекетіне де

соқтығады, кісі өлтіріп, ұстап та өкетеді. Күзді күні үкімет қазақ-қырғызбен ұрысып қалады, жоғалған адамын санаса, жалғыз Жетісуда қырғыз екі мың орысты бауыздап, мың қатын-қызын күң етіп алып кеткен екен, 1300 қораны өртеп, 1000 қораны талап, ойрандап кетіпті. Жетісудың жанаралы қырғыз шапқан келімсектің қаласы 94, өртенген қорасы 5373, жараланған адам 684, өлтірілгені 1905 деп үкіметке білдіреді. Әсіресе Ыстықкөлдің аймағы қанға тояды, келімсектен онда 1803 кісі бауыздалып, 1202 орыс аяқсыз жоғалады, 904 қора өртеледі.

Қырғыз патшаға кісі бермей де төбелесе береді. Ташкеннен, Самарқаннан, майданнан зеңбіректі, оқ жаудырғышты әскер бөлімдері қырғыз жеріне ағылады. Майданнан атты казактарды қырғыз үшін қайырады. Құр қол қырғыз қарулы әскермен қарыса алмайды, қашады. Алай өтеді, Қытай өтеді. Қырғыз қашқанда орыс та жауынан кекті алады. Ыстықкөлдің қабағында патшаның әскері мың қырғызды бауыздайды, қашқан елдің бар малын олжалайды, нәрсесін үлеседі, қорасын өртейді. Тоқмақтың аймағында 200 қырғызды өлтіреді, 388 кісіні құлданады да, қашып бара жатыр деп 200-ін атып салады. Келімсектің қаласы Белоботта 100 қырғызды ұстап алып, Пісбекке алып жүріп жолда атып-атып тастайды. Қырғызды бауыздап, қорасын өртеп, жақсы іс қылып жүрмін деп жанарал патшасына білдіреді. “Қырғыздың малын, мүлкін барын таладық” деп те жазып қояды. Қырғыздан жарты миллион сиыр тартып алады да қалай бағарын білмейді. Патша өкіметінің Қарақол, Пісбек уезінде шапқан қырғыздың 53 мың үйі болады. Бұл қырғыздың үштен бірі.

Қытай ауған қырғыз 1917-ші жылғы 28-ші пебірелден ауған қырғыз кейін еліне қайтты. Малдан таза айырылады, ауған елдің жүзден сексені өлді де, жиырмасы ғана қайтып келді. Ауған ел егінінен, бактан, жоңышқадан таза айырылды. Өртенген қора, ойрандалған орнына келді, аш та, жалаңаш та өзі болды. Қырғызбен соғыста орыс әскерінен де тышқан мұрын қанапты: 3 әскер басы, 53 әскерлік өліпті, 77-сі дерексіз жоғалыпты. Осындай соғыс бола ма? Бір жағы жасаулы әскер, екінші жағы қарусыз ел. Патша өкіметі қарусыз елді жеңеді, Батыстан көрген қорлықтың өшін қырғыздан алады. Қырғызды құртып тастап, келімсек орысқа жерді босатпақ болады.

Мемлекет кеңесіндегі байлардың өкілдері бұратананы не сипап мәпелейтіні бар? Оларды бекер майданға қара жұмысқа алады. Соғыстың өзіне, қанын төксін, алу керек еді деп соқты. Төңкеріске қарсы жанарал Кернеліптің (Кор-

нилов) таяныш әскері түрікпен еді. Өзге бұратанадан да сондай әскер жасап алып, соны орыстың байына, ақсүйегіне құлақ кесті құл етпек болады. Қазақ-қырғыз соғысқа барып, қан төгіп, қайтып келіп орыстың байы мен ақсүйегіне құл болса, қандай жақсы болар еді деп бай, ақсүйек партияларының мүшелері өксиді. 1905-1907-інші жылдарда төңкерісті қамшысымен дүрелеп, атымен таптаған Кавказдың аз аталы елінен әскер болған нысқұс, әсетін жігіттері болған. Қазақ-қырғызды да осылай қылмақ болды. Патшаның міністірлері: “бұған біз қарсы емеспіз. Бірақ соғыс заманында қара жұмыстан басқаға алуға болмайды, мүмкін емес. Үйткені, түрікпен қарсы соғысып отырып, мұсылманның бәрін соғысқа аламыз десек, патшаға қарсы қозғалыс мұнан да ересен көтерілер еді” – деген.

Патшаға қарсы қазақ-қырғыздың көтерілісі талай аймақты алады. Елдің қарусыздығы болмаса, қырғыз қалай соғысудың әдісін де біледі, ел көрші мемлекет жеріне де ауады. Қырғыз патшаның үкіметін таңынан тартады. Үкімет қырғыз үшін майданнан әскер алады. Онда орыстың өзі иттей таланып жатады. Орысқа қызмет қылмаған, орыстың етегінен жем жемеген, елін де жерін де бір асым боққа сатпаған ел баласы елімшіл, жерімшіл көтерілісте елін бастайды. Болыстардың көбі үкіметке есебін бермейді. Тартыншақ түйе болады. “Жарайды, жарайды тақсыр” – деп төрені жұбатып, істі таң асырып байлап тастап, елден жігіт алуға әдіс пен қарсылықты қазақтың болыстары шығарады. Жетісуда бір болыс жанаралдың өзіне қарсы сөйлегені үшін бұғауланып, байлаудан орын алады. Қазақ-қырғыздың патша үкіметіне қарсы соғысы жерін тартып алғаннан, қара жұмысқа аламынан шығады. Патша үшін, орыстың ақсүйегі, төресі үшін қазақ-қырғыз бір тамшы қанын да қиғысы келмейді, жерін алған, өзін соғысқа айдаған. Патшаны иттің етінен қазақ-қырғыз жек көреді, бүйтіп қор болғанша, өзінің жағасынан алып, өлейік дейді. Өзге жердегі қорлықтағы елден 1916-ыншы жылғы қырғыз-қазақтан тәлім алса, өзін құлақ кесті құл қылған үкіметке қарсы көтеріледі. Қазақ-қырғыз осы көтерілісте көп адамын өлтіріп, шаруасын күйзелтсе, келешекте қандай ел екенін білдіреді. 1905-ші жылғы Мәскеудегі жұмысшы көтерілісі де жұмысшыны көп шығындатқан. Осы көтеріліс келешекке үлгі болды. Мұны одан да жақсы өткізіп, онан да қатты жауға қарсылық керек еді деп Ленин айтқан. 1917-інші жылғы октябр 1905-ші жылғы декабрден тәлім алған, Қазақтың 1916-ыншы жылғы көтерілісін де осылай ұғыну керек. Қазақ-қырғыз жігіт алғанға қарсы болмаса, патша

үкіметі Азиядағы көп елді әскерлікке алып, бірінің етін біріне жегізін, бірін-біріне қосқан иттей қосар еді де біріне-бірін талатар еді. Не қазақ-қырғыздың әскерін ит қылып айтақтап Ресейдегі төңкерілісшілерге қосар еді, қазақ-қырғыз да Кернелептің түрікпені сықылды төңкеріске қарсы сойыл соғар еді.

Қазақ-қырғыз, өзбек, тәжік өзге елдің патша үкіметіне қарсы тұрып соғыс ашқаны тарихтан орын алады. Бұрын өзін жебе сауған үкіметке қарсы орыстың елі де қазақ-қырғыздың көтерілісін орыстың төрелері қазақ-қырғыздың жерін алуға әдейілеп жасады деген пікір адасқан. Қазақ-қырғыздың жерін алған соң, өзін қара жұмысқа тізген соң, парашыл төре орыс бұған жеңге қазақ-қырғыздың қарғыс атқаны елдің арқасын жауыр қылған соң қарсы тұрып көтеріліп соғыс ашқан. Қазақ-қырғыздың көтерілісі қалың елдің дариядай толқыны. Дауыл болса ғана дария толқиды. Қалың елді қарғыс атқан билесе, қанды саясат қолданса, бұған қарсы ел де толқиды. Бұл сықылды қозғалысты қорлықтағы өзге жұрттар құлағына сырға қылып таққаны оң болды. Жер үстінде бай мен жарлы табының тартысы күн санап өрттей дулап келеді. Өрт қиырға жайылып барады. 1916-ыншы жылғы қазақ-қырғыздың көтерілісі осындай өрттің тамызғысы болып шығады. Алыспаған, жұлыспаған бостандық атына мінбейді, бұғаудан босамайды. ер құлдықтан, әйелі күндіктен шықпайды, малына да, басына да ие болмайды!

Нармамбет ақын 25-інші июнь жарлығын былай деп жырлайды:

Сарыарқа сайран жерім-ай!
Салқын да самал белім-ай!
Сандалдай тауың тізілген,
Өлкелі өзен көлім-ай!
Сансыз қара айдаған,
Шалғынына бие байлаған,
Сар қымызды сапырып,
Шілдеде мас болып ақырып,
Кемпір-шалдар ойнаған!
Сарыарқаны өрт алды,
Мезгілінен ерте алды,
Көк тарлауы қуармай,
Көк ала түтін қаптады.
Ішкен асым батпады.
Жүрегімді дерт алды.

Мал садақа, жан пида,
Бала сұрап ерік алды.
Ата-анада зөре жоқ,
Мұнан үлкен бөле жоқ,
Боздақтарым сандалды!
Жалпы қызмет келді ғой,
Жан басында билік жоқ,
Жалқау қалған біздің ел,
Ғылым да жоқ, бірлік жоқ,
Құламасқа не қалды?
Мал мен жаннан түнілдік
Жыламасқа не қалды?
Патшаның жарым бұл ісі,
Дағдыр қосқан жұмысы,
Ұнамасқа не қалды?
Мойында жұртым, мойында!
Бар ма еді бұл іс ойында?!
Шыдамасқа не қалды?
Жан қысылды, жат еттік,
Бір жасаған иені,
Болыс, тілмаш, ауылынай
Жығылғанды сүйеді
Қанды балақ қаршыға
Тоятына қаз берсе,
Қанатына “мәз” берсе,
“Отылошке” ауыру,
Деген пайда тиеді.
“Подыретшік” көп шықты,
Құтқарамыз деп шықты,
Бетке сүртіп күйені,
Жалап жұтып жеп шықты.
Жақсы қате жазылған
Отыз бірден артықтар
Араласып кетті ғой
Мертік бенен шартықтар.
Ауру кетіп сау қалды,
Алды-артында дау қалды,
Кім табады жүйені!
Барған жігіт жұмыста,
Қалған жігіт зауытта,
Кіре сала тынышта.
Әйт-шу деп жүр түйені,
Жаз құлындап жүретін
Бұ жануар буаз деп

Бір жымындап күлерін,
Базарға саттық биені.
Қой, қозыға қол салдық,
Бұрынғыдан мол салдық
Бұған да қырсық тиеді.
Азаматтар құл болып,
Асық жарлар тұл болып,
Жүректері күйеді.
Балам қайда кетті деп?
Кемпір шеше жылайды.
Кемпірінен жасырып,
Шал да көзін бұлайды.
Балам жетім, келін тұл,
Құдай қашан иеді?!

*Қыр баласы. Шестаков. 1916 жылғы көтерілістің он жылдығына.
1916-1926. Мәскеу, 1926.*

№ 8
Батыр большевик Амангелді хақындағы
ақиқат

Түркістан қазақтары газеттерінің беттерінен көптен бері жиі кездесетін есімдердің бірі – 1916 - ыншы жылғы Торғай далаларында орыс үкіметіне қарсы көтерілген халық көтерілісінің басшысы – Амангелді Иманов. Ол турасында баспасөз беттерінде қисапсыз көп материалдар жарияланды. Ақындар толып жатқан өлең-жыр, дастандар шығарды, драматургтер сахналық қойылымдар дайындады және тағы да дайындап жатыр. Ол аз болса, Амангелді өмірінен фильм түсірілуде, оған арнап есерткіш тұрғызылуда.

Осы айтылған мақала, өлең-жыр, сахналық қойылым, кинофильм және ескерткіштердің бөрі “әліпті таяқ деп білмеген”, Торғай өңірінен басқа жер, өз руынан басқа ел көрмеген қараңғы Амангелдіні дүниеде теңдесі жоқ төңкерісшіл, ұлт пен ұлтшылықтан жоғары тұратын интернационал большевик, дінге дұшпан, Түркістан түріктігін орыс большевизмі және интернационалдық төңкерілісшілдікпен табиғи түрде тығыз жымдастырған ірі тұлға ретінде көрсету идеясына қызмет етіп отыр. Ынсабы мен қаламдарын сатқан Майлыұлы Бейімбет пен Мүсірепұлы Ғабиттер орыс жазушысы Всеволод Ивановпен бірлесін “Социалды Қазақстан” және “Казахстанская правда” газеттерінде жарияланған мақалаларында Амангелдінің большевиктік бейнесін жасауға тырысқан болса, халық ақыны Есенбайұлы Сағит дәл сол “Социалды Қазақстанда” жариялаған “Амангелдінің шабу жылы”, “Ердің өлімі” атты жырларында Амангелді бейнесін шындыққа жақын суреттейді. 1916 жылы Амангелді сарбаздары Торғай қаласына шабуыл жасаған күндерде, Есенбайұлы Сағит Ақтөбе темір жолы бойындағы элеваторда жұмыс істеп жүрген жұмысшы-большевик болатын. Әрине, Есенбайұлы да Амангелдіні боямалап, бұрмалап большевикке жақындатпақ болады. Бірақ көздеген мақсатына жете алмайды. Өзін Амангелдінің саптасы ретінде көрсетуге тырысқан Есенбайұлының суреттеуінде батыр бейнесі таптан да, ұлттан да, құдайдан да безген біреу болып шыққан.

“Амангелдінің шабу жылы” атты жырдың бас жағында:

Қысым болған патшадан
Кең дүние болды тар
.....
Өткен жұлдыз ішінде

Соғыс қылды дуанды
Сазбаз-солдат екі жар, —

деген жолдардағы ақынның сарбаз деп отырғаны қазақ түріктері де, солдат дегені — орыстар. 339 жолдан тұратын осы ұзақ жырда “сарбаз” бен “солдат” шынында да “екі жар” (қарама-қарсы) болып тайталаста тұр. Ендеше кешегі Амангелді сарбазы, бүгінгі большевик болған жұмысшы Есенбайұлының суреттеуінде, 1916 — шы жылы көтеріліс таптық күрес, яғни түркістандық кедей түріктердің орыс жұмысшыларымен бірлесіп, Түркістанның түрік пен орыс байларына қарсы жүргізген ортақ күресі емес, керісінше барлық Түркістан түріктерінің барлық орыстарға қарсы ұлт-азаттық күресі болып шыққан. Орыстардың түркістандықтарды ұлтқа айырмай қанағаны Есенбайұлының “Ердің өлімі” атты жырында біршама айқын көрінеді.

Қара сайдан қалың жау
Шыққанда елге уралап,
Көрінген қазақ баласын
Атып, талап, жаралап
.....
Балалар шулап “бабалап”,
Ата-ана зарлап “балалап”
Тұрғанда өтірөд қамалап
Амангелді ал жетті
.....

Бұл күнде большевик болып жүрген Есенбайұлы:

Жарығы болсын сарбазға
Солдатқа беріп тұманды, —

деген жолдар арқылы 1916 — шы көтеріліс шын мәнінде орыстар мен Түркістан түріктері арасындағы ұлттық күрес екенін мойындайды.

Өлсең “шөйіт”...., “рухыңа дұға, рахмет”....
Арманда кетті қыршын жас
Кездессін ұжмақта қыз хорына....

Есенбайұлы бұл тұста өзіне-өзі қарсы келеді. Ол ендіміна жолдар арқылы көтеріліс басшысы Амангелдінің (және большевик Есенбайұлының да) құдайсыз большевик бейнесін теріске шығарады. Өзінің сарбаздарына “Өлсең

шәйітсің” деп жүрген Амангелдіні енді атеист деуге келер ме?

Амангелді өлген соң большевиктер қатарына қосып алушылардың жалғыз ғана дәлелі бар. Ол оның 1919 жылы алашордашылар қолынан өлуі. Алашордашылар Амангелдіні большевик болғаны үшін өлтірген жоқ. Бұл оқиғаның шындығы былай:

Амангелді қыпшақ руынан еді. 1917 жылдың көктемінде төңкеріс басталып кеткен соң, Түркістан түріктерін майдан жұмысына алу тоқтатылды. Уақытша үкімет тарапынан Торғай уәлаятына комиссар болып тағайындалған Әлихан Бөкейханов Торғай халқын көтерілісті тоқтатып, бейбіт өмірге қайтып оралуға шақырды. Әлиханмен бірге оның ең жақын достары болған ұлтшылдар Ахмет байтұрсын, Мирякуб Дулатұлы да халық бұқарасы арасына үгіт жүргізіп, дала уәлаяты тұрғындарын тыныштандыруға үндеді. Ахмет пен Мирякуб арғын руынан болуы себепті Торғай өңіріндегі арғындар олардың сөздеріне құлақ асты да, қыпшақтан шығып “хан” сайланған Әбдіғапар мен Амангелдіні тыңдамады. Нәтижесінде кеше ғана орыс отаршыларына қарсы бірге соғысқан Торғай қазақтары енді қыпшақ пен арғын болып екіге жарылды....

Бұл тұста халық арасына “төкерістен соң, орыс мұғажырлары Ресейіне қайтатын көрінеді” деген қауесет сөз тараған. Осыдан келіп орыстардан қалатын жерді бөлу туралы мәселенің төбесі көріне бастады. Тірі жүрген аюдың терісі үшін арғын-қыпшық таласқа түсті. Әбдіғапар хан мен Амангелді қыпшақтар жағын алып, арғындарға тізесін батырды. Рушылдыққа ешқашан бой ұрмаған Ахмет Байтұрсын мен Мирякуб Дулатқа қыпшақтар арғындардың басшылары деп қарай бастады....

Әбдіғапар мен Амангелдінің рушылдық дерті әбден асқынғаны сонша, 1917 жылы Орынборда болған жалпы қазақ құрылтайынан соң және 1918 жылдың жазында Торғай даласын аралап жүрген кезімде маған да жақын кісілерін жіберіп, менің қыпшақ руынан екенімді есіме салып, төреден шыққан Әлихан Бөкейхан мен арғыннан шыққан Ахмет, Мирякубтарға қарсы күресте “бізге саяси жетекші болыңыз” деп өтініш жасады. Мен, әрине, олардың ұсынысынан бас тарттым. Өйткені мен Түкістандағы түрік адамы үшін, әсіресе, Түркістанның ұлт-азаттық туын көтерген адам үшін арғын, қыпшақты былай қойып, тіпті, өзбек, қазақ, түркімен бөлінудің өзі Түркістан түріктерін бөлшектеп, өлімге бастайтын жол екенін жақсы білетін едім....

Ақырында “алашордашымын” деген жалған бүркеншік атты жамылып, қыпшақ руынан шыққан сатқын, шоқынды Степнов-Әліби Жангелдин Торғай даласына жетті. Өз басы қазақ даласына аттап баса алмас еді. Оның жанында орыс қызыл гвардиясы жүрді. Көп өтпей Степнов-Жангелдин төреден шыққан Әлихан мен арғынан Ахмет, Мирякубтарға қыпшақ Амангелдіні айдап салды. Степнов-Жангелдин мен Амангелдінің маңайына орыс қызыл гвардиясы мен орыс мұжықтарын топтап қиян-кескі соғыс ашты. “Большевик” сөзін “қыпшақ” деп түсінген қараңғы Амангелді алаш-ордашылармен болған бір шайқаста қаза тапты.

Шындық, міне, осындай. Бұл күнде большевиктер “батыр большевик”

Амангелдіні “ұлтшыл, кері төңкерісшіл Мирякуб Дулат өлтірді” жала жауып, Түркістан түріктерінің ең көрнекті, ең сыйлы өкілдерінің бірінен саналатын бір ірі тұлғаның көзін жоймақ болды. Бәлкім, большевиктер Мирякубтың көзін жойып та үлгерген шығар....

*Мұстафа Шоқай,
Таңдамалы, 2 том.
Алматы, 1999, 79 – 82 бб.*

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

- в. н. – временно исполняющий
вол. – волость
В.С.– Военного Следователя
выс. –выселки, выселок
г., гг. – год, годы
г., гор,. – город
гл. – глава
г-н, гг. – господин, господа
Гос.дума. – Государственное дума
гр. – гражданин
губ. – губерния
Д. – дело
деп. – депутат
ж, жж. – жыл, жылдар
жел. дор. – железные дороги
зам. – заместитель
и. д. – исполняющий должность
коп. – копейка
қ. – қала
л. – лист
М. Кебин. – Маленький Кебин
млн. – миллион
н.ч. – нижние чины
о. – озеро
обл. – область
Оп. – опись
п. – пуд
пос. – поселок
пред. – председатель
прот. – протокол
проч. – прочее
р, рр. – река, реки
р-н. – район
руб. – рубль
с. – село
с. г. – сего года
сел. – селение
сов.-деп – Совет рабочих, крестьянских, красноармейских
депутатов
соц.-дем. – социал-демократы

ст. – статья
ст. – станция
стан. – станица
Т.Д. – Торговом Доме
т.п. – тому подобное
т., тыс. – тысяч
т. е. – то есть
у. – уезд
укр. – укрепление
уч. – участок
Учр.соб. – Учредительное собрание
Ф. – фонд
Ф.н. – фамилия неизвестная
ЦК – Центральный Комитет
чел. – человек
ч. – чины
чл. – член

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН МҰРАҒАТ ҚОРЛАРЫНЫҢ ТІЗІМІ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Архивы Казахстана

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (ЦГА РК)

Ф. 380 – Тризна Б.П. – комиссар Временного правительства
Сыр-Дарьинской области.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН МЕРЗІМДІК БАСЫЛЫМДАР ТІЗІМІ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

“Еңбекші қазақ” – 1921 – 1932 жылдар аралығында осы атпен шығып тұрған. РК(б) П Қазақ облыстық комитеті мен Қазақ ОАК, кейін РК(б) П Қазақстан өлкелік комитеті мен аткомының органы.

“Историк-марксист” – научный журнал. Издавался в Москве в 1926-1941гг. В 1926-1931гг организован Обществом историков-марксистов при коммунистической академии и ее института истории, в 1936-1941 гг организован Институтом истории АН СССР. В 1932-34 гг и 1936-39 гг выпускал 6 номеров в год, в 1935г. и 1940г. по 12 номеров в год.

Журнал освещал вопросы Отечественной и всеобщей истории, в т.ч. стран Востока.

“Красный Архив” – научно-исторической журнал, издавался в Москве в 1922-41 гг. Выходил 6 раз в год (в 1922 -1924 – нерегулярно) всего вышло 106 номеров. В Красный архив публиковались архивные материалы по истории СССР.

“Красный Казахстан”– РК (б) П Қазақстан өлкелік комитетінің “саясат, білім, шаруашлық һәм әдебиет” органы ретінде 1922-1929 жылдар аралығында жарыққа шыққан журнал. Қазақ еңбекшілеріне кеңес өкіметі мен коммунистік партия саясатын түсіндіруді мақсат етті. Қызыл Қазақстан журналына А. Асылбеков, Н. Нұрмақов, С.Сәдуақасов, О.Жандосов, Ә. Байділдин, Е. Алдоңғаров басшылық жасады.

ҚҰЖАТТЫ ЖИНАҚТАР ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СБОРНИКИ

Восстание 1916 года Казахстане (Документы и материалы) Под ред. Б.С. Сулейменова. Сост.: Ф.Н. Киреева, Ш.Я. Шафиро. Алма-Ата, 1947.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов и материалов. Ответ. Ред. А.В. Пясковский. М. 1960.

Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной. Под ред. и с предисловием Т.Р. Рыскулова. М., 1937.

Қаһарлы 1916 жыл. Құжаттар мен материалдар жинағы. **Грозный 1916 год.** Сборник документов и материалов. Алматы, Қазақстан. 1998. Том 1. 423 с.

Қаһарлы 1916 жыл. Құжаттар мен материалдар жинағы. **Грозный 1916 год.** Сборник документов и материалов. Алматы, Қазақстан. 1998. Том 2. 247 с.

Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Сәуір 1901ж.– желтоқсан 1917 ж. Алматы, “Алаш баспасы”. 2004. Т. 1. – 5542 бет.

Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Желтоқсан 1917 ж. – мамыр 1920 ж. Алматы, “Алаш баспасы”. 2005 Т. 2. – 496 бет.

Мұстафа Шоқай. Таңдамалы, 2-том. Алматы, 1999. 520 -бет

МАЗМҰНЫ

Алғысөз.....	5
1. Восстание 1916 года в средней Азии (Сборник документов).....	7
2. Всеподданнейшей рапорт генерала-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина Николаю II о причинах и ходе восстания 1916 г. в крае и мерах, принятых администрацией по его подавлению.....	206
3. А.В. Шестаков. Восстание в Средней Азии в 1916 г.....	241
4. А. Чулошников. К истории восстания киргиз в 1916 г.....	280
5. Т. Рыскулов. О восстании казахов и кара-киргиз в 1916 г.....	308
6. М. Дулатов. 1916 жыл.....	325
7. Т. Жүргенұлы. 1916 жылғы қазақ көтерілісінде қала мен ауыл арасындағы наразылық.....	331
8. Ә. Бөкейханов. Шестаков. 1916 жылғы көтерілістің он жылдығына.....	334
9. М. Шоқай. Батыр большевик Амангелді хақындағы ақиқат.....	344
Қысқартулар тізімі.....	348
Пайдаланылған мұрағат қорларының тізімі.....	349
Пайдаланылған мерзімдік басылымдар тізімі.....	349
Құжатты жинақтар.....	350